

ЗВЕЗДЫ “МЛЕЧНОГО ПУТИ”

ПРОГРАММИСТ И БАБОЧКА

**Иерусалим
2011**

ПРОГРАММИСТ И БАБОЧКА

Редактор О. Бэйс
Серийное оформление Б. Брайнин
Верстка А. Песков
Технический редактор О. Лайн
Корректор Р. Бескина
Обложка И. Шлосберг

Издательство «Млечный Путь»,
7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,
№. 306278326, 06.08.2007
© «Млечный Путь»

© Е. Абезгауз, картина обложки
Все права защищены
ISBN 978-965-7546-11-6

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Даже программисты не станут отрицать, что они народ необычный. Недаром о них сложено столько анекдотов – Василий Иванович с Вовочкой позавидуют. Вот и родилась идея собрать под одним переплетом произведения авторов-программистов.

В сборник вошли рассказы пятнадцати авторов из США, Израиля, России, Украины и Эстонии. Вся информация об авторах можно найти на сайте издательства «Млечный Путь»: <http://milkyway2.com>.

Меня как составителя поражает диапазон интересов программистов: прочитав этот сборник, вы узнаете правду о приходе Обамы в Белый дом, о подноготной властвования Сталина, о средневековой Японии, о последствиях грядущей ядерной катастрофы, вопросах генетики и контакте с инопланетным разумом. Тут и сказки, и серьезные рассказы о любви и семье. А юмор... Это только внешне программисты производят впечатление замкнутых, устремленных в себя людей, а на самом деле это очень даже веселый народ.

Не пугайтесь, о компьютерах программисты не пишут, они сыты ими на работе. И их русский язык ничем не напоминает Java и C++.

Пользуясь случаем, благодарю всех участников сборника за сотрудничество и проявленное терпение и понимание. Я получил море удовольствия, работая над составлением сборника. Надеюсь, читатель получит океан!

Леонид Шифман

ЕВГЕНИЙ ЯКУБОВИЧ

ПРЕЗИДЕНТ И БАБОЧКА

Преуспевающий адвокат Джон Маккейн сидел в своем роскошно обставленном кабинете за массивным письменным столом и читал толстую книгу, быстро просматривая страницы. На пестрой обложке мускулистый брюнет, с патронташем через грудь, палил из ручного пулемета по зеленым человечкам, спускавшимся по трапу звездолета. К его спине прижалась длинноногая красавица-блондинка. Время от времени хозяин кабинета откладывал книгу и делал несколько глотков кофе из стоявшей перед ним большой керамической чашки.

Письменный стол был девственно чист. Кроме уже упомянутой чашки, на нем стояла лишь фотография в рамке. На фотографии четверо молодых летчиков облокотились на крыло самолета. Приглядевшись, в одном из них можно было узнать самого хозяина кабинета. На фотографии ему было не больше тридцати лет. Сегодняшнему Маккейну, сидевшему за письменным столом, уже перевалило за семьдесят.

На стене позади стола висели портреты двух президентов США: Франклина Рузвельта в инвалидном кресле с укрытыми пледом ногами и нынешнего президента – Хилари Клинтон, выступающую на лужайке перед Белым Домом. Между фотографиями, прислоненный к стене, стоял свернутый американский флаг.

Дверь осторожно отворилась, и в кабинет вошел секретарь.

– Позвольте напомнить, мистер Маккейн, вас ждут двое посетителей.

– Черт! Откуда они взялись, Феликс?
– Сэр, по четвергам у вас приемный день.
– Какого черта, разве сегодня не среда?
– Боюсь, что нет, сэр, – тоном классического английского дворецкого ответил Феликс. – Сегодня четверг, 11 марта 2010 года. Время – двенадцать часов, и к вам записаны два посетителя. Оба по одному вопросу.

– Уже легче. А отменить никак нельзя? Я же сказал: никаких новых клиентов до конца месяца. У меня отпуск.

– Сожалею, сэр, но это не клиенты. По их словам у них есть для вас какое-то предложение, которое вас непременно заинтересует. К тому же они оплатили визит по высшей ставке. Всего один час.

– Ну, хорошо,пусти их и включи видеозапись. Сам тоже останься и приготовь пистолет.

– Думаю, он не понадобится. Джентльмены представились сотрудниками Доуссоновской физической лаборатории. Оба доктора естественных наук.

– Тем более! – раздраженно ответил Маккейн. – Физики, тоже мне невидаль! Не шестидесятые годы, в конце концов. Еще бы программистами представились! Я, между прочим, тоже доктор права. Однако не кричу об этом на каждом перекрестке.

Феликс молча вышел. Он давно привык к постоянному ворчанию шефа. В молодости тот был страшно вспыльчив; к старости эта черта характера превратилась в брюзжание по любому поводу.

Оставшись один, Маккейн отодвинулся от письменного стола, выкатив из-под него инвалидное кресло, почти такое же, как у президента Рузвельта на фотографии. Привычно раскручивая колеса руками, адвокат подъехал к небольшому столику в углу комнаты, достал из коробочки пару таблеток, запил их минеральной водой и вернулся на свое рабочее место. Едва он положил руки на стол, как за дверью послышались голоса и в кабинет вошли посетители.

– Доктор Кельвин и доктор Аллен, – представил их Феликс. И, обратившись к гостям, добавил: – У вас есть один час для разговора.

Он усадил посетителей в два мягких низких кресла напротив адвоката, а сам занял жесткий стул за небольшим столом сбоку от хозяина. Посетители были чем-то похожи, но эта неуловимая схожесть не поддавалась конкретному описанию. Оба были хорошо и дорого одеты, аккуратно подстрижены и тщательно выбриты. Они достали визитные карточки и вручили их Маккейну.

Адвокат бегло просмотрел их.

– Слушаю вас, господа!

Разговор начал доктор Кельвин:

– Мистер Маккейн, как вы относитесь к путешествиям во времени?

Мистер Маккейн, привыкший за свою адвокатскую практику и к более странным вопросам, невозмутимо ответил:

– Как к интересному сюжету для фантастического произведения.

– Да, это понятно. Но как бы вы отреагировали, если бы узнали, что машина времени существует на самом деле?

– А я должен как-то реагировать?

Посетитель смутился, чего и добивался адвокат. Но тут подключился второй посетитель, доктор Аллен:

– Мистер Маккейн, мы говорим вполне серьезно. Дело в том, что в нашей лаборатории ведутся работы по созданию машины времени. Хотя и не совсем такой, как ее описал Герберт Уэллс. Во-первых, действие машины направлено только в прошлое. Во-вторых, и это главное, мы не в состоянии переносить физические объекты. Речь идет о перемещении сознания. После переноса человек обнаруживает себя в прошлом, в своем собственном теле. При этом он сохраняет знания и опыт из своей прежней жизни.

– Вот как, – мистер Маккейн задумался. – Ну что ж, рано или поздно такое должно было случиться. Почему же об этом ничего не сообщили в СМИ? Или это секретная разработка?

Аллен помедлил:

– И да, и нет. Мы работаем в государственной лаборатории, где проводятся исследования природы времени. Ранее они но-

сили чисто академический характер. Однако недавно нам с коллегой удалось добиться практических результатов. Мы и в самом деле можем отправить сознание человека в прошлое. Более того, мы уже осуществили несколько удачных опытов. Но держим это в секрете.

– Понимаю, понимаю, – усмехнулся адвокат. – У вас есть некий микрочип, который вы вставляете в установку, чтобы она заработала. Потом вы его прячете, а без него ничего не выходит. Классический Голливуд.

Аллен не смутился. В отличие от своего приятеля он прекрасно держал себя в руках:

– Не микрочип. Микросхему невозможно сделать незаметно кустарным способом. У нас есть программа. Внешне это выглядит следующим образом. То, что упрощенно мы назвали машиной времени, является комплексом генераторов, каждый из которых воздействует на время своим уникальным образом. Для управления установкой действительно используется компьютер, тут не надо быть провидцем. – В глазах Аллена промелькнул ехидный огонек. – Понимаете, все пока находится на стадии эксперимента. Мы с коллегой работаем в группе экспериментаторов. Грубо говоря, мы гоняем установку, постепенно меняя режимы работы отдельных генераторов, в надежде найти те, которые дадут необходимый эффект. Сочетание параметров работы всего комплекса имеет практически неограниченное число вариантов. Теоретики свели это количество к вполне приемлемому, но все еще очень большому числу. Нам, экспериментаторам, осталось лишь методично проверять работу установки в указанных теоретиками режимах. И вот однажды вечером мы с доктором Кельвином обнаружили, что нашли нужное сочетание параметров. Нам страшно повезло, что это случилось в вечернее время, когда в лаборатории никого кроме нас не было.

– Так, так. – На лице адвоката читалась насмешка. – Пока все соответствует сюжету. Продолжайте.

– Нам пришло в голову, что мы сможем на некоторое время скрыть эти результаты и воспользоваться машиной в собствен-

ных целях. Первым делом мы подчистили записи в исследовательском журнале, и теперь этот режим вместе с тысячей других, опробованных ранее, считается нерабочим. Естественно, мы сохранили у себя копию управляющей программы. После этого мы испытали машину времени в действии. Не буду отвлекаться на подробности. Скажу лишь, что мы по очереди переносились в прошлое – вначале на несколько минут, потом на несколько часов. Мы веселились как дети: ставили простенькие эксперименты и даже подшучивали друг над другом. Потом спохватились и прекратили все это. Ведь находясь в прошлом, мы могли изменить настоящее таким образом, что потом не смогли бы составить эту пресловутую программу. Не говоря уже о более глобальных последствиях наших проделок.

Адвокат одобрительно кивнул:

– Рэй Брэдбери, «И грянул гром». После этого рассказа даже появился специальный термин «эффект бабочки». Мне нравится, что вы не пренебрегаете классикой фантастики. – Маккейн пристально поглядел на физиков. – Итак, вы утверждаете, что отправили несколько человек в прошлое. Это непременно должно повлиять на ход истории, и, если верить все тем же писателям-фантастам, наша реальность должна измениться.

Аллен посерьезнел:

– История действительно меняется. Конечно, это прежде всего зависит от самого путешественника во времени. Если отправить в прошлое обычного городского обывателя, то вряд ли мир перевернется. Ну, женится парень не на Мэри, а на Элен. А та, в результате, окажется такой же стервой. Или заключит контракт не с фирмой, которая впоследствии прогорела, а с ее конкурентами. Возможно, те тоже прогорят. В лучшем случае – он разбогатеет. По его понятиям, конечно. Купит хороший дом в престижном районе, новую дорогую машину, а по воскресеньям будет играть в гольф. Может быть даже – предел мечтаний! – заведет себе любовницу из фотомоделей. В любом случае, все изменения реальности коснутся лишь его ближайшего окружения. Не все рождаются Наполеонами.

Маккейн согласно кивнул. Аллен продолжил:

– Однако люди, которых мы отправили в прошлое, принадлежат к другой категории. Это состоятельные, влиятельные люди, добившиеся многого в этой жизни, но по ряду причин, недовольные своим сегодняшним положением. Возвращение в прошлое подобных амбициозных личностей неизбежно приводит к серьезным изменениям истории.

Маккейн пристально взглянул на Аллена:

– О'кей, мистер Аллен, это выглядит вполне разумно. Но откуда вы знаете об этих изменениях? Ведь если меняется ход истории, если меняется весь мир, то и вы должны измениться вместе с ним! Как вам удастся сохранять память об исчезнувшем мире?

– Мы сами не раз задумывались над этим. То есть, я могу рассказать, как это происходит. Во время работы установки за окнами здания лаборатории сгущается плотный туман. Через некоторое время он рассеивается, и мы оказываемся в новом мире, полностью сохраняя память о предыдущем. Лаборатория и все, что в ней находится, всегда остаются неизменными. Но как и почему это происходит, я затрудняюсь ответить. Видимо, машина времени таким образом защищает сама себя, чтобы остаться неизменной после всех пертурбаций. Иначе она может попросту исчезнуть.

Мистер Маккейн расплылся в улыбке:

– Я так и подумал. Вы взяли идею из азимовского «Конца вечности», правильно? Во время переноса вы находитесь в защищенном убежище и наблюдаете за изменениями реальности как бы со стороны.

Внезапно адвокат посерьезнел и резко бросил:

– А теперь, господа, я благодарю вас за прекрасную историю. Возможно, вам стоит ее записать и опубликовать как фантастический рассказ. Хотя, скажу прямо, ничего нового я не услышал – так, стандартная компиляция избитых тем.

Наконец и Аллен не выдержал ироничного тона адвоката:

– Почему вы все время насмехаетесь над нами? Мы пришли к вам с серьезным предложением.

Маккейн посмотрел на часы:

– Если у вас есть, что предложить мне, то делайте это побыстрей. Вы уже потратили пятнадцать минут моего времени на изложение банальной фантастической истории. Делайте свое предложение, или я попросту прикажу Феликсу выбросить вас вон.

Физики переглянулись. Кельвин успокаивающе похлопал Аллена по руке и взял инициативу в свои руки:

– Хорошо, мистер Маккейн, мы будем предельно конкретны. Для начала позвольте рассказать одну историю.

– Как, еще одну?

– Очень короткую и весьма любопытную, – успокоил его Кельвин. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Жил-был молодой военный летчик, имя которого пока называть не станем. Жил он чрезвычайно весело и по вечерам предпочитал проводить время в баре со стриптизершами, а не засиживаться над учебниками пилотирования и технической документацией. Летал он лихо – это признавали все. Но недостаток теоретической подготовки не раз подводил его. Обычно наш летчик выходил сухим из воды, включая случай, когда он приземлился с отказавшим мотором. Однако десятого декабря 1965 года случилось непоправимое. Во время полета в его самолете загорелся двигатель. Молодой летчик неправильно оценил ситуацию: вместо того чтобы катапультироваться, он включил систему пожаротушения и попытался посадить самолет. Посадка обернулась катастрофой. Летчика успели вытащить из горящего самолета, но перелом позвоночника до конца жизни усадил его в инвалидное кресло.

Кельвин замолчал, глядя в глаза Маккейну.

Адвокат слегка побледнел, но быстро взял себя в руки:

– В официальных документах эта история записана иначе: «Пилот проявил незаурядное мужество, борясь до последней минуты за спасение машины». Его наградили медалью «За храбрость» и отправили на пенсию. Но вы продолжайте, продолжайте.

Кельвин продолжил:

– Летчик был еще молод и не собирался ставить крест на своей жизни. Благодаря тому, что в военном училище он больше

внимания уделял истории и государственному управлению, чем непосредственно военным наукам, бывший летчик без труда окончил университет, а затем и защитил докторскую степень по юриспруденции. Впоследствии он стал известным адвокатом, одним из лучших в США. Но это оказалось слабым утешением. Он всегда хотел только летать.

Маккейн едва заметно кивнул.

Ободренный Кельвин произнес:

– А теперь представьте, что вы снова оказались в кабине самолета во время того злополучного полета. Все что вам потребуется сделать – это вовремя покинуть машину. – Кельвин помолчал и добавил: – В этом и состоит наше предложение. Если вы согласитесь, то буквально через несколько дней мы отправим вас в десятое декабря 1965-го. Вы благополучно катапультируетесь из самолета, после чего начнете новую счастливую жизнь. Вы снова станете молодым и здоровым.

Маккейн задумался:

– Черт возьми, заманчиво, ох как заманчиво. Даже не знаю, что вам ответить. Кстати, вы ведь потребуете плату?

– Разумеется.

– Сколько?

Что-то неуловимое промелькнуло на лице Кельвина, затем выражение его лица стало прежним: строгим, деловым, ничего не выражающим. Он ровным голосом произнес:

– Все ваше состояние.

– А не многовато?

– Вдумайтесь в ситуацию. Вы не сможете взять с собой никаких материальных предметов. Вы попадете в прошлое и все начнете заново. А деньги, которые у вас есть сегодня, ваш дом, ваш бизнес, все, что имело отношения к вам в этой реальности – все это попросту исчезнет. Вернее не исчезнет, но необратимо изменится.

– Понятно. Но это значит, что я даже не смогу выписать вам чек. Что же делать – перевести все сбережения в наличные?

– Не в наличные. В золото. Внешний вид банкнот тоже может подвергнуться небольшим изменениям. Поэтому перед

отправкой в прошлое вы переведете все свое состояние в золотые слитки. Положите их в чемоданчик и возьмете с собой. В момент работы установки золото будет находиться внутри лаборатории вместе с нами и таким образом изменение реальности его не затронет.

Лицо адвоката помрачнело:

– Значит, вот как это происходит, – задумчиво протянул он, обращаясь скорее

к самому себе, чем к посетителям. – Золото, вот оно что...

Маккейн откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно, о чем-то усиленно размышляя. Посетители недоуменно взглянули на Феликса. Тот приложил палец к губам, как бы говоря: «Просто сидите молча и ждите».

Прошло минут пять. Адвокат открыл глаза и улыбнулся:

– Простите старика. Мне надо было кое-что обдумать.

Он нагнулся, открыл тумбу стола и достал оттуда вазу с яблоками. При этом он незаметно нажал на потайную кнопку, смонтированную на боковой поверхности тумбы и не видимую для постороннего взгляда.

От Феликса не укрылось движение хозяина, но он ничем себя не выдал и продолжил невозмутимо сидеть на своем стуле. Все так же улыбаясь, Маккейн предложил яблоки гостям. Те вежливо отказались. Сам адвокат выбрал себе одно и отрезал небольшой кусочек. Однако есть не стал – просто держал в руке.

– Несколько лет назад врачи запретили мне курить и предложили яблоки как альтернативу. Я их ненавижу, но, знаете – помогает.

Маккейн повертел кусок яблока в пальцах, затем решительно отложил его. Голос адвоката стал мягким и вкрадчивым:

– Не могли бы вы рассказать о тех, кого вы отправили в прошлое? О ком-нибудь из значительных персон, чье путешествие ошутимо изменило реальность.

Ответил снова Аллен:

– Да, конечно. Мы отправили в прошлое несколько человек. Самый известный из них, пожалуй, – Хью Хефнер.

– Этот старый развратник Хью Хефнер? Основатель и владелец журнала «Плейбой»? А какие у него могут быть проблемы? Половина мужского населения Земли отчаянно завидуют ему, а половина женского – его бесконечным подружкам. И все мечтают хоть недельку пожить как он.

– Теперь – да, в этой реальности он вполне доволен своей жизнью. Но, поймите, то, что происходит сейчас, – это его вторая попытка. В прошлой реальности судьба Хефнера, по его понятию, была сущей трагедией. В 1944 году, когда ему исполнилось восемнадцать, он пошел в армию и воевал в Европе. Несмотря на юный возраст, он уже имел репутацию завязтого ловеласа. Знакомые прочили ему карьеру нового Казановы. Но с войны Хью вернулся полным импотентом. По официальной версии это стало следствием ранения; другие источники называли менее героическую причину – вовремя не залеченную венерическую болезнь, которую он подцепил во Франции.

Так или иначе, Хью лишился своей главной радости в жизни. В последующие годы он перепробовал все средства, но результата так и не добился. Естественно, это наложило отпечаток на его последующую жизнь. Общение с женщинами он заменил членством в закрытых мужских клубах, преимущественно гастрономического направления. Он совершенно справедливо полагал, что их члены в той или иной степени подвержены такому же недугу и, следовательно, у него не будет опасности попасть в неприятную ситуацию на какой-нибудь особо фривольной клубной вечеринке.

– Итак, старина Хью отправился в прошлое, чтобы восстановить репродуктивные функции своего организма и компенсировать вынужденное воздержание, – Маккейн усмехнулся. – Да уж, в этом он преуспел. Скажите, а чем Хефнер занимался в той, прошлой реальности?

– Хью Хефнер обладает исключительной способностью делать деньги. В прошлой реальности он занялся выпуском пива и со временем создал целую пивную империю. Пиво Хефнера пили во всем мире, а элитный сорт «Хефнер голд» подавали на банкетах вместе с шампанским.

– Понятно. Доктор Аллен, вы сказали, что порой после отправки ваших клиентов в прошлое реальность ощущимо менялась. Что произошло в случае Хефнера?

– О, мир, в котором Хью стал пивным бароном, был полной противоположностью нашему. Общество не выдержало потрясения, пережитого во время Второй мировой войны, и стремились всевозможными ограничениями предотвратить новую. В частности это коснулось и общественной морали. Американцы вернулись к своим исконным пуританским обычаям. Раздельные пляжи и закрытые купальники, запрет на ношение брюк для женщин, строгий кодекс одежды для всех слоев населения. Полицейский на улице мог оштрафовать бедолагу, вышедшего из дома без шляпы или забывшего повязать галстук. Добровольческие патрули нравственности проверяли, достаточно ли скромно одеты женщины. И, конечно, повсюду властвовала цензура: в кино, в театрах, в газетах и журналах, и даже в художественной литературе. Последнее что я хорошо помню – это полемика в «Нью-Йорк Таймс» о запрещении к продаже и изъятию из библиотек произведений Ги де Мопассана как «развращающих молодежь».

Аллен раздраженно фыркнул:

– А унижение в гостинице, когда портье требует предъявить свидетельство о браке, если вы снимаете один номер с женщиной! Или полицейский из отдела нравственности, который приходит ночью в ваш дом, чтобы проверить с кем вы спите! Лично я просто благодарен мистеру Хефнеру за то, что он как следует встряхнул мир и уничтожил этот сумасшедший дом.

Маккейн задумчиво покачал головой:

– Возможно, возможно... У меня нет оснований вам не верить. Но с другой стороны, согласитесь, сегодня мир впал в другую крайность. Такая распущенность нравов и полная безнаказанность – тоже не лучший вариант общественной морали.

– Не стану спорить, в ваших словах есть доля истины. Но вот что я вам скажу как человек, который может сравнить эти две реальности. Достаточно пройтись в июле месяце по Девя-

той авеню облаченным в сюртук, галстук и шляпу, как сразу поймешь, что легкая хлопковая майка и джинсы – это величайшее достижение цивилизации.

Аллен улыбнулся, впервые с тех пор как переступил порог кабинета. Маккейн не поддержал его, а просто кивнул:

– Аргумент, конечно, серьезный. И все же, господа, вы изменяете историю. К лучшему или к худшему – не нам судить. И вообще, где они эти критерии... Но факт изменения истории налицо. И это скверно, господа. Очень скверно.

Физики попытались возразить, но Маккейн остановил их:

– Не стоит устраивать дискуссию на такую отвлеченную тему. Есть множество других, более приятных занятий. Вы не откажетесь выпить со мной немного виски?

– Мы не хотим виски, – улыбка на лице Аллена пропала так же быстро, как и появилась. – Мы хотим получить от вас четкий ответ. Вы принимаете наше предложение?

– Я должен подумать, – ответил адвокат. – А пока, позвольте мне в свою очередь рассказать вам одну историю.

Маккейн открыл ящик письменного стола и достал оттуда папку с бумагами. Попутно он снова, теперь уже раздраженно, несколько раз подряд нажал на потайную кнопку. Затем выпрямился, достал из папки фотографию и передал ее Аллену:

– Взгляните на этого человека. Как по-вашему, чем он занимается? Не бойтесь ошибиться – вы все равно не угадаете. Поэтому просто опишите первую ассоциацию, которая придет вам в голову.

Аллен взглянул на карточку. С фотографии на него смотрел самоуверенный чернокожий господин среднего возраста, не лишенный определенного обаяния. Мужчина носил темный костюм, белую рубашку и, пожалуй, чересчур яркий галстук. На его ногах блестели лакированные туфли. Мужчина самодовольно улыбался. Было видно, что он находится в прекрасной физической форме и, вообще, у него в жизни все просто отлично.

Долго не размышляя, Аллен вернул карточку со словами:

– Вы просили первую возникшую ассоциацию?

Адвокат кивнул.

– В таком случае – он тренер университетской команды по баскетболу. Хотя будь я в совете попечителей, то голосовал бы против. Эта слащавая рожа не внушает мне доверия.

Адвокат улыбнулся и протянул фотографию Кельвину. Тот взял ее и молча разглядывал пару минут:

– Насчет баскетбольного тренера – вполне возможно. Со своей стороны рискну предположить, что он профсоюзный деятель районного или даже городского масштаба. Выступает на публике с красивыми речами и проворачивает закулисные делишки.

Он положил фотографию на стол. Адвокат взял ее и некоторое время молча рассматривал.

– Ну что же, джентльмены, я тоже ошибся подобным образом, когда в первый раз увидел этого человека. А между тем, на фотографии изображен один из кандидатов на пост президента Соединенных Штатов. Более того, если бы не мое личное вмешательство, эта фотография сейчас висела на стене вместо фотографии госпожи Клинтон.

Физики переглянулись и недоверчиво уставились на хозяина кабинета:

– Мы видели много изменений реальности. Но негр – президент США? Немыслимо!

– Тем не менее – это правда. А дело обстояло так. От своих друзей по республиканской партии я узнал, что в числе кандидатов на президентские выборы от демократической партии числится вот этот чернокожий господин. Мы все были крайне озабочены этим. Простой расчет показывал, что у него были все шансы выиграть не только внутривыборные, но и окончательные выборы. Мы не без оснований полагали, что чернокожие избиратели все как один проголосуют за «своего». Они выберут Обаму просто потому, что он афроамериканец. Цветное население также не будет особо вдаваться в его предвыборную программу – достаточно того, что избрав афроамериканца, они утрут нос «этим белым». Кроме того, несмотря на то, что Обама во всех анкетах указывает свое вероисповедание как христиан-

ское, его семья имеет глубокие мусульманские корни. Это автоматически давало ему голоса мусульманской общины США. И, наконец, наше белое население, страдающее модной ныне политкорректностью, также в большинстве проголосует за афроамериканца, чтобы не дай бог не нарушить придуманные ими самими правила поведения.

– Простите, что перебиваю вас, – вмешался Аллен. – Но может это и к лучшему? Если подавляющее большинство населения страны поддержит одного и того же кандидата, то он сможет спокойно работать на благо страны и все останутся только в выигрыше? Ваши слова для нас, действительно, стали неожиданностью, но, возможно чернокожий президент – это действительно удачный выход для Америки.

Адвокат усмехнулся:

– Ну вот, вы уже забыли все, что только что говорили об этом человеке, и пустились в абстрактные рассуждения. Кроме подходящего цвета кожи, президент обязан обладать и более важными качествами. А вот их, при ближайшем знакомстве с досье этого кандидата, я не обнаружил. Объективный прогноз его деятельности не сулил ничего хорошего. Я и мои друзья по республиканской партии были убеждены, что на посту президента Обама причинит непоправимый вред нашей стране, а возможно, и многим другим.

Мистер Маккейн прервался и прислушался к чему-то одному ему известному. Ничего не дождавшись, он продолжил:

– Мы решили не допустить Обаму до выборов. Из досье я узнал, что Обама происходит из семьи иммигрантов. Документы о его рождении в США показались мне сомнительными. Как известно, президентом может стать лишь уроженец Соединенных Штатов, а это Обама мог доказать с большим трудом.

На этом факте я построил обвинительное заключение об отводе кандидатуры Обамы. По нашему запросу было создано внеочередное заседание Сенатской комиссии.

Заседание проходило в напряженной обстановке. Дело опять же упиралось в цвет кожи кандидата. Если бы на месте Обамы был белый, то комиссия, не раздумывая, согласилась бы с на-

шими доводами и дала отвод. Гораздо спокойнее сразу отстранить кандидата, чем потом допустить скандал, который пресса раздует во время избирательной кампании: рано или поздно журналисты раскопают соответствующие документы.

Но с афроамериканцем все обстоит иначе. Даже имея стопроцентные доказательства, члены комиссии прекрасно понимали, что в случае отвода его кандидатуры, правозащитники обязательно воспользуются случаем, чтобы обвинить их в расизме. И пусть комиссия будет безоговорочно права, все равно на репутации каждого останется пятно.

Как я уже сказал, слушание проходило тяжело. Я чувствовал, что сенаторы склоняются к решению разрешить Обаме участвовать в выборах. И тогда я решился на откровенный блеф.

Я попросил слова и сказал примерно следующее: «Господа! Вам известна моя профессиональная репутация. За последние десять лет я не проиграл ни одного слушания в суде. И это происходило не из-за того, что я такой уж выдающийся адвокат. Секрет в том, что перед тем как взяться за очередное дело, я всегда тщательно изучал все составляющие. И только придя к выводу, что сторона, которую я буду представлять в суде, имеет полностью обоснованную позицию, — только тогда я соглашался. Я никогда не брался защищать сомнительные иски, в которых не был уверен сам. Одного моего появления на судебном разбирательстве зачастую оказывалось достаточным, чтобы судья, зная мою репутацию, принял решение в пользу моих подзащитных. И вот я спрашиваю вас, неужели после десяти лет безупречной карьеры я стану отстаивать иск, который не имеет стопроцентного подкрепления? Неужели вы можете поверить, что я настолько лично заинтересован в результате данного расследования, что готов пожертвовать профессиональной репутацией?»

Сенаторы долго совещались в закрытой комнате, но решение было принято в нашу пользу. Обаме отказали в регистрации. Позже один из членов комиссии рассказал мне, что решающим аргументом в пользу принятия решения оказалось мое последнее эмоциональное выступление. Меня знали как од-

ного из самых холодных и рассудочных адвокатов. Неожиданное эмоциональное выступление буквально потрясло конгрессменов и оказалась последней соломинкой, перетянувшей чашу весов в нашу сторону.

Маккейн замолчал. Оба физика с изумлением смотрели на него. Адвокат взял из вазы яблоко, отрезал от него кусок, но, как и в прошлый раз, есть не стал.

– Вот такая история. Как видите, кроме меня никто другой с этим не справился бы. А теперь я спрашиваю вас, имею ли я право перечеркнуть все сделанное и отправиться в прошлое? Имею ли право ради собственного благополучия поставить под сомнение будущее моей страны?

Физики переглянулись.

– Мистер Маккейн, мне кажется, что вы излишне драматизируете ситуацию... – начал Кельвин.

Договорить он не успел. В прихожей раздался звонок. Феликс встал и быстро вышел. Дверь распахнулась, и в комнате как-то сразу стало тесно. Неожиданно там оказались двое громадных полицейских с револьверами в руках, которые они тут же направили на сидевших посетителей. Вслед за ними вошел Феликс, также вооруженный пистолетом. Последним в комнате появился инспектор полиции – полный краснолицый мужчина, с незажженной сигарой в углу рта. Он мельком взглянул на сидящих в креслах физиков и подошел к столу адвоката.

Маккейн раздраженно обратился к нему:

– Однако вы не торопились, Креммер!

Инспектор вынул сигару изо рта, рассмотрел ее и спрятал в нагрудный карман пальто. Он никогда не курил сигары, а лишь жевал их.

– У меня и без вас много работы.

– А я должен устраивать целое представление, чтобы задержать их до вашего прихода, – Маккейн мотнул головой в сторону физиков, обалдело тарашившихся на направленные в их сторону револьверы сорок пятого калибра.

– Ладно, старый ворчун, что вы приготовили мне на этот раз?

Маккейн, насколько мог, выпрямился в своем кресле:

– Я предъявляю этим господам обвинение в вымогательстве крупных сумм денег и в целом ряде убийств.

Инспектор впервые повернулся в сторону физиков и окинул их быстрым взглядом. Потом повернулся к адвокату:

– Надеюсь, у вас есть доказательства?

– Думаю, вы найдете их самостоятельно. Поднимите все нераскрытые случаи исчезновения людей за последние пару лет. Сосредоточьте внимание на богатых людях, ставших инвалидами в результате несчастного случая в молодости. Я не без оснований предполагаю, что эти молодые люди выманивали у них большие суммы денег, а затем убивали их.

– Ну-ну, – с интересом произнес Креммер. – А подробнее можете рассказать?

– Разумеется, – Маккейн откинулся на спинку кресла. – Сегодня ко мне пришли эти двое молодых людей, представились сотрудниками секретной физической лаборатории и рассказали, что нашли способ путешествия во времени.

– Вот как? – Креммер вновь достал сигару и принялся ее жевать.

– Именно. У них заготовлена целая история, но это не важно. Факт в том, что они предложили перебросить мое сознание на сорок пять лет назад в день, когда загорелся мой самолет. Мне пообещали, что я окажусь в своем теле за несколько минут до катастрофы и успею благополучно катапультироваться. Таким образом я снова окажусь в 1965 году в своем прежнем здоровом и молодом теле и проживу новую полноценную жизнь. Эти господа были чертовски убедительны. Полагаю, я далеко не первый к кому они обращаются с подобным предложением. И я хорошо понимаю их жертв, уставших от тяжелой болезни, от непреходящей боли, от неприятных ежедневных бытовых проблем и просто от неполноценной жизни – эти люди вполне могли согласиться рискнуть.

Креммер кивнул:

– Кажется, я вас понял. Значит, ребятки приходили к богатым инвалидам, рассказывали байку про машину времени и предлагали отправить их в прошлое, где те снова станут моло-

дыми и здоровыми. С тех, кто соглашался, они брали за услуги крупную сумму, а затем увозили якобы в эту свою секретную лабораторию, а на самом деле убивали и потихоньку избавлялись от трупа.

– Совершенно верно, инспектор. Только они брали со своих жертв не просто крупную сумму. Они забирали все их состояние.

Инспектор обернулся к сидящим физикам:

– Даже так?

Доктор Кельвин был настолько ошарашен, что никак не отреагировал. Зато Аллен буквально взвился в своем кресле:

– Да как вы смеете обвинять нас в подобной мерзости! Я буду жаловаться! Мы доктора наук, сотрудники Доуссоновской лаборатории.

– Конечно, конечно, – усмехнулся инспектор. – И что это меняет? Я арестовывал и куда более важных персон.

Креммер дожевывал свою сигару и расплющил остатки в идеально чистой антикварной пепельнице.

– Ну, Маккейн, вижу вы хотите еще что-то добавить?

– Понимаете, Креммер, то, что дело нечисто, я заподозрил с самого начала. Но окончательно я все понял, когда они упомянули про золото.

– Какое золото? – насторожился Креммер. – Вы ничего не говорили о золоте.

– Когда мне предложили перевести все свои сбережения в золотые слитки и вместе с ними отправиться в лабораторию для отправки в прошлое, я все понял. Что может быть проще и безопаснее, чем убить и ограбить одинокого инвалида с портфелем набитым золотыми слитками! Золото, в отличие от банковских чеков, ценных бумаг или денежных знаков, отследить практически невозможно. Это – идеальное ограбление.

Креммер повернулся к полицейским:

– Наденьте на них наручники и отведите в машину.

Вечером Маккейн с Феликсом ужинали в большой, богато обставленной столовой. По установившейся традиции во время совместных трапез отношения «секретарь-хозяин» временно

отменялись, и мужчины вели себя как старые добрые друзья, которыми и являлись на самом деле.

– Знаешь, Джон, в какой-то момент я был готов поверить, что парни говорят правду. На первый взгляд все так логично связано. Никаких противоречий, всему готово объяснение. Особенно убедительной мне показалось история Хефнера. Такое трудно придумать.

Маккейн кивнул:

– Тут я, пожалуй, соглашусь с тобой. Мне всегда казалось, что сексуальная революция шестидесятых прошла неестественно легко и быстро. Как будто кто-то умелый незаметно руководил всем. Если допустить, что машина времени действительно существует, то наш милашка Хефнер идеально подходит на роль человека, совратившего целую страну.

– Выходит, ты допускаешь, что эти типы говорили правду?

– Конечно, нет. Просто всегда интересно взять новую гипотезу и прикинуть, что из этого может получиться.

– Хорошо. – Феликс прожевал кусок мяса и продолжил: – Допустим, чисто гипотетически, что машина времени существует. Ты бы согласился отправиться в прошлое?

– Ловишь меня на слове?

– Конечно. Давай, разовьем твою гипотезу до конца.

Маккейн принялся резать ножом свою отбивную. Изрезав ее на мелкие кусочки, он отодвинул от себя тарелку.

– Очень сложно дать однозначный ответ. Казалось бы, я должен броситься в такое путешествие, не задумываясь. В самом деле, стать молодым и здоровым – что может быть привлекательнее?

Маккейн взял бокал с вином и отпил хороший глоток.

– Но с другой стороны, предполагается, что я сохраню память о прошлой жизни. Значит со мной останется вся тяжесть прожитых лет. Ты еще молод, Феликс, тебе не знакома эта бесконечная усталость, которая овладевает человеком в старости. Это не физическое явление – устает мозг, устает душа. Я допускаю, что Хью Хефнера настолько мучили несбывшиеся сексуальные фантазии, что для него путешествие стало избавлением.

Но лично мне будет очень трудно снова стать тридцатилетним. О чем я стану говорить со сверстниками? Их проблемы больше не волнуют меня. Я давно нашел ответы на вопросы, которые они с таким жаром обсуждают. И наделал все глупости, которые им еще только предстоит совершить. Кроме того, карьера военного летчика совершенно непредсказуема. Пока дослужишься до адмирала... Нет, Феликс, не думаю, что меня привлекло бы подобное путешествие.

– Не кокетничай. Ты просто расстроился оттого, что на какой-то миг сам поверил в возможность возвращения в молодость.

– Хитрец. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Наверное, ты прав. Я бы с удовольствием сейчас оказался в кабине своего Дугласа. А потом бы отправился в бар и подцепил молодую девчонку. – Он залпом допил вино. – Ну что ты надо мной издеваешься! Взял и испортил настроение.

– Ну, прости. Я только продолжил твою собственную игру. Давай все-таки ее завершим.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Маккейн. – Я уже признался, что готов по первому предложению отправиться в прошлое. Чего тебе еще?

– Ну, например... как насчет Обамы?

– Что насчет Обамы? – искренне удивился адвокат.

– Сегодня утром ты рассказывал, как ценой невероятных усилий не допустил Обаму в Белый дом. А что теперь? Ты уже позабыл о своей ответственности перед американским народом? Перед всем прогрессивным человечеством?

Маккейн рассмеялся:

– Вот только прогрессивного человечества нам тут и не хватало. Я просто пудрил мозги двум жуликам, ожидая пока придет полиция.

Феликс отложил вилку и пристально поглядел на друга:

– Джон, я хорошо помню ту историю. Для тебя и в самом деле это очень важно. Ты не сможешь просто так все бросить! А вдруг Обаму и в самом деле выберут президентом?

Маккейн хитро улыбнулся:

– Если верить фантастическим романам, которых я прочел немерено, то никуда мне от него не деться. Если однажды мы с ним уже столкнулись, то рано или поздно, так или иначе, в новой жизни наши дорожки обязательно пересекутся. А там уж поглядим кто кого.

Посмеявшись, мужчины вновь принялись за еду. Когда подали десерт, зазвонил телефон. Феликс немедленно вспомнил свои обязанности секретаря.

– Алло, да это я. Слушаю вас, мистер Креммер. Что? Не может быть! Да, я сейчас же передам трубку хозяину.

Маккейн протянул руку за трубкой и спросил:

– Ну что там? Наши друзья раскололись? – Он увидел вытянувшееся от удивления лицо Феликса и осекся: – Неужели...

ПРИМЕЧАНИЕ.

Джон Сидни Маккейн, бывший военный летчик, был основным кандидатом от республиканцев на выборах Президента США 2008 года, где потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

Все детали биографии Маккейна в рассказе подлинны. Исключение составляет увлечение Маккейна фантастикой – это вольное допущение автора. Впрочем, оно относится к той, предыдущей реальности.

ВОСКРЕСНЫЙ ПАПА

– Почему ты приехал так поздно?

Автоматически смотрю на часы. Половина первого.

– Не так уж и поздно. День только начинается.

– Ребенок с утра ничего не ест, не хочет играть, только стоит возле калитки и кричит: «Папа, где ты? Папа, приходи!»

Сердце привычно сжимает волна боли. Я морщусь, потом прихожу в себя. Оглядываюсь по сторонам. Двор пуст.

– Где же он?

Небольшая, едва заметная пауза.

– Я его с трудом уговорила, он у себя в комнате, собирает игрушки. Он все время тебя ждет. Ему тебя не хватает. – Она уже забыла, что я поймал ее на лжи, и переходит в наступление. – Он все время спрашивает, где ты, когда ты придешь. Мальчик не может расти без отца.

Это мой крест. При первой возможности мне напоминают, что ребенок растет безотцовщиной. Что ему очень плохо без меня. Тут я с ней согласен. С матерью ему плохо. Но что я могу сделать? К тому же сегодня я и в самом деле чувствую себя неуверенно.

– Послушай, – начинаю оправдываться. – Я несколько раз звонил, но было занято. Я сегодня очень занят, надо закончить проект, я вообще с трудом вырвался из офиса. Пусть он сегодня побудет дома, а я заеду завтра, прямо с утра. Не возражаешь?

Она возражает. Объясняет, что я последнее дерьмо, что искалечил ей жизнь. А теперь уродую ребенка. Он целыми днями просится к папе, и вот нате вам, даже в положенные выходные, он останется без отца.

Это означает, что у нее есть вполне определенные планы на сегодня. Я обязан забрать мальчишку на все выходные, чтобы освободить квартиру для очередной двухдневной гулянки.

Из дома слышны мужские голоса. Она, похоже, уже слегка на взводе. Или мне только кажется? Когда эта скромная беззащитная девушка, интеллигентная и, безусловно, талантливая, превратилась в бесстыжую распутную бабу, отчаянно цепляющуюся за остатки красоты и молодости?

– Ну, подумай сама. Я еду в офис и пробуду там до позднего вечера. Все заняты по горло. Что он там будет делать? Сам намается и других замучает. Проведи с ребенком хоть один выходной сама.

Ее лицо меняется. Только что она играла роль заботливой матери, а сейчас передо мной она истинная. Холодная, предельно эгоистичная женщина, живущая сиюминутными собственными желаниями.

– Ничего не хочу знать. Если ты сейчас же не забереешь сына, я позвоню адвокату, и тебя вообще лишат прав на свидания. Я не шучу.

Знаю, не шутит. Она всегда играет со мной ва-банк. И всегда выигрывает. Я вздыхаю.

– Ладно, пошли, заберу его.

В дом меня не пускают. Значит, голоса не слышались. Они уже начали, поэтому с таким нетерпением хотят сплавить ребенка.

– Подожди здесь, я сама его выведу.

Я жду. Они выходят ровно через минуту. Малыш бросается ко мне, прижимается всем тельцем. Затем выпаливает:

– Папа, а почему мама говорит, что ты меня забыл?

Ищу глазами жену. Она уже скрылась за калиткой.

Я остаюсь вдвоем с сыном. Мы идем к машине. Он устраивается на любимое место – стоя, за спинкой водительского сиденья – и сладко дышит прямо мне в ухо. Так бы и сидел, не шевелясь, чтобы не спугнуть короткий миг счастья.

Завожу мотор, и мы едем. По дороге малыш рассказывает свои новости. За неделю их набралось достаточно. Слушаю и улыбаюсь – парень научился лихо разгружать свои детские проблемы.

Усмехаюсь. Наверное, если бы меня в свое время водили в детский сад и отправляли на все лето в пионерский лагерь, я был бы более подготовлен к семейной жизни.

В офисе я отдаю мальчика на попечение секретарши и погружаюсь в работу. Незаметно наступает вечер. В комнату входит Лена с подносом. На нем пара бутербродов и большая чашка кофе. То, что мне сейчас необходимо. Голова больше не работает. Я отвожу глаза от монитора.

– А где малыш?

Она улыбается.

– Вспомнил. Я нашла в шкафу электрическую пишущую машинку и показала, как печатать. Теперь его не оторвать.

Я прислушиваюсь. Из-за двери доносятся пулеметные очереди. Не знаю, как там у него с орфографией, но по скорости печати парень перещеголяет любую профессиональную машинистку. Киваю головой.

– Спасибо.

Лена улыбается. Она числится секретаршей, но выполняет и кучу других дел. А по совместительству еще и мой личный психолог-психоаналитик. Она разворачивает кресло и садится ко мне на колени. Обнимает за шею.

– Когда ты от нее освободишься?

Недоуменно смотрю ей в глаза.

– Разве я привязан?

– Ты до сих пор ее любишь.

– Неужели?

Удивляюсь, задумываюсь. Некоторое время молчу, потом качаю головой.

– Нет, не может быть.

– Мне виднее, – отвечает Лена. Она изучающе смотрит на меня, потом продолжает. – Ну-ка, признайся, она была у тебя первой женщиной?

Я киваю головой.

– Как ты умудрился остаться девственником до брака?

– Ну, во-первых, мы поженились очень рано. А во-вторых, на одной пьянке приятель, известный гуляка, сказал мне: «Если хочешь быть счастливым в браке, не связывайся с другими женщинами. Попробуешь чужую, со своей счастлив не будешь».

– И ты послушался такой глупости?

– Да как тебе сказать. Просто так сложилось. Кстати, насчет самого себя он оказался прав. Уже дважды разводился.

– Не знаю, – она пожимает плечами. – Наверное, он просто заранее готовил себе оправдание. А вот у тебя типичный комплекс первой женщины. Ты не можешь ее забыть. Тебе срочно нужно найти кого-то другого.

Я опять пожимаю плечами.

– Да не нужен мне сейчас никто.

– А как же ты живешь?

– Работаю. В пятницу вечером – преферанс. А все выходные с сыном. Ты не представляешь, это так здорово.

– Ну, почему же, представляю. Цирк, зоопарк, кафе, мороженое. Все детство мечтала о таком папе. – Она берет мое лицо в ладони и пристально смотрит в глаза. – И долго так собира-

ешься жить? Он скоро вырастет и перестанет в тебе нуждаться. А ты за это время превратишься в старика.

– Не преувеличивай.

– Именно в старика. Причем в старика одинокого. Ты ведь даже не ищешь никого.

– У меня нет на это времени.

– Вот и я о том же.

Я обнимаю ее за талию. Пытаюсь поцеловать. Она отворачивает голову, и я неуклюже чмокаю ее в щеку.

– Мне никто не нужен. У меня есть ты.

Она смеется.

– Меня у тебя нет. Я просто твой друг.

– Но, мы все же...

Она резко обрывает меня.

– Один раз не считается. И потом, не кажется ли тебе, что роман с собственной секретаршей – это пошло?

Лена неувловимым движением убирает мою руку. Ерошит мне волосы на затылке и быстро встает. Придвигает кофе и бутерброды.

– Поешь и заканчивай работу. Уже поздно, ребенку пора спать.

В дверях она останавливается и тихо говорит:

– Разберись, наконец, со своей жизнью. Сколько можно плыть по течению.

Лена выходит из комнаты. Мне слышно, как малыш что-то ей рассказывает и они вместе смеются.

Вздыхаю и закуриваю очередную сигарету. Сколько я сегодня уже выкурил? Пачку, две?

Утром меня будит телефон.

– Ужасные новости!

– Что, кто?

– Говорю, ужасные новости. Сейчас по телевизору объявили, что с завтрашнего дня прекратят производство пива.

– И что?

– Поэтому сегодня надо успеть выпить все остатки. Я уже запасся и еду на дачу. А ты приезжай, когда сможешь. Мне одному не справиться.

Я, наконец, просыпаюсь. Это – Олег, он же Старый. Его не-
навязчивый юмор ни с чем не спутаешь.

– Слушай, Старый, а нельзя ли чуть погодить с пивом? У
меня билеты в детский театр.

– Сколько еще годить? На следующей неделе у тебя будет
цирк, потом аттракционы. Месяц не виделись. Ты о чем дума-
ешь? Короче, садись в машину и приезжай.

– А обратно? Я с пивом в животе за руль не сяду.

– Вернешься завтра утром.

Пытаюсь в уме составить схему действий. Ребенка надо вер-
нуть сегодня вечером. С другой стороны, если я отвезу его зав-
тра прямо в сад, ей будет только легче. Надо только позвонить
и предупредить.

И в самом деле, такая чудесная погода. Почему бы не вые-
хать на природу? Мальчишке у Старого на даче будет очень хо-
рошо.

– Уговорил, красноречивый ты мой, приеду. Что захватить?

– Как обычно. Что привезешь, то и будешь лопать. – Олег
смеется. – Главное себя не забудь. Тебя тут ждут.

– Ждут? Кто?

В трубке короткие гудки. Я пожимаю плечами. Ладно, на
месте разберемся. Потягиваюсь. Однако и в самом деле пора
вставать. А где малыш? Кровать пуста. Мальчишку нахожу на
кухне. Он готовит себе завтрак. Открыл холодильник, отломил
кусочек колбасы. Вооружился самым большим ножом и кромсает
хлеб.

– Малыш, что же ты не разбудил меня?

– Мама сказала, что взрослых по утрам будить нельзя. А я
хочу есть.

Понятно. Новый этап воспитания, чтобы ребенок не мешал
утром спать.

– Взрослых будить можно. Нельзя одному на кухне хозяй-
ничать, да еще с ножом.

Неожиданно сын спрятал нож за спину. Упрямо насунился.

– Мама сказала, что я должен уметь все делать сам. Вот за
тебя все делали родители, и ты стал неудачником.

– А ты знаешь, что такое неудачник?

– Нет. Это так бабушка говорит. А еще она говорит, что ты сволочь. Почему?

Прекращаю разговор, отбираю у сына нож, и мы отправляемся в ванную. Там я ставлю его под душ, мою, заворачиваю в полотенце и оставляю сохнуть. Потом тоже принимаю душ и бреюсь. Спыхватываюсь – ребенок ведет себя подозрительно тихо. Ага, ну конечно. Парень внимательно разглядывает свою мордочку в зеркале ванной, водит вокруг щек пальчиком, повторяя движения моей бритвы, и приговаривает: «еще здесь надо и вот здесь». Малыш всерьез собрался побриться. При его самостоятельности ждать осталось недолго.

Я решаю играть на опережение. Заменяю кассету в бритве пустышкой и вожу по лицу мальчугана. Потом набираю полные ладони одеколona и сильно тру ему щеки. Он вопит, стремительно теряет интерес к процедуре и заявляет, что больше вообще никогда бриться не будет. Вот и славно.

Мы едем по загородному шоссе. Малыш стоит на боевом посту за спинкой кресла и засыпает меня вопросами. Вопросы самые разнообразные, от «Почему, когда я сплю, я ничего не помню?» и до «А как делают электрические лампочки?». Предсказать очередной вопрос невозможно, остается только парировать их с лету, как теннисист у сетки.

На выезде из города останавливаюсь заправиться. Малыш категорически отказывается ждать в машине и выходит вместе со мной. По случаю воскресенья на заправке самообслуживание. Я иду к кассе, расплачиваюсь, потом бегом возвращаюсь к машине. Малыш, не отставая, носится за мной.

Вставляю пистолет в бак и перевожу дух. Краем уха слышу, что он опять о чем-то спрашивает. Мне некогда, надо следить за бензином. Не оборачиваясь, бросаю:

– Не знаю.

Наконец, бак полон. Мы садимся в машину и трогаемся с места. Малыш непривычно тихий. В зеркале заднего вида вижу его глаза. В каждом застыло по огромной слезе.

Останавливаюсь на обочине и усаживаю его к себе на колени.

– Что случилось, маленький?

– Ты сказал, что не знаешь!

В его глазах ужас. Мир рушится.

Опять щемит сердце. Прижимаю к себе худенькое крошечное тельце. Слушаю сердечко, которое бьется, как воробушек. Целую его в макушку.

– Ну, что ты, я просто не расслышал. Давай еще раз.

Он повторяет вопрос. Подробно отвечаю. Мы сидим еще минут пять и беседуем. Малыш уже спокоен, он снова вертит головой, исследует окружающий мир, впитывает новые впечатления. Готовит новые вопросы. Мы едем дальше.

На даче раздеваю мальчишку до трусиков и пускаю бегать по двору. Он тут же с визгом бросается догонять соседскую кошку. Отпуск на природе начался.

Меня действительно ждут.

– Здравствуй, Света!

Дежурный поцелуй в щеку.

– Здравствуй.

– Прекрасно выглядишь.

– Ты тоже.

Напряженная пауза. Обмен ничего не значащими словами. Интересно, сколько лет мы не виделись? Говорить, а тем более спрашивать о чем-то серьезном не хочется. Незаметно скашиваю глаза на ее правую руку. Кольца нет. Она ловит мой взгляд, чуть заметно мрачнеет.

Зовут к столу. Кроме Олега с женой, меня с сыном, и Светы на даче больше никого нет. Усаживаемся. Я зову малыша. Он прибегает и, мгновенно оценив ситуацию, втискивается между мной и Светой.

Погода теплая. Я снял пиджак и остался в джинсах и майке. Женщины еще до моего приезда переоделись в купальники. Старый сообщил, что надо пользоваться последними теплыми денечками, и остался в одних шортах.

Все проголодались и набросились на еду. Стол накрыт во дворе, обстановка самая непринужденная. Малыш в центре внимания. Его тискают, целуют, требуют рассказывать стихи.

Парню это быстро надоедает, и он с куском пирога в руке уходит к кустам у забора.

Время летит незаметно. Общий добродушный треп, немудреная дачная еда, пиво и бесконечные сигареты. Все время оглядываюсь и слежу за малышом. Он деятельно исследует территорию двора. Вот он окончательно запутался в кустах, заревел, и я бегу вытаскивать его.

Ревущее растрепанное существо взбирается ко мне на руки, обнимает за шею и тут же успокаивается. Он уже не боится и готов к новым подвигам. Я несу его обратно за стол, усаживаю на облюбованное им место. Мокрой салфеткой вытираю испачканную мордашку и коленки. Света достает из сумочки расческу и причесывает его. Так в четыре руки под общий смех мы приводим маленькое чучело в человеческий облик.

Но это ненадолго. Через минуту он снова носится по двору. Продолжаю следить за ним. Света что-то рассказывает мне. Я слушаю невнимательно, меня беспокоит малыш. Что-то он слишком разошелся.

Света прерывает рассказ.

– Расслабься хоть на минуту. Ты же не слушаешь меня.

– Да нет, я с тобой.

– Куда там. Старый говорил мне, но я не думала, что все так серьезно.

– Что серьезно? – переспрашиваю я.

– Сам знаешь.

Я знаю. Это маленькое лохматое существо занимает в моей жизни так много места, что все остальные едва умещаются там.

Жена Олега подходит к малышу и берет его за руку.

– А ты знаешь, у соседей есть маленькие щеночки. Хочешь посмотреть?

Глаза сына загораются огнем. Он вцепляется в ее руку, и они отправляются смотреть щенят.

Света берет меня за руку и мягко увлекает за собой. Мы встаем и идем к дому. По дороге я пытаюсь обернуться и чувствую, как ее ладонь с силой сжимает мою. Мы поднимаемся на второй этаж. Там в крохотной мансарде Старый оборудовал

так называемую гостевую спальню. На полу в ряд лежат три матраса и несколько подушек. Больше ничего нет. Я нерешительно останавливаюсь.

Света все также молча подходит, поднимает руки и кладет их мне на плечи. Она по-прежнему в одном купальнике. От нее пахнет солнцем и свежескошенной травой. Я протягиваю руки и обнимаю ее...

Мы лежим на матрасе, уставшие, умиротворенные.

– Дай мне сигарету, – просит Света.

Я нахожу в углу свой пиджак, лезу в карман. Рука натывается на сотовый телефон. Черт, я же так и не позвонил.

Прикуриваю сигарету и передаю ее Свете.

– Прости, мне надо позвонить.

Быстро одеваюсь. Света молча курит. Спускаюсь во двор. Уже темнеет.

Набираю номер. Отвечает незнакомый мужской голос. Прошу позвать ее. Длинная пауза. Наконец она берет трубку и мурлыкающим голосом произносит:

– Привет!

– Привет!

Ее голос тут же меняется, становится холодным, металлическим.

– А, это ты. Что опять случилось?

– Да ничего. Просто хочу оставить мальчишку у себя ночевать. А завтра отведу его в сад. Ты не возражаешь?

Она возражает.

– Ты обязан привести его в восемь вечера.

Пытаюсь объяснить ситуацию. Она не слушает.

– Я сейчас же звоню адвокату. Если в восемь часов мальчика не будет дома, можешь с ним попрощаться.

Я тоже завожусь.

– Перестань пугать меня адвокатом. У меня может быть своя жизнь?

– Очень хорошо. Если ребенок тебе в обузу, я немедленно тебя освобожу от нее.

Мы пререкаемся еще минут пять. Она заводит себя, еще немного и начнется скандал. Все бесполезно.

Остервенело жму на кнопку. Рука продолжает сжимать телефон. Вот так бы сжать ее горло и все проблемы исчезнут.

Ищу глазами сына. Он сидит на корточках возле муравейника и палочкой проводит какой-то эксперимент. Я зову, но он настолько поглощен своим занятием, что не слышит. Приходится хватать его в охапку и силой впихивать в машину.

На вопли выходит Старый.

– Ты куда собрался?

– Надо срочно возвращаться.

– Подожди, куда ты в таком состоянии. Поезжай на электричке.

Смотрю на часы. Времени катастрофически мало.

– На электричке не успею. К тому же завтра с утра куча беготни, без машины не справлюсь. Ладно, доберусь как-нибудь.

– Ну зайди хотя бы в дом, попрощайся.

– Не могу. Полный цейтнот. Прощайся за меня.

Он жмет мне руку, целует малыша и скрывается в доме.

Когда выезжаю, замечаю Свету, которая внимательно следит за мной из окна мансарды. Обещаю себе, что завтра обязательно позвоню ей.

Мы едем по ночному шоссе. Малыш спит на заднем сиденье. Меня тоже неудержимо тянет в сон. Глаза закрываются сами. Сейчас бы включить радио, найти музыку поглупее да попротивнее и врубить ее на полную катушку. Ладно, не будить же малыша. Справлюсь и так.

За окном совсем темно. Фары встречных машин гипнотически появляются и пропадают. Машина идет легко, сама по себе. Как славно, оказывается мне вовсе не надо управлять. Можно отпустить руль, закрыть глаза и расслабиться. Теплая волна окутывает тело.

Вздрагиваю и просыпаюсь. В глаза бьет резкий свет. Я еду по левой полосе. Встречная машина отчаянно сигналиит мне фарами. В последний момент успеваю резко вывернуть руль вправо. Тяжелый грузовик сбивает боковое зеркало, ударяет в

заднее колесо и исчезает в темноте. Машину начинает разворачивать. Резко торможу, отчаянно пытаюсь удержаться на дороге. Машину заносит, она подпрыгивает и летит с откоса вниз.

В последнем усилии я бросаю ненужный теперь руль и пытаюсь перепрыгнуть на заднее сиденье, прикрыть мальчишку. Мир переворачивается вверх ногами. Сильный удар. Тишина. Пустота. А надо жить дальше...

Я вылезая из покореженной машины, беру спящего малыша на руки. Он согласно кладет голову мне на плечо, и мы идем по дороге.

ЮРИЙ ЛОПОТЕЦКИЙ

РАСЩЕПЛЕНИЕ ГОРИЗОНТА

– Осторожно возьмитесь правой рукой за правую ягодицу; левой рукой – за левую; нагнитесь параллельно полу и после этого – медленно раздвиньте ягодицы в противоположные от отверстия стороны.

– Простите?

– Для особо одаренных повторяю. Осторожно возьмитесь правой рукой за правую ягодицу; левой рукой – за левую; нагнитесь параллельно полу и только после этого – медленно раздвиньте ягодицы в противоположные от отверстия стороны. Сделали?

– Простите – нет.

– В чем проблема?

– В «противоположную» от какого отверстия?

– Вы ненормальный?

– А вы?

Врач, заинтригованный необычным поведением, очнулся. Озадаченно прервал рутину раз и навсегда заведенного ритуала. Осоловело вылупил недоуменные глазки, оторвавшись от грессбуха со списком болезных. Сидя – как обычно – спиной к раскоряченному пациенту, он даже соизволил развернуться вполоборота в порыве сильнейшего изумления. Однако то, что он обнаружил, повергло его в еще большее удивление. Практически – в шок. Челюсть отвисла, очки медленно полезли на лоб. Оригинал? Или кретин?

– Больной, вы что...

– Кто вам сказал? – пациент, выглядывая из-за увесистой задницы, прервал врача на полуслове.

– Что сказал?

– Что я – больной.

– Ну как же...

– Послушайте, уважаемый. Я нахожусь на первичном осмотре. О том, болен я или нет, может сделать заключение лишь компетентная комиссия. Но не сейчас, а только после окончания тщательного осмотра всеми специалистами клиники. Вы согласны?

– Хм... Пожалуй.

– Не кажется ли вам, что называть меня больным допустимо только в том исключительном случае, если как минимум один специалист из всей представительной комиссии найдет у меня недопустимые отклонения от нормы?

– Да... Пожалуй.

– Считаете ли вы, что все сказанное выше – звучит вполне логично?

– Да...

– Тогда на каком основании вы только что назвали меня больным, а несколько ранее высказали скороспелое предположение, что я – ненормальный?

– Приношу свои извинения.

– Принято. Но впредь, уважаемый, вы – обязуетесь не называть меня больным.

– Хорошо. Но и вы поймите меня правильно...

– Будьте уверены: уж вас-то я пойму правильно! Итак, внимательно слушаю!

– Согласитесь, боль...

– Простите?

– Э... товарищ...

– Ну?

– Что я, по-вашему, должен думать, наблюдая, как вы, согнувшись, недвусмысленно пытаетесь раздвинуть ягодицы через ткань брюк?

– А что я, по-вашему, должен был делать?

– Как то есть что? Вы должны снять брюки и трусики – если они у вас есть, и лишь затем раздвигать ягодицы руками!

– Вроде бы логично. Но это, доктор, ложная логика. С одной стороны, казалось бы, звучит здраво. Но давайте, уважаемый, вспомним: разве вы говорили, что я должен снять брюки и тем более – трусики, если, конечно, они у меня есть?

– Знаете что, больной...

– Что вы сказали???

– Простите... э... товарищ... Видите ли, батенька, есть вещи, которые настолько очевидны, что не требуют специальных дополнительных уточняющих пояснений...

– Да-а-а? Вы, доктор, в этом уверены? То есть вы, как адекватный человек со здравым рассудком, беретесь авторитетно утверждать, что все инструкции, когда-либо высказанные вами в этом кабинете, всегда не только логичны, но и звучат лишь в том исключительном случае, если кому-то требуются дополнительные уточняющие пояснения?

– Берусь!

– Ой ли? А скажите-ка, уважаемый... Отчего вы решили, что я должен сам догадаться снять брюки и даже – трусики, если, конечно, они у меня есть, но при этом – мне, такому чертовски догадливому, было неясно, прямо-таки невдомек, что левую ягодицу принято раздвигать левой рукой, а правую – правой???

– Ну-у-у...

– Не уходите от ответа! Извольте внятно и недвусмысленно пояснить, с какой такой стратегической целью вы настойчиво дважды(!) уточнили, что левую ягодицу раздвигать именно левой рукой, а правую – правой? Чего вы молчите? Чего вы в рот набрали? Вы полагаете, что кто-то додумается шаловливо поменять руки?

– Э-э-э...

– А может вам пришло в голову, что найдется оригинал, который изощрится раздвигать ягодицы не руками, а чем-то иным? Или в природе встречаются индивидуумы, владеющие искусством раздвижения посредством усилия воли – по аналогии с экзотической практикой шевеления ушами?

– Ну-у-у...

– Уточните: для вас принципиально сначала нагнуться, а лишь затем раздвигать? Предварительно раздвинуть перед изгибом – что, опасно для здоровья?

– Не совсем понял... э-э-э... первый тезис... По поводу шаловливой смены рук.

– Извольте, я поясню. Лично вы – пробовали когда-нибудь раздвигать собственную задницу следующим специальным образом: левую половину правой рукой, а правую – левой?

– Н-н-нет...

– Мда... Вы знаете, я почему-то с самого начала был уверен, что не пробовали. Более того, бьюсь об заклад, что лично вы свое сокровище вообще никогда не раздвигали. Но при этом присвоили себе эксклюзивное право раздвигать ее другим. И, что самое омерзительное, вы еще смеете после этого давать честным людям советы, как это непотребство исполнить наиболее практичным способом...

– Знаете что, батенька!

– Знаю! Что от меня требуется?

– Снимите. Нагнитесь. Раздвиньте.

– Снял. Нагнулся. Раздвинул.

– Ну, сука, держись! – мстительно пробормотал проктолог. Впрочем, последней фразы пациент не расслышал.

* * *

– В связи с этим у меня еще один вопрос...

– Слушаю!

– Видите ли, уважаемый... – голос пациента звучал несколько напряженно из-за крайне неудобной позы. Врач по-хозяйски шуровал в коллекторе посетителя настолько рьяно и бесцеремонно, что несчастная жертва никак не могла найти устойчивое положение: при всех стараниях пациента закрепиться более-менее прочно, все его массивное тело непрерывно раскачивалось, словно полупустой бетоновоз на мартовской гололеднице. – Я, собственно, чего хотел добавить... Ай... Ого! Видите ли...

– Вижу! – проктолог-садюга мстительно вонзил по самое запястье, отчего пациент ойкнул и слетел на крутом вираже с трассы, повалив ограничительные столбики. В смысле – рухнул на колени.

– Док!!! Что ты там ищешь, мать твою???

– Истину, мой друг, истину.

– И что? Истина где-то там?

– Известное дело! Ладно, обувайтесь.

Врач, вполне удовлетворенный, вальяжным жестом сдергивает перчатки, и, с довольной улыбкой, швыряет их в урну:

– Ну, батенька, о чем вы хотели спросить? Хотели, но так долго стеснялись?

– Стеснялся??? Изумительно... Откуда, по-вашему, я мог догадаться, что мне предварительно следует спустить подштанники?

– Здрасьте! Вы к кому пришли?

– На двери написано «Проктолог».

– А вы, типа, не знаете, какие запчасти проверяют у проктолога?

– А вы, типа, предполагаете, что обычный человек владеет вашей изуверской терминологией? Откуда я, неискушенный обыватель, должен знать, что означает сей кошмарный термин?

– Ха-ха-ха! Вы что, ненормальный?

– Стоп! Это мы уже обсуждали!

Врач, еще не так давно находившийся на пике триумфа, мгновенно сник. Только что он, отнюдь не глупый человек, понял, что «обломать» больного у него не получилось. Напротив – с какой-то невероятной тоской, он вдруг отчетливо осознал, что попал в цепкие лапы демагога. И что, скорее всего, здесь и сейчас начнут обламывать его самого. Иметь, как последнюю... Методично. Напористо. Творчески. С огоньком. Однако будучи человеком упертым, он, как правило, не сдавался сразу. Демонстративно поигрывая – на всякий случай – рыжей литровой клизмой, проктолог скабрезно поинтересовался:

– У вас остались вопросы по поводу анального отверстия? Могу исследовать более детально!

Пациент несколько побледнел, но довольно скоро взял себя в руки:

– Не суть важно... Скажите, вам известно, что такое «расщепление горизонта»?

– Господи... Это что за хрень? – обескуражено спросил растерявшийся врач.

– А я поясню. Мне не трудно. Это общепринятый на территории Российской Федерации русскоязычный аналог термина «split horizon».

– Как???

– Ах, вам даже и это не вполне ясно. Странно, весьма странно... Не находите? Впрочем, поясню подробнее. Split Horizon – это специальный прием, который довольно часто используется в протоколах канальной маршрутизации. Смысл его в том, что маршрутизатор не отправляет информацию о маршруте на тот интерфейс, с которого получил эту информацию.

– Да? Не может быть!

– Именно! Более того: основная, и самая приятная «фишка» состоит в том, что расщепление горизонта позволяет предотвратить появление петель в маршрутах.

– Ага. Теперь понятно! – с энтузиазмом подхватил проктолог. – Так бы сразу и сказали. Мол, «горизонт». Я бы сразу догадался. Ребенку ведь ясно: когда этот ваш маршрутчик расщепывает горизонт, он моментально, стервец, наматывает петли. На интерфакс. А то заладили: «сплит» да «сплит»... – Врач возбужденно ухватил пациента за рукав и принялся рьяно доказывать: – Вы знаете, батенька, я вообще – патриот. И категорически не приемлю всего иностранного. Да меня... – проктолог доверительно приблизил влажные губы к уху обалдевшего пациента, – просто бесит все это рабское преклонение перед иностранными словами.

– А как же латынь? – посетитель на всякий случай отодвинулся подальше. Вероятно, в связи с тем, что из орального отверстия доктора дурно пахло. Практически так же, как из анального. Того самого, относительно которого в разные стороны...

– Что-вы-что-вы-что-вы! – зачастил врач. – Доверительно замечу: была бы моя воля, я обходился бы исключительно нашими, родными терминами. Ну их, этих латинян!

– Не придуривайтесь, Док. И не уводите разговор в сторону. Извольте дослушать. Иначе так и помрете невеждой. Учтите: даже расщепление горизонта не решает всех проблем маршрутизации. И зарубите себе на носу: в неполносвязной многоточечной сети Frame Relay расщепление может вызвать определенные проблемы.

– Какие? – упавшим голосом осведомился расстроенный доктор. Энтузиазма на его молодом розовощеком лице – как не бывало. Более того, стало очевидно, что Док, ранимая душа, имел обыкновение принимать все неудачи и назревающие проблемы слишком уж близко к сердцу. Предвидя длительные и ожесточенные споры, связанные с трудностями администрирования неполносвязных сетей, эскулап заметно упал духом. Не удивительно: очевидного решения проблемы расщепления горизонта он не видел, а на длительное изучение вопроса... Взгляд потух, лицо приобрело пасмурную тональность.

– «Каки-и-ие!» – передразнил пациент. – Это тебе, брат, не клизмы ставить! Это, брат, – наука! Понимаешь, Док, на противоположной стороне любого интерфейса «слушать» информацию может не один, а несколько маршрутизаторов. Поэтому подавлять распространение информации о маршруте не следует.

– Да, затаивание информации... вообще пагубное дело...

– Что???

– Я говорю, что скрывать информацию – если конечно, это не врачебная тайна – вообще моветон.

– Док, ты охренел? Да при чем здесь врачебная тайна???

Возбужденный пациент принялся негодуя расхаживать по кабинету. Развивая тему дискуссии, он последовательно остановился на всех аспектах использования расщепленного горизонта в каналообразующем оборудовании. В голосе прорезались менторские нотки, чувствовалась неподдельная увлеченность предметом обсуждения. Следует признать, что лектор обладал изрядными дидактическими талантами: все, что он доходчиво

разъяснял на простых и жизненных аналогиях, становилось понятным буквально сразу – даже непосвященному слушателю. Умело вовлекая в дискуссию хозяина кабинета, подавленного харизмой лектора и с безвольной улыбкой тупо, согласно кивающего наподобие китайского болванчика, он методично склонял его к своей точке зрения. Склонив же – интеллектуально изнашивал, оставив эскулапа с несмываемым клеймом ретрограда. Впрочем, через какое-то время, внезапно прервал себя на полуслове и с жалостью посмотрел на проктолога:

– Ты хоть уяснил чего, чучело?

– Кто вы? – вяло пролепетал убитый горем врач.

– Я? Как это кто? Полковник!

– Полковник... чего?

– Как то есть чего? Того, чего надо, того и – полковник! Еще вопросы есть?

– Что мы с вами... сейчас... обсуждали? – голосом умирающего осведомился несчастный ретроград.

– Принципы настройки вычислительных сетей и каналов передачи данных.

В кабинете повисло тягостное молчание. Хитрый, с прищуром взгляд полковника с явным удовольствием изучал редкостное в отечественных широтах явление, а именно: вставшие в раскоряку мозги дипломированного врача. Следует отметить, что данное аномальное явление было настолько очевидным, что наблюдалось невооруженным глазом: любознательному полковнику не пришлось применять каких-либо специальных измерительных приборов типа дальномера, перископа, спидометра и всяких прочих магниторезонансных томографов. Мозги скрипели, дергались в конвульсиях, редкие зоны повышенной электрической активности безвольно тонули в блаженстве резонансных волн криотринитропентодной рефраксно-референсной структуры. Ну и поделом...

– Каналов... данных?.. Полковник... а... где же тогда... Ваш полк?

– Ты что, Склифосовский, охренел? Может тебе еще код запуска баллистической ракеты назвать?

– Да я просто...

– Ма-а-алчать!!! Это что, военный санаторий, или дурдом???

Откуда вас, таких чучелок, понабрали?

Разъяренный полковник, заложив руки за спину, принялся нервно расхаживать по кабинету. Однако внимательный наблюдатель несомненно заметил бы, что в точках разворота стремительной траектории – на врача искоса поглядывал пронизывающий взор хитроватого исследователя, а не лихого рубаки.

– Если вы... полковник... то при чем здесь эти... как его? Маршрутизаторы? Маршрутеры? Марш...

– Маршрутизаторы. По-твоему, Док, все полковники должны бегать с пистолетами во главе ватаги солдат? Мы, военные инженеры, ведь не считаем, что все врачи носят в карманах клизмы? Мы-то понимаем, что кое у кого есть скальпели и даже пассатижи.

– Да-да, конечно... Но и вы поймите: приходит ко мне какой-то специальный замаскированный полковник в пижаме, а у него вместо пехотного полка одни маршрутчики – что я должен был подумать?

– Думать? Твое дело, Гиппократ, не думать, а смотреть. Сам знаешь куда. Впрочем... Думать ты тоже пытался. Даже что-то там вякал, спорить пытался.

– Ну и... как я вам? – заискивающе спросил эскулап.

– Хреново. В информационных технологиях, ты, Док, полный пень. И консерватор. Я б тебя даже секретаршей на свою кафедру не взял. – Полковник плотноядно – на всякий случай – оценил упругие ягодишки доктора, плотно и вполне сексуально обтянутые голубым медицинским халатиком.

Полковник устало присел на краешек стула и, уперев ладони в широко расставленные колени, с интересом посмотрел на раздавленного обстоятельствами врача. Покачал головой. Проктолог поежился, почуяв на себе изучающий взгляд опытного и тертого человека, и вся его былая спесь окончательно, без остатка, стекла куда-то в пол, растворившись позорной лужицей в потертом коврикe возле стола. Убедившись в оконча-

тельности произошедшей метаморфозы, посетитель сбросил шутовскую маску и, вполне серьезно нахмутив брови, продолжил:

– Знаешь, Док, за что я вас, сволочей, не перевариваю? За то, что работать вы не хотите, толку от вас – чуть. Если только «больничный» спросить. Специалистов среди вас – полпроцента. Хорошие диагносты – вообще реликт. Но спеси и гонору – выше макушки у каждого второго. Будь по-моему, так ежели не нравится работать – уходи. Не хочешь развиваться, учиться, приобретать опыт – сдрисгни в туман. Ведь ты отвечаешь за самое ценное на свете – за человеческие жизни.

Полковник тяжело вздохнул, и, помассировав шею, продолжил:

– Ты хоть понял, к чему я затеял этот цирк?

Врач молча, сиротливо покачал головой.

– Потому что самая паскудная ваша, медиков, особенность состоит в том, что вы отчего-то решили, что пациент не только должен знать, чем он болен, когда и в какие сроки ему делали прививки, но и полностью владеть вашей инквизиторской терминологией. Сначала вы придумываете для препарата обнадеживающее название «Бронхипрет»¹, – при этом непонятно, кого он прет и прет ли вообще... Или того чудесатее – неприличное для интеллигентного человека ругательство «Апизотрон»², а затем находчиво спрашиваете: «Та-а-ак, что я вам прописал прошлый раз?» Я военный инженер! И мне плевать на ваши пероральные, оральные или анальные! Я этого не знаю, и знать не желаю. У меня и по моей специальности проблем – по самые гланды. И я не намерен зубрить еще и ваши садистские термины и теории. Этому учили тебя. Вот и изволь соответствовать. А не хватает мозгов – загляни в карточку и прочти, чудило, что там предыдущий спец накарябал куриной лапой. Но не мучай

¹ Бронхипрет – средство для лечения острых и хронических воспалительных заболеваний дыхательных путей, сопровождающихся кашлем и образованием мокроты (трахеит, трахеобронхит, бронхит) (прим. автора).

² Апизотрон – мазь на основе пчелиного яда (прим. автора).

пациента идиотскими вопросами. Я хочу сказать – пусть каждый занимается своим делом. Ну что, Айболит, согласен?

Проктолог слабо кивнул.

– Апиздотрон... – крикнул полковник и, ядовито ухмыльнувшись, пожал плечами. – О чем, стервецы, думают?

Задумчиво пожевал губами, видимо, пробуя на вкус незнакомое слово, и через минуту продолжил:

– И напоследок хочу задать тебе один вопрос. Вот скажи, когда ты, в самом начале беседы, не смог квалифицированно ответить мне относительно расщепления горизонта, я над тобой смеялся?

– Нет... – хрипло ответил эскулап.

– Так отчего же ты смеялся надо мной? Зачем унизил меня? Унизил и фактически надругался над моим человеческим достоинством, когда я не знал, что означает надпись «Проктолог» на твоём кабинете? И еще, ежели ты разумный человек, скажи – правда лично к тебе это не относится – почему врач скорой помощи корчит недовольную рожу, если его спрашивают, какой препарат он вкатил загибающемуся от боли пациенту? И почему – в таком случае, если это такая уж военная тайна – врач следующей «скорой», приехавшей через два часа после первой, с пристрастием пытается несчастного, что ему впендюрил предыдущий инквизитор??? А забавный вопрос о количестве полных лет? Почему, кстати, «полных»? Лично тебе, например, какая разница: сорок девять мне или сорок восемь?

В кабинете надолго повисло усталое молчание. Но, против ожидания, это молчание не казалось тягостным для участников необычного действия. Чувствовалось, что где-то там, в глубине души, идет некая работа; что собеседники о чем-то размышляют, делают выводы. Инженер устало подпер тяжелый подборок кулаком; врач, нахмурившись, задумчиво теребил шариковую ручку. Встал из-за стола, неторопливо подошел к окну; заложил руки за спину, уставившись на набухшие почки ольхи, там, во дворе.

Некоторое время спустя, врач прервал молчание: неловко кашлянул и, не оборачиваясь, хрипло спросил:

– Так что вы хотели? С чем пришли?

– Подпишите мне справку. Или как там у вас это называется? Нужны подписи в первичном обследовании в ознаменование моего торжественного прибытия на черноморский курорт... – устало произнес полковник. От его запальчивости не осталось и следа.

– Что же вы... ворвались в кабинет таким... возбужденным? Что стряслось?

– Понимаешь, Док, достали... Невропатолог – навязывал мне аппликатор Кузнецова. По сходной цене. Хирург нагло спросил, били ли меня по голове, а затем стал настойчиво предлагать какую-то мазь. По специальной скидке. Отоларинголог долго возмущался, что я, оказывается, страдаю тугоухостью. Его возмутило, что я заранее об этом не предупредил. Он, бедолага, долго, упорно и мучительно снимал мою АЧХ¹, затем обнаружил у правого уха провал в области одного килогерца, и спустил на меня всех собак.

– За что?

– Я, оказывается, должен был сам знать, что у меня провал. В области одного килогерца. Отчего-то ему кажется, что у всех дома стоят собственные измерители АЧХ. Наряду с телевизорами и микроволновками. Измерители АЧХ – вообще довольно распространенный в быту прибор, не находите, доктор?

– Не берите в голову. Он сам его неделю назад получил. До сих пор тащится. Вот и пыжится от гордости.

– Затем эта странная женщина... Глазник... Глазист? Глазовщик? Глазовик?

– Окулист...

– Да, окулист. Замучилась, трудяга, подбирать мне линзу в левый глаз. Стонала-вздыхала, вздыхала-стонала – прямо не клиника, а шахтерский забой, мартеновская печь, выгрузка но-

¹ АЧХ – амплитудно-частотная характеристика. В электронике и теории управления: график зависимости амплитуды сигнала от частоты этого сигнала (прим. автора).

вороссийского, сука¹, десанта. Минут семь или более того, у нее ничего не выходило. Не вижу и все! Размыто при любых диоптриях... Потом додумалась в карточку заглянуть, в предыдущие каракули. Кстати, Док, вас специально учат писать задницей? Короче, сунулась в обследование за прошлый мой приезд. Сощурила свои пороссячи глазки, да как взялась визжать: «Ах, больной, ах больной! У вас тут оказывается не просто геморрой, а миопический астигматизм, чего вы мне тут голову морочите? Вы что, не в курсе, что у вас семнадцать градусов? С вашим открытым переломом вообще без толку очки подбирать. Тебе, бестолочи, при такой скарлатине просто вешают на левый глаз для симметрии то же, что и на правый! Ну и чего молчим?»

– Конечно, Марь Ванна женщина эмоциональная...

– Знаешь, Док, мне плевать, какая она там женщина. Я не к женщине пришел, а к специалисту. И вообще, кто ее просил линзу подбирать? Мне просто ее закорючка нужна. Глянула бы на глазное дно – и все дела.

– Ну, батенька, тут вы не правы. Ей, специалисту, виднее, чего смотреть, а чего нет.

– Прекрати, Док, называть меня «батенькой». Ты молодой еще парень, и тебе это совсем не идет. Глуповато звучит. Мой тебе совет, ищи другой образ. Или имидж, как сейчас говорят. А еще лучше, быстрее становись специалистом. Уважать тебя начнут за квалификацию, а не за словечки эти убогие... О чем это я? Короче, визжала-визжала, потом заявляет: «Странно, почему тот идиот, который у вас в глазу эту сколопендру обнаружил, никак вас не предупредивши?» А она и есть тот самый идиот со сколопендрой. Ибо сама и смотрела меня в прошлом

¹ Новороссийский десант – тактический десант, высаженный 10-16 сентября 1943 года силами Черноморского флота в Новороссийский порт в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции Великой Отечественной войны. Высадка производилась под сильнейшим артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника, характеризуется массовым героизмом личного состава десантных частей (прим. автора).

году. Что самое забавное, опять на те же грабли наступила: справку подписала, но какие линзы намеряла – так и не сообщила.

– Мда... дела...

– Так что с подписью, уважаемый?

– Конечно... подпишу. Простите, я все же обязан задать вопрос...

– Валяй!

– Как вы спите ночью?

– Нормально.

– Я имею в виду, сколько раз встаете к унитазу?

– Один раз в четыре часа утра.

– О! Но ведь это... не есть гут!

– В смысле? – полковник слегка растерялся, и на секунду превратился в пациента. Мальчишка не замедлил этим воспользоваться, и мгновенно натянул маску эскулапа.

– Да это просто трагедия. Вас надо срочно лечить!

– Что??? – размякший пациент побледнел. Вряд ли это безвольное лицо могло когда-либо принадлежать командиру одной из самых мощных служб армии.

– Если срочно не взяться за ваш простатит, то вы плохо кончите.

– Я и так плохо кончаю, что дальше?

– Как? Вы еще и плохо кончаете? Ну-у-у тогда вообще!

– Доктор, угроза жизни есть?

– Нет...

– До свидания!

– Погодите! Вы что не понимаете, что здоровый мужчина, выпив литр воды перед сном, нормально спит до 6 утра?

– Доктор, я могу выпить два литра воды и спать до восьми. Но комфортнее я себя чувствую, если все же отолюю в четыре. И не вижу здесь трагедии. – Волевым усилием пациент попытался взять себя в руки, вынырнуть из болота трагической безысходности и трясины inferнального ужаса. На секунду, где-то там, под поверхностью болотной жижи даже промелькнул волевой подбородок полковника, но... Не тут-то было. Схлопнулся. Пошел ко дну – только чавкнуло.

– Трагедия будет, когда вы станете ходить с баночкой в кармане!

– Как это?..

– Там будет... дренажная трубка из пузыря! Дренажная! Трубка! Из! Мочевого! Пузыря!

Освоившийся с ролью обличителя проктолог вошел во врачебный экстаз, садистики, со вкусом, вколачивая в крышку гроба недавнего пациента – а ныне покойника – очередной гвоздь. Что ни термин, то гвоздь! Что ни термин, то гвоздь!! Что ни термин, то гвоздь!!! Чпок-чпок-чпок – входят в податливую сосну язвительные гвозди доктора: Дренажная! – чпок! Трубка! – чпок! Из! Мочевого! – дважды чпок! Пузыря! – чпок-хрясть-дзинь-чпок!

Глухой удар докторова молотка по утопленной в сосновой крышке головке финального гвоздя возвестил об окончании скорбного процесса. Вечная память!

Невероятно, но... Новопреставленный вновь – против ожидания – подал признаки жизни. Вялым, заискивающим голосом жалко спросил:

– Доктор... Неужели... ничего нельзя... сделать... Господи... – с задрогом мямлил он.

– Нет!!! Допрыгались!

Нечто аморфное, распластавшееся на стуле бывшего пациента, попыталось собраться в более-менее структурно оформленную субстанцию:

– Не может же... быть... все так плохо?

– Вы что, не понимаете? У вас стремительно прогрессирует простатит!

– Елки...

– Но! Специально для вас-с-с! По сходной цене! Могу предложить! «Простамол Уно»! И, если вы купите прямо сейчас, то втора-а-ая пачка...

* * *

Во всех своих противоречиях, мировые религии сходятся в одном: душа не умирает. Более того, хитрозадые буддисты во-

обще считают, что существует стабильная, проверенная и апробированная тысячелетиями практика переселения душ. Проктолог тоже где-то про это слышал. Но не особо верил. Однако, минутой спустя, юноша с удивлением обнаружил, что в размазанную по сидению протертого стула субстанцию мощно и неодолимо вселилось нечто энергичное. Согласно буддистской теории о переселении. Нечто энергичное находчиво и с нажимом произнесло:

– Послушай, Док! Если ты прав, то простатит у меня начался еще в нежном юношеском возрасте! Потому как в те доблестные времена, будучи курсантом на военных сборах в славных Вооруженных Силах Союза Советских, я каждое утро, еще до подъема роты, вставал ровно в четыре ноль-ноль отливать в гарнизонном туалете, который дислоцировался в полтора километрах северо-западнее моей палатки! И, тем не менее, никакой трагедии не испытывал! Обрати внимание, Док, в те блудливые годы я имел настолько шуструю, пронырливую дудку, и такую тугую, уписистую струю, что уверенно ставил свое факсимиле на многострадальной стене батальонного штаба! А надо заметить, что стена отделялась газоном шириной полтора метра! Какой, к едреням, простатит!? Где вы, гиппократы, видели простатитчика (простатера? простетика?), сгибающего к газону кусты рододендрона? Вам там, на лекциях, разве не говорили про индивидуальные особенности организма?

– О'кей, о'кей, о'кей! Нам там, там нам, там там – говорили. И даже очень. Ладно! Не хотите «Простамол», хорошо. Но! Для профилактики вам надо больше заниматься сексом.

– Чем?

– Сексом! Вот, к примеру. Сколько раз в неделю, вы, батенька, пользуете женщину?

– А сколько надо?

– Ха! Да никак не менее двенадцати-семнадцати раз!

– В неделю??? Доктор, вы маньяк?

– Ага! Значит, у вас и с потенцией проблема! Порекомендую вам сперму памирского сайгака по льготной цене! Специально для вас-с-с! И! Если вы купите прямо сейчас, то...

- То что?
- Видите ли, боль...
- Кто?
- Видите ли, э... товарищ... нерегулярная половая жизнь приводит к рецидивному защемлению восходящей мерцательной протоки мужских половы...
- А расщепление горизонта? Как насчет петель в маршрутах?
- На противоположной стороне интерфейса? – робко уточнил проктолог.
- Именно!
- Яволь! Понял! Абгемахт! Заметано!
- Умница! Кстати, Док, а кто тебе сказал, что если я не пользую женщину, то у меня проблемы?
- Послушайте, больной, а как иначе?
- Как ты меня сейчас назвал?
- Когда?
- Сейчас.
- Прямо сейчас?
- Да!
- Вот прямо сейчас? Не перед этим?
- Да!!! Вот прямо сейчас! Сорок секунд назад!
- Простите. Приношу извинения. Итак, поясните свою глубокую мысль.
- Да мало ли? Например, мужик может уставать на работе. Или вдрызг разругаться с любовницей. А еще у него могут быть принципы, согласно которым, он ни с кем, кроме жены...
- Ни с кем? Кроме жены?
- Ни с кем! Кроме жены! ...А жена заболела...
- Заболела?
- Заболела!
- Прямо-таки заболела?
- Прямо-таки! Заболела! И вот...
- И вот прямо-таки заболела! Позвольте спросить, чем же таким интересным она у нас заболела? А, товарищ?

– Не хаами, Док! Это не то, что ты подумал! У нее часто болит голова!

– Ага! Как только вы соберетесь взойти на брачное ложе, то у супруги сразу болит голова!

– Да! Болит! Голова! Как только!

– Забил снаряд я в пушку туго...

– И думал: угощу я друга...

– И ядрам пролетать мешала гора кровавых... Я вас умоляю! Клиника! Да я с вас просто смеюсь! Вы что, мальчик? Наивный юноша? Вы что, не знаете, когда у супруг болят головы? Купите!

– Что?

– Купите «Солпадеин»! Тройной удар по боли!

– А если расщепление горизонта? В плане петель в маршрутах?

– На противоположной стороне интерфейса?

– Именно! Впрочем, какого черта! С какой стати я должен перед вами исповедоваться? Мало ли, какие у меня... Не твое дело, Док!

– А вот и хрен-то! Мое! В моей юриспруденции!

– Юрисдикции...

– Юрисдикции!

– Точнее – компетенции...

– Я и говорю – в моей компетенции! Тем более – при импотенции.

– Импотенция – ваша компетенция???

– Да, импотенция – моя компетенция!

– Моя импотенция – ваша компетенция?

– Да моя импотенция – ваша компетенция!

– Ваша импотенция – моя компетенция? Док, вы уверены?

– Что? Тьфу! Наоборот! Итак, вы женаты?

– Да!

– Супруга половозрелая?

– Да!

– Способна?

- Еще как!
- Ну и?
- Что «и»?
- То есть у вас, дома, есть настоящая живая женщина, которую вы... можете несколько раз за ночь, совершенно бесплатно... В любое время, без разрешения...

* * *

Психика современного человека устроена довольно причудливым образом. Некоторые скрытые от глаз неспециалиста особенности ей даровала Сама Госпожа Природа, находчиво – дабы не изобретать велосипед – передав их от косматых предков, терпеливо терзавших тупыми рубилами неподатливый хобот мамонта. Но кое-что и, порою весьма неожиданное, мы привносим в свою многострадальную голову сами, безбожно придумывая бессмысленные условности современного мира, причудливо нагромождая одно на другое. Кто сказал, что начальник – грозен? Став специалистом, возмужав, набравшись авторитета, разве не обнаруживаем мы в один прекрасный день, что утопающий в кожаном кресле монстр, метающий гром и молнии, на самом деле – беззащитный, сморщенный старикашка? Несчастный маразматик, некогда на пике власти распявший на своем письменном столе не один десяток прелестных сотрудниц, давно уже стыдливо прячет во внутреннем кармане пиджака пробирку с дренажной трубочкой. Глаза раскрываются, наваждение рассеивается, и что? Где этот некогда грозный Зевс-Громовержец? Не это ли облысевшее создание с отвислой задницей в кресле шефа? И чем еще, кроме экзерсисов психики можно объяснить наше странное нежелание разглядеть трясущийся полутрупик в кресле хотя бы лет на пять раньше? Отчего так долго? Кто застил нам, разумным людям, глаза? Ведь король-то голый! Голый! И голый – уже давно!

Или, к примеру, еще один парадокс. Кто сказал, что шапочка стюардессы – сексуальна? Сними шапочку, сбрось пиджак с крылышками, и перед нами – обыкновенная баба! Но почему-то миллионы мужчин плотоядно провожают взглядом любую

особу, если ее прелестная головка увенчана шапочкой стюардессы. Ведь прелестных головок много! И возможны варианты – кто-то нравится, кто-то – не очень. Но шапочка стюардессы в сексуальном смысле – инвариантна. Это беспроегранный способ нажать на мужчине нужные кнопки. Любой джентльмен средней агрессивности автоматически проводит взглядом чертовку, если только у нее – элегантная шапочка стюардессы. Отсюда вывод: вопреки логике и здравому смыслу, шапочка стюардессы все-таки фантастически сексуальна. Сексуальность из нее просто сочится, бьет фонтаном. Так считается именно потому, что миллионы мужчин автоматически провожают взглядом любую даму в шапочке стюардессы. Провожают – значит, сексуальна. Сексуальна – значит, провожают. Следует добавить, что не менее сексуальны белые фартучки парадной школьной формы 50-х годов прошлого века, пионерские галстуки, халаты медсестер и русские сарафаны с коромыслом.

Но! Почему тот же пресловутый халат медсестры, одетый на мужчину в строгом галстуке, вызывает вместо сексуального наслаждения благоговейный трепет и легкую панику у пациентов – задача для психологов. То, что даже сопливый мальчишка-интерн автоматически внушает непререкаемый авторитет и веру в завтрашний день, едва напялив белый халат, – вопрос даже не дискуссионный. Почему мы, обыватели, не видим за белым халатом человека – непонятно. Почему нам, обычным людям, требуется волевое усилие, дабы разглядеть там, под белой шапочкой, – недоумка или неуча вместо специалиста – объяснению, к сожалению, не поддается.

Точно так же не поддается объяснению тот факт, что бравый полковник не сразу разглядел в халате проктолога обыкновенного мальчишку. Прыщавого. С буйствующей юношеской гиперсексуальностью. Умудренный врачебным опытом специалист при ближайшем рассмотрении оказался вчерашним выпускником мединститута в том самом любознательном возрасте, в котором возбуждает все, что шевелится. У прозревшего командира возник только один вопрос: «Что мне этот Специа-

лист может посоветовать?» В отупелой от ошеломления голове крутилась лишь одна фраза: «Дома есть настоящая живая женщина, которую можно совершенно бесплатно».

– Простите, недопонял?

– Послушайте, батенька... При наличии здоровой супруги не иметь регулярного сек...

– «Батенька»? Вы опять сказали «батенька»? Малыш, где ты набрался этой пошлости?

– Да, я помню, вы советовали... Имидж... И все такое... Однако же... Ближе к делу!

– Ближе! Попробую объяснить.

Полковник неторопливо, со вкусом, кладет ногу на ногу, устало прикрывает глаза и по-отечески тепло спрашивает:

– Скажи, Док, какие игрушки тебе нравились в детстве?

– В смысле?

– Ну самые любимые игры? Оружие? Мяч? Марки? Солдатики? Спички?

– Э-э-э... Это... Паровозики. У меня была солидная коллекция 9-ти миллиметровых железных дорог. Немецкого производства. Рельсы. Вагоны. Локомотивы. Мосты. Тоннели.

– И вы в это играли?

– Да... Я их это... Стыковал рельсы, всякие там стрелки, semaфоры. Пульт управления с батарейками... Сделал огромный фанерный стенд... Холмы из пенопласта, деревья... Специальная травка, станционные домики из наборов, перроны, скамейки...

– Об-б-балдеть! Просто об-б-балдеть! Это же невероятно изысканная игрушка! Я сам когда-то мечтал о такой. Но в мои годы это был страшный дефицит... Их привозили из ГДР... Док, вы ее выкинули?

– Кого?

– Коллекцию электрических железных дорог?

– Да нет, что вы! Ее с таким трудом пришлось собирать... Она уже выходила из моды, многие элементы постепенно ис-

чезали из продажи. Но мне – нравилось. И я собирал. Упорно собирал... Рука не поднимается выкинуть...

– Ага... Не выкинули... Док, а вы часто в нее играете?

– Чего? Да я это... некоторым образом вырос... из этого возраста... Я что, ребенок?

– Странно... Очень странно...

– Да что тут странного-то? У каждого возраста свои интересы!

– Пра-а-авда? А я тут сижу, дивлюсь... Как же так... У вас дома такая ценная вещь. Модель симпатичной железной дороги. Нет, доктор, вы определенно больны! У вас дома есть настоящие маленькие паровозики, в которые можно несколько раз за ночь совершенно бесплатно играть! В любое время, без разрешения. А вы этого не делаете...

– Да вы что, больной? Я же...

– Нет, не больной, и мы это уже обсуждали!

– Хорошо! Согласен! Но! Я же сказал уже: у каждого возраста свои интересы! И это – нормально!

– Вот именно, юноша. Вы сами ответили на свой вопрос. У каждого возраста свои интересы. И это нормально. Вы перестали играть в паровозики, а у меня пропал интерес – простите – к влагалищу. Я, конечно, могу в него... влагать, но как-то не чаще одного раза в два месяца, и то, если она, моя благоверная, меня сильно удивит. Когда ты, малыш, наконец повзрослеешь, то со временем поймешь, что на свете есть много других интересных занятий, кроме как... влагать обезумевший член в любую подходящую по размеру дырку. Футбол. Рыбалка. Пиво. Телевизор. Автомобили. Друзья. Внуки. Туризм. Книги. Интересная работа. И даже... расщепление горизонта. Ты меня понял, Док?

Врач долго молчал. А потом поправил шапочку и вдруг раскатисто захохотал:

– Я, кажется, понял. Обойдемся, батя, без простамолы. Давайте вашу справку.

ПРОФЕССИОНАЛ

*Мой дом - моя крепость
(Английская поговорка)*

Черт меня дернул нанять этого профессионала. И ведь что обидно? Отнюдь не газетное объявление свело меня с ним. «Опытный профессионал решит любые проблемы. Быстро». Напротив, подобные наивности давно не для меня. В наше бандитское время доверять можно только рекомендациям. Рекомендациям серьезных людей. А твердую руку и острый глаз к объявлению не приложишь. Да и вообще, настоящий специалист – штучный товар. Говорили, что он – профессор в своем деле. Работает чисто и виртуозно.

Вот и доверился.

Пока он в прихожей вытряхивал из дорожных сумок инструмент, вся семья сбегалась на него посмотреть.

– Слышь, мужик, звать-то тебя как?

– Вазген Багдасарович.

«Ничего себе, – думаю, – какой Багдасарович мне диван мастырить будет. Эге. Это тебе не “Войну и мир” написать. И не пенициллин изобрести. Даже Витус Иванович Беринг со своим проливом маху дал... На что жизнь потратил? Шел бы диваны изучать. Была бы людям конкретная польза. Диваны! То-о-о-ная наука...»

– А товарищ твой?

– Узбек армянину не товарищ. Еще. Вы приглашали уважаемого мастера-профессионала в свой дом, вы называли уважаемого мастера «ты».

– Понял, извините. Так как звать вашего э...

– Узбека?

– Да. Вы что, националист?

– Бог видел – нет. Он, – Вазген Багдасарович отверткой показал на своего спутника, – типа, ученик. Ученик не имеет имя. Не заслужил. Потому просто узбек. Для вас.

Вопреки этой замысловатой дискриминации, взгляд, обращенный на учителя, казался по-собачьи преданным, полным любви и восхищения; однако более проницательный наблюдатель заметил бы и нотки суеверного ужаса, и униженность забитого существа. Кустистые, несмотря на юный возраст ученика, брови, по-азиатски сросшиеся на переносице в нечто единое целое, удивительным образом отражали всю гамму чувств мальчишки, жадно ловившего каждое слово мастера. Радостно изогнутые при покровительственных интонациях в речи хозяина они тревожно ломались на судорожно нахмуренном лбу, являя почти животный страх при малейшем намеке на изгнание из элитного мастер-класса Вазгена Багдасаровича.

– И как же вы его зовете?

– Мы его зовем «Ты».

– Понятно; диван – в той комнате. Проходите.

– Еще. Кушать буду редиску-помидорку. Овощ. Мясу не предлагайте.

– Одна-а-а-ко...

– Зачем «однако»? Доктор мне мясу не разрешал.

– Простите, я не совсем «въехал». Какой доктор? Вы, кажется, пришли диван ремонтировать или что?

– Въехал-приехал-заехал! Вы что, думал такая работа тьфу-плюнуть делается? Еще. Бог видел...

Далее Вазген Багдасарович, преисполненный собственной значимостью, пустился в пространные рассуждения о невероятной сложности ремонтно-восстановительных работ при реставрации диванов. Об ответственности каждой технологической операции, выполняемой в этом, безусловно, уникальном производстве. А также о законах гостеприимства в отношении авторитетного профессионала, постигавшего потом и кровью вершины мастерства на склонах легендарной горы Арарат, как завещали ему деды и прадеды, по наследству от отца к сыну передававшие утраченные ныне секреты.

– Хорошо, я понял. Организуем. Кстати, диван в той комнате.

– Еще. С эта комната, которому я работаю, унести другую лишнюю мебель.

– Изумительно. А для ученика сбегать за лагманом? Если я кумыс не достану, обычное молоко устроит?

– Это ... типа шютка? Еще ученик до узбека не отрос. Э, так, сайгак молодой пока. Его хотелки-желалки никто даже не смотрит.

Тут наш сайгак, услышав из уст Багдасарыча магическое слово «ученик», несколько приободрился – слово предполагало стабильность, благополучие и протекцию мастера в обозримом будущем.

– Проходите в комнату. Обсудим цену.

– Э, что цену? Тьфу-плюнуть. Бог видел, когда отцы и деды...

Далее последовала вторая часть саги об исходе Вазгена Багдасаровича с легендарных предгорий седого Арарата, дабы поведать нам, немывтым российским лапотникам, о великом и благородном искусстве творения диванов. И, понимая всю серость хамоватого Саратова, совершенно недостойно расположившегося по божьему недосмотру на берегах, несомненно, великой реки, он прощает мое неуважение к законам гостеприимства и постарается сделать вид, что не заметил «гастрита», как он выразился, в моих речах.

– Простите, Вазген Багдасарович, я все понял. Диван, если не возражаете, – в той комнате.

* * *

Пока Вазген Багдасарович в промасленной спецовке вольготно расположился на новеньком диване, который неделю назад обошелся мне в тридцать тысяч, я молча таскал мебель, дабы освободить место для ремонта другого, старого дивана.

«Нет, конечно, мужик с претензиями, в чем-то даже немного нагловат, амбициозен, – думал я, выволакивая из зала швейную машину, – но с другой стороны, если человек – Мастер с большой буквы, он, несомненно, имеет некоторое право диктовать условия». За швейной машиной последовала тумбочка от телевизора, да и сам телевизор. «Мастерство вообще начинается с уважения к самому себе», – продолжал размышлять я, скатывая

палас, который Вазгену Багдасаровичу тоже чем-то не угодил.

Возможно, таким мастерам даже позволительна некоторая эксцентричность в поведении. Например, то, что он без разрешения закурил в комнате. Надо заметить, что никто в моей семье не курит, да и не курил никогда. Тем более в квартире. «Даже друзья, – рассуждал я, выталкивая в коридор постельную тумбу, – зная мою нетерпимость к табачному дыму, выйдут курить на лестничную площадку». Хотя... Такие мастера-профессионалы себе цену знают. Мне ли на него обижаться?

Я открыл дверь на балкон, чтобы слегка проветрить комнату от табачного дыма, деликатно улучив момент, пока Вазген Багдасарович самовольно воспользовался унитазом. «Несомненно, и капризы его понятны, – пришла мысль, – заработал на такой работе гастрит, вот и указывает, чем кормить. Конечно, чтобы пройти в туалет, мог бы и разрешение спросить. Но, с другой стороны, может, приспичило?»

Из туалета Багдасарыч степенно проследовал в ванную комнату, тщательно вымыл руки и неторопливо, по-хозяйски, утерся моим полотенцем. Затем, с выражением аристократической брезгливости на лице, отправился бродить по квартире, заглядывая во все углы и изрекая особо ценные советы. Все это время ученик сидел на корточках возле компьютера, где дочка набивала текст очередного реферата. Лицо ученика светилось тихой улыбкой счастливого полудурка, узревшего полет небесной колесницы. Инструмент, который ему приказали протереть и разложить перед работой, был беспорядочно разбросан на полу, и, судя по всему, оказался окончательно забытым.

– Ну как, нравится? Машина у меня довольно мощная!

– У-у-у, шайтан! – восхищенно промышчал ученик, тут же почесав у себя под левой подмышкой. Почему-то левой же рукой.

Эту трогательную идиллию разрушил Вазген Багдасарович, вернувшийся с балкона. Там они изволили созерцать наши окрестности, а также оказали мне честь в экспертной оценке качества сварных работ фирмы «Торекс», остеклившей балкон не так давно.

- Покажу «шайтан»! Кому говорил? Инструмент клал?
- Клал, мастер...
- Где клал? Как клал? Ты, животный!
- Клал, мастер, маму клянус...
- Ты! Инструмент – хлэб твой! Инструмент – жизнь твой!
- Клал, э-э-э...
- Бог видел, мама-папа забывай, халва-чурек не кушай, инструмент нюхай-смотри, – пиль сдувай! Понял, чурка?
- Понял, э-э-э...
- Ты! Давай!

Пока ученик судорожными движениями выкладывал инструмент ровными рядами по порядку от большого гаечного ключа к маленькому, Багдасарыч уютно расположился на новом диване, затем, немного поерзав, закурил вторую сигарету.

– Рэбенок еще, – вполголоса сказал он, и я впервые услышал в его голосе отеческую теплоту.

- Да, молодой узбек, совсем молодой.
- Что видел? Что слышал в своем пустыня? С баранами в кошаре ел-спал. Воды нормальный не брал. Пьют всякий дрянь, потом живот болеет. Э! Ему кишлак – половина братья-сестры рахит поймали.

– Да-а. Тяжело. Он что, никогда компьютера не видел?

Ученик, закусив от усердия губу, довольно шустро закончил фигурную раскладку инструмента, совершенно логично украсив стройные ряды крестовых и плоских отверток ножовкой по металлу. Завершая эту экибану, он с какой-то особенной гордостью возложил рядом с ножовкой ох-х-херительные хромированные пассатижи с ядовито-желтой изоляцией на изогнутых ручках.

– Не скажите. Какой ему кампютер-мапютер? Когда лампочку в первый раз видел, думал шайтан хулиганил.– Багдасарыч, заметив некоторую дисгармонию в инструментальном натюрморте, неторопливо встал с дивана и, мстительно пнув криво лежащий рашпиль, отрывисто приказал ученику устранить беспорядок.– Дик-к-кий народ... Бог видел, какой дик-к-кий...

- Ну, так что там с диваном?
- Еще. Дверь из балкона закрывать будем.

– Как это?

– Узбек на спину простудится. На полу сидит, э?

Изумительно! Ученик, значит, спину застудит. А семья всякой дрянью дышать будет. Однако возражать поздно – Багдасарыч, крикнув, встал с дивана, пригладил рыжие волосы, и, степенно подойдя к балкону, тщательно законопатил дверь на оба шпингалета.

– Еще. Находите обеденный стол. Диван кантовать на стол будем, крутить-вертеть, нюхать-смотреть. Лично!

– Ладно, это все хорошо. А если бы у меня стола не было? – я вновь попытался проявить характер.

– Типа шютка? Из кухня стоял стол. Девичка! – обратился он к моей дочери. Идите с папой стол приносите.

– Сидеть! – скомандовал я дочери. – Пойдет ученик. Ты, держай за мной на кухню! Стол потащим.

– Еще. Ученик брал с моих рук хлэб не чтобы носить стол. Ученик учит инструмент, учит мой бесценный опыт. С каждому минута своего врэмени, ученик берет через новый знания, через новый тайна.

Я вновь прослушал увлекательную легенду о неувядаемом подвиге дедов и прадедов, гонимых кровожадными турками Зариф-паши. Гонимых, но донесших, пусть даже ценой своей крови, славные секреты мастерства до гостеприимных южных рубежей Российской империи. Невероятно, но неблагодарный русский царь узнал страшный секрет армянских диванов только благодаря варжапету¹ Кикосу, варжапету Мартиросу и варжапету Бабкену. Эти святые предки Вазгена Багдасаровича, тоже взошли на свою Голгофу, но даже под пытками не открыли турецкому султану своей тайны, благодаря чему турки, козлы, так до сих пор и сидят на ковриках...

– Вазген Багдасарович, это все хорошо, но моей дочери я тяжести таскать не позволяю. Есть опасность, что ...

– Еще. Никто не имел права приказать моему ученику. Только учитель. Лично!

¹ Варжапет – учитель (арм.).

Пока я, раздраженный подобной бесцеремонностью, вместе с супругой перетаскивал стол из кухни в комнату, Вазген Багдасарович неугомонной Шахерезадой вновь разродился очередной сказкой о преемственности мастерства, пронесенного сквозь огненные годы. В частности о том, как его героический дедушка Аристакес в смутном 1920 году, во время непродолжительных разборок между турецкими войсками и 11-й Красной Армией, закапывал на каменистых берегах легендарного озера Севан какие-то специальные хитрожопые гвоздики, дабы не достались они вероломным захватчикам. И кровожадный Сталин плакал по ночам в подушку на скрипучем кремлевском диване, ибо не мог отремонтировать жесткое ложе – не выдали севанского тайника ни папа Багдасар Аристакесович, ни дядя Вардгес Аристакесович. Даже под пытками злобных бериевских зубодеров.

* * *

О, чудо! Наконец-то свершилось! Вазген Багдасарович приступил к процедуре первичной диагностики дивана! Ассистировал ему ученик. Лично. Ну и я. На вторых ролях. Пока маэстро дирижировал карандашом и записной книжкой, мы с сайгаком лихо закинули диван на кухонный стол, затем по отмашке мастера так же резво перевернули ножками вверх.

– Так! Что мы имеем? Имеем обивку матерчатый. Ты!

– Э, учитель?

– Кто держал обивку этому дивана?

– Учитель! Обивку держал спесальный... скрепка!

– Не скрепка, а скобка, чурка!

– Скопка, учитель!

– Какой варьянт крепление обивку ты знаешь?

– Скопка, обойный гвоздик, спесальный нитка! Учитель!

Я стоял, тупо наблюдая за происходящим; мысли текли лениво и неторопливо, видимо не в силах постичь весь этот бред... Думать не хотелось; накатило сонливое безволие; казалось, меня занесло в какой-то театр абсурда, попавший в руки обезумевшего режиссера. Я уже не понимал, что тут делаю, и

кто в доме хозяин. Вот уже полчаса по квартире разносились вопли учителя и ученика. Это напоминало до боли знакомую сцену из старого кинофильма про Петра I, учинившего экзамен по рангоуту выпускникам шкиперских школ Европы:

– Это?

– Грот-брам-стенъга!

– Это?

– Грот-трюм-стенъга!

– Это?

– Фор-брам-стенъга!

– Это?

– Фор-бом-брам-стенъга! – бойко выкрикивал сайгак.

Бред.

Бред.

Бред.

Чем увереннее отвечал ученик, тем азартнее терзал его не-насытнй учитель. Пока я в полушоковом состоянии стоял перед ним навытяжку, Багдасарыч шуровал в потрохах вскрытого дивана, жутким демоническим голосом выкрикивая:

– Шило!

– Есть щилло, мастер!

– Ключ 17 на 19!

– Есть кулуч 17 на 19, мастер!

– Пяссатижжжьи!

– Есть пссатиж, мастер!

– Что дал, животный? Это сбокурезы!

– Э... – ученик беспомощно посмотрел на мастера, почесав под правой подмышкой. Почему-то правой рукой.

– Пяссатижжжьи – это с желтым ручкой!

– Есть пссатиж, мастер!

От их воплей не было спасения даже в спальне, – если не хватало инструмента, он гнал мальчишку просить инструмент у меня. Сайгак говорил по-русски несколько неуверенно, и, пока добегал до спальни, кое-что забывал. Я, к тому моменту уже порядком озлобленный, если даже и догадывался, что мастеру надо, мстительно делал вид, что понятия не имею, о чем просит уче-

ник. «Вообще-то, странный он какой-то профессионал, – в некоторых сомнениях размышлял я, – что это за мастер, если у него нет ни молотка, ни рулетки? Даже шурупы, и те – мои выпросил. А как же хитрые гвоздики с легендарных берегов Севана?»

К этому моменту Багдасарыч окончательно вошел в педагогический экстаз. По мере дальнейшего раздракования дивана, он гонял сайгака и в хвост, и в гриву по: типам раскладывающих диванных механизмов, видам крепежа, составам клея, породам дерева, режимам сушки... Он драл его за уши, если тот подавал не тот инструмент; отвешивал подзатыльники за «нечистое» произношение:

– Как это называл, сын осла?

– Пссатиж, мастер!

– Не «пссатиж», а «пяссатижжжьи», повтори!

– Пяссатиж... жь... жь...и, мастер!

– Русский учи, не поздно пока! Русский учи, Россия тэперь Родина твой! Учи когда живешь-приехал! Работа-кров твой новый Родина дал! Хлеб-соль твой новый Родина дал! Русский – чисто говори, э! Повтори!

– Пяс... Пясатиж... жь...и-и, мастер! – почти захныкал мальчишка.

– Тьфу-плюнуть такой ученик! Лично! Бог видел...

Бред.

С другой стороны, когда же парню учиться, как не у клиента?

* * *

– Хозяин! Ко мне приходите!

– Что случилось? – вернувшись в прокуренную комнату, я желал только одного – банально дать Багдасарычу в морду.

– Обивку я удалял. Осмотр говорит: этот балка давал продольный трещину. Плохо.

– Ну и что? – я нехотя глянул в развороченные внутренности.

– Балка заменить будем. Через него весь диван держался.

– Ну, так меняйте, в чем же дело!!!

– Я спросил 150 рублей за работу? Теперь хочу 200. Лично! Пока балка делать, пока туда-сюда носить, вставлять-прибивать...

– Да и хрен бы с ним, двести – так двести. Из-за такой херни вы меня звали?

– Каком «херни», зачем выражались?

– Слушай сюда, мужик! Я тебя, твою мать, за ким хреном нанял? Диван делать или что?

– Диван... – губы мастера скривились от обиды.

– Ну, так делай, и не морочь голову! Вообще, сказочник хренов, не дергай меня! Не дергай, говорю, меня каждые три минуты из-за всякой ерунды. Доступно выражаюсь? Делай все тихо, – тут я перешел на зловещий шепот от еле сдерживаемого бешенства, – тихо, как мышка в норке. Чтобы тебя – ни слышно, ни видно! Чтобы ты со своим узбеком не шатался по всей квартире! У нас, родной, свои планы на сегодня были. У нас, родной, своих дел выше крыши. И мы не договаривались, чтобы мне полквартиры на уши ставили. Понял, ты, Макаренко недоделанный? И заруби себе на носу: я не нанимался тебе бегать за минеральной водой в магазин. И инструмент подавать – тоже не нанимался. А курить вообще – вон отсюда на лестничную клетку!

– Извините, зачем вы сердился?

– Чего-чего?

– Когда уважаемый мастер, ему таким тоном не говорят...

– Уважаемый мастер не кланчит у хозяина сверла, шурупы, штангенцикуль и электроотвертку. Он работает тихо и быстро, не доставая хозяев своими анекдотами. Сигарету, мать твою, задуши!

Однако мужик попался на редкость настырный. Волевой. Сигарета в руках задрожала, но он взял себя в руки. Уверенно и твердо произнес:

– Вы меня работать если приглашал, надо делать нормальные условия. Когда если работаю, я думаю-размышляю, как лучше, а как худше давать ремонт. За это, когда думаю, мне надо сильно курить-дымить.

– Какие еще условия? – Я прямо-таки задохнулся от возмущения. – Вы пришли в чужой дом! Здесь все условия ставит хозяин.

Багдасарыч с олимпийским спокойствием сделал еще одну затяжку, неторопливо прошел в сторону балкона, и принялся открывать шпингалет.

– Что вы делаете?

– Я иду курить из балкона. Еще. Я удивлялся, что вы так относитесь с гостями. Когда я гость, могу делать, как хочу.

– Вы не будете курить на балконе, потому что он застеклен, потому что весь дым будет в квартире, потому что порядочный человек вообще-то спрашивает у хозяев разрешения закурить.

Багдасарыч невозмутимо вышел на балкон и принялся открывать фрамугу остекления.

– Если вы сердился, я даю открывать окно. Не надо так нервничать. Еще. Первый раз с жизни я слушал, что надо делать разрешение. Лично!

– Затухите сигарету, вы что, не поняли?

– Ай, джан! Как тушить? Ара, как я работать буду? Э?

– Бля, да ты урод или кто? Мозгов что ли нет? Вон на лестницу!!!

Что-то в нем в этот момент сломалось. Он будто съезжился, ссутулился, поник, губы затряслись. Мне, в общем-то, и самому было не по себе. Ведь он старше меня, фактически в отцы годился. Весь его вид являл собой какое-то внутреннее достоинство, глаза светились опытом и интеллектом. В каждом жесте сквозила... порода, что ли? Я привык уважать таких людей, особенно, когда они старше меня; я уступаю им в мелочах, причем уступаю хотя бы только из врожденного уважения младшего к старшему. Стыдно, невероятно стыдно повышать на него голос. Но он просто-напросто дожал, довел меня до кипения!

Что в нем поражало больше всего? Искренняя обида! Искренняя обида какого-то непонимания. В тот момент меня вернуло от возмущения так, что я только фиксировал реакцию на мои слова, не придавая ей значения. Осознание пришло

позже, на следующий день, когда, успокоившись, я анализировал эти совершенно странные события. Мне и раньше везло на встречи с неординарными людьми. Но такую искреннюю обиду я увидел впервые. Этот человек, безусловно, далеко не стеснительный, и в самом деле верил, что имеет право вести себя именно так. И был шокирован, когда ему объяснили, что он неправ. Разумеется, все мои действия воспринимались как агрессия и неуважение к нему.

Дрожащими руками Вазген Багдасарович пригладил рыжие, но уже побежавшие первой сединой волосы, потер мозолистой ладонью висок, и, тяжело вздохнув, незаметно просочился на лестничную площадку. На ученика даже не взглянул, стыдливо отвернувшись, а только откуда-то уже из прихожей произнес слегка надтреснутым голосом:

– Бог видел... Как мальчишка... На лестнице...

* * *

Вернувшись, он без единого слова прошел к дивану, принялся с ожесточением вывинчивать механизм. Работал молча, поджав оскорбленно губы. Печать смертельной обиды сквозила во всем его облике, жестах. Инструмент брал сам; ученик сидел, забившись в угол испуганной обезьянкой, глаза мальчишки были полны вселенской тоски. В воздухе разлилась вязкая, гнетущая тишина, и только гаечные ключи предательски звякали, нарушая ее всепоглощающее гипнотическое господство.

Ну и, слава богу.

* * *

– Давайте спокойно узнаем...

Я вздрогнул от неожиданности, едва не выронив справочник. Передо мной стоял прежний Багдасарыч. Глаза светились дружелюбием и желанием искать компромиссы.

– Давайте спокойно узнаем, какой на меня неприятный претензия. Мне все давали уважение, за то, что я – мастер. Профессия – не халва-чурек. Я старший, чем вы. На уважаемый

мастер нельзя сказать: «Не кури, не говори». Стыдно... – он покачал головой.

– Слушайте, уважаемый... Это уже какой-то беспредел... Да откуда вы такой чудной взялись-то? Что у вас в руках?

– Пяссатижжжжи.

– Зачем они вам?

– Работу работать.

– Ну, так работайте! Диван – в той комнате!

– Вы меня приглашали помочь делать диван, за это...

– Помочь? «Помочь» – это что-то новенькое! Да не помочь, а сделать; не пригласил, а нанял! На-нял! Молча, тихо, незаметно делать, а не помогать. И не заниматься демагогией.

– Нельзя...

– Так! У меня к вам последняя и убедительная просьба. Давайте закончим все дискуссии. И начнем работать. Пожалуйста.

– Еще. Балка треснулся. Сегодня иду, вечером делаю новый. Завтра 10 утра иду обратно вам ставить.

– В смысле? Вы что, еще и завтра к нам собираетесь?

– Завтра.

– Родной мой, вы хоть спросили, буду ли я дома? Почему вы за меня все решили?

– Э! Решили-разрешили. Когда если начал делать, надо делать совсем до конца.

Меня это поставило в тупик. Второго такого дня не вынести...

– Давайте так: спасибо, что вы пришли. На этом ваша работа окончена.

– Зачем? Дайте мне рулетку. Мерить балку с рулеткой будем.

– Елки-палки. У вас даже рулетки нет?

Когда они ворочали остатки многострадального дивана, выполняя метрологические изыскания, выступающий из боковины шуруп порвал мой новый линолеум.

– Так, все! До свидания.

– Зачем до свидания?

– Мужик, знаешь, как ты меня достал? Прямые убытки от тебя – дороже дивана. Легче купить новый диван, чем терпеть это. Ты прокурил всю квартиру. Ты загадил унитаз. Ты порвал

линолеум. Твой узбек потаскал половину моего инструмента. Кстати, ты, гордый сын пустыни, верни рулетку! Я не нуждаюсь в твоих услугах. А это что?

– Это? Это штучка. С кухни брали штучку складывать болтики-шурупки.

– Сдуреть! Эта штучка – специальная двухсекционная миска из пищевой пластмассы по цене 150 рублей! Для моего кота... Была... Кот из нее теперь жрать не будет. Уходите.

– А диван?

– Да плевать мне на диван. Я его сейчас с балкона по частям выкину. Работа окончена.

– Это противоречит чести профессионала.

– Ты не профессионал. Ты – детский сказочник. Иди купи себе рулетку.

– Я...

– Вот тебе 50 рублей за беспокойство и проваливай.

Поблднев, он принялся складывать инструмент и, наконец-то, ушел.

* * *

– Может быть, не стоило с ним так? – спросила супруга.

– Знаешь, еще немного, и он бы улегся отдыхать в нашу постель. Я знаю такой сорт людей, поверь мне. Это – Кавказ. Там уважают только силу. Вежливость – признак слабости. Диалог – трусость.

И все же на душе скребли кошки. Было больно и гадко. Я выгнал человека, который годился мне в отцы...

* * *

Вдруг в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь. Там стоял он. Глаза его были полны чем-то... Не знаю, как описать эти глаза, натруженную руку, прижатую к сердцу... Станным образом посерело и осунулось лицо, лишь только челюсть по-прежнему упрямо напряжена, да дрожащие губы выдавали еле сдерживаемое напряжение и обиду. Так выглядят сильные люди с невероятным чувством долга, которым предстоит сде-

лать что-то унижительное или неприятное. Они могут мужественно переступить через нанесенное оскорбление, понимая неразумность обидевшего их человека. Конечно, все это вспомнилось много позже, и осмысливалось постепенно, а тогда...

– Бог видел, не мог вас бросать. Не как человечески.

– А, давно не виделись, целых полчаса. Что, забыли «паса-тижьи»?

– Не мог. Давал слово.

– Я денег дал?

– Дали.

– Какие вопросы?

– Я диван разбираю, назад не собирал.

– Ну и что?

– Как вы с ним будете ночевать?

– «Ночевать» я на нем не буду. Просто выкину с балкона.

– Давайте мне заканчивать.

– А уши от ишака тебе не надо?

Я попытался вытолкнуть его за дверь. Каково же было мое изумление, когда он, совершенно наглým образом, просунул в проем ногу! Давненько я не встречал такого на рынке услуг, где каждый, кто хотел заработать, готов вывернуться мехом внутрь, только бы угодить клиенту.

Воспользовавшись моей растерянностью, проклятый диванчик лихо протиснулся в прихожую.

– Давайте спокойно, не с нервами говорим...

– Нет!

– Нельзя так делать на людей...

– Можно, уважаемый! Вы, видимо, ситуацию неправильно оцениваете. Бог с вами, я попробую объяснить, но потом вы уйдете уже навсегда. Это в вашем глухом кишлаке...

– В деревне.

– Да, простите! Это в вашей высокогорной деревне умелый мебельщик, если, конечно, он вообще кому-нибудь нужен, – первый парень на селе. И даже считается местной элитой. Но здесь – миллионный город с полусотней оборонных предприя-

тий, где работают тысячи, понимаете, – тысячи первоклассных специалистов на уникальном оборудовании. Здесь никто не будет обсуждать ваши экзотические условия и часами выслушивать дешевые сентенции.

– Я хотел обсуждать... Профессионал...

– Профессионал ценится за то, что быстро, слышите – быстро, и незаметно делает свое дело. Быстро и незаметно, понимаете? Быстро и незаметно! Высшее мастерство – сработать так, что клиент не будет ущемлен ни на минуту. И никогда, слышите, никогда уважающий себя мастер не станет клянуть у хозяев инструмент! Тем более – курить в чужом доме.

– Что вы говорил, типа, лакей, не мастер.

– Нет, именно – мастер. И не надо строить из себя профессора мебельной академии. Это всего лишь старый, обдолбанный диван из пресованных опилок ценою 900 рублей. Он не стоит даже того, чтобы у меня украли целую субботу!

– Вы меня очень сильно обидели... – Поникнув, Вазген Багдасарович печально пошел вниз по лестнице, даже не вспомнив про лифт. Следом, преданной собакой, поплелся убитый горем ученик.

– Арарат находится в Турции, слышите вы, детский сказочник, – зло бросил я вдогонку, – порядочные армяне видят его только в сильный бинокль! Да и то в хорошую погоду!

Он ничего не ответил, только вздрогнул старой раненой птицей, подстреленной на взлете, и, опустив голову, продолжил исход из моего не очень гостеприимного дома.

* * *

Господи, да в каком таком заповеднике он вырос? Из какого времени пришел? Где та земля, где хозяева так добры к пришедшему в дом мастеру, будто он – близкий родственник, брат старший, гость, оказавший честь посетить их скромное жилище?

Не стоило, конечно, упоминать Арарат, – сподличал поневоле. Удар ниже пояса, боль любого настоящего армянина, – каждый на Кавказе знает это, и никогда не говорит подобное вслух.

Да что было делать? Стыд пришел значительно позже, когда угас приступ бешенства, когда заклеил линолеум, расставил мебель, собрал окурки, разложил инструмент. Был ли я прав, что выгнал его? Знал ли он, что в России иные нравы? Его ли вина, что остался без работы там? Обязан ли я жить, как хотел он? Или жизнь обломает именно его? А может, мы сами неправильно живем? Может, и живем не очень, ибо нет в обществе уважения к профессии, опыту, знаниям, мужскому слову? В цене – деньги и связи. И когда, на каком вираже истории мы утратили вкус к простому, неторопливому, бескорыстному общению? Странно, прошло уже больше года, а я не могу забыть его.

И нет ответа на эти мои вопросы.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

КАК ТАПАЮТ МАНУ

В тот день выпал первый снег.

Впрочем, разве ж это снег – вот в Сибири, говорят, как навалит сантиметров тридцать за ночь – веселуха! А здесь шоркаешь по тротуару, а за тобой асфальтовые следы тянутся. Зато холод собачий, и это уже в конце октября. По институту сквозняки гуляют, на улице ветер свищет, а перчатки я еще в прошлом году посеял, да так новые и не купил. Жаба задушила.

К тому же еще и магнитная буря разгулялась, по радио передавали, а я человек магнитозависимый. Слово красивое, а самочувствие поганое: голова чумная, спать хочется – спасу нет, очки к носу примерзли. И главное, угораздило же меня именно сегодня договориться курсовую у Белкина взять, да еще и на улице встречаться. В такую-то холодину.

Ну, уж тут ничего не попишешь: или мерзни, или сам считай, по методичке – полсотни страниц безумных формул. Издательские пояснения типа: «Из этого (десяток диких уравнений) очевидно вытекает...» – есть же люди, которые разбираются в подобном кошмаре!

На углу Белкина не оказалось. Потоптавшись под светофором и окончательно размесив свежевывающий снег в пятючок мокрой грязи, я обнаружил поблизости замурзанную кафешку. Очень кстати: и окна выходят прямо на нужную мне часть улицы, и согреться можно. Да и кофе мне бы сейчас не повредил, можно даже на капучино раскошелиться по случаю магнитной бури.

Устроившись возле пыльной витрины и прихлебывая мутный напиток, температура которого составляла его основное достоинство, я терпеливо следил за улицей. Сумерки плавно опускались на город в мельтешении снежинок, редкие прохожие торопливо прокладывали черные дорожки следов на асфальте. От перекрестка донесся противный скрежет и звон бьющегося стекла. Ворона, деловито копавшаяся в мусорном баке, пригляделась и пешком отправилась разбираться.

Кофе кончился, а Белкина все не было.

Вот тут он ко мне и подошел – бомжеватый мужичонка в пятнистой куртке. В смысле, не пятнистой от рождения, а вылинявшей безумными заплатами. Он держал в руке картонный стаканчик, но похоже, для отвода глаз – стаканчик был пуст.

– Извините, молодой человек, – он поднял на меня больной взгляд побитой собаки. Вот только бомжа, выключивающего деньги на стакан водки, мне и не хватало для полного счастья! Я так хорошо подготовился к отпору, что даже не сразу понял, о чем он меня спрашивает:

– Вы не знаете, как надо тапать ману?

– Чего, – растерялся я. – Тапать маму?

– Тапать ману, – торопливо уточнил человек. – Видите ли, я когда-то умел это делать, но забыл.

Вот чего мне не хватало больше, чем приставучих алкашей, – это очень серьезных сумасшедших!

– Я, понимаете, обязательно должен вспомнить, а то ведь все пошло кувырком, – доверительно сообщил он. – Жена ушла, работу потерял. И вообще все вокруг какое-то чужое...

Шиза. В чистом виде. Я опасливо принялся отступать к дверям. Мужичонка провожал меня жалостным взглядом, не пытаясь, впрочем, остановить. М-да, тапать ману.

Естественно, Белкин меня давно ждал, только не на этом, а на соседнем углу. Я даже не обиделся, услышав много про себя нового: он-то, бедняга, так и мерз под фонарем, пока я кофейком баловался. Зато Кочерга – наш злобный математик – мне теперь не страшен. Сейчас быстренько сосисок сварю, чайку сварганю, и за переписывание.

Подлый снежок растекся по улицам совершеннейшим катком. Оскальзываясь на каждом шагу, я бежал к дому, нос под очками уже ничего не чувствовал, зато в голове звонко отдавалось в такт: «та-пять ма-ну, ма-мать та-пу, ма-пять на-ту...»

Вот именно, «мапять нату». Это как с песенками – включают в троллейбусе: «Я иду по лужам, мне никто не нужен» – идиотизм, и еще голосок такой проти-ивный. А ведь привяжется и крутится целый день, как заведенная.

Дома было тепло, и меня откровенно разморило. Я еще потрепыхался, мучительно выбирая между перспективой досмотреть тупой боевик и необходимостью перекатать курсовую, а в результате плюнул на все сразу и завалился спать.

* * *

Я мчусь по огромному цеху. В полумраке смутно угадываются токарно-револьверные станки: на таком во время прошлогодней практики меня обломком сверла в лоб шибануло. Гулко бухают здоровенные прессы, змеюками извиваются ленты конвейеров, на стенах мелькают пламенные отсветы от печей. Я огибаю большущую плиту, привешенную к неподвижной стреле крана, увертываюсь от струи расплавленного металла и перепрыгиваю через тележку с железным ломом.

Главное, я всю дорогу знаю, что цех автоматический, и в нем всего три человека – я, мой друг Терминатор с лицом Эдди Мэрфи и Главный Вселенский Злодей. Злодея, ясный перец, надо победить, но это потом, а пока позарез необходимо выбраться на свободу. Ну, я и спасаюсь изо всех сил.

Терминатор наваливается на створку огромных ворот, но всей его терминаторской силы не хватает, чтобы их открыть. Да еще и пятачок перед воротами оказывается площадкой гигантского прессы, и невероятная тяжесть металлической громадины опускается на плечи новоявленного атланта.

Я застываю в растерянности. Терминатор из последних сил сдерживает натиск механического чудовища. Из-под потолка доносится сатанинский хохот Главного Злодея.

– Ману, ману тапай! – электронный голос прерывается от напряжения, глаз Терминатора вываливается и повисает на щеке красной лампочкой.

– Как? – в отчаянии кричу я.

Но тут Терминатор не выдерживает, и плита расплющивает его в металлический блин.

* * *

Вид за бортом изумительный. Буйная зелень местных джунглей перемежается роскошными цветущими лугами, по которым привольно разгуливают белогривые единороги. Ажурные башенки городов возносятся к голубому солнцу, через прозрачные потоки переброшены изящнейшие мосты. Планета-идиллия.

Иду на посадку. Мне достаточно мимолетного взгляда на сложнейшие приборы, чтобы разобраться в любой ситуации, пальцы стремительно порхают по клавишам. Корабль послушно опускается к поверхности – наша передовая технология позволяет ему сделать это бесшумно, не повредив ни единого стебелька.

Десять секунд до посадки. Расплываюсь в довольной улыбке и поворачиваю красную рукоятку с надписью «Тап»...

Корабль резко кренится, на информационных экранах истерически мечутся стайки разноцветных цифр, планета уплывает куда-то вбок. Бешено мигают аварийные лампы, загроможденно вопит сирена. За моей спиной в рубку врывается здоровенный мужик в форме капитана.

– Щенок! – неистово ревет он, хватая меня за шкуру. – Кто тебя учил так ману тапать! Вон из кресла!

Поспешно рву ремни и отлетаю к стене, отброшенный мощной лапой. Ударяюсь головой об острую кромку и, кажется, теряю сознание...

* * *

Прямо в моей квартире возле разложенного кресла-кровати пританцовывает Ленка Шкодина из второй группы. На ней только

кружевное белье и что-то еще прозрачное с бантиками, кажется, это называется пеньюар. А впрочем, какая разница!

Бросаюсь к ней, жестом опытного ловеласа сбрасываю это прозрачное на пол. Ее горячее тело трепещет в предвкушении у меня в руках. Мы сливаемся в поцелуе, таком долгим и сладком, что у меня кружится голова. Под моими пальцами тонкая ленточка ползет с загорелого плеча, рука непринужденно, как будто проделывала это тысячу раз, ласкает нежную кожу. Я чувствую в пальцах набухшую виноградинку соска, жаркая волна прокатывается по всему телу, погружая нас в пучину безумного блаженства. Руки скользят ниже, ниже, Ленкины губы на мгновение отрываются от моих, и она жарко шепчет:

– Ну давай же, Сереженька, ну... Тапай же, тапай...

Холод лавиной прокатывается по позвоночнику. Опять эта чертова мана? В совершенной растерянности отстраняюсь от несостоявшейся любовницы. Ленка недоумевает, потом в ее глазах проглядывает обида, она судорожно прикрывается остатками белья и принимается рыдать.

Теперь я знаю, что чувствует полный импотент.

Шкодина хлюпает носом и, как заигранная пластинка, потерянно твердит:

– Ну какой же ты гад! Ну какая же ты свинья, Мухин...

* * *

Вприпрыжку пересекаю пыльный газон и мчусь наперерез транспорту, провожаемый мелодичными гудками и не очень мелодичными репликами из окон. Ну, конечно, я опять опаздываю, понять бы еще, куда. По крайней мере, вокруг Москва, а не открытый космос, это уже радует.

Перепрыгиваю низкий заборчик, цепляюсь за него ногой и смачно плюхаюсь прямо в лужу. Впрочем, это меня не останавливает: на полной скорости подлетаю к институтскому дому культуры, рву на себя тяжелую дверь и, пыхтя, вваливаюсь в холл. Взгляд упирается в большую табличку со стрелкой «Курсы ускоренного тапания маны». Обреченно вздыхаю.

На моем пути вырастает солидная бабулька – квинтэссенция всех вахтерш в мире.

– Стой! Фамилия!

– Мухин... – опасливо сообщаю я.

Бабка цепляет за нос очки и утыкается в засаленную тетрадку. Пухлый палец неторопливо, как осенняя муха, ползет по строчкам.

– А, Мухин. Опять опаздываешь. Занятие-то уже заканчивается. Ну да иди уж... – она чиркает что-то против моей фамилии в списке.

Приоткрываю створку двери и проскальзываю в амфитеатр, невразумительно бормоча какие-то извинения. Аудитория полна народу, мне с трудом удастся пристроиться с краешка неудобной скамьи. Судорожно пытаюсь вникнуть в процесс: на кафедре отчаянно жестикулирует Кочерга, но речь явно идет не о производных. Ну-ну, вот сейчас нам и разъяснят, как ее, родную, тапают. Ману.

– Итак, мы с вами рассмотрели тринадцатый, самый эффективный способ ускоренного тапания маны или способ Карлая-Визженского. – Кочерга вытянул из рукава пиджака запястье с массивными часами. – К следующему семинару обязательно потренируйтесь дома. А сейчас все свободны, спасибо.

Вот блин. Так ничего и не узнал, даже обидно.

Я вышел на улицу, провожаемый истошным верещанием звонка, плавно перетекшим в истеричный писк. Под эти звуки я и проснулся.

* * *

Меня разбудил сотовый. Только не надо думать, что кто-то озаботился ранним звонком, просто я использую этот аппарат в качестве будильника. А что, очень удобно: и верещит не хуже обычного, и даже если спросонья смахнешь на пол – новый покупать не придется. Не зря же я в свое время выбирал девайс в противоударном корпусе.

После ночных кошмаров чувствовал я себя так, будто отработал полную смену на разгрузке вагонов. Соскребшись с кро-

вати, принялся вяло переключать тетради в поисках нужной. Взгляд невольно зацепился за толстый синий учебник под столом, и я даже, кажется, не удивился, прочитав гордую золотую надпись: «Сборник задач по прикладной тапомании». Интересно, это я с ума сошел, или в мире что-то не так? Вчера, помнится, я под стол нормального Демидовича уронил – задачник по матанализу.

Не поленившись слазить за книгой, я перелистнул пару страниц. Во всяком случае, к матану эта дисциплина отношения не имела: внутренности книги пестрели неизвестными терминами и непонятными закорючками. И что бы это значило?

В совершенной растерянности поплелся я на кухню, погрел крышками кастрюлю, машинально повторяя на манер считалочки: «Раз, два, три, четыре, пять, ману тапать нам опять», щелкнул пультом телевизора. На экране ящика нарисовалась холерная рожа, с серьезным видом расписывающая преимущества тапомановой технологии от фирмы «Супертапман». Я похлопал глазами, машинально отправил в рот пустую вилку и почувствовал себя полным идиотом. Интересно, с катушек съезжают именно так?

Вспомнив многочисленных классиков, я некоторое время щипал себя за разные места, но так и не проснулся. Можно, конечно, еще молотком по пальцам попробовать, но это уже перебор. И так ясно, что не сплю. А значит, тапают они там ману или не тапают, а к Кочерге пора спешить. Мне только очередного незачета на фоне всего этого бреда не хватало.

Годами вырабатываемые навыки позволили мне с легкостью распахать десяток теток с пудовыми сумками и втиснуться-таки в битком набитый троллейбус. Тетки, надо сказать, сегодня и не сопротивлялись почти. Нормально, теперь шесть остановок отдышаем и следующий рывок. Привычно уткнувшись через плечо хрупкой девушки в ее книжку, я приготовился лениво пробежаться по паре страниц очередной любовной чепухи. Однако в попавшемся мне эпизоде значилось:

«– Боюсь, что в данном случае нам не удастся натапать достаточное количество маны.

– И чем это грозит Ричарду? – ее голос прервался от волнения.

– Если не произойдет чуда...

– Нет! – воскликнула она. – Я не могу этого допустить. Пусть даже вся мана мира...»

Я со стоном уткнулся в окно. За ним проплывали неестественно чистые улицы, пестрели ярко раскрашенные детские городки, аккуратные остановки. Пробок отчего-то не случилось, сверкающие чистотой машины бодро двигались по гладкому шоссе. Даже небо казалось недавно покрашенным. Рекламные щиты вдоль дороги обыденно пестрели голливудскими улыбками, хотя буквы на них складывались в очередной бред. «А ты с утра потапал ману?» – вопрошал сияющий качок верхом на велотренажере. Три матрешки приглашали на международный фестиваль художественного манатапа. Слабо одетая девица предлагала черный аппаратик, именуемый «миниатюрным тапальщиком маны» всего за \$9.99. Идиотизм продолжался.

Я затравленно огляделся. Вместо злобно-напряженных харь меня окружал довольный добродушный люд, тихо улыбающийся неведомым своим мыслям. Даже бабульки не разглагольствовали насчет низкой пенсии и неправильного правительства, а радостно обсуждали новинки манатапальной литературы. Ой, мамочки, куда я попал...

Впрочем, остановки через четыре я заметил, что вокруг меня образуется пяточок напряжения. Народ принялся привычно коситься на окружающих, кто-то уже кого-то обругал, кто-то смачно наступил на ногу соседу. Ну ладно, а я уж невесть что подумал.

Промчавшись институтскими коридорами, пахнущими не привычной пылью, а почему-то хвоей – не иначе одеколон пролили – я по обыкновению направился в курилку. Однако вместо привычного хлопка по спине, сопровождаемого очередной глупостью вроде: «А, Мухин, отгадай загадку: летит мухач, готов бухать», меня приветствовали вежливыми рукопожатиями, что окончательно деморализовало мое и без того обалделое сознание. Еще большее впечатление производил разговор:

вместо обсуждения последствий вчерашней пьянки эти люди толкали речи на предмет влияния произведений фантастов-утопистов прошлого на формирование современного социального устройства. Староста наш, Трешкин, который сроду умел только про свою коллекцию порнофильмов заливать, так же увлеченно долбил про каких-то Хаксли и Замятина. Я дернул за рукав подпирającego стену Ваську Белкина:

– Слышь, Белкин, ты не знаешь, что такое «ману тапать»?

У него глаза сделались как две лампочки: не в смысле светящиеся, а в смысле круглые и большие. Потом он заржал и принялся мне большой палец показывать:

– Во! Супер! Клевая шуточка, на КВН пойдет – всех сделаем. Ты это, может, в тебе талант пропадает, Мухин, а то приходи к нам в команду сценаристом.

Народ одобрительно загоготал, радостно повторяя:

– Ты не знаешь, что такое «ману тапать»?

– Ага, а то я знал, да вишь, забыл.

– Не. Мне в детстве не давали тапать ману, чтоб я в шкафу варенье не нашел...

– Брось, это было!

Всеобщее веселье прервал Кочерга, на удивление причесанный и даже при галстукe:

– Господа студенты, я уже открыл аудиторию. Прошу.

Тут у меня вообще челюсть отпала. Чтобы Кочерга сам аудиторию открыл? Да еще дошлепал до курилки приглашать на собственный семинар? Нет, явно сегодня ночью все собаки передохли, луна на землю упала, а сам я умер и очутился в раю.

Рай закончился через пару минут, когда Кочерга поднял глаза над очками и уперся этими бесцветными пуговицами ровняк в меня:

– Мухин, вы на прошлом занятии обещали подготовить материал об использовании оператора тапоманового преобразования при решении задач прикладной газодинамики. Как у вас с этим?

Я судорожно сглотнул:

– Петр Ефремович... Я не обещал... То есть это... Мы поверхностные интегралы на прошлом занятии проходили...

По аудитории прокатилась волна веселья. Кочерга поднял очки на лоб и внимательно рассмотрел мою физиономию из-под них.

– М-м-м, ну, садитесь, Мухин. А вообще, если вам нездоровится, можете идти домой, я уже отметил, что вы присутствовали на семинаре.

Чувствуя, как фонарями горят уши, я плюхнулся на стул, а Кочерга решил окончательно меня убить, добавив:

– Поверхностные интегралы, кстати, мы в прошлом семестре проходили. Да-с...

На этом, считая меня окончательно уничтоженным как класс, злобный препод вдавился в объяснение новой темы. Я мужественно пытался записывать, но вот беда: понятные вроде бы по отдельности слова никак не складывались в осмысленные фразы. Как будто новости в соседской квартире через стену слушаешь! Ничего не понимаю. К концу пары и Кочерга выдохся, принялся дергать галстук, жаловаться на духоту и сбиваться с мысли.

Возле расписания торопливо листала тетрадку Ленка Шкодина. Тряпка! Я – тряпка: сколько западаю на барышню, и как дурак, подойти не решаюсь. Вот сегодня, например, все и так идет наперекосяк, так пуркуа бы не па?

– Лен, привет, – она подняла на меня большущие глазищи, и я понял, что краснею как помидор. – Ты... э... давай вечером в кафешке посидим, я такое местечко на Арбате знаю... чудное такое...

А она ресницами махнула и щебечет:

– Ой, Сереженька, а может, завтра, а? Я сегодня с Белкиным договорилась ману тапать.

Тут меня так и перекосило, давешний сон вихрем промчался в голове, сметая все прочие эмоции. Ману она тапать договорилась! Знаю я, блин, как ты ману тапаешь. Да еще и со всем курсом подряд – шлюха! Нет, точно, натуральная шлюха.

Что-то я пробормотал такое невнятное, только у нее улыбка, смотрю, с лица сползла. Ну, да и я не в радужных чувствах в буфет потопал.

Философ тоже завел волынку о проблемах гносеологии в натуралистической философии тапания маны, правда, быстро выдохся, раскашлялся и отпустил нас на полчаса раньше. А на информатику я вообще не пошел. Как представил «язык программирования Манатапль»...

Я брел по улице, совершенно потерянный и несчастный. Господи, ну куда же я попал? Прохожие бодро шлепали по своим делам, улыбаясь мне с таким добродушным видом, словно я был всеобщим любимым племянником. Молодые люди переводили старушек через улицу, дворник усердно скалывал только начавший образовываться на тротуаре ледок, автомобилисты вежливо пропускали пешеходов, мамашки с колясками вместо пива прихлебывали апельсиновый сок. А со стен тарачились плакаты, призывающие непрерывно и в больших количествах тапать ману, тапать ману, тапать ману...

В результате я оказался возле цирка. Еще подумал, что тут мне самое и место. И впрямь: над входом висела большая афиша «Только у нас! Только один день! Виртуозы тапания маны! Зрители задают вопросы гениям тапа». Я почувствовал, что глупо улыбаюсь – идея мне понравилась. Даже надежда какая-то забрезжила: взять и задать вопрос. Нет, даже не так. Задать ВОПРОС, самый для меня главный на сегодня. Как тапают ману?

Я торопливо выскреб мелочь из кармана. На билет хватило.

* * *

На арену уверенной походкой знаменитости вышел представительный тип в серебряном костюме. Зал разразился овациями, раздались слаженные крики: «Ма-ну! Ма-ну!» Прозвучала барабанная дробь, и все стихло в предвкушении. Артист вскинул руки, поднапрягся, пытаясь, видать, тапнуть за раз немереное количество маны и... ничего. Зал разочарованно выдохнул.

Мужчина в серебряном костюме виновато улыбнулся, развел руками. Снова дробь, замерший зал, властный жест артиста и... тот же эффект. Народ начал раздражаться. На лице «гения тапа» явственно проступила неуверенность, с галерки пока еще

одиноким засвистели. Третий провал трюка сопровождался гневными воплями окружающих меня зрителей, чьи лица прямо на глазах наливались нечеловеческой злобой. Как будто они лет сто копили раздражение, чтобы сейчас излить ее на арену.

Я почувствовал себя неудобно и принялся выбирать в проход. По пути меня пару раз ощутимо ткнули под ребра, и кто-то от души наступил мне на ногу бритвенно острой шпилькой. А в конце ряда меня уже поджидал дюжий дядька в синей форме.

– Мухин? – грозно осведомился он.

– Мухин, – жалко пискнул я.

– Пройдемте.

Ничего уже не понимая, под яростный гул зала я рванулся мимо мужика к выходу. Но тут на моих локтях словно сомкнулись челюсти капкана, а в лицо уткнулось что-то мокрое и вонючее.

* * *

Очнулся я резко, как будто свет включили. В полнейшей растерянности оглядел небольшую, даже уютную комнату с полосатыми занавесками и человека в знакомой уже синей форме за массивным письменным столом. Сидел я в мягком кресле, и ничего, как ни странно, у меня не болело. Разве что я окончательно запутался в происходящем.

– Сергей Мухин, не так ли? – поднял на меня приветливый взгляд мой визави.

– Угу.

– Я старший уполномоченный по контактам с внемирянами Андрей Полотовский.

Так, креза прогрессирует, уже и внемиряне пошли.

– Не удивляйтесь, – продолжал он. – Сейчас я все объясню. Вы попали в нашу реальность из своей, в некотором роде параллельной нашей. Я бы даже сказал, эти реальности во многом идентичны за одним, но очень важным исключением. Видите ли, – словно извиняясь, произнес он, – мы умеем тапать ману.

Я понял, что мне уже все равно. Я маленькая тучка, а вовсе не медведь, сейчас придут ласковые люди в белых халатах и меня вылечат... Или не вылечат?

– Способ тапания маны был открыт нами несколько столетий назад, и это в корне изменило все наше общество. К сожалению, я не могу объяснить вам принцип тапания маны, вы просто не способны будете меня понять. И никто в вашей реальности, Сергей, понять этого не способен. Просто поверьте, этот процесс позволил создать такую социальную структуру, которую в вашем мире называют утопией. Оказалось, что тапая ману, люди становятся совершенно счастливыми, отсюда всеобщая вежливость, корректность, ну и полная социальная адекватность. Вы просто представить себе не можете, насколько легко и комфортно в нашем обществе существование простого обывателя: уже много лет никто не слышал о преступности, алкоголизме, наркомании и... – он помялся, вспоминая слово, – да, о разводах. Словом, обо всех тех проблемах, которые неизбежны в вашем мире.

Я уже слегка освоился, развалился в кресле и решил уточнить:

– А что же мы тогда?..

– А вы, если выразаться научным языком, состоите из антитапоманового вещества. Ну, знаете, почти как материя и антиматерия, только при соприкосновении происходит не аннигиляция, а просто тапомановое вещество теряет свои свойства. Возможно, вы уже замечали с момента появления в нашей реальности, что люди вокруг вас быстро начинают раздражаться, чувствуют себя неудобно. Они просто не могут тапать ману, когда им это необходимо. Вот, в цирке, например, пошел просто неуправляемый процесс...

Сам Полотовский, похоже, чувствовал себя превосходно. Наверное, натренировался тапать свою ману в присутствии внемирян.

– И как же я сюда попал? – уточнил я.

– Магнитная буря, видите ли. Вы, как я понимаю, очень магнитозависимый человек. Предполагаю, что вы спонтанно поменялись местами с вашим двойником из нашего мира. Представляю, каково ему сейчас среди этих чудовищ... впрочем, простите, я нисколько не хотел обидеть ваших соплеменников, вы не виноваты в своей природе.

– И что теперь мне делать?

Полотовский расплылся в лучезарной улыбке коммивояжера:

– А разве я об этом не сказал? Дело в том, что осуществить обратный перенос чрезвычайно легко. Гораздо сложнее было обнаружить ваше присутствие!

В соседней комнате, напоминающей медицинский кабинет, мне привычно улыбалась миленькая девушка в зеленом халатике. Холодная игла вонзилась под лопатку, и я плавно погрузился в беспамятство.

* * *

Сотовый попискивал из последних сил – разрядились аккумуляторы. На столе валялся до боли знакомый Демидович, со страниц которого на меня пялились графики родных синусов и не менее родных экспонент. Интересно, тот, тапомановый Мухин ездил к Кочерге на семинар? Я набрал номер Васьки Белкина:

– Белкин? Ты это...

– Муха! – заорал он, не дав мне сказать и слова, – Ты очуманел, что ли, муха-тоже-вертолет? Ты чего сегодня вытворял? Кочерга всей группе обещал зачет зарезать!

Я тихонько положил трубку. Так, ясно, тот Мухин на семинаре был. Не иначе, пытался ману тапать. Идиот.

За стенкой гулко бабахнуло. Алкашик дядя Коля швырянием табуретки возвещал дому о прибытии с работы. Я подхватил за ручку и шваркнул об стену в ответ.

– А мне плевать на вашу легкую жизнь! – заорал я неизвестно кому, потрясая кулаками. – Хоть обтапайтесь!

УМНЫЙ ДОМ

Звонок настиг Егора в самый разгар выяснения отношений с ведущей дома культуры. Номер был незнакомым, и Егор раздраженно выключил аппарат.

Стоило выйти на улицу под колючий дождь, телефон зазвонил снова.

– Да!

– Вы Егор? Маслов?

Женский голос медовой густоты и охряного оттенка.

– Да.

– Мне говорили, вы занимаетесь реставрацией картин.

Строго говоря, реставрацией он не занимался, если не считать спасенный пару лет назад натюрморт: хозяйка начиталась интернет-форумов и решила «обновить» картину посредством мыльной губки. Егор неделю возился, перетягивая набухший холст, а потом еще дописывал те места, где напрочь отслоилась краска. Получилось не так, чтобы безусловно, но если не приглядываться, не догадаешься.

Однако возражать медовому голосу было решительно невозможно.

– Ну... А что за картина?

– Я думаю, начало двадцатого века. Холст. И, по-моему, масло.

Немного словна и самоуверенна. Наверняка брюнетка в алом деловом костюме. Четырехкомнатная квартира и портрет бабушки в тяжелой раме. Или бабушкиной болонки.

– И что с ней?

Хорошо бы просто потемневший лак. С прорехами в холсте он, пожалуй, не справится.

– Мне кажется, там есть дописки. Я хотела бы восстановить исходный вариант.

Звучало заманчиво, уж с растворителем он как-нибудь справится. Да и любопытство высунуло нос: представилось, как изпод толстощекого небрежно выписанного лица появляется неизвестный шедевр Рафаэля.

Но совесть заставила уточнить:

– Лучше, наверное, в реставрационную мастерскую.

– Ее нельзя перевозить, – сказала она, как о тяжелобольном. Значит, все-таки прорехи. Или краска сыплется. – Я живу недалеко от Дубны, туда довольно неудобно добираться, но вы могли бы пожить у меня, пока будете работать. Естественно, на полном пансионе. Я в Москве, так что до места вас довезу сама.

Полный пансион у девушки с медовым голосом – это звучало заманчиво. С другой стороны, километров 130 от Москвы, а то и дальше. И наверняка полная глушь без мобильной связи – похоже на начало фильма ужасов. Егор хмыкнул.

Четырехкомнатная квартира плавно трансформировалась в деревянную развалюшку у дремучего леса.

– Исторической ценности портрет не имеет.

Еще одна иллюзия разбилась.

– Я могла бы заплатить вам... – озвученная сумма была выше любых притязаний. – Этого достаточно? Материалы, естественно, за мой счет.

Это было вовсе не естественно, но приятно. Интересно, как звучит ее голос, когда она улыбается?

– И все же, – он еще колебался, – есть опасность испортить...

– Я заплачу половину вперед.

И тогда он сделал самую большую глупость в своей жизни. Он согласился.

* * *

Егор Маслов был художником-самоучкой, чего в глубине души страшно стеснялся. Заканчивал он заштатный технический вуз, где в первом же семестре на лекциях по черчению проникся красотой геометрических форм и оттенков черного. Лекал он не признавал, к линейкам относился скептически, но твердая рука и интуитивное понимание формы позволяло ему виртуозно выполнять самые сложные чертежи.

Особенное удовольствие доставляла ему работа с ненавидимыми студентам объемными проекциями, а тени и блики технического рисования приводили буквально в экстаз.

Собственно, на одном черчении он и вытягивал сессии. Масловские чертежи легко обменивались на лабораторки по программированию, на расчетно-графические по гидравлике и на шпаргалки по физике. Его дипломный проект, хоть и переписанный с прошлогоднего, сопровождался столь изысканными изометрическими чертежами в сложных разрезах, что Егор, к своему удивлению, получил на защите пятерку.

Парой лет позже, когда черчение перевели на компьютерную основу, судьба его оказалась бы плачевной. Маслов жил в мире объемных форм, который никак не пересекался с картинками на мониторе, так что работа на компьютере по сей день казалась ему сродни шаманским пляскам. Максимум, чему он научился, – это погуглить на смартфоне. Ну и в тетрис поиграть.

В трехмерный.

Безвольно осев в тихом КБ, Егор продолжал предаваться той же страсти, благо в магазинах появились книги по технике живописи. Динамичное масло и капризный акрил, строгая тушь и нежная пастель, а в особенности любимый грифель – медленно раскрывали перед ним свои секреты.

Но вот беда – интуитивное масловское чувство гармонии было чересчур строгим, слишком... чертежным. Его портретам недоставало выразительности, а пейзажам – экспрессии; они оставались старательными ученическими работами. А почти монохромная гамма отпугивала и тех, кто подбирает «пейзажики под обои».

Был у художника Маслова и еще один недостаток, губительный для кустаря: педантичная до занудства тщательность при вспомогательных операциях. Если эмульсионный грунт на картон предписывалось наносить в два-три слоя, и всякий раз ждать полного высыхания, для Егора это становилось законом, столь же абсолютным, как расположение теней и бликов на освещенных формах. Если лак следовало наносить через год после окончания картины, то этот год она проводила в кладовке лицом к стене.

Годы шли, картины накапливались, признание не торопилось.

Месяца два назад Егор отдал три пейзажа в местный дом культуры. Заправляла тамошней выставкой-продажей гюрза в сиропе Римма Николаевна, распоряжающаяся домкультурными финансами воистину железной рукой. Кроме комиссионного процента с продажи доморощенные художники платили ей абонентскую плату за амортизацию стен. Тем не менее, многие считали это хорошей возможностью заявить о себе.

В этом месяце ядовитая Римма сообщила о повышении платы, мотивируя это непопулярностью масловских работ. Придя в ДК, он обнаружил все три пейзажа в самом темном углу фойе, возле черной лестницы. Егор возмутился, гюрза с тухлой улыбкой сообщила, что пасторальный реализм нынче не в моде. Егор пригрозил забрать картины, что железную леди ничуть не испугало: «Вас таких много, это я одна!»

«Заявление о себе» грозило подорвать масловский бюджет. Именно в этот момент на него свалился непонятный заказ.

Все проблемы решились в полчаса, как по щучьему велению. Римма Николаевна получила оплату за три месяца вперед под обещание перевесить-таки масловские пейзажи к центральному фойе; начальство утвердило отпуск за собственный Егоров счет; родители предупреждены, кассета в автоответчике очищена.

Егор был свободен и готов к приключениям.

* * *

– Вы пешком? Подъезжайте к «Петровской-Разумовской», – велела девушка. – Зеленый «фиат-панда», номер 315.

Игрушечную машинку Егор увидел сразу на выходе из метро. И остановился на мгновение, разглядывая ждущую у капота хозяйку.

Волосы у нее тоже оказались медовыми. Гладко зачесанные, на затылке они скручивались в тугий бублик учительской прически. Правда, больше ничего чопорного в ней не было: безымянные джинсы, красная ветровка, кроссовки – все вполне демократично.

Егор невольно вздохнул, расставаясь с образом роковой брюнетки.

– Здравствуйте, я Маслов.

Взглянула внимательно и серьезно. Егору стало неловко за мятую рубашку и замызганный рюкзак.

– Меня зовут Ольга. Можно на «ты».

Не искаженный телефонным динамиком ее голос оказался еще вкуснее. Тембр, заставляющий вибрировать что-то под ложечкой.

– Вам нужно куда-нибудь заехать? За растворителем, например.

– Да нет, у меня все с собой. Если что, оттуда ведь можно вернуться?..

Жалкая попытка Красной Шапочки получить гарантии. Впрочем, с Ольгой он согласен даже на ужастик в стиле Роберта Родригеса.

– Да, конечно. Дубна рядом, да и от Москвы не так далеко.

Чудесные глаза: сине-зеленый кобальт с вкраплениями окиси хрома. Бледная, почти невидимая помада. Высокие скулы. Четкие черты лица.

Егор написал бы ее портрет тушью, хотя тушь слишком резка. Возможно, карандашом, но не угольным – уголь слишком мягок. Пара мазков охры и чуть-чуть сангины – подчеркнуть теплый оттенок волос. Темпера для глаз.

Черт возьми, она была почти идеальна!

И бесстрашна, как гипсовая статуя.

– Часа через три будем на месте.

– Мобильная связь там есть?

– В доме есть.

Что значит, в доме? Собственный ретранслятор, что ли? – мимолетно кольнуло Егора и тут же забылось.

В автомобильнике пахло свежо и чуть горьковато. За окнами потянулись однообразные равнины, скучные проплешины нерастаявшего снега чередовались с унылыми болотами. Мокрые поселки жались по краю шоссе. Из магнитофона звучал бесконечный свинг, а ветер горстями бросал в лобовое стекло мокрый снег.

Ольга вела машину с автоматизмом киборга.

Если бы это было кино, то кино про большую подставу, – подумал Егор и неожиданно задремал.

Ему снился желтый туман, дымные клубы которого подсвечивало закатное солнце. Его пальцы касались холодного камня, а в ушах стоял низкий гул, от которого ныли зубы. Егор повернул голову, увидел в тумане мраморное лицо статуи и без удивления узнал в нем Ольгины черты.

Он продирался сквозь неохотно расступающийся туман. И когда до статуи оставался всего лишь шаг, мраморные глаза распахнулись, сияя изумрудным светом. Холодные губы разлепились и произнесли:

– Мы почти дома.

Егор вздрогнул и очумело заморгал, пытаясь сообразить, где находится.

Автомобиль въезжал в коттеджный поселок. Кирпичные дома самой безумной архитектуры были натканы столь густо, что хоть записками перебрасывайся из форточки в форточку. Готические стрельчатые окна соседствовали с застекленными футуристическими беседками, тяжелые восьмиугольные башни с модерновыми «ласточкиными гнездами» под остроконечными крышами, что-то вроде альпийского шале – с чем-то вроде средневековой крепости. Лишь материал радовал единообразием – красный кирпич и зеленый шифер.

Развалюшка у дремучего леса, кажется, превращалась в новорусский эклектический особнячок.

– Нам не сюда, – мгновенный призрачный улыбки коснулся Ольгиных губ. Или ему показалось?

За кирпичным буйством открылась улица хорошо сохранившихся, но, несомненно, старых построек. Ольга лихо притормозила у двухэтажного бревенчатого домика, выкрашенного зеленой краской. Сквозь щели в дощатом заборе виднелась дорожка из розовых плиток, мокрые голые кусты и голая бетонная стенка гаража.

Ольга стремительно перебрала кнопки мобильного и произнесла в трубку:

– Я вернулась.

В ту же секунду ворота гаража бесшумно поехали вверх, одновременно сама собой распахнулась калитка.

– Иди пока к дому, я сейчас.

Егор выбрался из автомобиля и по-собачьи встряхнулся, разминая затекшие мышцы. Он заглянул за калитку – кто-то же ее открыл – но дорожка пустовала, только ветер побрякивал у дверей китайской висюлькой из алюминиевых трубочек.

Такая себе не слишком уважаемая дачка. Внутри наверняка пахнет старым сырým деревом, обои отстают от стен, а по углам прячется паутина.

А холст картины набух и подгнил.

– Открывай. У нас гость, – негромко сказала Ольга позади. Опять в мобильник; странный способ общаться. Кто у нее там в доме, ребенок, что ли?

Дверь бесшумно отворилась сама собой. Крохотная обшитая деревом терраса – два шага, еще одна дверь, распахнутая настежь... и Егор застыл на пороге.

Больше всего здесь было стали и светлого дерева. Хрупкая на вид лестница вела на второй этаж, налево пол поднимался на две ступеньки, и там за двойной аркой виднелись хирургически белые шкафы – видимо, кухня. Направо уходил короткий коридор, в неглубоких нишах прятались двери. Все очень стильно: узкие шкафчики, стены выкрашены бледно-желтым и чайным, несколько светлых пейзажей вполне в духе Маслова. Никаких стеклянных панелей, что приятно: в новомодных хромо-стеклянных интерьерах чувствуешь себя исключительно неуютно – как в аквариуме.

Раздалось негромкое жужжание, и на лестнице появился... громадный игрушечный робот в броне из белого пластика. С круглой головы смотрели непроницаемые стрекозиные глаза. В первую минуту Егор готов был поклясться, что это ребенок в роскошном карнавальном костюме, так естественны, человечны были его движения.

– Хозяин, здравствуй. Гость, здравствуй, – произнесло оно смешным мультяшным голосом и принялось шустро спускаться по лестнице: длинные ноги экономными движениями сгибались

в коленях, маленькие ступни уверенно попадали на ступеньки.
– Дом в порядке. Марвин умница.

Егор застыл в нелепой позе, так и не сделав шаг. И чуть не подпрыгнул, почувствовав легкий тычок в спину.

– Проходи-проходи, – сказала Ольга, и Егор почувствовал, что она улыбается. – Извини, не предупредила сразу. Это умный дом. А это Марвин – он робот.

* * *

– Мой папа увлекался электронными игрушками, – говорила Ольга, болтая ложечкой в чашке. Они сидели на кухне, напоминающей рубку космического корабля, Егор и половины здешних агрегатов не узнал.

На стене висели безумные часы в форме размытой кляксы, перевернутые почти вверх ногами, тройка была полупрозрачной, вместо девятки торчала хромовая игральная кость, а стрелки походили на сверкающие спицы.

Чаепитие со Шляпником и Мартовским зайцем.

– Роботов у нас шестеро, но Марвин самый умный.

– Марвин умница, – подтвердил восседающий на табуретке робот. Он ворочал круглой головой, словно внимательно прислушивался к разговору. Росту в нем было, как в семилетнем ребенке. Игрушечные ручки с четырьмя пальцами сложены на столе.

– По паспорту его зовут Бета-что-то-там. Но мне больше нравится Марвин, как у Адамса. Хотя он, конечно, совсем не параноик.

Маслов взял с тарелки третий бутерброд и под непроницаемым взглядом стрекозиных марвиновских глаз чуть не положил обратно. Если это и не была ксенофобия, то нечто очень близкое к ней.

– Что касается реставрации, – Ольга отставила чашку и переплела длинные пальцы. – Портрет, с которым ты будешь работать – дедушкин. Если присмотреться, кажется, что его писали два художника. Я решила посмотреть, что было нарисовано вначале.

В домашней обстановке Ольга не стала мягче, да и разговаривала все такими же рублеными фразами. Она скинула ветровку, под которой обнаружилась черная футболка с нарисованным во всю спину кукишем, но осталась в тех же джинсах. И босиком – тапочек в умном доме не предусматривалось.

– Я сейчас покажу тебе твою комнату и сам портрет. Как пользоваться домом, разберешься. Марвин тебе поможет. Марвин поможет?

– Марвин поможет, – подтвердил робот мультяшным голосом.

– Он говорит еще по-английски и по-японски, так что при желании можешь попрактиковаться, – усмехнулась Ольга. – Холодильник будет в твоём распоряжении. Я не особо люблю готовить, но если ты сильно привередлив, можешь заказать что-нибудь через Интернет.

– Да нет, я вполне...

– Ну и отлично. Марвин, в кабинет.

В коридоре деловито елозила черная таблетка, посверкивая огоньками и тычась в углы. Робот-пылесос, наверное. Марвин первым затопал по ступенькам, и Егор снова поразился изяществу его движений.

– Марвин, пригласи гостя.

– Гость, иди за мной.

Мягкий свет сопровождал их: лампы включались метрах в двух впереди и гасли за спиной. Егор устал удивляться.

– Здесь будет твоя мастерская.

Комната, похоже, служила кабинетом. Обстановка выдержана в сером тоне, но не стерильно-бледном и не густо-сумеречном, а в теплом и мягком. Места достаточно для танцевального зала. Два компьютера по углам, легкие книжные полки, а на подоконнике жужжит робособака, виляя хвостом, суставчатые ножки вывернуты под странным углом.

– Лапы не работают, а отвезти в ремонт не соберусь.

Маслов с усилием отвел глаза от жизнерадостной пластмассовой морды.

Посреди комнаты, на столе, вполне подходящем для тенниса, темный холст в подрамнике.

– А это дедушкин портрет.

Егор медленно приблизился.

Портрет изображал надменного старика в средневековом костюме. Картина была выполнена в той дотошной манере, которой Маслов в глубине души восхищался. Насыщенный цвет, превосходная проработка деталей, одно кружево на рукавах и золотое шитье чего стоят! Фон слегка затуманен, как у старых итальянских мастеров; кажется, там арка или колонна... и желтый подсвеченный солнцем туман.

Однако, присмотревшись к красочной поверхности, Егор понял, что Ольга имела в виду, когда говорила о разных художниках.

Изумительный тон лица, выразительные складки на лбу, породистый крупный нос (несомненно, доставшийся по наследству Ольге в более изящном женском варианте), надменная складка губ – и вдруг тусклые, безжизненные глаза. В правом углу рта небрежный шрам, а может быть, просто грязное пятно.

Буйно разметавшиеся седые кудри, роскошная фактура горгеры¹ и бархатного берета – а возле виска небрежная прядь совсем другого оттенка. На крупном ордене (что за орден такой, интересно?) закрашена центральная часть; одна рука четко прописанная, с выпуклыми венами и крупным сверкающим перстнем, на второй перчатка намечена резкими мазками, причем, судя по положению предплечья, кисть перерисована под другим углом. Такая же нашлепка скрывает набалдашник трости, да и в углах картины, где никаких особых деталей быть не должно, порезвился неведомый горе-художник.

Исходная техника гладкая, лессировочная², рука мастерская, а последователь грубо, жирными мазками закрашивал отдельные детали.

Горгера (исп.) – в 15-16 вв. в Испании громадный плотный белый воротник, отделанный кружевом, размером около 15 см.

2 Лессировочная техника в живописи – наложение краски тонкими прозрачными слоями, при этом тон нижних слоев усиливается или изменяется за счет верхних.

– Странно.

– Да, мне это тоже показалось странным.

– Если нижний слой покрыт лаком, – Егор присмотрелся, – а он вроде бы покрыт лаком, то, может быть, я смогу смыть дописки. Сначала попробую вот здесь внизу на трости, а если все пройдет хорошо, будем двигаться дальше.

– Сколько времени это займет?

Егор потер переносицу.

– Честно говоря, я не знаю. Надеюсь, неделя, может, две. Потом надо будет еще раз лаком для предохранения... Но знаете, может и вообще ничего не получится, я предупредил.

Ольга кивнула.

– Я помню. Ты попробуй.

Оставшись в выделенной ему комнате – удобной, но безликой, как гостиничный номер, Егор принялся перебирать события длинного дня.

Актив. Он в гостях у красивой и несомненно одинокой девушки. Впрочем, несомненно – это он фантазирует. Скажем так – возможно, одинокой. К тому же без жилищных проблем и навязчивых родственников. Но даже без далеко идущих планов, его ждет интересная работа и впечатляющая оплата.

Егор хлопнул в ладоши – свет послушно погас, остался лишь крохотный светлячок у дверей.

Пассив. До жилищной беспроблемности от Москвы чесать три часа, причем общественный транспорт сюда, кажется, не ходит. Картина странная, девушка... тоже странная, к тому же самоуверенная до стержности, Егор таких побаивается.

А от роботов вообще не знаешь, чего ожидать.

Маслову смутно вспомнились какие-то ужасики про дома, пожирающие жильцов. Или это были растения? Он схватился за смартфон, но экран мерцал успокаивающе, и прием был отмененный. Егор позвонил родителям, потрепался с приятелем по КБ и успокоенно зарылся в подушку. Но лишь проваливаясь в сон, понял, что так смущало его в Ольге.

Кажется, она была не самоуверенна.

Она была напугана.

* * *

Утро растворило вчерашние страхи в солнечных лучах. Проснувшись, Егор какое-то время бездумно валялся в постели, скользя взглядом по обстановке. Сегодня обнаружились детали, не замеченные с вечера, например, пульт в стене, как от музыкального центра. Егору понадобилось минут десять, чтобы разобраться в системе и выбрать какую-то незнакомую, но симпатичную инструменталку – помесь жизнерадостного рока и незамысловатого джаза.

Музыка пронизывала комнату, как будто динамики прятались в каждом углу. Определенно, в этих умных домах есть своя прелесть.

Маслов сунулся за дверь – сориентироваться насчет ванной. Музыка перетекла следом, расположившись в коридоре. Озадаченный, он прошел до самой лестницы, вернулся, заперся в обширной ванной комнате, будто срисованной с модного журнала, – звук послушно следовал за ним.

Стоя под душем, Егор размышлял, как будет работать система, если в доме пять человек и каждый захочет слушать свое, причем погромче.

В космической рубке кухни хозяйничал Марвин.

– Гость, здравствуй.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что робот нарежет колбасу. Пластиковые пальцы сжимают нехилый кухонный тесак, движения неторопливы, но хирургически точны.

Егор поежился.

– Гость, слушай, – предложил робот, не отрываясь от работы, и в кухне внезапно зазвучал голос Ольги, почти не искаженный записью.

– Привет, Егор. Я на работе. Дом в твоём распоряжении. Если что-то не поймешь, спроси у Марвина. Как у Яндексa. Да, забыла сказать, не выходи на улицу. Вечером покажешь, что с портретом. Пока.

Такой себе аудиовариант записки на холодильнике. Ценные указания получены: сиди-работай, из дома ни ногой. А почему, собственно, ни ногой?

– Почему я не могу выйти на улицу?

Робот молчал. Как у Яндексa, говорите? Попробуем иначе.

– Марвин, мне можно выйти из дома?

– Гость нельзя.

Исчерпывающе. В желудке зашевелился холодок. Что там было у Кинга про писателя, которого держали под замком? Забыл, чем дело кончилось, помер он или выбрался.

Егор задумался, пережевывая бутерброд. Марвин дорезал колбасу и переключился на сыр. Ломтики у него получались не хуже, чем у комбайна.

В конце концов, его кормят и в комнате не запирают, – решил Егор. – Еще не крайний случай.

И отправился работать.

Портрет уставился на него мутными глазами неопределенного цвета. Егор долго разглядывал поверхность, осторожно трогал кончиками пальцев. Говорят, хорошо сфотографировать в косом свете, все изъяны видны, но фотоаппарата нет, да и изъяны-то – вон они все.

Он выбрал самый нежный растворитель, развел с конопляным маслом. Легкий мазок тампоном, еще один – вроде бы получается. Слой лака поверх дописок совсем тонкий, словно картину именно что не дорисовывали, а прятали изначальную работу.

Егор увлекся. От резкого химического запаха слегка кружилась голова, из-под грубого шлепка проявлялись прежние цвета – насыщенные, яркие. Собственное дыхание казалось слишком громким, а периодически Егор вообще забывал дышать.

И только когда плечи заломило от многочасовой неподвижности, он отодвинулся от стола и увидел, что получилось.

Старик держал не трость. Меч.

* * *

– Тогда все становится логичным, – пояснял Егор. – Правая рука лежит на этом... перекрестье таком.

– На гарде, – тихо подсказала Ольга.

– Ну да, на гарде. Она, похоже, очень широкая, вот здесь виден край. Вообще интересный такой меч: рукоять длинню-

щая, гарда эта немереная... Прямо, Конан-варвар. Слушай, а ты уверена, что его рисовали в начале прошлого века?

Ольга задумчиво повела плечом.

– Папа говорил, портрет старый. Я всегда считала, что это дедушка, но может быть, прадед или даже какой-нибудь прапра-прадед.

– А может это быть, наоборот, недавняя работа?

– С чего ты это взял?

– Ну, знаешь, – Егор смутился. – Какой-то меч этот... как будто ненастоящий. Если бы я его на картинке в журнале увидел, решил бы, что фэнтези современное. Эльфы-гоблины там всякие, оружие вычурное.

Ольга окинула его суровым взглядом.

– Когда я была маленькой, портрет уже висел дома. А это еще в Советском Союзе было.

– Ну да, эльфов-гоблинов в Советском Союзе не было, – пробормотал Егор. – А кстати, почему это мне нельзя выходить из дома?

По ее лицу пробежала тень.

– Когда меня нет, включается система защиты. Параноидальная. Перепрограммировать сложно, так что выходи, когда я здесь. Только зачем тебе? Поселок еще пустой почти, из магазинов – одна палатка у остановки...

Сомнения Егора не развеялись, но он предпочел согласиться. В конце концов, телефон работает, Интернет доступен, а месить грязь по улицам недостроенного поселка и впрямь удовольствия немного. Да и Ольга ему вроде доверяет, иначе б не оставила целый день хозяйничать в доме, напичканном супертехникой, побоялась бы, что испортит.

О том, что испортить ему могли просто не позволить, Егор предпочел не думать.

* * *

В пятницу Маслов с изумлением понял, что гостит в умном доме уже неделю. Он почти привык к Марвину и даже не вздрагивал, когда тот с тихим жужжанием возникал за спиной. Он за-

бавлялся с парализованным Псом и машинально приподнимал ноги, когда под стулом проползала таблетка уборщика. Нашел еще двух крохотных роботов: человечка с прозрачным тараканом, однако не впечатлился – игрушки и игрушки.

Но особенно его радовала музыка, гуляющая по всему дому следом за жильцом. Причем сам музыкальный центр Егор так и не отыскал, хотя пульты были встроены в каждую комнату. Еще на первом этаже обнаружился навороченный домашний кинотеатр и неплохая, хотя и слегка пуританская подборка фильмов.

Работала Ольга, похоже, коммивояжером: уезжала с утра, нагрузив багажник сумками, возвращалась иногда к полуночи совершенно разбитая, вливала в себя пол-литровую кружку чая и скрывалась в комнатах. Впрочем, в среду она осталась дома и приготовила роскошный по здешним меркам обед: суп из замороженных овощей с пельменями, а на второе – креветки из китайского ресторана. Жареный хитин хрустел на зубах, но Егору понравилось.

Работа над портретом продвигалась неспешно, но уверенно, хотя каждая новая деталь добавляла «дедуле» странностей.

Меч обладал хитрой формы лезвием и выступом, который Егор по неопытности посчитал кровостоком. Хищно растопырилась гарда, а набалдашником рукояти служил череп с глумливо выставленными клыками. Такой же череп, правда, без клыков, зато с горящими зелеными глазами, обнаружился на ордене; да и сам орден стал напоминать стилизованную паутину в рубиновой крошке.

Не прост был дедуля, ох, как не прост.

Егор оставил лицо напоследок и для разнообразия смыл левый нижний угол, где под темно-фиолетовым кобальтом обнаружилась надпись, сделанная округлыми печатными буквами:

«Иди на полночь».

Вот только зашифрованных посланий тут не хватало!

– Не понимаю, – нахмурила брови Ольга. – Хотя...

Егор, как замороженный, двинулся за ней.

Безумные часы на кухонной стене. Циферблат словно лежит на боку, цифры «12» нет, но если бы она была, то смотрела бы вниз, в угол.

Ольга дернула за хромовый рычаг возле плиты. Люк, полностью сливающийся с полом, приподнялся и плавно отъехал в сторону.

– Это просто подпол, – усмехнулась она, забавляясь испугом Егора. – Консервы хранить, картошку. Никаких таинственных кладов.

Угу, и в каждой комнате наверняка по потайному ходу. А в каждом шкафу по скелету.

В подвале мягко светилась цепочка ламп. Спускаясь вниз, Маслов поднял глаза: Марвин стоял у края люка с самым злобным видом.

Внизу царила стерильная чистота. Узкие стеллажи вдоль стен с аккуратными стопками консервных банок. В углу отгорожен хитрый агрегат: наверняка, отопительная система или водопроводный насос. Хотя может, и печатный станок для фальшивых денег, кто его знает.

Впрочем, совершенно прозаическая обстановка, разве что площадь основательная – подпол, похоже, тянулся вдоль всего дома.

Правда, задрав голову, Егор обнаружил на потолке еще одни часы, у этих циферблат не претерпел метаморфозы, зато стрелки отсутствовали, только штырь наклонно торчал из центра.

– Папа здесь роботов гонял. Он писал для них программы. Для больших, как Марвин, для уборщиков и для таких говорящих голов с мимикой, у меня их сейчас нет. Такие представления показывал! А я просто продукты храню.

Роботов гонял. Теперь, значит, не гоняет. Причем всегда папа и никогда мама. Почему?

– Пойдем, – скучно сказала Ольга. – Ничего тут нет.

Под вторым углом картины Егор без особого удивления обнаружил следующую надпись: «Затем на тень». Если следовать той же логике, тень стоило искать на часах в подвале. Нижний

правый угол сообщил «Останови именем», а последний озадачил тройкой или буквой «З», возле которой вился толстый червяк с поперечными полосками-ножками.

Система управления люком оказалась несложной, а тень от штыря на циферблате протянулась к дальней стене. Егор раздвинул банки с ананасами в сиропе, но ничего странного на стене не обнаружил. Так, неровная штукатурка. Впрочем, он бы и люк в кухне сам не нашел.

Банку ананасов Егор открыл на обед.

А на следующий день все рухнуло в тартарары.

* * *

Маслов смывал «макияж» на лице. Здесь приходилось быть особенно тщательным, Егор буквально носом вел по холсту и ничего, кроме крохотного сиюминутного мазка, вокруг себя не видел. И лишь в какой-то момент, разгибая затекшую спину, повел глазами вбок.

На него внимательно смотрел живой янтарный глаз.

Егор придушенно пискнул и отпрыгнул, своротив стул и едва не опрокинув бутылочку с растворителем.

А дедуля-то оказался – привет демонам сознания!

Острый взгляд желтых глаз неотступно следовал за Егором, подбородок теперь украшала мефистофельская борода, в заостренном ухе (эльфов-гоблинов, говорите, не было?) болталась тяжелая серьга, а из-под нижней губы торчал кверху острый желтоватый клык.

Клык! А вовсе не шрам.

Вполне логично было бы дедуле прорвать сейчас холст и выбраться наружу, Егор заработал бы инфаркт, только и всего. Но вместо этого позади раздалось механическое:

– Гость нужна помощь?

Маслов сделал повторный кульбит и налетел на компьютер. Системный блок неожиданно легко – как картонный – отлетел в сторону и брякнулся на пол. Марвин проводил его взглядом.

– Нет, Марвин, – прохрипел Егор, – помощь не нужна. Иди на кухню.

Ну картина. Ну жутенькая. Но зачем же стулья ломать?

Егор уселся прямо на пол, руки мелко дрожали. Машинально отметил, что из валяющегося системного блока не торчит ни одного провода, да и задняя стенка на удивление гладкая, без единого отверстия. Потом зачарованно протянул палец и нажал на толстую кнопку. Системный блок подморгнул зеленым индикатором, на столе уютно засветился монитор.

Беспроводные технологии, да? Пожалуйста, пусть это будут просто беспроводные технологии.

Надо кому-нибудь позвонить. Хотя бы сказать, где он, чтобы в случае чего... А в случае чего? Черт, да у него же небось денег на счету не осталось, он же каждый вечер трепался.

Срывающимися пальцами набрал номер. Долгие гудки, как и положено в фильме ужасов. А сейчас Марвин вооружится бензопилой и...

– Ну?

– Серег, это Маслов, – Егор внезапно понял, каким бредом прозвучат его страхи. – Я тут, знаешь, возле Дубны подхалтуриваю.

– Ну?

– Да нет, я знаешь, хотел спросить... Поселок Заречье возле Дубны, там дома дорогие?

– Н-ну, я, думаешь, помню? Смотреть надо. Тебе срочно?

– Да, в общем, нет... Я пока так, присматриваюсь. Я попозже позвоню.

– Ну давай.

По крайней мере, если что, Серега должен вспомнить название, – ядовито прошептал внутренний голос. Клыкастый старик с портрета смотрел презрительно.

Маслов подтащил к себе системный блок и задержал крышку. Та легко выскочила из пазов, открывая компьютерную начинку.

Пыль. Очень много пыли. Егор не слишком хорошо представлял себе, как должен выглядеть компьютер изнутри. Но абсолютно точно, не так.

В мохнатых ошметках тихо светились граненые голубые октаэдр, окруженные сетью закорючек, которые хотелось назвать

рунами. Закорючки были выпуклыми и будто восковыми, а крепилось все хозяйство к стеклянным пластинам.

Беспроводные технологии, да?

Сколько у него осталось денег на телефоне? Где-то семь баксов. И было где-то семь. Неделю назад. А он каждый вечер трепался...

Или ему только казалось, что трепался?

Он полез в Интернет, уже не смущаясь тем, что раскуроченный системный блок валяется в трех метрах от монитора с клавиатурой. И через пять минут тихо вышел из кабинета. Остаток вечера до Ольгиного появления он просидел в ванной: там было меньше места и закрывалась дверь.

– Я тебе сейчас кое-что покажу.

Портрет сверкнул на них желтым глазом. Очищенный клык в свете лампы тошнотворно поблескивал.

Ольгин взгляд оставался спокойным и задумчивым. Егора прорвало:

– Молчишь? Тебя это не удивляет, да?

– Я подозревала... что-то в этом роде, – она закусил губу.

Егора колотило крупной дрожью.

– И что – дедушка был вампиром? Вервольфом? Или дореволюционным ролевиком – привет Толкиену? Купил зубки в магазине приколов? – он уже орал.

– Хозяин нужна помощь? – осведомился Марвин. Черт, как незаметно он подкрадывается!

– У хозяина все в порядке, – ровным голосом ответила Ольга. Янтарные глаза портрета смотрели осуждающе.

– А это ты видела?! – Егор пнул системный блок. Ошметки пыли разлетелись в стороны. – И как оно работает по-твоему, на волшебном чихе?! А что сюда мобильную связь только через полгода проведут, ты в курсе? Тут покрытия вообще нет – никакого!

– Гость нужна помощь?

– Не нужна гостю помощь! Гостю нужны объяснения.

– Сядь! – прикрикнула Ольга. – Марвин, иди на кухню.

– Марвин должен помогать хозяин. Марвин должен защищать хозяин.

– Сядь, – повторила она. – Иначе он переключится на программу защиты, и я вообще не знаю, что будет.

Маслов застыл, тяжело дыша.

– Я бы рассказала раньше, но ты бы не поверил.

– Я и сейчас не поверю, – угрюмо заверил он. – Я в эту чушь вообще не верю.

Тень скользнула по холсту, словно портрет усмехнулся. Ольга опустилась в кресло, подтянула колени к подбородку.

– Понимаешь, я по происхождению – что-то вроде ведьмы...

Конечно-конечно, готика рулит. Сейчас с карниза спикирует ворон, а у Ольги вырастут вампирские клыки. Как у дедули, только наоборот.

Егор не замечал, что отодвигается все дальше и дальше, пока не уперся в стену.

– Ты не бойся. Дело в том, что когда родители погибли... Нет, ну ты сам подумай, как я могла тебя предупредить? Ты бы вообще сюда не поехал...

* * *

Возле Оленьки всегда был папа. Мама, конечно, тоже была, но будто бы неподалеку, шагах в трех – так ей казалось. Если нужна была помощь, она бежала к папе, а уже потом отчитывалась маме – для порядка.

Впрочем, еще чаще она молчала и добивалась всего сама. Ольга вообще была ребенком тихим, но упертым.

Лет в двенадцать она придумала себе сказку, что ее в роддоме подменили. Мама заметила, а папа нет. Мама папе сказать не решилась, а сама с тех пор Олю боится, мало ли, кто она, может, упырь какой-нибудь.

Страшные сказки про упырей Ольга любила всегда.

– Знаешь, я даже удивлялась, как легко от родителей отклеилась. Другие девчонки лет в тридцать, а все с папами-мамами живут, и все – поздно не приходи, этого не носи, там не работай. А я как в институт поступила, квартиру сняла – такую, знаешь, без кухни, и так только перезванивалась и по праздникам приезжала. Мама вроде бы даже рада была.

Отец всегда возился с компьютерами и с роботами, это было забавно, но не слишком интересовало Ольгу, может быть, потому, что к волшебству умного дома она привыкла с детства. Интереснее было то, что отец умел предсказывать погоду лучше всякого телевизора, а еще предвидел опасность.

– Понимаешь, он всегда такие вещи чувствовал. Например, я прошусь с девчонками на шашлыки, а он говорит: «Оленька, завтра не надо, идите через неделю». Ну, я девчонкам говорю, а они смеются. А потом на этих шашлыках или ногу кто-нибудь сломает, или вообще какие-нибудь придурки к ним привяжутся. В общем, я ему привыкла верить. А за последний год он то и дело начинал, мол, когда нас не будет, ты то-то сделай и то-то. Наверное, поэтому, когда они разбились, я даже не очень удивилась. Плакала, конечно, до сих пор как подумаю, слезы наворачиваются, но не удивилась.

Они погибли два года назад. Самосвал юзом выбросило на встречную. Дождь, мокрая дорога... и машин-то почти не было. Им просто не повезло.

По завещанию Ольга осталась владелицей умного дома. Правда, большинство роботов, как оказалось, не принадлежали отцу, а были взяты в аренду, но остальная начинка и даже безумно дорогой Марвин остались в ее распоряжении. Обменяться из этого захолустья можно было разве что на хрущевскую однушку, поэтому Ольга так и осталась в Заречье, даже когда половину деревни снесли, а вокруг, словно на дрожжах поднялись кирпичные теремки.

Она ездила по конторам от Дубны до Москвы, продавала мелкие гаджеты: ручки-флешки, usb-аккумуляторы, ультразвуковые пищалки против комаров и прочую ерунду.

– Говорят, у меня рука легкая. Если электронику у меня купить, она не ломается. Это я только потом поняла, что все не так просто. А все потому, что месяц назад...

Глобус-шахматы стоял в доме всегда – вторая старая вещь (первой был портрет). Деревянный шар со вполне современными очертаниями нарисованных материков в массивной подставке на колесиках. Если откинуть верхнюю половину, получался маленький шахматный столик, фигурки для которого

были с изумительным мастерством вырезаны из темного дерева и слоновой кости.

Ольга видела подобный столик в антикварном магазине, но фигуры ее разочаровали – лица на них были лишь намечены, складки одежды грубоватые. Здесь же каждой пешке придали свое выражение лица.

Почти два года Ольга к шахматам не прикасалась: всякий раз начинала плакать. А тут показалось, крышка закрыта неплотно, она откинула северное полушарие и на шахматной доске обнаружила конверт.

Письмо от отца.

– Если коротко, то дело было так. Мой дед, папин отец жил... ну, скажем в параллельном мире. Как бы магическом. Вот не надо кривиться, я бы тоже не поверила, но ты же компьютер видел. Ну и я видела. Вот... а однажды они разругались, и отец оказался здесь: то ли дед его заколдовал, то ли он сам удрал. Ну и дед сказал, не возвращайся, мол.

– Я тебя породил, я тебя...

– Вроде того. Папа здесь женился, потом я родилась, возвращаться он и не собирался. Только знаешь, что я думаю... вот эти роботы, алгоритмы хитрые: в ладоши хлопнул – свет зажегся, наверное, были ему вместо магии. Наверное, ему было нужно ощущать какую-то власть над вещами, понимаешь? А раз как прежде не получалось, ну он и начал заниматься электроникой.

Власть над вещами – это Егор понимал. Это когда из цветных мазков выглядывает женское лицо, а в черных штрихах угадывается закат, и только от тебя зависит, каким он станет.

– Я уже думала, с ума сойду, все к себе прислушивалась: что во мне не так. Я думаю, он маме все рассказал, поэтому она такая и была всегда... замороженная. И еще выглядела гораздо старше него, в последние годы совсем старушка. Я, что называется, поздний ребенок, но папе-то на вид больше сорока не давали, а по паспорту возраст у них одинаковый.

Ольга принялась копаться в домашней электронике. Опомнилась, когда у Пса после экспериментов отнялись лапы, а везти его в ремонт было никак не возможно, потому что внутри об-

наружилась та же чертовщина: каменные кубики и стеклянные деревца в мизинец размером.

– Я теперь уже и не знаю, то ли он сразу их такими делал, то ли они сами потихоньку перерождались. Самый старый уборщик у нас – вообще одна из первых моделей; гудит, как самолет, но до сих пор работает, ни разу не ломался.

Портрет деда она никогда не любила. Он казался ей скучным и мрачным. И страшноватым, если честно. А тут присмотрелась внимательнее и обнаружила несоответствия, слишком нарочитые, чтобы оказаться случайными. Тогда и родилась идея найти реставратора, чтобы снять верхний живописный слой.

– Я несколько человек перебрала, но никто сюда ехать не хотел. Везите, говорят, сами, если надо. А я подозревала, что там внутри – как такое привезешь! Ну, а потом ты вот согласился...

Егор молча уставился в мерцающий кристалл в брюхе компьютера. Надо было или поверить и отказаться от всего опыта прежней жизни, или посчитать ее сумасшедшей и бежать отсюда без оглядки. Но вот же портрет, хотя что там портрет – вот же смартфон радостно подмигивает, звони, куда хочешь.

«Мобильная связь там есть?» – «В доме есть...»

– Я думаю, может, это папа портрет замазал много лет назад, чтоб лишних вопросов не возникало. Только непонятно, кто надписи оставил. То ли отец все-таки выход нашел, то ли дед ему лазейку оставил... Или оно вообще не об этом. А может, – она побелела, – может, они вовсе не погибли, а на самом деле...

Маслов прятал глаза.

– Да нет, – хрипло оборвала себя Ольга. – Таких чудес не бывает.

Ну да, а остальные бывают.

– Что думаешь делать? – неловко спросил он.

– Открыть, конечно. Только надо сообразить, чего от нас хотят.

От нас. То есть Егор автоматически входит в команду избранных. Понять бы, рад он этому или огорчен.

– Допустим, про часы мы решили правильно, и дверь в той стене подвала.

- Портал, – уточнил он.
- Что?
- Портал. Ну, как обычно в книжках, между мирами.
- Да какая разница. Главное, чье имя нам нужно и какие три червяка?
- Или «З». «З» плюс иероглиф.
- Тем более непонятно. Может быть, алхимический символ?
- Пойдем погуглим.

Егора уже не смущало, что Интернет доступен посредством неведомого волшебства. В конце концов, для него и раньше вся эта электроника была сродни колдовству, так какая разница, микросхемы там работают или магические кристаллы!

* * *

Егор открыл глаза, судорожно глотая воздух. Простыни были мокрыми, хоть выжимай, а в глазах еще стоял недавний сон: едва не задушившие его клубы желтого тумана и статуя с Ольгиным лицом. Только на этот раз статуя была железной.

Хорошенький такой кошмар. В самый раз после вчерашнего.

Они до двух ночи лазили в поисковиках, но толстого червяка в перевязочках-лапках не нашли.

– Может быть, это тоже надо смыть?

– Я с краешку попробовал, там ничего нет. Только исходная картина.

Ее лицо было совсем рядом, глаза в мягком свете монитора отливали изумрудом. Волосы пахли свежо и чуть горько, где он чувствовал такой же запах?

– Может быть, виньетка? Зашифрованные инициалы?

– Грубовато для виньетки.

– И кстати, «останови именем» – это чьим?

– Понятия не имею. Папа был Александр Иванович.

Егор фыркнул и, не сдержавшись, расхохотался в голос.

– Ты чего! – возмутилась Ольга.

– Ой, не могу... портрет, – еле выдавил Егор, – дедушка Ваня...

Ольга перевела взгляд на картину и тоже согнулась от хохота.

Когда приступ смеха прошел, они некоторое время молча смотрели друг на друга, словно не узнавая. Потом медленно, будто во сне, Егор потянулся губами к невероятно красивому лицу. Бурного удушливого всплеска не было, скорее болезненная нежность, осторожное желание защитить. Но поцелуй на фоне недавнего потрясения, возле демонического портрета – в этом была такая голливудская фальшь, и Егор застыл на полдороге.

Наверное, Ольга тоже это почувствовала, потому что одним стремительным движением скользнула за дверь:

– До завтра. Спокойной ночи.

– Хозяин, спокойной ночи, – немедленно отозвался вездесущий Марвин. – Гость, спокойной ночи.

И вот – ничего себе спокойная ночь. Что сказал бы Фрейд о подобном кошмаре?

На кухне Марвин нарезал копченую скумбрию идеальными прозрачными ломтиками. Интересно, а руки он сам себе мыть будет, рыба-то жирная?

– Гость, здравствуй.

– Привет, Марвин. Где Ольга?

Молчание. То ли команда неверна, то ли верному роботу не положено сообщать. Ну и ладно.

Егор с аппетитом слопал почти всю скумбрию и отправился в кабинет.

Системный блок они вчера водрузили обратно на стол, только крышкой закрывать не стали. Маслов удивился, куда подевалась пыль; не иначе, кто-то из пылесосов постарался. Представилась таблетка-уборщик, с жужжанием взлетающая на стол, как маленькое домашнее НЛЮ.

Егор снял «дедушку Ваню» со стола и поставил лицом к стенке. Взгляд скользнул по «останови именем». Еще одна загадка, но это пусть Ольга думает. А мы поищем червяка.

Через шесть часов он устал, как собака, и только бесцельно тыкался от ссылки к ссылке, пропуская пестрые изображения мимо взгляда. Но сердце екнуло раньше, чем он понял, что видит.

Хитро изогнутая колбаса с небрежными поперечинами-лапками.

Китайский дракон.

Три дракона? Егор с силой потер глаза и вышел на следующий круг поиска.

Символ силы и доброты... доброе животное, не имеет ничего общего с ужасными драконами в геральдике... три основных вида дракона – кажется, вот она, тройка. Лунг живет в небе, ли – в океане, чиао обитает на болотах. Ну и что с этим делать?

Кстати, вроде бы есть такие электронные драконы.

– Марвин, у нас есть дракон?

– Дракон нет.

– А был?

Молчание.

– Марвин, у нас был дракон?

– Дракон нет.

Нет так нет. Идем дальше. Усы... борода... примитивная форма называется куй; куй – какое хорошее слово. Зимой впадает в спячку... буддизм... запретный город в центре Бейджина... жемчужина в лапах дракона... дракон в китайской алхимии означает ртуть, а также сердце и кровь...

Кровь. Черт побери, а если просто – кровь! Три – значит три капли. Это же магия, а магия крови – самая сильная, это во всех ужастиках пишут. Ужастиках, м-да...

Егор аккуратно выключил компьютер.

Остается еще неведомое имя, но почему бы не попробовать сразу. Глядишь, дадут какой-нибудь знак.

В подвале он методично перенес банки на соседние стеллажи. Отодвинул легкий каркас, потом еще один, освобождая стену.

Ага, так мы на правильном пути!

У самого пола небрежно нарисована морда – то ли медведь стилизованный, то ли вообще гоблин какой-то. Наплыв штука-турки вполне сходит за высунутый язык.

Ну что, экспериментатор, приступим?

Егор примерился булавкой. Неприятное ощущение: чувствуешь себя самоубийцей, даже если это всего лишь булавоочный укол.

Алая капля набухла на подушечке и расплзлась по руслам папиллярных линий, даже не собираясь падать вниз; возможно, укол оказался слабоват. Маслов присел на корточки и прижал окровавленный палец к каменному языку.

Руку охватила приятная прохлада, поднимающаяся по ладони к предплечью, потом к плечу. Егор почти без удивления смотрел, как часть стены – вроде дверного проема с аркой – размывается, уплывает и затягивается янтарно-желтым туманом.

И никаких тебе имен.

Нарушая торжественность момента, в кармане забренчал мобильный. Ольга.

– Егор, ты где?

– Да я тут...

– Слушай, я сообразила.

– Да я вроде тоже...

– Знаешь, ты только никуда не ходи. Подожди меня, я уже подъезжаю.

– Ну я вообще-то...

– Егор? Егор, ты где?

Сверху послышалось легкое жужжание.

– Главное, не суйся пока в подвал. Я должна сама.

По лестнице с неторопливой неотвратимостью спускался Марвин. Пластиковые пальцы сжимали кухонный тесак.

– Егор, что там у вас? Егор!

– Гость нельзя, – злорадно сообщил Марвин.

– Егор!

Маслов с трудом оторвал палец от каменного языка. Ноги подкашивались, словно нарисованный гоблин на радостях выхлебал у него пару литров крови. А может, и действительно выхлебал, сволочь оштукатуренная.

Марвин присел на полусогнутых ножках и шустро затопал к Егору, на ходу поднимая тесак. В стрекозиных глазах тот увидел свое перекошенное отражение.

– Егор?

Телефон брякнулся на пол, Маслов бросился в сторону, расшвыривая консервные банки. Удар пришелся в металлическую стойку стеллажа – цвеньг!

– Марвин, стой!

– Гость нельзя, – невозмутимо сообщил робот. – Марвин должен помогать хозяин. Марвин должен защищать хозяин.

Тесак со скрежетом врезался в стену, разлетелись острые осколки, кусок арматуры качнулся полувыбитым зубом. Егор чудом успел отпрыгнуть за стеллаж.

– Марвин, стоп! Марвин, фу! Нельзя!

– Гость нельзя, – возразил Марвин.

Полка разлетелась, острая щепка вонзилась Егору в щеку – на мгновение показалось, что прямо в глаз.

– Марвин умница.

Под ногами катались железные банки. Желтый туман расползался по подвалу, принося резкий запах – у Егора закружилась голова.

Сверкнул от входа яркий всполох – Ольга.

– Егор? Егор!

– Я тут, – просипел Маслов, хватаясь за арматуру. Прут неожиданно легко подался, и он рухнул коленями об каменный пол. Тесак просвистел в миллиметре, отчекрыжив кусок рукава.

– Марвин умница.

Цвеньг! Лезвие врезалось в подставленный прут. У Егора разом онемели руки. А в следующую секунду Ольга налетела на него, сбивая с ног, и оба покатались в желтый туман, за которым скрывалось неизвестно что.

– Хозяин? – недоуменно проскрежетало над ухом. Следом тонко, на ультразвуке, завизжала Ольга. Егор распахнул глаза.

Над ними склонилось железное чучело: сплошная сверкающая сталь и алые перья. За долю секунды Маслов разглядел каждую металлическую розетку на изысканных доспехах, каждую нитку на тяжелом плаще.

Острый клюв шлема смотрел ему прямо в переносицу. Тяжелая алебарда поднялась – и рухнула.

Егор вскинул прут, мгновенно поразившись, каким непривычно тяжелым он стал. И верно, не прут – меч! Тот самый здоровенный меч с черепом на длинной рукояти встретил удар, который должен был выломать Егору руки из суставов.

Встретил – и отвел в сторону, как удар пластмассовой линейки.

А из-за тумана послышалось настырное:

– Марвин умница.

И тогда Ольга забормотала, словно в бреду:

– Я помню, я помню, я же должна помнить, – и пронзительно, так что уши заложило, – Дарн!

Железное чучело застыло, будто в недоумении, а затем целеустремленно пролязгло к проему, откуда на полусогнутых выбирался Марвин с тесаком. Бесстрастным механическим движением поднял алебарду и со всего маху обрушил на голову робота. Круглый шлем треснул, как орех.

На мгновение все застыло, и во внезапной тишине особенно резко раздался сухой кашель. Егор медленно обернулся и только сейчас понял, что зазеркальный подвал был копией подвала в умном доме. А на ступеньках лестницы стоял старик в расшитом красном халате.

Янтарные глаза сверкали так, что страшно было смотреть. Мефистофельская бородака растрепалась, клык наполовину обломился, а буйные седые кудри обрамляли обширную лысину, но это несомненно был старик с портрета.

Дедуля.

Маслов только глазами хлопал, а Ольга шагнула навстречу старику – прямая, как струна.

– Я пришла.

Он смерил ее суровым взглядом.

– Кровь не твоя.

– Мне помогал человек.

– Твой отец – Андр?

– У нас его звали Александр.

– Почему не пришел он?

– Он умер, – звенящим голосом выкрикнула Ольга.

Лоб старика собрался в тяжелые складки, желтые глаза при-
тухли.

– Андр умер?

– А вы с ним так и не помирились, – горько сказала Ольга.

Старик медленно отвернулся, прошел мимо нее, мимо скрю-
чившегося Егора, все еще сжимающего в руках меч, к желез-
ному дровосеку, застывшему над роботом.

– Цейг, иди на место, – приказал он тихо, но будь на месте чу-
чела Егор – подчинился бы не раздумывая. Потом склонился
над покалеченным Марвином, пробормотал:

– Кремний... кремний плохо подходит для големов – слиш-
ком своенравный. Но пусть. Ты тоже иди.

Марвин с разваленным напололам черепом деловито заша-
гал к лестнице. Забуренный тесак мирно покачивался в пласт-
массовых пальцах.

Власть над вещами, да. У каждого своя.

Пристальный янтарный взгляд остановился на Егоре, но от-
чего-то старик больше не пугал его, скорее вызывал жалость.
Оживший портрет, повелевающий вещами, но теряющий
людей.

Старик отвернулся к девушке.

– Как тебя зовут?

– Ольга.

– Ольга, – попробовал он на вкус. – Хорошо, Ольга из рода
Дарна. Ты дерзкая девчонка, но я принимаю тебя... пока.

Егор вытер мокрую щеку и недоуменно посмотрел на выма-
занную красным ладонь. Потом осторожно положил меч на ка-
менный пол, поднялся и пошел к дынному проему. На пороге он
обернулся, чтобы навсегда запомнить эту картину: суровый ста-
рик и упрямая девушка изучающе всматриваются друг в друга.
Фамильное сходство было несомненным. И так же несомненно
в глубине желтых глаз старика светилась грусть и теплота уз-
навания.

Маслов тихо шагнул в янтарный туман.

* * *

Он медленно шагал по мокрым розовым плиткам. Пустой рюкзак норовил свалиться с плеча, в горле сухо скребло – продуло, что ли? Калитка закрыта, но можно и через забор перемахнуть, не так он и высок. А там – найти остановку или поймать попутку...

– Егор!

Стремительные шаги за спиной, пальцы вцепляются в рукав. Глаза сияют чистой изумрудной зеленью, медовые пряди выбились из учительского бублика.

– Ты забыл... телефон.

Полупрозрачный гаджет с проросшими изнутри кристаллами – туманная завеса преобразует любые предметы. Красиво.

– И потом... послушай, там же совершенно другой мир. Мне все придется начинать сначала, я даже не знаю, как все работает... Я не справлюсь одна.

Он все еще молчал, не в силах поверить.

– Я хочу, чтобы ты остался. Пожалуйста.

– Лучше, наверное...

– Нет, в реставрационную мастерскую не лучше!

Егор изумленно вскинул брови, потом вспомнил и засмеялся.

– Знаешь, может быть, ты не лучший реставратор, зато умеешь сражаться с бешеными роботами. И вообще... это была твоя кровь.

Ветер бренчал китайской висюлькой у крыльца. Солнечный луч играл в глазах самой красивой девушки на свете, а в умном доме его ждали роботы и огромный волшебный мир.

Взявшись за руки, они медленно поднялись по ступенькам.

ЛЕОНИД ШУСТЕРМАН

БОЛЬШИЕ ЧИСЛА

– Вы, что же, летели сюда семь с половиной лет только для того, чтобы взять у меня интервью? – удивленно спросил престарелый доктор Гонен, глядя в голографическое изображение своего молодого собеседника.

– Ну, что вы, профессор?! Вы, вероятно, совсем не следите за новостями: астрофизики развели в этой части галактики множество пространственных тоннелей. Так что путешествие к вам заняло у меня неполных четыре месяца.

– Ах, вот оно что! Надо было еще год назад убраться отсюда, – проворчал старик. – Но путь свой, юноша, вы проделали зря – никаких интервью я давать не собираюсь. Возвращайтесь домой, ради бога, не теряйте время.

– Господин профессор, я не могу вернуться без репортажа – меня уволят!

– Весьма сожалею. Но решать ваши проблемы я не буду. Планета официально принадлежит мне, и по закону вы не имеете права опускаться на поверхность без моего разрешения. Поэтому отправляйтесь-ка восвояси.

– Но, профессор, какой еще закон в такой глуши? Это в эпоху почившего в бозе Священного Союза Галактик можно было найти полицейского в любом уголке Вселенной, а сегодня... Да я и не собираюсь садиться. Пожалуй, последую вашему совету и улечу домой. Но свою презентацию все равно сделаю, и тогда, будьте покойны, к вам устремятся журналисты со всех концов Вселенной.

– Вот как? Что же заставит всю Вселенную заинтересоваться моей персоной?

– Видите ли, доктор Гонен, у меня есть основания полагать, что вы самым непосредственным образом причастны к взрыву планеты Кохинор.

– Я?! Вы полагаете, что я каким-то образом взорвал столицу Священного Союза – самый охраняемый объект во Вселенной?

– Это всего лишь предположение. Вы же не будете отрицать, что покинули планету перед самым взрывом?

– Но я это сделал не по своей воле. Меня просто выгнали перед началом съезда Партии Благоденствия. Всех беспартийных удалили – так постановил Центральный Комитет.

– Да, верно, вместе с вами планету покинули еще несколько человек. Но я узнал, что в свое время вы лично обращались к коменданту Кохинора – генералу Свирскому и упрашивали его принять вас на работу.

– Что же тут удивительного, я был беден, нуждался в средствах.

– Это удивительно, если принять во внимание обстоятельства. Я досконально изучил вопрос. Во-первых, работа в непосредственной близости от союзного правительства не приносила никаких особенных выгод, но была чревата всевозможными неприятностями. Обычно технический персонал столицы набирали в порядке мобилизации, а вы попросились сами. А во-вторых, вы ведь ненавидели Свирского – тот увел у вас невесту. Не правда ли, госпожа Свирская, в девичестве Грант, была вашей подругой в студенческие годы? А потом вышла замуж за Свирского – тогда еще курсанта. Я нашел в архиве старый клип, снятый камерой безопасности. Там хорошо видно, как вы пытались напасть на вашего соперника с чем-то вроде кинжала. Но Свирский отобрал у вас нож, а потом избил и сломал два ребра. Он запросто мог бы вас посадить, но не стал, ограничился побоями. А вы потом из-за этих событий несколько лет пребывали в депрессии, покончить с собой пытались. И вот этого человека – своего личного врага всего через пятнадцать лет вы умоляете предоставить вам работу?!

– Не понимаю, что доказывают все эти подробности семидесятилетней давности, – промолвил профессор, немного помолчав.

– Ну, в суде присяжных они, конечно, не докажут ничего. Но мне и не нужно доказывать – достаточно возбудить любопытство коллег-журналистов, а уж тогда они явятся толпами и – пропало ваше уединение.

– А вы, насколько я понимаю, собираетесь предложить мне лучший вариант?

– Конечно! Вы дадите интервью. Мы подписываем эксклюзив. После чего, никто не сможет вас побеспокоить, кроме меня! Согласитесь, это намного лучше.

– Мда, пожалуй. Вы, молодой человек, прохвост. В десятке миль от моего дома есть космодром. Я включу маяк, садитесь.

Корабль журналиста вошел в атмосферу и промчался на фоне занимавшего полнеба лилового шара – газового гиганта, одной из лун которого являлась планета доктора Гонена. Внизу дышала жаром раскаленная каменистая почва и текли потоки огненной лавы. Одно из солнц, огромное белое и жаркое, медленно уходило за горизонт, даруя пылающей пустыне временную передышку; другое, красноватое далекое и холодное, тускло светилось в зените темного неба, окрашивая безжизненные равнины и скалы в угрожающе багровые тона. Было еще и третье, но оно сейчас освещало противоположную сторону планеты, никогда не знавшей ночного мрака, и лишь изредка погружавшейся в сумерки, если газовый гигант заслонял наименьшее из светил, на короткое время оставшееся в одиночестве на небе.

Возле полюсов температура заметно снижалась. Там, среди берегов, покрытых густым темно-зеленым кустарником, постепенно переходившим в лесную чащу, к теплым озерам текли спокойные реки. На опушке одного из лесов стояла усадьба профессора, а неподалеку виднелась ровная и блестящая, словно отполированная, площадка космодрома, на которую и посадил свой корабль журналист. Дальнейший путь к дому доктора Гонена гость проделал в кабине небольшого вертолета-робота,

предусмотрительно присланного на космодром хозяином планеты.

Профессор, одетый в домашний халат и мягкие тапочки, встретил молодого человека на пороге усадьбы.

– Альберт О’Нил, – представился журналист и, широко улыбаясь, протянул руку.

– Вы, любезнейший, конечно же, исключительный наглец, что при удачном стечении обстоятельств может весьма благотворно сказаться на вашей карьере, – проговорил старик, игнорируя предложение рукопожатия. – Но, знаете, я парадоксальным образом рад вашему появлению. Даже не подзревал, насколько, в действительности, соскучился по человеческому общению. Мда... как хочется иногда поговорить о годах молодости и о той эпохе, сегодня ставшей уже почти легендарной... Так что проходите – я расскажу вам о последних днях Кохинора и заодно отвечу на вопросы.

Профессор ввел гостя в просторную гостиную, обставленную в стиле ретро странной мебелью из какого-то материала пепельного цвета. Помещение оказалось темным и прохладным, что создавало приятный контраст с влажной духотой, царившей снаружи. Профессор открыл дверцу одного из шкафчиков и извлек бутылку с бурой жидкостью.

– Переселяясь сюда, захватил, знаете ли, немалую коллекцию бренди, – сказал доктор Гонен. – Да только пить в одиночку совсем не хочется. Не составите ли компанию старику?

– С удовольствием! – полным энтузиазма голосом отозвался Альберт О’Нил, усаживаясь в мягкое кресло возле низкого столика.

Старик поставил на столик два наполненных бокала и сам уселся в кресло напротив.

– Вы знаете, профессор, – проговорил журналист, покачивая бокал и вдыхая аромат бренди, – я очень мало общаюсь с людьми старшего поколения, а с теми, кто может помнить Священный Союз, и вовсе никогда не разговаривал. Но много читал о тех временах и смотрел немало исторических фильмов. Вот скажите, это действительно была эпоха изобилия и всеобщего благоденствия, как теперь утверждают многие?

– Изобилия?! – поразился доктор Гонен. – Только полный профан может утверждать такую чушь! Уверяю вас, не существовало и десятой доли товаров, доступных человеку сегодня.

– Но как же так, профессор? Я смотрел статистику – тогдашние производственные мощности превосходили нынешние чуть ли не в сотню раз!

– Так проблема заключалась не в отсутствии мощностей, а в том, что вожди Союза понятия не имели, что именно нужно людям. Вот скажите, разве вы не хотите сменить свой корабль на более современный?

– Ну... хочу, конечно, но меня цены не очень устраивают.

– Правильно! Люди желают иметь что-нибудь не вообще, а в зависимости от цены, которую надо заплатить. Если же денег не существует, как это было в эпоху Священного Союза, а товары не продают, а распределяют, то и узнать, чего хотят люди, невозможно. Поэтому наши вожди сами решали, что нам нужно. Все ходили в одинаковой одежде, жили в одинаковых домах, ели одну и ту же пищу, летали на одних и тех же кораблях и вертолетах. И все это, конечно же, штамповали в огромных количествах, но разве в количестве изобилие?

Молодой человек пожал плечами и ничего не ответил. Старик хлебнул бренди и продолжил, заложив за голову обе руки и глядя вверх, словно изучая орнамент на потолке.

– Тогда я, разумеется, не задумывался над проблемами режима. Я ведь не знал, что можно жить иначе. Главная задача союзной власти состояла в слежении за тем, чтобы нигде не возник, паче чаяния, некий образ жизни, хоть в чем-то альтернативный «единственно правильному», навязанному нам вождями. А для этого приходилось контролировать всю Вселенную, собирать и обрабатывать информацию даже о самых незначительных событиях. С этой целью и создали Кохинор – покрытый вечным льдом каменный шар, вращающийся вокруг белого карлика и сверкающий в его лучах подобно драгоценному кристаллу – планету, пробуравленную насквозь и под завязку начиненную компьютерами. Она стала центром Вселенной, ее огромным холодным мозгом, который держал под контролем каждый уголок населенного людьми мира.

Старик замолчал, видимо, погрузившись в воспоминания о давно минувшей эпохе. Пауза затянулась. Спустя полминуты, журналист начал проявлять признаки нетерпения и наконец решился нарушить тишину:

– Почему Свирский согласился взять вас на Кохинор?

– А?! Ах, да... Я нашел способ создавать компьютеры, практически бесконечной вычислительной мощности. Я же говорил, что руководители Союза были одержимы идеей контроля за всеми мало-мальски значительными событиями во Вселенной. Но необходимые вычисления занимали так много времени, что их результаты всегда безнадежно запаздывали и оказывались бесполезными. Ну, и, конечно же, существовало множество задач, которые вообще нельзя было решить за разумное время.

– Почему? – удивился молодой человек. – Разве союзное правительство не могло себе позволить построить десятки, даже сотни таких планет, как Кохинор?

– Мда, – покачал головой профессор и глотнул немного бренди из бокала, – вы совершенно не представляете себе масштабы вычислений. Мда... кстати, у меня есть замечательные сигары, не желаете отведать? А то лежат себе годами – в одиночку курить скучно.

– Не откажусь! – воскликнул журналист. – Люблю при случае совместить приятное с полезным!

– Это очень разумный подход, – согласился старик и, встав с кресла, направился к шкафу. Спустя немного времени он вернулся с довольно большим металлическим сундучком.

– Альтаирский табак! – восхитился Альберт О’Нил, открывая ящик и вдыхая запах сигар. – Я курил такие лишь один раз в жизни – это большая редкость. Фабрику-то закрыли через несколько лет после развала Союза. Много все-таки тогда было хороших вещей. А теперь нет. И след простыл.

– Да, я тоже купил эту коллекцию совершенно случайно – редкая удача. Но вы напрасно обольщаетесь: во времена Союза такие сигары курили только партийные бонзы, а простым смертным даже понюхать не давали.

Некоторое время собеседники сидели молча, окутанные клубами дыма, и наслаждались ароматом великолепного табака.

– Вы, юноша, вероятно, совершенно не осознаете грандиозность вычислений, связанных с, казалось бы, тривиальными задачами, – промолвил старик, стряхивая пепел в керамическое блюдце. – Вот представьте себе, любезный мой, что вам нужно облететь с инспекторской проверкой несколько планет в разных концах Вселенной. Не важно, делаете ли вы это сами или управляете автоматическим зондом, в любом случае, вы хотите затратить на путешествие как можно меньше времени, не так ли? Время, необходимое на перелет между любыми двумя планетами, может колебаться от дней до месяцев в зависимости от пропускной способности пространственных тоннелей, которая в свою очередь зависит от напряженности поля Хиггса и множества других динамических параметров. Это понятно?

Журналист многозначительно кивнул, хотя о поле Хиггса слышал впервые. Впрочем, слова профессора совершенно не удивили молодого человека. Он часто бывал в командировках и обратил внимание, что путешествие в одно и то же место занимало разное время. Диспетчеры космопортов объясняли это безобразие именно «динамическим состоянием пространственных тоннелей».

– Так вот, – продолжил доктор Гонен, – если этих планет, скажем, десяток, ваш карманный компьютер вычислит необходимый маршрут за наносекунду. А вот если их сотня, то мой рабочий аппарат, который, думаю, мощнее вашего, как минимум в миллиард раз, пропыхтит над этой задачей ни много ни мало сорок лет.

– Сорок лет?! – поразился журналист. – На машине, в миллиард раз более мощной?! Но это же просто нелогично! Планет-то стало лишь в десять раз больше!

– Увы, друг мой! Таковы законы комбинаторики. Конечно, вычислительный комплекс Кохинора превосходил по быстродействию мой компьютер в квадриллионы раз, но ведь и планет, населенных людьми, не сотни, а миллионы. Поэтому время, требуемое на решение подобных задач, во много раз превосхо-

дит возраст Вселенной. Мда... миллиарды миллиардов... да что я говорю – центиллионы лет... вот какая пропасть отделяла правителей Союза от их мечты – тотального контроля над всем обитаемым миром.

– И что же? Вы изобрели компьютер, который справлялся с подобными вычислениями в разумные сроки?

– Да, – ответил доктор Гонен. – Мое устройство решало такие задачи почти мгновенно... Что же вы не пьете?! – спохватился старик, наполняя бокал гостя.

Альберт О’Нил молча кивнул профессору и глотнул немного бренди.

– Я изобрел временную петлю, – продолжил свой рассказ ученый, – электронную схему, позволяющую посылать сообщения в прошлое. Недалеко, правда, всего на несколько миллисекунд. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы построить сверхкомпьютер.

– Я слышал, законы природы запрещают путешествия во времени, – возразил журналист.

– Ну, не совершенно запрещают, но лишь накладывают некоторые ограничения, исключая парадоксы. Однако это очень сложная область теоретической физики, не думаю, что нам стоит углубляться. Принципы же работы компьютера, основанного на временной петле, оказались весьма простыми – любые задачи решались перебором всех возможных вариантов. Если правильное решение найдено – программа останавливается, если нет – посылает самой себе в прошлое команду проверить следующий вариант. Вот и все. Как велико бы ни было количество возможных решений, времени на анализ их всех уйдет ровно столько, сколько занимает проверка одного. В самом худшем случае – не более нескольких миллисекунд.

– Ух ты! Хитро! – воскликнул молодой человек, не скрывая восхищения. – Представляю, как ухватился за эту идею Свирский!

– Свирский?! Нет, он был слишком туп, чтобы понять физические основы открытия, и слишком подозрителен, чтобы поверить мне на слово. Он ухватился за нечто иное – возможность

вдоволь поиздеваться надо мной, ведь на Кохиноре я стал полностью от него зависим. Свирский никогда и никому не прощал, но обожал блеснуть показным благородством. Только поэтому он не упрятал меня за решетку после той жалкой попытки нападения – он хотел продемонстрировать широту своей души Алисе Грант. Она, глупышка, так легко давала себя обмануть, несмотря на все мои попытки растолковать ей истинное положение вещей. Мда... Только спустя годы я осознал, что Алиса, возможно, все понимала, а настоящим дураком был я сам...

Свирский ничем не рисковал – союзное правительство, одержимое идеей раз и навсегда решить проблемы управления Вселенной, поощряло любые инициативы в области вычислительной техники. Мой успех стал бы триумфом коменданта Кохинора, а за провал понес бы наказание только я сам. Трудно сказать, знаете ли, чего этот мерзавец желал больше. Но, независимо от результатов, Свирский постарался превратить мою жизнь в столице в кромешный ад. По нескольку раз на день он являлся с проверками и, развалившись в кресле, требовал подолгу разъяснять ему статус проекта, угрожая всяческими карами в случае несоблюдения сроков. Затем он осматривал лаборатории и, обнаружив малейшее пятнышко, орал на меня в присутствии сотрудников и заставлял стирать грязь носовым платком. Однажды он послал меня за чашкой кофе, а когда я выполнил приказание, плеснул мне кипятком в лицо, заявив, что я положил слишком много сахара... или слишком мало... я не помню... помню только боль от ожога...

Старик замолчал, пытаясь дрожащими руками разжечь потухшую сигару. После третьей неудачной попытки Альберт О'Нил пришел ему на помощь, и профессор зашелся кашлем от слишком жадной затяжки.

– Благодарю вас, – сказал доктор Гонен, придя в себя. – Иногда он являлся с Алисой, и эти визиты становились для меня самой горькой из пыток, хотя в присутствии жены Свирский воздерживался от хамских выходок. В первые недели я пытался украдкой заглянуть ей в глаза, надеялся обнаружить в них отб-

леск былого чувства... Напрасно... я не находил там ничего, кроме равнодушия. Она не притворялась... ей действительно не было до меня никакого дела.

– Вы страдали, – произнес журналист голосом, в котором звучали понимание и сочувствие.

– Страдал?! О да! Но поверите ли... в то же самое время каждая обида, каждое оскорбление, каждая душевная и физическая боль приводили меня в состояние болезненного, но всепоглощающего восторга! Да! Я наслаждался своими мучениями, ибо они убеждали меня в справедливости и даже святости задуманной мною мести! Как же я их всех ненавидел! Всех – Свирского, Алису, своих сотрудников, ни разу не нашедших для меня слов участия и поддержки, чинуш и охранников, тупых партийных бонз, всю эту правительственную сволочь. Я приговорил их к смерти. Я ощущал себя судьей, которого призвало само Провидение.

– Значит, это все-таки вы! – изумленно воскликнул молодой человек. – Я оказался прав – вы взорвали Кохинор?! Но во имя всего святого – как?! Как вы умудрились доставить на планету бомбу такой мощности?

– Ну, что вы, юноша, никаких бомб я туда не доставлял. Нельзя было приблизиться к столице на расстояние в миллион миль без того, чтобы служба безопасности Свирского не проверила каждый атом груза, который вы везете.

– Но... как же тогда вы умудрились осуществить свой план?

Старик запустил руку в карман халата и вытащил миниатюрный кубик, по виду напоминающий микросхему.

– Вот он – компьютерный процессор, основанный на эффекте временной петли, он же – оружие, уничтожившее Кохинор! – торжественно провозгласил доктор Гонен.

– Но позвольте... я не понимаю, – пробормотал журналист.

– Все очень просто, юноша. Вы ведь знаете, что любой компьютер при работе нагревается. Таков закон природы – нельзя обратить в полезную работу всю имеющуюся энергию. Часть ее уйдет на нагрев окружающей среды. Временная петля способна спрессовать зиллионы столетий в несколько микросе-

кунд. Но ведь и теплота, которая должна была потихоньку выделяться в течение всего этого огромного периода теперь вырвется в пространство почти мгновенно. Представляете, что произойдет?

– Взрыв! – выдохнул Альберт О’Нил.

– Совершенно верно. Вспышка невиданной силы. Разумеется, надо еще организовать довольно сложную систему энергоснабжения и охлаждения. В принципе, сила взрыва ограничивалась исключительно количеством энергии, доступной устройству в течение пары микросекунд. Этим-то я и занимался. Строил энергетические линии, которые бы позволили временной петле в нужный момент всосать в себя всю мощь реакторов Кохинора.

Свирский, конечно, ничего не понимал. Я демонстрировал удачное решение задач ограниченной размерности, и ему, разумеется, в голову не приходило, какая катастрофа может произойти, если увеличить количество данных всего лишь в несколько сот раз. Я говорил коменданту, не вдаваясь в подробности, что в этом случае потребление энергии возрастет. Поэтому Свирский в целях экономии ограничил размерность задач, которые мне позволялось решать. Зато на партийном съезде он собирался продемонстрировать сверхкомпьютер во всей его мощи, ну и, разумеется, пожать лавры...

Перед съездом Свирский обратился в Центральный Комитет с просьбой санкционировать временное удаление из столицы всех беспартийных. Якобы в целях безопасности. На самом деле, конечно, он просто хотел лишить меня малейшего шанса быть замеченным партийным начальством. Каким все-таки он был тупицей!

Вот и все. На съезде Свирский, вероятно, дал чудо-компьютеру задачку позабористее, чтобы как следует впечатлить делегатов. Результат оказался соответствующим – планету разнесло в клочья.

– Поразительно, – пробормотал журналист. – Они уничтожили сами себя... Это будет сенсационная презентация! Вы, господин профессор, станете самым известным человеком во

Вселенной. Разумеется, редакция позаботится о соответствующем юридическом сопровождении. Никто не посмеет посягнуть на ваши авторские права!

– Мда... авторские права... Вы знаете, в течение нескольких лет после взрыва я лечился от депрессии и галлюцинаций. Свирский и Алиса являлись ко мне по ночам, и я орал на них, пытаясь доказать свою правоту, а они молча слушали и грустно качали головами... Я, наверное, неоднократно рассказывал врачам свою историю, но кто же поверит сумасшедшему. А потом я перестал об этом говорить. Я вдруг осознал, какое чудовищное открытие совершил.

Понимаете, друг мой, вероятно, по воле Провидения на протяжении всей истории человечества оружие массового поражения оказывалось достаточно дорогим и сложным в производстве. Сначала я полагал, что и мое изобретение того же рода. Ведь для того, чтобы превратить временную петлю в оружие, требовалось построить довольно громоздкую энергетическую установку. Но потом появился генератор Подвойского-Розенблюма, позволяющий извлекать энергию прямо из вакуума. Вакуум, знаете ли, наполнен так называемой виртуальной энергией. Об этом давно знали, но к практическому применению пришли лет пятьдесят назад. Сегодня почти все устройства работают на этом принципе. Термоядерные реакторы, юноша, канули в Лету задолго до вашего рождения.

Так вот, если питать временную петлю от генератора Подвойского-Розенблюма, можно извлечь немыслимые количества энергии за очень короткое время. Я сделал приблизительные расчеты... можно создать бомбу, способную уничтожить галактику. И это оружие будет настолько дешевым, компактным и доступным, что в конце концов им сможет овладеть любая желающей. Каждый человек получит возможность уничтожить весь мир. Вы представляете себе эту ситуацию?

– Да, опасная штука. Думаю, правительства должны будут принять меры, чтобы держать эту технологию под контролем.

– Какой там контроль. Тем более сегодня, когда Вселенная разделена на множество враждующих государств и организа-

ций. Увы, друг мой, ответственность за нераспространение этой технологии ложится исключительно на меня. Поэтому, уж не обессудьте, я не смогу позволить вам покинуть мой дом.

– Что?! Вы, профессор, видать, опять умом тронулись?

– Видите ли, милейший, я же вас отговаривал, но вы настаивали, даже угрожали мне. Не скрою, я очень соскучился по человеческому общению и просто хотел выговориться. Но инициатива исходила полностью от вас. Теперь вы должны понести ответственность за свои действия. Поймите, во имя человечества я не могу поступить иначе.

– Хватит болтать, придурок! – рявкнул журналист, выхватывая из кармана иглолучевой пистолет. – Не вздумай двинуться с места, пока я не уйду из этой трущобы, а то я живенько продырявлю твою глупую башку!

Лазерный импульс, выпущенный откуда-то сверху, аккуратно отсек кисть руки с зажатым в ней пистолетом. Журналист заорал и упал в кресло.

– Как видите, любезный друг мой, я предусмотрел подобную ситуацию. Система безопасности моего дома уже давно держит вас на мушке. Так что постарайтесь не делать резких движений.

– Во имя милосердия! – простонал журналист, корчась от боли.

– Милосердия?! Что есть жизнь одного человека по сравнению с судьбой всего мира? И не пытайтесь, юноша, вам не удастся меня отговорить. Конечно, мои нервы не выдержат зрелища вашей смерти, поэтому я сейчас выйду. У вас есть пять минут. Постарайтесь получить максимум удовольствия. Сигары, бренди – в вашем распоряжении.

– Меня будут искать, вас арестуют, – прохрипел Альберт О'Нил.

– Глупости. Вы же никому не сказали, куда именно летите – не хотели делиться в случае удачи, не правда ли? Но в любом случае я, пожалуй, взорву эту планету, замету все следы и переселюсь подальше от цивилизации и журналистов. Всего доброго, милый мой.

Доктор Гонен покинул гостиную, вышел на веранду и подставил лицо влажному теплему ветру. Все три солнца сияли в небе, отчего деревья вокруг усадьбы причудливо переливались различными цветами и отбрасывали многократные почти прозрачные тени. Из дома донесся предсмертный вопль журналиста, после чего опять воцарилась безмятежная тишина.

ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО

ШАБЛОН

«Распластавшись по стене, Рональд сделал еще один шаг по осклизлым, растрескавшимся камням карниза. Наконец ему удалось ухватиться за решетку окна. Дожди и туманы не одного столетия изъели прутья ржавчиной, но те все еще оставались достаточно толстыми и прочными. Рональд крепко схватил два прута и изо всех сил потянул их в разные стороны. Его могучие мускулы вздулись буграми, на лбу выступил пот. Казалось, даже ему, лучшему воину Запада, не удастся совладать с решеткой. Но мысль о принцессе, которую, быть может, в эту минуту уже приковывали к алтарю, придала рыцарю силы. Правый прут хрустнул и сломался. В тот же миг нога Рональда соскользнула с раскрошившегося камня, и воин повис над бездной на левой руке. Не позволив панике овладеть собой, он несколько секунд провисел, давая отдых перенапряженным мышцам, а затем рывком подтянулся и в следующий миг уже протискивался в окно.

Рональд оказался в узком коридоре, погруженном во мрак. От камня тянуло холодом и сыростью. В свете ущербной луны, пробивавшемся сквозь решетки, он различил вмурованные в стену бронзовые кольца, но ни в одном из них не было факелов. Ладно, темнота ему только на руку. А вот то, что коридор такой узкий, плохо – с мечом здесь не развернешься... Рональд напряг слух, боясь услышать отдаленное пение, возвещающее о начале церемонии, но пока что было тихо. Значит, время еще есть. Однако он не имел понятия, где в этом огромном храме жрецы держали свою пленницу. Положившись на удачу, он крадучись

двинулся вперед по коридору. Но, как он ни старался ступать беззвучно, тихий звук шагов все же разносился в недвижимом воздухе. Внезапно Рональд понял, что слышит вовсе не свои шаги...»

– Опять читаем на дежурстве?

Рональд Хардклифф вздрогнул, машинально отдал компьютеру мысленный приказ переключить задачу, но, тут же осознав, что это уже бессмысленно, смутился еще больше и вернул текст на экран.

– Так ведь все спокойно, командир, – виновато произнес он.

– «Спокойно»... – передразнил Брюс Ламберджек. – Ты ничего не заметишь, даже если инопланетный десант высадится у тебя за спиной. Не спорь, меня же не заметил... И добро бы еще читал что-нибудь приличное, а то опять «Сага о Рональде». Я еще могу понять, когда подобным чтивом убивает время скучающая домохозяйка. Но человек с высшим образованием, сидящий в двухстах парсеках от Земли, на дикой планете, на одном из важнейших форпостов цивилизации – и читающий эту псевдосредневековую дребедень... От кого там у тебя герой в очередной раз спасает принцессу? От злого колдуна?

– От жрецов древних богов, – смущенно улыбнулся Рональд.

– Вот, вот. Графоманское нагромождение шаблонов.

– Домохозяйка, раздав приказания своим роботам, не знает, чем ей заняться, и мы в том же положении, – заметил Рональд. – Скучно же. На этой планете ничего не происходит и не будет происходить еще миллиард лет, пока первые рыбы не выползут на сушу. Хорошо Инге, ковыряется со своими лишайниками, а остальным что делать?

– Думаю, этот твой мифический тезка был бы счастлив поменяться с тобой местами. Полеты к звездам, тысячелетняя мечта человечества и все такое...

– Ну и что? – пожал плечами Хардклифф. – Романтичным и интересным всегда кажется только то, что необычно. В его эпоху обычными были драки на мечах, в нашу – межзвездные полеты.

– Не такими уж обычными. Реальное средневековье было куда более скучным, чем описывают в современных бульварных романах.

– Наша работа тоже куда более рутинна, чем представляли фантасты прошлого.

– Рутинна или нет, а мы минимум вдвое дальше от Солнца, чем любое из земных поселений. И в то же время – червоточина ведет отсюда напрямиком в Солнечную систему. Пока здесь не будет создан постоянный оборонительный рубеж, мы шестеро и наши роботы – единственная защита Земли на этом направлении, как бы патетически это ни звучало. А ты читаешь на дежурстве.

– Эта червоточина, скорее всего, существует уже миллионы лет, – возразил Хардклифф, – и ничего с Землей за это время не случилось. Да и вообще, почему мы все время мыслим в категориях форпостов и оборонительных рубежей? Мы ведь еще ни разу не сталкивались с чужим разумом – так почему ждем из космоса врагов, а не друзей? Вот уж где шаблон, так шаблон!

– Недооценить врага опаснее, чем друга, – наставительно изрек Ламберджек. – Ты ведь знаешь, что случилось на Вольфе III.

– Не знаю. И никто не знает.

– Вот именно. Спасатели не нашли ни живых, ни мертвых.

– В любом случае, это более чем в сотне парсеков отсюда.

– Ну и что? Во-первых, кто сказал, что все космические угрозы имеют единственный источник? Во-вторых, мы-то, люди, присутствуем и там, и здесь. Значит, и кто-то другой...

Мелодичный сигнал, поданный системой контроля периметра, прозвучал, словно подтверждение его слов. Но оба человека взглянули на монитор третьей секции без всякой тревоги; не опознай система сигнал «свой-чужой», звук был бы совсем другим. Действительно, экран показывал знакомый вездеход. На броню налипли подсыхающие кляксы грязи, с гусеничных траков свисали ноздреватые клочья местного темно-зеленого лишайника.

– Привет, мальчики, – сказала Инга Райхман, появляясь на соседнем мониторе. – Вы не впустите усталого биолога в вашу крепость?

– Хотя кто-то на этой планете устает от работы, а не от безделья, – вздохнул Рональд, отдавая мысленную команду. Получив сигнал от импланта в его мозгу, система безопасности открыла внешние ворота ангара.

– Нехорошо завидовать, – наставительно заметила Инга. – Тебе мама в детстве не говорила?

– Как успехи мировой ксенобиологии? – осведомился Брюс.

– По-трясающе. Я нашла на южной отмели совершенно уникальный грибок, паразитирующий на буро-желтых водорослях. Удивительно живучий. В считанные дни он уже поразил всю отмель. Я влюбилась в него с первого взгляда на его ДНК.

– Надеюсь, ты не притащила эту дрянь на базу? – неприязненно спросил Ламберджек, заранее зная ответ.

– Ну конечно же, образцы у меня с собой! Разве в полевых условиях можно провести полноценное исследование? Тут нужна нормальная лаборатория...

– Параграф двенадцатый Общих положений, – устало вздохнул командир. – Биологическая опасность.

– Абзац второй спецификации лабораторного оборудования, – моментально парировала Инга. – Со всеми видами биологических агентов до уровня опасности А0 включительно. Брюс, ну, не упрямясь. Хочешь, я назову его в твою честь?

– Только попробуй.

– И попробую, если ты меня не пустишь! *Brucus lumberjacksonus*. Между прочим, он вызывает ускоренное гниение биомассы. Я надеюсь выделить соответствующий фермент, он будет называться ламберджекатин...

– Ладно, открой ей внутренний люк, – проворчал Брюс, обращаясь к Рональду. – Вечно у нас одни инструкции противоречат другим...

Инга отсалютовала ему по-уставному и исчезла с экрана. В помещении диспетчерского поста размашистой походкой вошел Олаф Петерсен. Коротко подстриженные черные волосы мокро

липли на лоб – должно быть, главный инженер только что вылез из бассейна после очередного самоистязания в спортзале.

– Что нового? – бодро осведомился он, почти уверенный, что услышит в ответ заезженное «Ты пришел!»

– Инга притащила новый грибок, – вместо этого поведал Брюс. – Счастлива до небес.

– Как думаете, это серьезно? – спросил их обоих Рональд.

– Что, опасность? – не понял Ламберджек.

– Да нет... то, что она так радуется.

– Нет, конечно, – ответил командир уже без тени иронии. – У нее же докторская по сравнительному анализу высших позвоночных планет земного типа, неужели ей интересно ковыряться в каких-то грибках и лишайниках? Но что делать, если эта планета слишком молода для более сложных форм жизни.

– Я вообще не понимаю, что мы здесь делаем, – изрек Рональд. – Неужели нельзя было... Что там еще?

Это был снова сигнал системы контроля, на сей раз из седьмой секции периметра. На экране маячил шестиногий и многорукий робот, густо перемазанный грязью – один из множества киберов, трудившихся на строительстве подземного комплекса будущего Центра управления силами рубежа.

– Вот, каждому роботу вручную дверь открывай, – проворчал Хардклифф, хотя термин «вручную» не вполне подходил для мысленной команды. – Я и говорю – неужели нельзя было все здесь автоматизировать?

– Автоматизировали, что могли, – ответил Петерсен, – в космосе работают одни роботы, и на планете в основном тоже. Но верховное руководство должно принадлежать разумным существам. Все-таки здесь форпост, всякое может случиться.

– Вот и сделали бы разумный компьютер. Технически это было возможно еще в прошлом веке.

– Скажешь тоже! – возмутился Олаф. – А если он взбунтуется?

– Так нечего держать его в рабстве. Надо с самого начала предоставить ему те же права, что и у людей.

– Ты соображаешь, что говоришь? Права человека – компьютеру! Да еще доверить ему безопасность Земли!

– Ну и что? – настаивал Хардклифф. – Если ты доверяешь человеку, рожденному и воспитанному дилетантами – у какого процента родителей есть педагогическое образование, а? – то почему не доверять компьютеру, созданному специалистами? Опять эта наша манера всюду видеть угрозы и врагов! Если мы тысячи лет убивали друг друга – да и сейчас, собственно, сами знаете, что в Африке и на Ближнем Востоке творится... – это же не значит, что все формы разума такие же!

– Твоя пламенная речь в защиту прав компьютеров страдает только одним недостатком, – заметил Брюс. – Ты предложил дать компьютеру разум только для того, чтобы свалить на него работу, которую тебе делать скучно, Ну и кто после этого работавладелец?

– Хм... – смутился Рональд.

– В любом случае, у нас есть основания проявлять осторожность, – перешел в наступление Петерсен.

– Ну да, – кисло согласился Хардклифф, – memento Вольф Ш.

– В частности, это.

Повисла пауза.

– Наверное, их сожрал червь, – сказал вдруг Рональд.

– Какой еще червь? – не понял Брюс.

– Тот, который делает червоточины.

– Не смешно, – неприязненно произнес Ламберджек. – И вообще, это не повод для шуток.

– А я серьезно, – возразил Рональд. – Принято считать, что червоточины – это естественные образования, а почему? Только потому, что их существование предсказала наша физика? Ну да – предсказала, что такое может существовать. И позже убедилась, что оно существует. Но на вопрос, откуда оно взялось, до сих пор нет внятного ответа.

– Есть несколько гипотез, – не согласился Олаф.

– Вот именно – несколько! Ни одна из которых не признана основной. Несколько ответов – это все равно, что отсутствие ответа вообще. На самом деле, это даже хуже, ибо дает иллюзию знания, которого реально нет. Тогда чем плоха моя гипо-

теза? Даже не цивилизация, когда-то настроившая туннелей в континууме для межзвездных сообщений. А просто некая неразумная форма жизни, тупая и примитивная, как и все слишком большое. Неорганическая, даже не планетарная. Питается, допустим, энергией звезд...

– Тогда причем тут колонисты? – усмехнулся Петерсен.

– У них ведь был термоядерный реактор? Эта штука его учуяла.

– Тогда Землю оно бы учуяло еще раньше, – заметил Ламберджек.

– Видимо, когда оно в последний раз побывало в Солнечной системе, на Земле еще не было ядерной энергетики. Но в следующий раз...

– Рон, ты все это серьезно? – осведомился командир.

– Так, в порядке гимнастики ума, – пожал плечами Хардклифф. – Или заражаюсь вашей паранойей об угрозе из космоса.

Петерсен хотел что-то ответить, но его перебил вкрадчивый женский голос автоматики, сообщивший о времени смены вахты.

– Ну вот, Олаф, следующие четыре часа здесь скучать тебе, – удовлетворенно констатировал Рональд, поднимаясь из кресла и потягиваясь. Не успел Петерсен занять его место, как сердито пискнул сигнал вызова, но монитор остался темным.

– Слушайте, парни, – раздался из динамика раздраженный голос Кшиштофа Валевского, – я, конечно, все понимаю, всем нам здесь скучно, но это еще не повод опускаться до тупых казарменных розыгрышей! Сознавайтесь, чья это работа?

Ламберджек строго посмотрел на подчиненных. Несмотря на установившиеся на базе почти сразу панибратские отношения, розыгрыши он и сам не жаловал, и знал, что чопорный Валевский их не переносит. И все это знали. А для шести человек, оторванных от остальной цивилизации и мающихся от скуки, путь от неудачной шутки до серьезного конфликта может быть совсем коротким.

– В чем дело, Кшысь? – удивленно спросил Рональд. Этот простой вопрос Валеvски немедленно интерпретировал как признание вины через попытку создания алиби.

– Ах, «в чем дело», Рональд? Тебе надо, чтобы я это еще и рассказал? Чтобы не только ты, но и остальные могли посмеяться?

– Кшиштоф, я не знаю, о чем ты, но, честное слово, я ничего такого не делал. Я вообще только что сменился с вахты. Может, Олаф...

– Я-то тут при чем? – возмутился Петерсен.

– Валеvский, объясните, наконец, что случилось, – официальным тоном потребовал Ламберджек.

– Ну хорошо. Только что, выйдя из душевой, я не обнаружил в своем шкафчике одежды. Я готов не выяснять, кто из вас это сделал, но даю ему две минуты, чтобы повесил все обратно.

Трое переглянулись.

– Как я уже сказал, я уже четыре часа не покидал диспетчерской, – произнес Рональд. – И я согласен с тобой, Кшысь, что это дурацкая шутка.

– А я был в спортзале, – добавил Олаф. – Можешь снять протоколы нагрузок с тренажеров, если не веришь.

Двое посмотрели на Брюса.

– Надеюсь, я никому не обязан доказывать, что командир не занимается воровством штанов у подчиненных! – раздраженно воскликнул Ламберджек. – Есть еще Хуан.

– Его я уже вызывал, он не отвечает, – ответил Кшиштоф. – Небось, как обычно, режется во что-нибудь с компьютером и отключил связь. Да и не в его это духе. На самом деле неважно, кто где был. Тот, кто это сделал, подослал робота. Я слышал шаги, они были не человеческие.

– Робота? Тут уж точно не докопаешься, особенно если роботу приказали забыть приказ после исполнения, – констатировал Петерсен.

– Две минуты пошли, – грозно напомнил Валеvский.

– Ладно, парни, – изрек Ламберджек, – вы же видите, шутка успеха не имела. Кто бы это ни сделал, велите роботу вернуть

одежду. На сей раз я не буду составлять рапорт, но чтобы впредь подобных глупостей не было!

Рональд и Олаф молча глядели друг на друга. Олаф попробовал вызвать Хуана, но тоже безуспешно.

– Две минуты прошли, – зловеще произнес Валевский. – Уже даже почти три.

– Ладно, Кшиштоф, успокойся, – примирительно предложил Ламберджек. – Потом разберемся. Общем всю базу, если ты настаиваешь.

– Потом? А сейчас-то мне что делать?!

– Сходи на склад да возьми себе новый комбинезон. Можно подумать, у нас их мало.

– И в каком виде ты мне предлагаешь идти через всю базу?

– Да кто тебя увидит, кроме роботов?

– Инга еще не вернулась?

– Вернулась, но она заперлась в лаборатории с каким-то гнилостным грибком. И ее оттуда не выманит целая армия марширующих по коридору голых физиков.

– Ладно, Кшиштоф, я пошлю робота на склад, и он принесет тебе новую одежду, – вмешался Олаф. – Но если тебе в ней что-то не понравится, подбирать другую пойдешь сам.

– Ладно, – проворчал Валевский и, чуть помолчав, добавил: – Между прочим, у меня в кармане была магнитная карточка.

– Когда ты ей в последний раз пользовался? – фыркнул Рональд. – Это же архаизм, резерв на случай проблем с имплантом. Будешь открывать двери мысленным приказом, как обычно.

– Магнитная карточка? – пробормотал Ламберджек. – Хм... если предположить, что именно она кому-то и потребовалась...

– То он просто вытащил бы ее из кармана, и Кшиштоф о ней бы не вспомнил еще месяц, а не стал бы похищать одежду, привлекая всеобщее внимание, – закончил Рональд.

– Логично, – согласился Брюс. – Если только он вообще руководствуется логикой. Сама идея украсть карточку товарища с логикой совместима плохо.

– Он... или она... – задумчиво произнес Петерсен.

– Инга?! – изумленно воскликнули разом Брюс и Рональд. – Вот уж что совершенно исключено, – продолжил Ламберджек.

– Только представить себе, чтобы она прокрадывалась в раздевалку, похищала одежду Валиевского...

– Может, она тайная фетишистка, – усмехнулся Олаф.

– Или все-таки подцепила какую-то заразу от своих грибков, – неожиданно поддержал его Рональд. – И сейчас у нее жар и бред...

– По-моему, если у кого и бред, то это у вас, – заявил Брюс и наклонился к монитору, вызывая Ингу. Та не отвечала.

– Тоже любит отключать внешнюю связь, когда работает... – пробормотал Ламберджек. – Ну не врубать же из-за всей этой чепухи общую тревогу!

На пульте загорелся желтый транспарант. «Резервный генератор включен», – доложила система.

– Черт возьми, это еще что? Олаф, у нас проблемы с электричеством?

Петерсен мысленно приказал компьютеру запустить диагностику.

– По приборам все в норме. Реактор в штатном режиме, обрывов нет.

– Тогда на кой включается генератор? Ладно, пойду на резервный пост, разберусь. Вот, Рон, ты все жаловался, что у нас ничего не происходит... Кстати, чтобы не скучать, стоняй пока к Хуану. Если это все-таки он развлекается...

Покинув центральный пост, Ламберджек быстро шагнул по коридору. Действительно, дурацкий какой-то день... Если все исправно, генератор не должен был включиться сам. Вероятность случайного срабатывания – один на миллион, если не меньше. Значит что же – кто-то проник на резервный пост и включил его? Если не Хуан и не Инга, то получается, что это опять робот? Кстати, роботу, чтобы туда войти, как раз понадобилась бы магнитная карточка, ибо в его передатчике нет тех кодов управления, что в имплантах людей. Но и замок принимает карточки, и все управление поста продублировано кнопками...

Стоп. Робот. Брюс активизировал горловой имплант.

– Рональд!

– Да, командир? – откликнулся имплант у него в ухе.

– Что за робота ты впустил на базу перед концом вахты?

– Почему я знаю? Робот и робот.

– Что ему вообще на базе понадобилось в разгар работы?

– В штатном режиме роботами командует центральный компьютер, ты же знаешь.

– Придешь к Хуану, оторви его от игрушек, пусть проверит...

Олаф!

– Да?

– Посмотри по логам, какой ID у робота, прошедшего на базу полчаса назад. Через седьмую секцию.

– Момент... MFB18 слэш 41.

– Где он сейчас?

– Командир! Брюс! – это снова был Рональд, и голос у него был испуганный. Очень испуганный.

– Брюс, я на центральном терминале... Хуана здесь нет. И... здесь повсюду кровь... на столе, на клавиатуре... на полу целая лужа...

Спятивший робот?! Робот-убийца?! Невозможно... да и слишком уж хитро он действует. «Роботами командует центральный компьютер...»

– Рональд, отключи центральный компьютер от управления и немедленно уходи оттуда! Олаф, подтверди отключение!

– Сейчас... отключен!

– Подтверждаю! База на ручном управлении.

– Олаф, я не расслышал, где сейчас эта железка?

– Момент, я не успел посмотреть... На стройке. На нижнем подземном уровне. Чепуха какая-то, он же должен быть на базе!

Ламберджеку оставалось пройти последнюю секцию коридора перед резервным постом. И в этот момент из щели в потолке выехала герметизирующая бронепереборка, отсекая командира от его цели. Брюс развернулся и бросился бежать обратно. Вторая переборка ухнула вниз, закупоривая ловушку.

– Олаф! Общая тревога! Первой степени!

По всей базе взвыли сирены. В стене справа, повинуясь сигналу импланта Брюса, открылись дверцы шкафа; такие шкафы, как раз на случай общей тревоги, находились в каждой секции. Внутри был скафандр и десантный бластер с полным боезарядом.

Но прежде, чем надеть шлем, Ламберджек почувал то, что не замечал раньше: слабый, едва различимый запах, еще не развешанный системой вентиляции. Не то чтобы особо неприятный, скорее, необычный. Он не походил на запах химической лаборатории или мастерской – скорее, на запах очень экзотической кухни, какой-нибудь сырой рыбы под острым соусом и маринованной саранчи...

– Брюс? Мальчики? Что происходит? – голос в ухе перекрыл рев сирен.

– Инга! Инга, слава богу, ты жива... Где ты?

– В лаборатории, конечно.

– Запрись и никого не впускай! На базе чужой!

– Какой еще чужой? На сотню парсеков вокруг нет ни одного человека, кроме нас.

– А кто тебе сказал, что это человек?! – сорвался на крик Ламберджек. – Олаф, активизируй космическую оборону!

– Командир, – голос Петерсена звучал растеряно, – кто-то сбил ориентацию главной антенны. Мы потеряли связь с орбитой.

– Рон, подключи обратно главный компьютер!

– Поздно, я уже ушел с терминала. И меня от него отрезало.

Не считая бессмысленного вроде бы включения резервного генератора, пока неведомый враг действовал весьма ловко. Проник на базу сквозь считавшийся неприступным периметр, завладел карточкой, дающей доступ в самые важные помещения, спровоцировал людей самих отключить компьютер, заблокировал их по одному в разных местах здания и нарушил связь с боевыми системами в космосе... Брюс перевел регулятор мощности на ручке бластера на максимум и открыл огонь по преграждающей путь переборке.

– Рон, можешь пройти к центральному посту? – крикнул он.

– Нет, второй коридор перекрыт. Пока свободен третий, но там темно! Я как раз на развилке.

– Ну фонарь-то у тебя на шлеме работает? Беги по третьему, может, удастся в обход. Но гляди в оба, это может быть ловушка! Олаф, что системы слежения?

– Включены. Ищу этого гада. На резервном посту его уже нет, и он вырубил свет в половине помещений. Ничего, отловим в инфракрасном диапазоне.

Вырезанный кусок брони, вишнево светясь оплавленными краями, рухнул на огнеупорный пол. Ламберджек бросил взгляд на индикатор заряда – плохо, переборки сделаны на совесть, если резать каждую, заряда надолго не хватит... Но, едва он боком, стараясь даже в скафандре не коснуться раскаленных краев, пробрался через дыру, как увидел, что дальше путь свободен. Что за черт? Монстр решил поиграть в кошки-мышки?

– Олаф, куда там запропастился твой робот с одеждой? – раздался вдруг голос Валевского. – Пусть заодно прихватит для меня скафандр, раз уж тут такие дела. Тут еще и тьма полная, ко всему прочему... А, вот он, кажется...

– Кшиштоф, назад! – гаркнул Ламберджек, и тут же его череп чуть не взорвался от ужасного вопля в ушном импланте. «АААА!!!» – орал Валевский. «АААААА!!!» Страшно, когда мужчина так кричит. В таком крике уже нет ничего от разумного существа, это крик терзаемого невыносимой болью животного...

Брюс мчался в сторону душевой. Никогда в жизни он не бегал с такой скоростью. «Сейчас, ребята, сейчас налажу свет...» – бормотал Олаф, страдая от того, что должен оставаться на посту и не может бежать на помощь.

Брюс нырнул в темноту. Крик захлебнулся хрипом и оборвался. Впереди показалось какое-то мерцание, а слева мелькнул второй луч фонарика – как видно, это был Рональд; они чуть не столкнулись, выбежав одновременно из сходящихся под тупым углом коридоров. В тот же миг под потолком вспыхнули плафоны – и они увидели.

Конечно же, это был не робот. Хотя некоторое сходство имелось – у существа такого же двухметрового роста тоже было шесть членистых ног, тело, состоящее из горизонтального и вер-

тикального сегментов, и много передних конечностей. Но этих конечностей было больше, чем манипуляторов у робота – должно быть, не менее пары дюжин, зато они были уже; причем каждая из них представляла собой не руку, и даже не щупальце, а, по сути, гигантский палец, росший прямо из груди и имевший девять фаланг, каждая последующая короче предыдущей. Самая последняя фаланга оканчивалась коготком. Выше пальцев сжимались и разжимались челюсти, сочетавшие в себе горизонтальные жвалы, как у насекомых – только в сотню раз больше – и вертикальное подобие зубастого клюва; когда этот клюв открывался, внутри видны были три червеобразных языка, которые расходились и соединялись, словно складываемые щепотью пальцы. Два круглых фасеточных глаза располагались выше челюстей и два – ниже. Бурое тело монстра покрывали крупные бородавки, меж которыми кое-где виднелись редкие волоски.

Но в первый миг людям было не до разглядывания всех этих подробностей. Все, что они видели – это обнаженное тело Валевского в когтях у чудовища и жуткие жвалы, склоняющиеся к беспомощной жертве. При этом пятью из своих пальцев монстр держал какой-то предмет, почти прижимая его к запрокинутой голове человека; эта штука отдаленно походила на короткую, завязанную морским узлом двустволку, покрытую круглыми наростами, которые перемигивались разными цветами. Ламберджек замешкался, опасаясь попасть в Кшиштофа; «Стреляй же, Брюс!» – заорал Рональд, нажимая на спуск.

Луч вонзился прямо в левый верхний глаз; брызнуло что-то белесое, похожее на гной. Монстр взревел и отпрянул, а затем, выронив и жертву, и оружие, с неожиданной прытью унесся вглубь все еще темного коридора. Рональд рванулся было в погоню, но понял, что на своих двоих чудовище не догнать.

Сзади послышался топот бегущего человека. Брюс обернулся.

– Инга? Я же велел тебе сидеть в лаборатории!

– Сейчас я нужнее как лейтенант Астрофлота, чем как ученый, – ответила Инга, переводя дыхание. Она тоже была в скафандре и при бластере.

– Скорее, как врач. Займись Кшиштофом.

Инга присела над неподвижным телом физика.

– Кажется, вы подросли вовремя. Жив, хотя и без сознания. И даже нет серьезных ран – так, несколько царапин. Похоже, у него просто шок. А это что за мигалка? – кивнула она в сторону инопланетного оружия.

– Не трогай! – воскликнул Брюс. – Мы видели, как он истязал Кшиштофа этой штукой. Так что все может быть куда хуже шока – неизвестно, что с мозгом и внутренними органами...

– Олаф, работа мне, быстро! Кшыся нужно в лазарет.

– Уже послал. 15-ой серии, так что с этой тварью не спутаете...

Вскоре подъехал, шурша колесами, медицинский робот, похожий на узкую платформу с манипуляторами по бокам. Манипуляторы бережно уложили пострадавшего на платформу; Инга сразу подсоединила оборудование.

– Основные показатели в норме, – сообщила она. – Нужно, конечно, дальнейшее обследование, но...

– Ребята, я снова засек этого ублюдка! – раздался голос Олафа. – Он рвется к реактору!

Двое мужчин тут же сорвались с места. Под потолком зажглись новые плафоны. Инга отдала приказание роботу и, секунду поколебавшись, побежала следом.

«По шестому коридору ближе, – напутствовал их Олаф. – Все же он недостаточно знает базу... Так, я восстановил контроль уже на 80%... Думаю, к реактору он не успеет... Есть! Я отсек его! Он ломанулся назад... Все, готово! Коридор 7А, между пятой и шестой переборками. Скажите, когда будете готовы – я открою вам пятаю».

Трое землян с бластерами наперевес выстроились перед переборкой. Теперь враг сам был в ловушке, которую пытался подстроить им.

– Надо взять его живым и допросить, – сообразил Ламберджек.

– А по-моему, лучше не рисковать, – возразил Рональд. – Мы ведь не знаем, на что он способен, пока живой. Вот когда сюда

подоспеют основные силы Флота, можно будет думать о пленных.

– Без команды не стрелять, – упрямо приказал Брюс. – Открывай, Олаф.

Переборка пошла вверх, и за ней зацокали ноги монстра, устремившегося навстречу свободе; но, увидев вместо выхода вооруженных врагов, он попятился. Люди смотрели на него с удивлением – он был уже не бурый, а нежно-голубой, точно копируя цвет окружающих стен.

– Сдавайся! – крикнул Ламберджек, не особенно уверенный, что инопланетянин понимает английский – хотя, с другой стороны, в системах управления тот как-то разобрался... – Лечь на пол!

Монстр, как видно, принял другое решение и, расставив в стороны пальцуруки, с ревом пошел на людей.

– Стоять! – еще раз крикнул Брюс, но чудовище не послушалось, и в следующий миг Рональд открыл огонь. Полсекунды спустя к нему присоединились двое других.

Чудовище оказалось на редкость живучим. Под тройным огнем оно с ревом металось между стенами; даже уже лишившись половины ног, нескольких пальцурук, оставшихся глаз и одного жвала, все в бурой слизи, сочившейся из бесчисленных ран, оно все еще пыталось уползти от врагов в сторону шестой переборки, а люди шли следом, не переставая стрелять. Наконец по уродливой туше пробежали последние конвульсии, и она застыла. Рональд подошел вплотную и еще несколько раз выстрелил между выжженными верхними глазами.

– Это тебе за Хуана, скотина, – сказал он, опуская почти разряженный бластер и еле сдерживаясь от желания пнуть труп.

– Эй, ребята! – раздалось вдруг позади них, – Что тут творится, черт побори?

Они в недоумении обернулись. Это был Хуан Аргуэльо собственной персоной, и вид у него был заspanный.

– Так я не понял, ты разобрался с этой штукой? – настаивал Ламберджек.

– Как сказать, – смущенно ответил Петерсен. – Я не знаю, что это, зато точно знаю, чем оно не является. Это не оружие, не средство связи, не шпионское оборудование – вообще не что-то подобное.

– Как ты можешь это утверждать, если не знаешь, что это?

– Просто потому, что оно очень просто устроено. Там стоит примитивная схема, у которой в принципе не может быть никаких тайных функций. Но вот зачем нужна его явная функция...

В помещение столовой, где обычно проходили общие собрания, вошла Инга.

– Наконец-то! – обрадовался Брюс, выражая общее нетерпение. – Надеюсь, у тебя есть более определенные ответы, чем у Олафа.

Инга выглядела измученной и постаревшей – она провела без сна почти сутки, исследуя останки инопланетянина. Но вряд ли одна усталость была причиной ее сухого бесцветного голоса и официального тона.

– Это разумное существо инопланетного происхождения, – начала она. – Генетические связи с местными организмами отсутствуют.

– Да уж сами знаем, что местная эволюция не дошла даже до кишечнополостных, – проворчал Ламберджек.

– Органическое, с метаболизмом водно-кислородного типа, – продолжала Инга, не обращая на него внимания. – Позвоночное. С легочным и кожным типами дыхания. Во многих отношениях его биовид совершеннее нашего. Например, они не холонокровные и не теплокровные, точнее, и те, и те. Пока в окружающей среде достаточно тепла, у них рептилоидный метаболизм, весьма выгодный энергетически – когда не нужно тратиться на поддержание постоянной температуры тела, достаточно есть раз в несколько недель. Когда же температура падает ниже критической, они перестраиваются на теплокровный режим. Кстати, их бородавки, точнее, пузырьки – это орган терморегуляции. Они заполняются воздухом, когда нужно удержать тепло, и жидкостью – когда отдать. А волосы – термо- и хеморецепторы. Они очень хорошо чувствуют состояние окружаю-

шей среды без всяких приборов. У них прекрасные способности к мимикрии. Они с равной эффективностью усваивают мясную и растительную пищу – у них просто два желудочно-кишечных тракта, собственно, поэтому такое сложное устройство челюсти – на самом деле там два рта. Их нервные клетки размножаются столь же успешно, как и прочие; в результате не просто их нервная ткань прекрасно регенерирует, но и объем мозга – точнее, трех связанных мозгов – постепенно увеличивается в течение всей жизни. Естественная продолжительность жизни, вероятно, не менее двухсот лет; при этом сначала процессы развития идут намного быстрее, чем у человека, но потом существенно замедляются, так что точные цифры без обследования особей разного возраста определить проблематично. По нашему экземпляру судить особенно трудно – требуются слишком большие экстраполяции, в том числе в области морфологии ряда органов, особенно репродуктивных...

– Что ты имеешь в виду? – спросил Рональд.

– Я имею в виду, Рон, что мы убили ребенка, – ответила Инга, выходя из официального образа. И после короткой паузы добавила: – Девочку.

Все ошарашено молчали.

– Сколько ей было? – спросил наконец Хуан.

– Физически – года два. По уровню развития, если сравнивать с человеком – лет шесть-семь.

– Так вот что это такое, – пробормотал Олаф. – Прибор, единственная функция которого – мигать лампочками в случайном порядке. Просто игрушка, типа калейдоскопа.

– Черт, но мы же не знали! – воскликнул Брюс. – Откуда мы могли знать! Она обманом проникла через периметр!

– А ты в детстве не играл в роботов? – откликнулась Инга. – У нее просто более подходящая для этого анатомия.

– А сигнал «свой-чужой»?

– Они способны принимать и передавать радиоволны. Вряд ли это результат эволюции – скорее, геной инженерии, органический аналог наших имплантов... Она «подслушала», как роботы общаются друг с другом при встрече, и воспроизвела

сигнал одного из них. Она думала, что на нашем языке это значит «Привет!»

– Она украла карточку и проникла на пост! – напомнил Рональд.

– Вероятно, в их культуре меньше запретов. А догадаться, что дверь можно открыть ключом подходящей формы, может и обезьяна, не то что ребенок.

– Она пыталась захватить контроль над базой, – непреклонно изрек Петерсен.

– Ничего она не пыталась, – вздохнула Инга. – Просто вошла, увидела кнопки, стала нажимать... Поэтому и свет погас не везде, и не все коридоры были перекрыты, и генератор включился почему зря... Она не хотела нам никакого вреда. А мы ее убили. Медленно. С удовольствием.

– Что за чушь, никто ж не виноват, что она не умерла сразу! – возмутился Брюс.

– Инга права, – покачал головой Рональд. – Я не чувствовал такого прилива адреналина даже во время гонок на скутерах. Но черт, мы же все слышали крик Кшиштофа! Мы думали, его пытаются!

– Тебя бы сграбастал в темноте инопланетный монстр, послушал бы я, как бы ты кричал, – пробурчал Валевский; его обычно бледные щеки порозовели.

– Ты никогда не задумывался о чувствах кота, которого берет на руки шестилетний малыш? – язвительно осведомилась Инга. – Она просто хотела с тобой поиграть.

– И кровь Хуана... – продолжал Рональд. – Откуда же мне было знать, что он просто опрокинул томатный сок, а кибер не успел убрать? Проснись он пораньше...

– Я всю ночь и утро не спал, доводил до ума одну программу, – виновато пояснил кибернетик. – Сам знаешь, когда происходит действие стимуляторов, спишь так, что не то что сирена – ракетные двигатели не разбудят...

– И откуда она только взялась на этой дикой планете... – вздохнул Кшиштоф.

– Прилетела с родителями на пикник, – предположил Олаф.
– Или с классом на экскурсию. Не это главное. Главное – что мы будем делать, когда те, кто ее уже ищет, придут сюда.

– Мы должны сознаться, – уверенно заявила Инга. – Они все равно поймут. Ей больше некуда было деться. Здесь нет хищников, нет даже лесов, где можно заблудиться...

– Могла утонуть в море, – заметил Олаф.

– В этой прозрачной воде тело было бы нетрудно отыскать с воздуха, – возразил Рональд.

– Если они поймут, что мы врем, это может означать войну, – сказал Хуан.

– Войну? – фыркнул Петерсен. – Из-за одного погибшего ребенка?

– Из-за одного зверски убитого ребенка, – уточнила Инга. – Почему бы и нет, Олаф. Раса, способная на то, что сделали мы...

– Первый контакт... – процедил Валевский, сплетая пальцы в замок. – Вот вам и первый контакт, пся крев...

– Брюс, а ты что молчишь? – обернулся к командиру Петерсен.

– Инга права, – медленно произнес Ламберджек. – Мы должны все честно рассказать им. Если надо, предстать перед их судом. Надеюсь, они сумеют понять и простить нас. Если же нет – пусть их гнев падет на нас одних, а не на человечество в целом.

– Я против! – вскочил с места Олаф.

– Это приказ, майор Петерсен, – ледяным тоном констатировал Ламберджек, – и вы его выполните.

– Докладывай, Тридцатая-Вторая.

– Операция проходит по плану, Командующая. Как тебе известно, первичное исследование двуногих проводилось моим отделом после захвата их поселения на планете 9-117-3. К сожалению, тогда в систему 9-117 слишком быстро прибыл их флот, и вторжение на том направлении было признано нецелесообразным...

– Я хорошо помню отчеты по той операции.

– Прошу прощения, Командующая. Итак, поведение двуногих, как и всякой низшей расы, подчинено иррациональным доминантам. Правда, оно уже не управляется напрямую инстинктами, но их роль с успехом играют социальные шаблоны, некогда сформировавшиеся преимущественно на базе тех же инстинктов. Одним из наиболее алогичных шаблонов является представление двуногих о повышенной ценности детенышей.

– Действительно, крайне глупо, – согласилась Командующая. – Даже имеющему один мозг вместо трех должно быть очевидно, что дети – наименее ценная часть популяции. В формирование личности взрослого вложены многие годы и немалые средства, кроме того, он обладает уникальным персональным опытом. Детей же в любой момент можно наделать заново. Впрочем, чего ждать от низшей расы.

– Возможно, возникновению шаблона способствовал тот факт, что самки двуногих не способны откладывать яйца, – заметила Тридцатая-Вторая. – Они вынашивают детенышей внутри тела, и этот процесс, а особенно его финал, весьма опасен и болезнен, а приплод крайне малочислен. Но и это не отменяет верности изложенных тобой аргументов, так что налицо типичная иррациональная доминанта. Ее мы и используем, вместе с их иррациональной же агрессивностью. По моим расчетам группа двуногих, контролирующая вход в трансконтинентальный канал, уже обнаружила, что убила ребенка. Теперь они пребывают в крайне угнетенном состоянии и, вероятно, готовы принять кару за нарушение табу. Во всяком случае, вероятность их агрессии по отношению к другим детям нашей расы – не более одной десятитысячной процента. Таким образом, мы можем приступить к высадке десанта.

– Хорошо, – Командующая расправила суставчатые ноги, – пойду воодушевлею их перед боем.

Этих минут она не любила. Насколько удобно иметь дело с учеными вроде Тридцатой-Второй, оперирующими чистой, совершенной логикой, настолько же дискомфортно общение с солдатами, которыми владеют варварские эмоции. Впрочем, это

именно то, что требуется от пушечного мяса. Владей ими разум, они попросту отказались бы рисковать жизнью ради чужих интересов. Конечно, с годами у тех из них, кто выживет, голос страстей уступит голосу рассудка, и им будет даже странно вспоминать, что триста лет назад они с криком бросались в бой, готовые умереть во славу Конфедерации... как странно сейчас вспоминать это ей...

Лента подъемника вынесла ее на ангарную палубу рейдероносца. Десантники уже стояли здесь – сомкнув строй, по-уставному скрестив пальцерыки, сжимая дезинтеграторы – на сей раз настоящие, а не муляжи. Отрывисто клацнули челюсти, приветствуя Командующую.

– Солдаты! – крикнула она, патетически меняя цвет. – Настала пора покончить с варварской расой двуногих, оскверняющей космос и грозящей нашей звездной Родине! И главная роль в нашей грядущей победе отведена именно вам! Перед вами вход в канал, ведущий в самое сердце наших врагов, и защищает его жалкая кучка двуногих с их примитивной техникой! Как только вы разделаетесь с ними, победоносный флот Конфедерации хлынет в канал и обрушится на главную планету презренных варваров! Не посрамите же яиц, из которых вышли! Отмстите двуногим за муки вашей сестры! Вперед, дети мои!

ИСКУШЕНИЕ

На передней панели синтезатора пищи зажглась зеленая лампочка. Отец Петр собирался уже прочесть молитву и приступить к трапезе, когда в коридоре послышались шаги. Отшельник прислушался, не веря своим ушам. Сомнений быть не могло: это была не игра воображения и не эхо далекого обвала. Кто-то шел по направлению к келье.

Что ж, очевидно, это еще один несчастный. Отец Петр уже трижды принимал подобных гостей, и всякий раз им уже ничем нельзя было помочь. Он старался, как мог, облегчить их последние часы, а потом хоронил пришельцев в дальних коридо-

рах катакомб. Но вот уже много месяцев никто не появлялся, и Петр окончательно утвердился в мысли, что на поверхности не осталось живых людей. Выходит, он ошибался.

Отшельник встал, приготовившись встретить неожиданного гостя. Шаги замерли по ту сторону двери, закрепленной в каменном проеме. Некоторое время пришелец медлил в нерешительности; затем дверь рывком отворилась.

Вошедший отнюдь не походил на тех, что приходили прежде. На нем был костюм, напоминавший скафандры космонавтов или подводников; он дышал через фильтры, укрепленные в нижней части шлема. На шлеме горел фонарик; на шее незнакомца болтался микрофон переговорного устройства, а на поясе скафандра помещался целый арсенал: здесь были две револьверные кобуры, три гранаты, патроны к револьверам и магазин к автоматической винтовке (ствол ее торчал из-за плеча пришельца), хитроумный многофункциональный нож и небольшая складная лопатка; кроме того, на поясе висело несколько портативных приборов со стрелочными и цифровыми индикаторами. Моток троса на плече довершал снаряжение вошедшего. Один из револьверов покоился в кобуре, другой незнакомец держал наготове; но, увидев, что ему никто не угрожает, опустил оружие, осматриваясь вокруг. Его удивленный взгляд переходил с аккумуляторных батарей на большое деревянное распятие на стене, с уставленных книгами полок на генератор с велосипедными педалями, с жесткого ложа отшельника на синтезатор пищи и, наконец, остановился на самом обитателе кельи.

– Простите, – сказал он, осознав, что его поведение выглядит достаточно бесцеремонно, – но вы сами понимаете, что все это весьма... необычно. Меня зовут Алекс, я разведчик. – Он поднес к лицу микрофон. – Филипп, Макс! Идите скорее сюда! И захватите запасной костюм! Это мои товарищи, – пояснил он. – Мы – экспедиция из Колонии.

Отец Петр также назвал себя.

– Вы спасатели? – поинтересовался он.

– Гм... нет. Мы исследователи. Собственно, в Колонии никому и в голову не приходило, что за ее пределами есть еще кого

спасать. Правда, мы слышали о монахе-отшельнике, живущем в заброшенных катакомбах где-то на севере, но никто не думал, что такой человек, если он и существовал на самом деле, мог выжить. Во-первых, обвалы...

– Здесь были обвалы, – подтвердил Петр. – Завалило несколько галерей. К моей келье остался единственный проход.

– Ну и все остальное... Вы вообще-то знаете, что произошло?

– Разумеется. Я понял это, когда начались подземные толчки. А потом сюда приходили беженцы... к сожалению, их физическое состояние было безнадежным. Я могу показать вам их могилы.

– Не думаю, что это представляет для нас интерес, – возразил Алекс. – Значит, все это время вы живете здесь? Откуда же вы берете все необходимое?

– Неподалеку есть вода. Подземный источник. Запасы концентратов для синтезатора у меня еще не кончились, а запасы энергии периодически пополняю, – он указал на генератор.

Снова послышались шаги, и в келью вошли еще двое разведчиков. Их костюмы и снаряжение были такими же, как у Алекса; у одного из ранца выглядывал шлем запасного скафандра. Они тоже с удивлением оглядели жилище отшельника.

– Потрясающе! – изрек тот, что принес костюм. – Конечно, катакомбы – это своего рода убежище, и даже неплохое, но кто бы мог подумать, что человек один, без регенераторов и фильтров... Мы, правда, извлекали людей из подвалов и даже из обычных домов, но спустя пару месяцев, не больше. А вы – вы ведь живете здесь почти три года?

– Двенадцать лет, – поправил священник.

– Нет, я имею в виду – после Войны... И вы ни разу не выходили на поверхность?

– За эти три года – нет.

– Удивляюсь, как вы не потеряли счет времени, – заметил третий разведчик.

– У меня есть часы. Я же должен отмечать христианские праздники.

– А, ну конечно, – согласился третий; очевидно, такая мысль не приходила ему в голову. Он обошел келью, пробежал взгля-

дом по корешкам книг, остановился возле стола и потрогал провод, тянувшийся от генератора к электрической лампе. – Ну что ж, – сказал он, словно подводя итог, – ваш опыт, безусловно, пригодится в Колонии. Для нас ценно все, что повышает шансы на выживание. Примите поздравления. Должен сказать, вам здорово повезло, что мы сюда заглянули. Мы уже закончили исследования в этом районе и отвезем вас в Колонию прямо сейчас.

– Нет, – сказал священник.

– Нет? – разведчик, как и его товарищи, уставился на Петра в недоумении. – То есть в каком смысле?

– Я благодарю вас за предложение, но вынужден отказать. Я удалился в катакомбы по своей воле, приняв обет отшельничества; здесь я и останусь.

– Но... как вы не понимаете – теперь все изменилось! Война...

– Разве война, развязанная людьми, может отменить мой обет Господу моему?

Разведчик раздраженно пожал плечами. Казалось, он собирается сказать что-то весьма нелестное о тупоголовых фанатиках и их бредовых идеях.

– Подожди, Макс, – остановил его Алекс. – Но ведь вы не сможете жить здесь все время, – обратился он к священнику. – Я вижу, пищевых концентратов у вас осталось от силы на месяц. Что вы будете делать потом?

– На все воля Божья, – ответил Петр.

– Тогда почему бы вам не считать проявлением божьей воли наше здесь появление? – воскликнул Макс. – Или вы ждете ангела со специальным предписанием? Запомните, в этом мире не следует отказываться от помощи, когда ее предлагают.

– Я буду очень признателен вам, если вы доставите мне новый запас концентратов.

– Отсюда до Колонии, между прочим, тридцать миль, – заметил Макс. – По-вашему, ради вас станут гонять машину без всякой отдачи для Колонии? Мы боремся за выживание, а не занимаемся благотворительностью.

– Но кое за чем мы вполне можем отправить машину, – вмешался Филипп. – Например, ваши книги. Сейчас мы не можем взять их с собой, но, если вы поедете с нами, за ними обязательно пришлют позже. Мы ценим любую крупицу опыта, накопленного человечеством.

– Книги... – задумчиво произнес отец Петр. – Что, в этой вашей Колонии, видимо, мало религиозной литературы?

– Почти нет, – заверил его Филипп. – Конечно, Библия есть у многих, но кроме нее... Наверное, в библиотеке Университета что-нибудь было, но ее гуманитарная секция полностью сгорела.

– Что ж, в таком случае я готов передать вам свои книги. Вам они нужнее, чем мне.

– Вы тоже нам нужны, – сказал Филипп. – В Колонии много верующих, но практически нет священников.

– Вот как? – отец Петр задумался. – Что ж, это меняет дело. Я готов ехать с вами.

– Наденьте это, – Филипп вытащил из ранца защитный костюм. – Поверхность все еще небезопасна.

У выхода из катакомб их поджидал колесный бронетранспортер с радарной антенной на башне. На пыльной броне вместо старой армейской символики виднелась новая эмблема – стилизованная птица Феникс, восстающая из пепла. Отец Петр, отвыкший от солнца, шурился и прикрывал глаза рукой.

Пока бронетранспортер мчался в облаке пыли по каменистой пустыне, дробя армированными шинами мелкий щебень, Алекс рассказывал отшельнику о Колонии.

– Наши ученые утверждают, что Колония – последняя крепость человечества. Не знаю, последняя ли, но крепость – это точно. За три года мы отстроили систему убежищ, вмещающую почти миллион человек – а ведь начинали почти с нуля, с обычных подвалов, с уцелевших зданий города. Многие, конечно, не дожили... Но немало к нам и прибыло. У нас в Колонии теперь со всего света народ. На самолетах добирались, на машинах, на кораблях до побережья, а там – через горы... Как только мы более-менее окрепли – так, что могли уже не бояться опасных

гостей – стали ежедневно выходить в эфир, призывая всех, кто может, присоединиться к нам. У нас благоприятная геоклиматическая ситуация: во-первых, первоначальная степень поражения не слишком велика, а во-вторых, особый характер воздушных течений и все такое... ну, словом, природа сама очищается, и быстрее, чем в других местах. А главное – у нас с самого начала нужное оборудование было: Университет и крупные разработки «Дженерал Майнинг» под боком, со всей техникой... Повезло, одним словом. Во главе Колонии стоит Координатор, он наверняка захочет с вами встретиться – у нас ведь уже много месяцев нет новых поселенцев... У Координатора большой штат советников по разным вопросам – он всегда с ними консультируется, но последнее слово остается за ним – сами понимаете, экстремальные условия требуют единоначалия. Но вообще-то жизнь уже налаживается, это в первое время было тяжело, работали, как каторжные. А теперь, говорят, скоро уже можно будет без костюмов жить на поверхности...

Бронетранспортер перевалил через пологий гребень и начал спускаться в долину. Впереди показался город, ставший центром Колонии. Многие дома были разрушены – не взрывной волной (ни одна ракета не упала достаточно близко от не имевшего стратегического значения городка), а тектоническими колебаниями, которые произошли в результате далеких взрывов. Даже теперь, почти три года спустя, тут и там заметны были следы пожаров. Однако даже в разрушенных домах уцелевшие этажи превращены были в герметизированные убежища; когда-то хаотичные нагромождения завалов стали материалом для защитных бункеров. Но большая часть жилищ размещалась теперь под землей, и земля, вынутая при их строительстве, тоже пошла в дело и была употреблена на сооружение временных складов и производственных помещений. В сторону гор уходили кабели: там вращались лопасти ветродвигателей. Над бункером радиостанции реял аэростат с подвешенной к нему антенной. Колония выглядела торжеством рационализма в мире победившего безумия.

Машина остановилась на окраине города возле четырехэтажного здания - когда-то оно было выше, и неровные обломки

стен пятого этажа напоминали зубцы средневековой башни. Часть окон была заложена камнями, другие закрывали толстые металлические листы. Над дверью висела жестяная вывеска с уже изрядно облупившимся красным крестом.

– Таков порядок, – объяснил Алекс, – вновь прибывшие должны пройти полное медицинское обследование и карантин. Впрочем, теперь это уже в значительной мере формальность; думаю, больше чем на сутки вы здесь не задержитесь.

– Без этой меры Колония бы погибла, – сказал Макс, опасаясь, что отшельник будет протестовать. Но его опасения были напрасны. Отец Петр без возражений прошел через все предписанные процедуры; медики с хмурыми и усталыми лицами – казалось, это выражение навсегда застыло на них в первые дни после Войны – отрываясь от экранов бесчисленных приборов, нет-нет да и кидали удивленные взгляды на человека, прожившего все это время вне Колонии и при этом не стоящего на краю могилы. Наконец главный из них, изобразив бескровными губами подобие улыбки, объявил утомленному священнику:

– Похоже, что у вас все в порядке. Окончательных результатов надо еще подождать пару дней, но выйти отсюда вы можете уже завтра. А пока отдыхайте. Патрик, проводите нашего гостя в первый бокс.

На следующее утро в лазарет явился посланный от Координатора и передал отшельнику приглашение посетить управляющего Колонией. Перед выходом из здания отец Петр и его спутник облачились в длинные зеленые плащи с глубокими капюшонами – облегченный вариант защитных костюмов; такие плащи висели теперь на вешалках перед каждой дверью, ведущей наружу. Впрочем, как объяснил отшельнику колонист, основные показатели уже входят в норму и необходимость в плащах скоро совсем отпадет.

– Ирония судьбы, – усмехнулся он, – теперь, когда защитных костюмов вдоволь, они становятся ненужны. А в первые дни, когда тут был настоящий ад, люди таскали радиоактивные кирпичи чуть ли не голыми руками. И с убежищами та же история...

Они спустились по узкой лестнице в подвал одного из зданий в центре; посланец Координатора открыл тяжелый люк, и они оказались в бетонном тамбуре. Стоявший там часовой кивнул колонисту и нажал какую-то кнопку; пока вошедшие снимали и вешали плащи, открылась следующая дверь, и еще один вооруженный охранник вышел проводить гостя вниз по лестнице. Кабинет Координатора находился на десять метров ниже уровня земли.

Хозяин кабинета, высокий сидящий мужчина с лицом решительным и волевым, словно у героя боевика, поднялся навстречу гостю из-за широкого стола. На столе стояло несколько телефонов и компьютер, в углу кабинета – сейф; справа от него висела карта с лампочками, какие бывают в полицейских участках или пожарных частях – некоторые из лампочек светились; как догадался Петр, это была схема Колонии. Противоположная стена, совершенно голая и, естественно, лишенная окон, вызвала неуютное ощущение. На стене за спиной Координатора красовался все тот же герб Колонии – Феникс, возрождающийся из пепла.

– Очень рад, – сказал Координатор, слегка наклоняя голову, но не протягивая руки – не потому, что не знал, подают ли руку священникам, а потому, что подобный обычай был отменен в Колонии, где многие жители страдали кожными заболеваниями. – Приветствую вас от имени колонистов и надеюсь на конструктивное сотрудничество. Нам очень нужны образованные люди – мне доложили о ваших книгах... Но вы, вероятно, многое хотите узнать? Присаживайтесь и спрашивайте, не стесняйтесь. Вас, конечно, интересует, что произошло с нашим миром?

Отец Петр кивнул.

– Ситуация, в общем, такова. В Последней Войне человечество применило все накопленное оружие массового поражения – ядерное, химическое, биологическое – и, раз начав, уже не смогло остановиться. Насколько мы можем судить, бойня продолжалась до последней ракеты – или до последнего бункера, откуда ее можно было запустить. В первые часы ударами обме-

нивались исключительно сверхдержавы, но потом досталось уже всем, и наша страна – не исключение. Удары наносились с воздуха, из-под воды, из космоса... Не осталось ни одного не пострадавшего клочка земли. После окончания Войны ветер и вода несли смерть в избежавшие прямых ударов районы. Мир горел много дней, и тучи пепла поднялись в атмосферу, вызвав резкое похолодание – вы, очевидно, помните его.

– Летом стало холодно, как зимой, – кивнул священник.

– Война вызвала гигантские геологические катаклизмы. Цунами обрушились на побережья, огромные территории ушли под воду, через образовавшиеся в земной коре трещины наружу хлынула лава. Среди колонистов есть несколько человек с научного корабля, который держал связь с космическими спутниками – так вот, эти люди смогли принимать сигналы одного из спутников еще долгое время после Войны. Они рассказывали, во что превратилась Земля. Рельеф существенно изменился. С орбиты видны новые моря и новые острова, и бескрайние, усеянные кратерами равнины стекловидной массы на месте индустриально развитых районов. Наше поселение называется Колонией, и это не случайно. В известном смысле мы – колония землян на чужой, враждебной, практически непригодной для жизни планете. Нам неоткуда ждать помощи; на нас одних лежит колоссальная миссия – не просто выжить, но и возродить культуру и цивилизацию.

– Вы уверены, что в других районах Земли нет подобных поселений?

– Наша официальная доктрина гласит, что мы – последний бастион человечества, и можем надеяться только на себя. Так считают наши ученые; хотелось бы, чтобы они ошибались, но похоже, что они правы. Видите ли, на промышленные и административные центры обрушились удары такой силы, что никакие убежища не могли никого спасти. Что же до менее цивилизованных и совсем диких районов, то там, конечно, уцелели многие, но без специального оборудования им не выжить; даже уцелевшие до сих пор погибнут в ближайшие годы. Ведь уничтожен не один вид *homo sapiens* – погибла почти вся биос-

фера суши. Полноценная жизнь сохранилась только в океане – это косвенно подтверждает тот факт, что нам с вами есть чем дышать: основную часть кислорода на Земле производят водоросли. Нашему городу просто сказочно повезло, что Университет не оказался в списке стратегических целей. А между тем именно благодаря Университету мы смогли создать жизнеспособную Колонию – во многом воплотив проекты, которые они готовили для Луны и Марса... Сейчас, оглядываясь на эти три года, я и сам с трудом верю, что нам все это удалось. Пришлось противостоять не только смертоносной окружающей среде, но и дикой человеческой природе. В первые дни в городе царили хаос, анархия, мародерство... Полицейских сил не хватало для наведения порядка; мне пришлось комплектовать боевые отряды людьми сомнительной репутации. Только большой кровью удалось установить железную дисциплину, и только за счет этой дисциплины мы сумели отстроить убежища в невыносимо короткие сроки. У нас в Колонии все поставлено на рациональную основу; никто не ест свой хлеб даром. Вам, разумеется, мы тоже подыщем работу. Но теперь у нас уже нет нужды в грубой физической силе. Вы можете занять пост заместителя Советника по культуре; религия находится в его ведении.

– Позвольте узнать, каково вообще положение религии в Колонии?

– Ну, у нас тут есть представители самых разных конфессий. Есть христиане, мусульмане, иудеи, горцы с их древними верованиями... У нас официальная веротерпимость. Вообще запрещена любая рознь: религиозная, национальная, социальная. Наш лозунг – «Довольно крови!». Человечество слишком дорого заплатило за предрассудки. У нас даже запрещено спрашивать, кто какой национальности: ведь среди колонистов – выходцы из многих стран, в том числе и из сверхдержав, развязавших войну. И если кто-то поддастся искушению мести... Официальных языков два: испанский и английский.

– А ваш Советник по культуре – он какого вероисповедания?

– Разумеется, он атеист. Назначить на этот пост верующего значило бы отдать предпочтение одной конфессии перед остальными, не так ли?

– Но вы хотите, чтобы я стал его заместителем?

– Одним из заместителей; вы будете курировать христианство. Надеюсь, вас не коробит моя светская терминология? Я знаю, что вы много лет были отшельником, но теперь вам придется круто изменить образ жизни – в интересах вашей же церкви. Ее фактически надо создавать заново – в городе было не так уж много священников, и большинство из них уже умерли или тяжело больны.

– А позвольте узнать, господин Координатор...

– Просто «Координатор». У нас нет никаких условностей, титулов и этикета. К человеку обращаются по имени или по должности. Так что вы хотели спросить?

– Вы сами веруете в Бога?

– Откровенно говоря – а мне хочется говорить с вами откровенно – я не симпатизирую ни одной религии. Но я понимаю их полезность в экстремальных обстоятельствах. Люди слишком слабы, чтобы смотреть в глаза жестокой реальности; вера дает им надежду, а надежда – силы.

Зазвонил телефон. Координатор снял трубку и некоторое время слушал, затем сказал «Да» и положил ее на рычаг.

– Извините, не могу уделить вам больше времени. Вот ваши новые документы: удостоверение личности – ваш индивидуальный номер DZ8476, общегражданский пропуск и двадцать кредитов. Вас проводят в отведенное для вас помещение; там вы найдете стандартную мебель, Устав Колонии и краткий справочник колониста. По закону вам положено двое суток на отдых и ознакомление с Колонией, но вы, конечно, можете приступить к работе и раньше. Мой телефон есть в справочнике, звоните, когда примете решение.

Координатор снял другую трубку и принялся нажимать кнопки, не глядя больше на гостя. Дверь кабинета открылась, и охранник сделал приглашающий жест.

Оказавшись в своем новом жилище (это была комната, по размеру уступавшая его прежней келье), отец Петр внимательно изучил обе брошюры. В Колонии действовали жесткие порядки, продиктованные суровой необходимостью. За любое серьезное преступление полагалась смертная казнь, за менее серьезное – высылка за пределы Колонии, что, очевидно, в конечном счете означало то же самое. Мелкие нарушения наказывались переводом на ниже оплачиваемую или более тяжелую работу. Работа полностью определяла социальный статус колониста, от нее зависели права и привилегии – служившие, впрочем, не для поощрения, а лишь для создания более оптимальных условий работы. Так, интеллектуальный труд давал право на отдельную комнату; занимавшиеся физическим трудом спали в общих бараках, но зато получали более калорийную пищу. Компьютеры и средства связи бесплатно устанавливались тем, кому они были необходимы по роду деятельности. Деньги – колониальные кредиты – хотя и существовали, но играли более скромную роль, чем в довоенном мире: коммерции как таковой не было, банков и финансистов не существовало. Азартные игры были запрещены. В тексте отшельнику периодически попадалось слово «эвтаназия». Неизлечимо больной может ходатайствовать об эвтаназии. Приговоренный к изгнанию имеет право на эвтаназию. Это общество не считало самоубийство грехом, если оно совершается в соответствии с законом; впрочем, здесь вообще не было понятия «грех». Отец Петр узнал также о сигналах тревоги и системах безопасности, о показаниях приборов, контролирующей окружающую среду, о правилах пользования средствами индивидуальной и групповой защиты, о расположении административных и бытовых объектов и многое другое. Отшельник поневоле начал испытывать уважение к идеально отлаженному механизму Колонии, обеспечившему выживание сотен тысяч людей в нечеловеческих условиях; но, чем дальше он читал, тем труднее казалась ему его собственная миссия. Святой Франциск проповедовал птицам, но никто еще не пытался нести слово Божие компьютеру.

На следующее утро за священником снова пришли от Координатора. Отец Петр несколько удивился и сказал, что он и сам собирался через некоторое время связаться с управляющим Колонией, но посланный настоял, чтобы священник следовал за ним немедленно. Слегка обеспокоенный, отец Петр снова переступил порог подземного кабинета.

– Простите, я не пойму, к чему эта спешка. Я еще не привел в порядок свои мысли относительно возрождения церкви... – он вдруг замолк, заметив выражение лица Координатора. – Что-то случилось?

– В некотором роде – да. Сегодня утром я получил свежую информацию... Но сначала я должен вам кое-что объяснить.

В настоящее время численность Колонии составляет 843 тысячи человек. Из них пятьдесят девять процентов – женщины; это вызвано тем, что во время Войны и сразу после нее большее число женщин сидело в менее опасных местах, в квартирах и подвалах, в то время как большинство мужчин вынуждено было в борьбе за жизнь выйти на улицы. Впрочем, когда нам удалось подавить беспорядки и взять город под контроль, на укрепление и строительство убежищ были мобилизованы все, способные стоять на ногах. Самому старшему из колонистов 78 лет, самому младшему – три года. Около четверти жителей Колонии умрут в течение ближайших пяти лет от вызванных Войной болезней и старости. Остальные имеют шанс прожить еще довольно долго; их можно назвать относительно здоровыми – конечно, по нынешним, а не по довоенным меркам. Но Война все равно имела для них роковые последствия. Имеющаяся у нас современная медицинская аппаратура установила это абсолютно точно: почти все колонисты не в состоянии произвести на свет полноценное потомство. К счастью, есть исключения. В Колонии сейчас имеется 12756 генетически полноценных женщин (из них 3103 еще не достигли детородного возраста) и, – Координатор сделал паузу, – только один мужчина.

– Должно быть, этот мужчина – католик, и вы хотите, чтобы я убедил его...

– Этот мужчина – вы.

– Но... вы же понимаете... я... – только и смог пробормотать ошарашенный священник.

– Я знаю, что монахи принимают обет безбрачия, – неожиданно жестко произнес Координатор, – о браке, кстати, речь и не идет. Мы не можем позволить вам роскошь ограничиться одной или даже десятью женщинами.

– Вы совершенно напрасно иронизируете. Мы приносим обет полного воздержания, и я...

– Мне прекрасно известно, что такое целибат. И я с уважением отношусь к принципиальным людям, даже если их принципы расходятся с моими. Но поймите же, наконец, речь идет о выживании человечества. Это достаточно веская причина, чтобы пересмотреть свои убеждения.

– А вы поймите, что такое религиозный обет. Это не контракт, который можно расторгнуть. Я мог бы еще подумать над вашим предложением – хотя оно и противно всем нормам христианской морали – если бы получил на то разрешение Ватикана...

– Какого Ватикана?! – Координатор начал злиться. – Вы что, не поняли, что произошло в мире? На месте Рима сейчас радиоактивный кратер! Нет больше ни папы, ни кардиналов, ни епископов! Если вам так необходима санкция церковного руководства, можете сами считать себя таковым. Я могу прямо сейчас подписать указ, объявляющий вас главой всех христиан Колонии, а стало быть, и мира.

– Этот указ не имел бы никакой силы, – покачал головой Петр. – Светская власть не может назначать церковных иерархов.

– Хорошо, хорошо, давайте соберем всех уцелевших христианских священников и проведем выборы или как там это у вас называется. Если дело только в этом...

– Нет, не в этом. Вы думаете, что все дело в каких-то формальностях, и готовы разыграть любой фарс, извините за прямоту. Ошибка атеистов в том, что они путают религиозность с обрядовостью. Мы не язычники, поклоняющиеся идолам; мы служим не символам, а Господу, и именно он, а не церковные иерархи, наша высшая инстанция.

– Так молитесь ему, чтобы он вас вразумил! – воскликнул в раздражении Координатор.

– Я делаю это каждый день, – смиренно ответил священник.

– Послушайте, я не думал, что мне придется объяснять столь идейному человеку, как вы, что такое долг. Здесь, в Колонии, каждый исполняет свой долг. Только благодаря этому мы выжили. Каждый работает на благо общества, независимо от того, нравится ли ему его работа.

– Вот как? Вы что же, заставили работать даже безнадежно больных?

– Разумеется. Те, кто уже не может ничего другого, надиктовывают на магнитофоны все, что они знают. Слишком много бесценных знаний человечества погибло. Мы дорожим каждой крупинкой информации. Но вы-то не больной! Вы, черт побери, самый здоровый из нас всех!

– Координатор, я попросил бы...

– Хорошо, не буду поминать черта в вашем присутствии. Но вы должны понимать, что законы Колонии едины для всех, верующих и неверующих.

– Если вы считаете, что человек с моими взглядами не может жить в Колонии, я готов вернуться в свои катакомбы.

– Не занимайтесь демагогией! В конце концов, разве не ваша религия учит покоряться земным властям?

– Христос говорил: «Воздай кесарю кесарево, а Богу – Богово», – возразил Петр. – В данном случае вы посягаете на то, что вам не принадлежит, Координатор.

– Послушайте, я не искушен в религиозных диспутах. – Координатор сплел пальцы и вновь расцепил их. – Впрочем, никакое богословие не помогло бы вам справиться с озверевшей и обезумевшей толпой, идущей на штурм Университета и громящей все на своем пути. Тогда мы справились. Но теперь возрождение человечества снова под угрозой из-за вашего... – он чуть не сказал «идиотского», но сдержался, – из-за вашего неуместного упрямства.

– Ситуация действительно так безнадежна? – спросил Петр.
– За все время в Колонии не родилось ни одного ребенка?

– Согласно закону дети-мутанты подлежат немедленной эвтаназии. Человечеству лучше погибнуть, чем превратиться в стаю вырожденцев! – повысил голос Координатор, заметив возмущенный жест священника. – Но нам почти ни разу не приходилось применять этот закон. Самим своим существованием он удерживает людей от бессмысленных попыток. Разумеется, никто, кроме руководства Колонии, не знает всей картины. Каждый колонист знает, что он не годится для продолжения рода, но думает, что есть другие, которые годятся. Если бы люди узнали правду, отчаяние погубило бы Колонию. Но подумайте о нас, священник! – Координатор глядел в глаза собеседнику. – Подумайте о тех, кто ценой величайших усилий создал Колонию, не щадя ни себя, ни других, – и оказался перед лицом тщетности всех этих усилий. Уже многие месяцы мы жили без надежды на то, что носитель здоровых генов явится извне. Основные силы нашей науки брошены на медицинские исследования. Генная инженерия, даже партеногенез...

– Партеногенез?

– Размножение без оплодотворения. Непорочное зачатие, по вашей терминологии. Правда, в отличие от евангельской истории, реальный партеногенез приведет к тому, что на Земле будут жить одни женщины. Но лучше уж это, чем полное исчезновение людей. И не смотрите на меня скорбно и осуждающе! Я прекрасно знаю, что церковь всегда осуждала вторжение науки в человеческую природу. Вы предпочитаете сочувствовать голодному, нежели дать ему хлеба.

– Не хлебом единым...

– Да плевать я хотел на ваши цитаты! Наука не нуждается в церковном благословении. Но мы не знаем, увенчаются ли успехом наши исследования. Мы слишком ограничены в средствах и во времени.

– Я буду молиться за успех ваших опытов – в той мере, в какой они послужат исправлению сделанного людьми зла, а не искажению творения Божьего.

– Молиться... – Координатор невесело усмехнулся. – Когда я говорю об ограниченности во времени, то имею в виду не про-

должительность человеческой жизни. Нам нужен успех гораздо скорее, ибо люди уже чувствуют неладное. Советник по безопасности доносит о ползущих по Колонии слухах. Необходимо как можно скорее предъявить колонистам здоровых детей, иначе на нас снова обрушится хаос, и мы уже не сможем его сдерживать.

– Я сделаю все, чтобы успокоить отчаявшихся. Если надо, я готов пожертвовать жизнью. Но нарушить обет...

Досадливая гримаса исказила лицо Координатора, но в этот момент загудел селектор.

– Советник по информации, – раздался в динамике голос охранника.

– Идите и подумайте, священник, – сказал Координатор. – Я не могу тратить на вас все свое время. Но я пришлю Советника по культуре.

И в самом деле, через несколько часов после того, как отец Петр вернулся в свое новое жилище, в его дверь постучали, и в комнату вошел невысокий, совершенно лысый – как и многие в Колонии – человек лет шестидесяти, некогда, вероятно, довольно полный, но сильно похудевший впоследствии, отчего щеки его свисали, как у породистой собаки; и в глазах его было что-то собачье, мудрое и безнадежно-печальное. Это и был Советник по культуре.

– Вы тоже собираетесь уговаривать меня? – спросил священник. Кажется, его вопрос прозвучал излишне резко, о чем он тут же пожалел, тем более что гость почувствовал эту резкость.

– Не знаю, что наговорил вам Координатор, – поспешно сказал Советник, – может, он даже угрожал вам, но вы должны его понять. Убеждение – это не его ремесло. До Войны он был начальником городской полиции. И, надо сказать, только такой человек и мог всех нас спасти. Именно такой, который способен действовать быстро и решительно, без всех этих наших интеллигентских рассусоливаний... Вам кажется странным, что я, полжизни находившийся в оппозиции властям, теперь защищаю откровенно диктаторские методы? – Советник печально улыбнулся. – Но вы не видели, что здесь творилось. Это был ад, настоящий ад... Озверевшая толпа, перекошенные лица, вопли... Повсюду огонь, по-

жары и факелы... Небо багрово-черное от дыма и копоти, днем темно, как ночью. Клубится пыль, трещат выстрелы, где-то осыпаются разбитые стекла. На главной улице баррикада из горящих машин, на нее лезет какой-то полуголый тип, размахивающий оторванной человеческой рукой. С крыш Университета по толпе бьют пулеметы. Штурм библиотеки, кого-то вышвыривают из окон... – Советник сжал виски ладонями, словно пытаюсь выдавить, как гной, кошмарные воспоминания. Затем он вдруг резко поднял голову. – Но мы прошли через это. Вы понимаете? Мы справились. Мы обуздали анархию, отстроили убежища, наладили жизнь. Мы завоевали человечеству еще один шанс. Но мы, к сожалению, слишком дорого за это заплатили. И теперь только от вас зависит, воплотится ли этот шанс.

– Вы совершенно уверены, – спросил священник, – что из всех этих сотен тысяч мужчин... ни один...

– Увы, – покачал головой Советник, – у нас слишком хорошая медицинская аппаратура. Сомнений быть не может.

Отец Петр помолчал.

– Я молился, – сказал он наконец. – Молился все время, как пришел от Координатора, надеясь, что ясность и покой снизойдут на меня, и я пойму, как должен поступить. Но Господь не даровал мне ни ясности, ни покоя.

– Покой для всех нас теперь недоступная роскошь, – произнес Советник, – но с ясностью все как раз в порядке. Война уничтожила вместе с цивилизацией все ее химеры и ложные цели. Что вам неясно? На одной чаше весов – ваш обет, данный тогда, когда в мире насчитывалось шесть миллиардов человек, и целые континенты боролись с ростом населения. На другой чаше – последняя возможность спасти то, что осталось от человечества, спасти для будущего возрождения.

– Или для очередного самоубийства.

– Вы слишком пессимистично смотрите на вещи. Теперь, имея за спиной такой опыт...

– У меня есть основания для пессимизма. Человечеству однажды уже предоставляли шанс начать все сначала, и вот как оно им воспользовалось.

- Что вы имеете в виду?
- Я имею в виду всемирный потоп.
- То есть... вы рассматриваете Войну как кару небесную? – озадаченно спросил Советник. Такой поворот не приходил ему в голову.
- Люди не могут однозначно трактовать волю Божью, – ответил священник, – но, во всяком случае, такая трактовка выглядит весьма правдоподобно. Люди отвернулись от Бога, и он предоставил их собственной участи.
- Ну хорошо, допустим, Война – это новый потоп. Но тогда вы – это новый Ной, и должны исполнить свое предназначение.
- Аналогия слишком поверхностна, – покачал головой Петр.
- Ной был предупрежден заранее, ему была дана возможность спасти животных суши, сам потоп не создал непригодных для жизни условий. И ни Ной, ни его дети не были связаны обетом, подобным моему.
- Но разве сам факт вашего чудесного спасения не кажется вам божественным указанием?
- Напротив. То, что единственный из спасшихся, способный продолжить род, связан обетом воздержания, кажется мне указанием прямо противоположным.
- Значит... – Советник на мгновение замолк, пораженный, – вы вообще не считаете, что человечество следует возрождать?
- Я всего лишь человек, – развел руками священник, – и не вправе судить людей. Я могу лишь ходатайствовать за них перед Высшим Судьей; но пока у меня нет никаких оснований считать, что мое ходатайство принято.
- Но это все абстрактные рассуждения! Вы же сами признаете, что не можете однозначно трактовать божью волю. Так почему бы не поступить по заповедям, призывающим любить ближнего?
- Может, это и есть высшая любовь к людям – пресечь их род, вместо того, чтобы плодить все новые поколения несчастных, обреченных на вечное проклятие. Что же до заповедей, то как насчет запрета на прелюбодейние?
- Советник беспомощно пожал плечами.

– Я не знаю, как вас еще убеждать. Но не думаете же вы, в самом деле, что вас оставят в покое и позволят соблюдать этот ваш обет?

– Вера подвергалась и не таким испытаниям, – ответил священник.

На следующий день снова явились посланные от Координатора. Их было трое, и отец Петр понял, что они готовы доставить его силой, если он откажется идти.

На этот раз правитель Колонии выглядел куда мрачнее, чем в предыдущую встречу. Он, подчинивший сотни тысяч людей единому плану выживания, впервые принужден был считаться с волей одного-единственного человека.

– Вы продолжаете упорствовать?

– Я не могу нарушить обет.

– Вы уже нарушили один, – напомнил Координатор, – когда переселились из своей кельи сюда.

– Это другое дело. Я приехал в Колонию, чтобы исполнять обязанности священника, это не противоречит моему сану и моим убеждениям. Мира, от которого я удалился в катакомбы двенадцать лет назад, больше нет, и теперь мой долг – вернуться и помочь страждущим.

– Ваш долг – спасти человечество!

– Вы думаете только о спасении тела, – покачал головой Петр, – а это, в конце концов, задача заведомо невыполнимая.

– Да поймите же вы, что если не будет новых тел, не будет и душ, о которых вы так печетесь!

– Может, в этом и есть промысел Божий? Почему вы думаете, что количество душ должно умножаться бесконечно?

– Ну разумеется, ад переполнен, а у дьявола вышли все фонды капитального строительства. Между прочим, знаете ли вы, почему в Колонии так мало священников, особенно христианских? Так я вам объясню. Во время послевоенного хаоса большинство ваших коллег было растерзано толпой. Люди не простили Войны тем, кто регулярно твердил: «Бог добр, Бог любит вас!»

– Бог, в своей любви к человеку, даровал ему великое благо – свободу выбора. И если люди этой свободой дурно воспользовались, виноват отнюдь не Бог.

– Ему следовало предвидеть последствия.

– Вы отказываетесь от свободы?

– Я – нет. Но право на свободу, как и право на ношение оружия, надо заслужить. Вы разглагольствуете тут о свободе выбора, потому что не видели, что такое толпа.

– Как я понимаю, вы угрожаете мне. Вы ведь не пытались спасти тех священников?

– У меня были более важные задачи. И более ощутимые потери. Пришлось, в частности, пожертвовать частью гуманитарных факультетов Университета. Пока толпа грызла брошенную ей кость, нам удалось стянуть и перегруппировать силы. Да, я не мог спасти всех ученых. Но мы отстояли Университет, а потом взяли контроль над городом. Потому что мои люди исполняли свой долг и шли, если надо, на смерть. Вам же предлагается нечто совсем отличное от смерти.

– Я уже говорил вашему Советнику – я пришел не судить людей, а разделить с ними их судьбу. Если надо, я готов умереть.

– Да никому, черт возьми, не нужна ваша смерть! И никого вы своим геройством не потрясете! Шесть миллиардов уже умерли. Я только пытаюсь донести до вас простую мысль, что необходимо жертвовать второстепенным ради главного, и что этим главным является спасение человечества!

– Откуда вы знаете, что является главным? Возможно, в нынешней ситуации есть и ваша вина. Если бы вы не выгнали на строительство убежищ всех от мала до велика, то, возможно, сейчас у вас было бы больше полноценных мужчин и женщин.

– Может быть, в какой-то степени вы и правы, – неожиданно спокойно согласился Координатор. – Теоретически. Сейчас, когда известны все последствия, когда мы знаем, каким именно поражающим воздействиям подвергся город, можно рассуждать подобным образом. Но вы забываете, что, во-первых, основную дозу люди получили в первые дни, когда мы еще не контроли-

ровали город. Во-вторых, эти чертовы убежища кто-то должен был строить. Если бы их строили не все, то и хватило бы их не на всех. Как вы себе представляете эту процедуру отделения чистых от нечистых? По-вашему, люди согласились бы строить убежища, зная, что сами они обречены на смерть, а места в убежищах займут некие элитные производители?

– Я понимаю, все не так просто...

– Понимаете? Да что вы вообще понимаете?! Из-за каких-то эфемерных абстракций вы присвоили себе право решать судьбу человечества. Это грех гордыни, священник!

– Разве хранить верность данному слову – это гордыня?

– Да кого теперь волнует ваше слово? Мировая война – это форс-мажорное обстоятельство, отменяющее любые контракты!

– Я приносил обет не миру, а Богу.

Координатор тяжело выдохнул.

– Опять все сначала. Но ведь вы же не получили от бога пакет с предписанием не допустить возрождения человечества! В таком случае почему бы вам не поступить по принципу отказа от необратимых действий? Ведь если ваш бог так непременно хочет истребить человечество, он легко сможет сделать это и без вашей помощи.

– Он также легко может и спасти его, – возразил отец Петр.

– Черт подери! – Координатор грохнул кулаком по столу. – Да, черт, черт, черт, и нечего морщиться, ханжа несчастный! В кои веки раз, после инквизиции, после крестовых походов, после всех столетий мракобесия служитель церкви может принести реальную пользу человечеству – и вот что мы получаем! Все та же лицемерная демагогия! Но не думаете же вы, в конце концов, что мы станем считаться с вашими бреднями! – правитель Колонии нажал кнопку селектора. – Охрана!

– Вы намерены меня арестовать? – печально улыбнулся священник. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались трое вооруженных колонистов.

– По законам Колонии я должен был бы вас повесить за злостный саботаж. Но вместо этого я вынужден беречь вас, как зеницу ока. Я начинаю опасаться, как бы вы чего с собой не сде-

лали, дабы проблема отпала сама собой. Как там это у вас называется? Умерщвление плоти? Капрал, доставьте этого субъекта в первый лазарет под полный контроль. Я передам доктору инструкции.

Через два часа в подземной комнате по соседству с кабинетом Координатора, служившей для заседаний администрации, собрались Советники. Правитель Колонии занял свое кресло последним.

– Ситуация вам известна, – сказал он, – я слушаю ваши предложения.

– Насколько я понимаю, речь идет о том, как убедить этого монаха оплодотворить наших женщин, – констатировал Советник по информации.

– Убедить, или заставить или что-нибудь еще, – нетерпеливо произнес Координатор. – Главное – достигнуть конечной цели.

– Вряд ли удастся его убедить – подал голос Советник по культуре. – Если сначала он еще колебался, то теперь, столкнувшись с угрозами и насилием, очевидно, окончательно утвердился в своем выборе. У человека с религиозным сознанием другая шкала ценностей.

– Да уж, я знаю этих фанатиков, – подтвердил Советник по информации. – Небось, воображает себя новым христианским мучеником.

– По-вашему, не стоило на него давить? – пожал плечами Координатор. – Что ж, я не привык упрашивать саботажников. Но ведь и у вас, Клод, ничего не вышло.

– Боюсь, здесь бессильны любые формы убеждения, – ответил Советник по культуре. – Философия – такая область, где истина в принципе неустановима. Нельзя логически опровергнуть веру. Правда, ее может сломать сильное потрясение, но вряд ли переживших гибель человечества можно еще чем-то потрясти.

– Чертов фанатик, – пробурчал Советник по безопасности, – уж я бы ему устроил потрясение...

– Луис, он нужен нам абсолютно здоровым! – поморщился Координатор.

– Может, следует объяснить ему, что речь идет в основном об искусственном оплодотворении? – неуверенно предложил Советник по медицине.

– Думаю, он прекрасно понимает, что не сможет покрыть тринадцать тысяч женщин обычным способом, – раздраженно возразил Советник по науке. – Учитывая, что ему уже за сорок. Но, во-первых, при его строгом обете неприемлемо никакое... гм... услаждение плоти. А во-вторых, эти церковники на дух не выносят вмешательства науки в то, что они именуют таинством рождения, жизни и смерти. Господь бог не велел перекраивать ДНК и делать детей в пробирках, и все тут. Идиоты.

– Ну, между прочим, кое-какие достижения в области молекулярной биологии были весьма эффективно применены в Последней Войне, – заметил Советник по культуре.

– Черт возьми, если вы прыгаете со скалы и разбиваетесь, то виноваты вы, а не Ньютон, открывший закон всемирного тяготения!

– Господа, не отвлекайтесь! – прервал их Координатор.

– А может, мы вообще ведем тут пустой разговор? – подал вдруг голос Советник по экономике. – Всякий инструмент портится от долгого неупотребления. Может, после стольких лет строжайшего воздержания этот парень давно ни на что не годен?

– Физиологически он годен очень на многое, – возразил Советник по медицине. – Психологически, конечно, он испытает большие трудности. Но у нас есть средства ему помочь.

– Тогда почему не накачать его этими средствами прямо сейчас? – удивился Советник по безопасности.

– Все не так просто. Да, конечно, в принципе возможно вызвать у него семяизвержение и помимо его воли. Но он нужен нам не на один раз – нам необходимо его постоянное сознательное сотрудничество. И, как верно заметил Координатор, он нужен нам абсолютно здоровым. А вы представляете себе, во что превращает человека постоянное воздействие тех же психотропных средств?

– Еще бы не представлять, – кисло согласился Советник по безопасности. – За время работы в контрразведке я навидался

всякого дерьма... Нет, но каков все-таки ублюдок! Любой мужик на его месте был бы счастлив...

– Не скажите, – возразил Советник по науке.

– Что же получается, – вернулся к основной теме Координатор, – мы не можем использовать ни убеждение, ни принуждение?

– Сейчас последует сакраментальное: «Но должен же быть какой-то выход!» – пробормотал Советник по информации.

– Зря иронизируете, – ответил Координатор, – за три года мы все насмотрелись безвыходных ситуаций.

– А что если попробовать гипноз? – подал голос до сих пор молчавший Советник по строительству.

– Не получится, – покачал головой Советник по медицине. – Доказано, что если некая нравственная парадигма глубоко укореняется в подсознании, человек ведет себя в соответствии с ней даже под гипнозом.

В комнате повисло тягостное молчание.

– Думайте, господа, думайте, – нервно сказал Координатор, – от вас зависит судьба человечества.

– Она каждый день от нас зависит, – пробурчал Советник по безопасности.

– Есть идея, – спокойно произнес Советник по науке. – Программа D2.

В глазах Советника по безопасности зажегся интерес.

– А что, это мысль, – сказал он.

– Вы думаете, это поможет? – скептически хмыкнул Координатор. – Напустить на него эротические сны?

– Что еще за программа D2? – нетерпеливо перебил Советник по культуре. Советник по науке взглянул на правителя Колонии. Тот нехотя кивнул.

– Программа D2 разрабатывалась в рамках проекта по контролю над сознанием, – снизошел до объяснений Советник по науке.

– Опять эти ваши опыты по управлению сознанием!

– Вы прекрасно знаете, – раздраженно воскликнул Советник по науке, – что, будь у нас в первые дни технология контроля

над сознанием, мы избежали бы хаоса и кровопролития! Небось, когда этот сброд выпускал кишки вашим коллегам-гуманитариям, вы не очень-то ратовали за всеобщие права и свободы!

– Клод, в самом деле, не занимайтесь демагогией, – поддержал его Советник по строительству. – Так в чем суть программы, Мартин?

– Управление чужими снами, – пояснил Советник по науке. – Сознание спящего практически изолировано от внешней реальности, поэтому управлять им легче. Мы добились неплохих результатов – не то чтобы сон программируется до мелочей, как фильм, но базовая идея усваивается с вероятностью девяносто процентов. Однако дальнейшие работы в этом направлении не считаются перспективными. Можно измучить человека кошмарами, а вот внушить ему что-то полезное трудно. Дело в том, что, проснувшись, человек понимает, что это был всего лишь сон.

– Так вы в самом деле хотите извести нашего отшельника эротическими фантазиями? – осведомился Советник по экономике.

– Все куда проще и эффективнее. Он получит директиву от своего босса, – Советник по науке с усмешкой ткнул пальцем в бетонный потолок. – Всякий человек может отличить сон от действительности. За исключением религиозного фанатика. Они верят в видения, – он замолчал и с довольным видом оглядел присутствующих.

– Как я раньше об этом не подумал? – воскликнул Советник по информации.

– Я сейчас же отдам нужные распоряжения, – Координатор снял телефонную трубку.

На следующий день с утра Советники вновь собрались в бункере Координатора, ожидая вестей из лазарета. Наконец нужный телефон зазвонил.

– Сработало! – Координатора давно не видели таким довольным. – Он дал свое согласие!

Конец фразы утонул в радостных возгласах.

– Хо-хо! – веселился Советник по безопасности. – И сказал им господь: плодитесь и размножайтесь!

– И главное, мы обошлись без насилия и принуждения, – сказал Советник по медицине.

– Главное – это то, что человечество возрождается, – сказал Координатор, закидывая руки за голову и удовлетворенно потягиваясь.

– Возрождается в результате обмана, – заметил Советник по культуре.

– И отцом его будет фанатик, – добавил Советник по информации.

МАРА БУДОВСКАЯ

БАБУШКА И САМОРОДОК

Наверное, это была корова. Она мычала, спотыкалась на горных дорожках, а Самородок все равно привел ее в свою пещеру, наполненную всякими научными приспособлениями, которые удалось достать на окраине Империи. Впрочем, тут, на окраине, уже тонул заскорузлыми пятками в летней пыли грядущий самодержец, сын пьяницы Бесо и прачки Кэкэ. Этот несносный мальчуган и нашел убежище Самородка.

Я поселил Самородка в пещерном городе, потому что не смог придумать ему другого места. Конечно, он не смог бы выдолбить пещеру на глазах у любопытного Гори. Но я допустил, что смог. И даже оборудовал ее, и протолкнул туда корову. Впрочем, почему обязательно корову? Пусть это лучше будет конь. Конь, скачущий по горной дороге, – в порядке вещей, в отличие от коровы.

Впрочем, речевого аппарата нет ни у коровы, ни у лошади. А над человеком Самородок экспериментировать пока не решился. Он, как это ни странно, боялся Бога. На каждый шаг к своему открытию спрашивал разрешения.

А Сосо, сын Бесо, убежал из дому подальше, чтобы пьяная ругань отца и тихий зов матери: «Сосело, сицоцхле!» не достигали его ушей. Он искал себе в пещерном городе подходящее убежище, набрел на потайную, но без замка, дверь Самородка, и увидел корову. Пардон, коня.

Сын сапожника, умный, склонный к языкам, как раз собирался написать таблицу Морзе для грузинского алфавита. А рус-

ского Морзе он уже выучил по книжке, которую ему купил кто-то из богатых клиентов его трудолюбивой матери.

И вот он нашел в пещерном городе эту странную дверь. Из-за нее доносился ... ну, скажем, стук, стук копытом по каменному полу пещеры (раз уж мы договорились, что там стоял конь). Стук этот напоминал морзянку, морзянку русскую, а при расшифровке получалось черт знает что. Скажем, фраза, начинающаяся, как «точка, тире, точка, точка, точка», и далее по тексту – «т-в-о-ю м-а-т-ь». Сосо слышит морзянку и понимает все слова, но не понимает, кто же это, собственно, их выстукивает. Он открывает, и видит коня, выбивающего копытом эти непристойности. У коня в загривке пропадают хирургически вшитые какие-то жилы и веревки, другим концом уходящие в большой деревянный ящик, а на ящике сидит Самородок в дурацком пенсне и дрожит от страха и неожиданности.

Конь смотрит на вошедшего Сосо и выстукивает русскими буквами : «С-о-с-о, м-а-л-ь-ч-и-к-ъ м-о-й, п-о-с-м-о-т-р-и, ч-т-о э-т-о-т-ъ з-а-с-р-а-н-е-ц-ъ с-о м-н-о-й с-д-е-л-а-л-ъ!»

Мальчик, обалдевший от того, что чудесный конь знает его по имени, хотел было унести ноги. Но остался из любопытства. И произнес по-грузински:

– Вина хар? Ты кто?

Было неясно, к кому он обращается – к коню или к поджавшему ножки на ящике пенснату Самородку. Ответил конь:

– Это я, старый Дато.

Мальчик считает точки и тире и проговаривает шепотом расшифровку.

– Батоно Дато?! Он не похож на коня.

– Что ты этим хочешь сказать, чэно швило? Что я похож на коня? – бьет копытом конь в ответ.

Тут Самородок на ящике машет на Сосо руками и делает умоляющие жесты. Потом лезет в ящик, с чем-то там возится, и конь перестает стучать ногами и отвечать на вопросы. А Самородок укладывает веревки на конской гриве в какой-то чулок, и привязывает его, и направляет в конскую сбрую и выпускает коня за дверь погулять. Конь радостно скачет, и теперь его ко-

пыта выбивают лишь: «та-та-та, та-та-та, та-та-та», что у Морзе соответствует повторенной многократно букве «с».

И пока конь сипит своей лошадиной морзянкой около пещерной лачужки, мальчик спрашивает несчастного, попавшего на горячем, Самородка:

– Дядя, ты колдун? Зачем ты превратил батоно Давида в коня?

Самородок заплакал, пенсне запотело. Мальчик чувствовал, что человек, заставивший заговорить коня, может помочь ему в жизни. И, если взять над ним власть, можно попасть даже в Петербург. И стать там, может быть, царем!

А еще мальчик знал, ЧТО может сделать городок с колдуном, превратившим в коня старика Дато.

– Не плачь, дядя. Лучше расскажи, как ты его превратил. Я никому не скажу.

В словах мальчика Самородок не почувствовал готовности к жестокому шантажу. Он заговорил, наверное, просто для того, чтобы успокоить мальчишку.

– Понимаешь, дружок... Все, что мы знаем, о чем думаем – хранится у нас в голове. Никто не может прочесть наши мысли, правда?

– Не знаю. Мне кажется, один наш учитель, господин Хачуташвили, все видит, что творится у нас в головах.

– Нет, это он просто из опыта с другими детьми знает. Есть много разных наук, пытающихся найти способ прочесть мысли по словам, рисункам, даже рукам и глазам человека. Но это все – ерунда, гадания, а не точные сведения. А я нашел способ все мысли и знания переписать в такой вот деревянный ящик. Но переписывать надо осторожно. Если переписываешь у человека молодого, с ним может сделаться удар. Вот у старого можно переписать, и он не пострадает. Там, в голове, мысли носятся на таких маленьких точечках. У молодых точки бегают быстро, и поймать их невозможно, а если поймаешь, они могут разбиться и обратно в голову не вернуться. А у старых людей точки медленно двигаются. Вот я третьего дня старого Дато усыпил и переписал его ум в этот ящик.

Самородок долго и сбивчиво докладывал босяку суть своего изобретения. У него не было ни методологии, ни даже терминологии.

Теперь уж его долго не изобретут – аналоговый компьютер на бионосителях. И слава Богу.

Рябой мальчишка помог Самородку уйти выше, в горы. Он носил ему еду и свечи и воровал для него свиней и баранов. Еще нужны были люди. И инструменты для трепанации черепа. Их Сосо добыл, хоть и не без труда. Что же касается людей, то есть человека, – Сосо привел сюда своего ненавистного отца, подкупив того вином. После того как сын поселил отца у Самородка, Виссариона уже никто не видел ни живым, ни мертвым. Сначала говорили, что он бродяжничает. Потом – что погиб в пьяной потасовке. А Бесо Джугашвили тем временем предоставлял свои пьяные мозги Самородку для исследований, перенося insult за insultом.

Когда он, наконец, скончался, у Самородка была полная копия его ограниченного, неграмотного умишка.

Простите, я забылся. Я перестал употреблять слова «наверное», «возможно», «может быть». Приняв за аксиому существование Самородка, я пытаюсь доказать теорему жизни человека, который больше всего на свете боялся этого доказательства. Убирал свидетелей своей юности. Заставил Булгакова, отправившего в Гори за материалом для пьесы «Батум», вернуться в Москву. И всем пытавшимся заполнить эту нишу его жизнеописания, скромно говаривал: «Зачем описывать солнце, которое еще не взшло?»

Нарождающееся солнце времени не теряло. Прежде всего ему нужна была революция. Чтобы стать ВСЕМ. И он стал. И имя себе взял – Сталин!

В революционной скачке он поставил на верную лошадку. Почему – неизвестно. Случай ли, чутье ли, экзерсисы ли Самородка с чьими-нибудь знающими мозгами заставили его стать «левой ногой Ленина», как язвили товарищи по партии. Ло-

шадка нужна была, чтобы выполнять трюки, непосильные для горийского недоучки – вести за собой массы, писать книжки, говорить речи, получать деньги от кайзера. Лошадка должна была везти на своем горбу куда-нибудь в Зимний, или Смольный или Кремль. А уж там-то, в закрытом правительственном пространстве, Самородок бы поставил своего хозяина на подобающее ему место.

Самородка нельзя было упустить. И Сосо содержал его, грабил для него, утешал его тем, что скоро настанет новое время, когда никто не будет верить в каких-то колдунов, и опередившее время изобретение выйдет из подполья и станет достоянием человечества, и автору воздастся по заслугам. Нужно лишь немного потерпеть.

А пока – борьба, кровь, пламя, тюрьмы и ссылки.

Наконец! Революция! Февральская. Ему хватило бы и такой, но Временное Правительство и невесть откуда возникший Керенский придумали играть во власть, отдать Ленина под суд и вообще – вышли из-под контроля.

Смею предположить, что между февралем и октябрём талант Самородка уже нашел свое применение. Подозреваю, что в урагане семнадцатого года сгинули от инсульта несколько осведомленных голов. Имен сейчас уже никто не вспомнит. До инсультов ли, когда рушится Империя, казавшаяся прочной, как мироздание?

А потом, в октябре, победоносная ночь.

В Смольном, потом писали, Сталин сидел в кабинете Ленина. Вроде Ленин держал Кобу поблизости. Похоже, наоборот, это Коба Сталин не спускал глаз с лошадки-победителя забега.

Кроме Кобы был еще один приближенный, а возможно, и жокей-конкурент, пробившийся наверх не копиями чужих мозгов, а своим собственным – Лев Троцкий. Наверное, именно тогда Коба возненавидел его окончательно.

Как Коба перевез своего Самородка вместе с правительством в Москву – не знаю. И где он поселил своего компаньона – тоже

не знаю. Скорее всего, на первых порах ученый разместился вне кремлевских стен. В секретных покоях Потешного дворца он водворился позже, когда у Кобы не осталось живых конкурентов, кроме Троцкого, да и на том уже лежала мета кровавой кавказской мести.

Возможно, Самородка сначала поселили в Горках, бывшей усадьбе Саввы Морозова.

Может быть, может быть... Не надо забывать об этих словах, ничего ведь не доказано.

В Горки генеральный секретарь партии большевиков товарищ Сталин отправил умирать великого вождя товарища Ленина. Умирать без диагноза, в кругу беспомощных немецких врачей с их идиотскими затеями. Немцы то советовали удалить из руки каплановские пули – мол, отравляют организм. То прописывали пациенту одни лишь прогулки. Их консилиумы были бесплодны.

Мозг Ленина угасал. Вождь страдал головными болями и переносил инсульт за инсультом. По ночам Самородок заполнял свои бионосители знаменитой ленинской мыслью. А Сталин печатал бюллетени о состоянии здоровья вождя пролетариата. А потом плюнул и печатать перестал.

Лэнин? Кто такой Лэнин? Ящик, присобаченный к голове осла?

Двое, встретившиеся когда-то в Гори, Вождь и Самородок, шантажист и его жертва, добились вожделенной цели.

Первый, съевший всех, кто на своих плечах вынес его наверх, превратился в верховное божество. Вторым, доведший свое открытие до совершенства, вместо пещеры получил роскошную квартиру и прекрасно оснащенную лабораторию. Был он бесконечно одинок и никому не известен. Все, кто видел его, уничтожались на месте. Он мог выбрать в собеседники когда-то записанные интеллекты чужих мертвых людей, от Бесо Джугашвили до Ильича. Но кто из живущих был бы счастлив в царстве теней?

А потом – страшно подумать – человечество сделало шаг вслед за опередившим века Самородком. Появились две новые

научные дисциплины, посягающие на монополию Вождя. Две лженауки, продажные девки капитализма – генетика и кибернетика. Тут уж не до научной истины! Десятками и тысячами необходимо сажать и убивать посягнувших на секреты Самородка выскочек!

Кампания по искоренению буржуазной заразы была в самом разгаре, когда Самородок понял, что дни его сочтены. Он списал сам себя, применив последнюю разработку – запись на мозг попугая. Решение идеальное – говорящая птичка, компактный мозг и уникальный заменитель речевого аппарата.

Моя бабушка сидит в соседней комнате, поправляет шпильки в седом «валике». В пятьдесят первом году она была молодой талантливой аспиранткой в Институте Мозга. И это не сулило ничего хорошего Эстер Иосифовне Иоффе в разгар борьбы с безродными космополитами, морганистами и вейсманистами. И ее, как водится, арестовали, обвинили. Естественно, ни больше ни меньше – в покушении на Сталина.

Выбраться из застенков Лубянки не представлялось возможным.

Но свершилось чудо. Бабушку освободили и на черной «эмке» привезли аж в Кремлевский дворец, а там началась фантазмагория. Ее принял Сам.

О, он долго искал среди арестованных умников того, кто способен перенять науку Самородка. Он лично просмотрел дела сотен кандидатов, пока на его стол не попало бабушкино досье. И вот она перед ним, его опора на остаток дней. Худая, угловатая, с торчащими ключицами, горящими глазами и длинными черными волосами, закатанными в плотный валик.

– Здравствуйте, Эстер Иосифовна. Рад вас видеть в качестве своей дорогой гостьи, – распинался вождь. – Здесь вы теперь будете жить и работать. Я покажу вам вашу квартиру и рабочее место.

Бабушка робко спросила, сможет ли увидаться со своей семьей.

– Я теперь – ваша семья. Пойдемте, я покажу вам лабораторию.

Позже бабушка по расположению украдкой высмотренных из окон примет поймет, что лаборатория и ее новая, роскошная квартира располагались в Потешном дворце, что у западной кремлевской стены, между Троицкой и Комендантской башнями. И сейчас бабушка гуляет порой по Александровскому саду, а сердце ее замирает от близости ТОЙ САМОЙ лаборатории.

О, что это была за лаборатория! Мечта, показавшая ей в Институте Мозга лишь кончик своего хвоста, была воплощена в деталях и вариациях. Самородок проделал огромный путь от деревянных ящиков и выбивающего морзянку коня до металлических вакуумных корпусов, самописцев и динамиков.

Попугай-Самородок состоял при своем хозяйстве. Порхал себе по лаборатории. Спал в клетке. Он учил преемницу с удовольствием. Подолгу разговаривал с ней. Говорил попугай с грузинским акцентом, программа переработки импульса в звук была написана отменно!

Он отвечал на все, даже самые каверзные, вопросы.

– Скажите, почему вы не выбрали себе, скажем, новое тело? При возможностях вашего друга...

– Дитя мое, в наше время безопаснее быть попугаем, чем человеком, – отвечал он.

И ошибся. Когда курс обучения был завершен, Сталин пришел в лабораторию. Побеседовал с попугайным воплощением своего товарища, удостоверился, что смена кадров прошла успешно, и свернул птичке голову.

– Теперь, Эстер Иосифовна, ты у меня одна, – усмехнулся он и покинул помещение.

Попугайчика похоронили у Кремлевской стены. Первое, человеческое, тело Самородка тайно сгорело в крематории.

Утром двадцать восьмого февраля пятьдесят третьего года Сталин зашел к бабушке, принес клетку с большим белым попугаем:

– Грузи оборудование.
– Все оборудование?
– Для одной переписки. И вот еще клетка.
– А переписывать кого?
– Меня.
– Но это же опасно, товарищ Сталин! Может произойти кровоизлияние...

– Ты что – споришь с товарищем Сталиным? Приготовь груз. За тобой приедут.

Вечером на Ближней даче смотрели кино и пили вино. Эстер, сидя в полутемной комнате, прислушивалась к шуму и разговорам. Говорили где-то совсем близко.

Наконец, голос Хозяина провозгласил:

– Идите все спать! – Отпустил охрану. Потом, тихо: – Заходи...

Эстер вошла, вкатила аппарат.

– Начинай. Готов сейчас умереть – только бы не пропасть совсем. Перепишешь – и уезжай со мной. То есть, с птицей. Я распорядился – пропустят. Меня тут брось. Все тебе готово – машина, деньги, квартира, работа. Только сохрани МЕНЯ для потомков. Я тебе верю. Понимаешь? Никому не верю – тебе верю!

– Иосиф Виссарионович...

– Подожди... Скажи, Эстер, а это буду я? Я продолжу жить?

– Можно попробовать ОБМЕН. Но если его применить, неминуема смерть ЭТОГО тела.

– Товарищ Сталин разрешает обмен.

Вошедшая через четыре часа охрана увидела товарища Сталина на полу, в луже мочи. Перенесли на кровать. Он ничего не говорил, только щелкал как-то по-птичьи: «дз-дз». Долго не прожил. Врачи зафиксировали кровоизлияние.

Бабушка с клеткой в руках отправилась не в приготовленную Сталиным квартиру, а домой, к родителям и мужу, моему дорогому дедушке.

Попугай в клетке долго спал после обмена, а очнувшись, заголосил:

– Эстерр! Ты куда меня пррривезла? Так не договаррривались!

Бабушка улыбнулась, накормила бунтаря зернышками, а после – перехватила поводья тугой аптечной резинкой, чтоб не выступал.

Дедушка однажды, втайне от домашних, снял резинку и обратился к птичке с традиционной просьбой:

– Скажи: «Попка – дурак».

И выслушал в ответ:

– Шэни дэда муутхан! Жид пархатый, говном напхатый! Ты как с товарищем Сталиным говоришь?

После чего попугай клюнул деда в запястье. Дедушка обиделся на попугая, и уж не разговаривал с ним до самой своей смерти.

Бабушка в соседней комнате. Уснула в кресле, рядом с клеткой. Попугай смотрит на нее круглым глазом. Он давно сделался молчалив. Иногда поет по-грузински. Любит крошить клювом сигареты «Герцеговина Флор». Подолгу смотрит телевизор, особенно любит фильмы тридцатых-пятидесятых годов.

Я хочу задать ему много вопросов.

Но боюсь.

ШОКОЛАДНАЯ ГРУДЬ И ФИГУРА КОЗЛА

Шоколадную женскую грудь Давидович увидел на витрине кондитерской в бельгийском городе Брюгге. Грудь была исполнена из молочного шоколада, соски – из черного горького. Они напоминали неудачно выточенные Давидовичем на уроке труда в шестом классе шахматные пешки. Не скрывая сосков, по изделю рассыпался белым кружевом лифчик.

Давидович решил завладеть сокровищем.

Поэтому, когда жена ступила на порог сверкающего рождественского магазина, он просительно буркнул:

– Лобода, я – в шоколад, хорошо?

Он всегда называл жену по фамилии. В ее звуках были ЛОБ и ОБОД, ОДА и ДА. Сама Лобода была такая же емкая. Она могла превратиться во что угодно. Давидович потому в нее и влюбился.

Лет двадцать назад институтская студия пантомимы давала инсценировку «Мальша» Стругацких. Давидовича на спектакль привела Муся – девушка из хорошей семьи. Отношения с Мусей угасали, потому что портить девушку он боялся, а жениться не хотел.

После премьеры Давидович потащил Мусю за кулисы, где счастливая Лобода в мокрой лиловой шкуре принимала от восторженных студентов комплименты, чахлые цветочки и непристойные предложения. Муся шепнула Давидовичу: «Пойдем отсюда», но ее слова уже были не в счет.

Давидович с Лободой унизили Мусю проводами до подъезда, а потом, нетерпеливо словив такси, помчались на окраину, где фея пантомимы снимала комнату в коммуналке.

Утром обнаружилось, что стриженная под мальчика Лобода в джинсах, свитере и кроссовках, никем не притворяясь, и выглядит никем. Однако ночью она выступила блестяще. Даже недостаток груди не мешал Давидовичу.

Грудь она играла, как роль.

Назавтра Давидович отсидел лекции. Кивнул в коридоре зарезанной Мусе. Вечером его потянуло к Лободе. Он отправился на репетицию студии пантомимы.

Разминку в балетном классе проводила сама Лобода. Она тянула спины, складывала пополам в талиях, ставила руки, подпирала ноги в нужную позицию. Ее литая фигурка мелькала в зеркалах. В перерыве она подошла к Давидовичу, обронила по-деловому:

- Слушаю?
- Я скучал, – не нашелся, что сказать, Давидович.
- Через час освобожусь.

Когда Давидович привел новую подругу домой, его комната понравилась Лободе. Она разделась донага и забралась в постель. На порыв Давидовича присоединиться ответила:

– Дай поспать.

Давидович вышел из комнаты. Мама сделала вид, что не обратила внимания на появление гостьи. Пришел папа. Поужинали в семейном кругу. Когда стемнело, папа, не подозревавший о присутствии чужого человека, решил проявить негативы в комнате сына. Он расставил на подносе ванночки с проявителем и закрепителем, разложил пленки и кивком позвал Давидовича-младшего. Тот, краснея и поглядывая на маму, объяснил, что к нему в комнату нельзя, потому что там товарищ переутомился и отдыхает.

– Девочка, – вставила мама.

Папа Давидович поставил фотографический поднос на стол, и выдал:

– У тебя в комнате... Девочка... Переутомилась?

– И отдыхает! – с готовностью продолжил Давидович. – Я ее оставил в комнате одну, и все! Меня там не было. Скажи ему, мам!

– Его не было. Да расслабься ты, Сема. Там смотреть не на что.

– Не на что? – отец обратился к Давидовичу.

– Почти не на что, – смущенно отозвался Давидович.

Папа зашел в комнату сына, включил настольную лампу, приподнял одеяло, оглядел Лободу, опустил одеяло, выключил лампу и вышел.

– Там есть на что смотреть, – заключил он.

– Кому как, – буркнул Давидович из чувства противоречия.

– Ага! – загорелся папаша. – Ты знаешь, о чем говоришь!

– Оставь ребенка в покое, – вступилась за сына мать. – В его возрасте мальчик уже должен знать, о чем говорит.

– Муся! Из хорошей семьи! – прошипел папа грозным шепотом. – А ты кого в дом привел?

Мама, более опасавшаяся серьезной Муси, чем приبلудной Лободы, тоже перешла на шепот:

- На этой он, по крайней мере, не собирается жениться!
- А на Мусе что – собирался? Идиот! – зло бросил папа.
- Вот и славно, что не собирался. И не собирается, – ответила мама, – это нам сейчас совсем не нужно. Правда, сынок?
- Конечно! – искренне произнес сынок.

Заявление в ЗАГС понесли в ближайший понедельник. Лобода пригрозила возвращением в коммуналку, и Давидович дал слабину.

Три месяца, отпущенные ЗАГСом на размышления, каждый размышлял о своем. Папа – о Лободе, неприметной в джинсах, неотразимой в трико, незабываемой в наготe. Мама – о том, что Лобода на кухне не мешает, а питается засыпанными сахаром половинками купленных у метро грейпфрутов. Сам Давидович размышлял о том, что его невеста скоро будет принадлежать ему, а не студии пантомимы.

А Лобода думала, что грех не воспользоваться случаем явить свой талант западному миру.

Когда период размышлений подходил к концу, на свадьбу приехала будущая теща Давидовича. В штапельном платье, сохранившем запахи сельпо – от керосина до земляничного мыла, с сизыми локтями, желтыми пятками и красным треугольником в вырезе, она взволновала старших Давидовичей. Свадьба на носу, а как подобную сватью предъявить знакомым?

Наутро, за завтраком, теща объявила, что ей не терпится устроить предсвадебную генеральную уборку.

– Дом надо перетряхивать до основания, включая подвал, чердак и антресоли, – произнесла она, прихлебывая чай. – Меня хлебом не корми – дай погенералить, да, дочка?

Лобода нырнула носиком в дежурный грейпфрут, подтверждая слова матери.

Торжества прошли на уровне. Студия пантомимы сыграла сюиту-буфф «Горько». Двоюродная бабушка из Киева прочла

под горячее многостраничную «Эпиталаму любви». Однокурсники Давидовича напились. Теща, прошедшая обряд ритуального очищения в салоне красоты, танцевала «slow» с мужчинами среднего возраста, явившимися без жен.

Потом все струнулось с места. Сначала Давидович ненароком подслушал ночной разговор мамы, тещи и жены о прописке тещи в их квартире. Удивился, но успокоил себя тем, что мама знает, что делает.

Затем в институте к нему подошла Муся и пригласила посидеть в кафе.

– Я хочу попрощаться, – сказала она. – Мы уезжаем.

– Куда? Туда? – Давидович, изображая бугор, сделал рукой волну, по пластике исполнения достойную Лободы.

– Угм, – подтвердила Муся.

– А диплом?

– Ну его. Я хочу заниматься совсем другим делом.

– Каким?

– Не скажу. Вдруг не получится.

– Муся, ты не сердись на меня, ладно?

Давидович хотел было сказать ей еще что-нибудь теплое, но приличествующее женатому мужчине, однако не нашел слов. В повисшей паузе Муся поспешно достала из сумочки небольшой увесистый сверток.

– Это тебе. На память. Нам это не разрешила комиссия по вывозу художественных произведений. Очень, говорят, ценная вещь. А тебе это – в самый раз.

– Что это? – Давидович принялся разворачивать сверток.

– Не надо, дома посмотришь, – остановила его Муся. – Это настольная скульптура. Китай, двадцатый век. Красная медь, многоцветная перегордчатая эмаль. Фигура козла.

Показывать фигуру козла дома Давидович не посмел. Развернул в метро. Козел был красно-золотой, в листик и цветочек, с витыми посверкивающими рожками и ладной бородкой. Давидович таскал козла в портфеле до самого отъезда. Когда на та-

можно заколачивали уже досмотренные багажные ящики, Давидович, чувствуя себя контрабандистом, бросил козла в один из них.

Через полгода ящик привезли на съемную квартиру в Тель-Авиве. Разбирать его пришлось Давидовичу с отцом, мама ушла мыть чужую квартиру, а Лобода – скакать Майклом Джексонем на Нахалат-Биньямин, местном Монмартре.

Все доехало в целости, кроме любовно уложенных Лободой на самом верху елочных украшений. По ним прошелся эмалированный козел. Папа вытряхнул сверкающие осколки, достал козла, спросил:

- А это что?
- Перегородчатая эмаль. Китай. Фигура козла. Муся подарила.
- Да? Тебе идет. Кстати, Муся где-то тут. Не искал ее?
- Нет. Найду – отдам эту фигуру. Во-первых, ценная вещь, даже запрещенная к вывозу. Во-вторых, где мне ее спрятать, чтобы не было лишних вопросов?

Козла сунули в пустую антресоль.

Когда козел сменил пятую антресоль, жизнь начала понемногу налаживаться. Давидович устроился на инженерную должность, целыми днями мотался по объектам. Папа подрядился писать студентам рефераты по физике. Мама вела хозяйство. Теща ежегодно навещала семью дочери, одаривала всех щедрыми подарками, а на прощание устраивала генеральную уборку (фигуру козла на время тещиногo визита зять от греха подальше перекладывал в багажник машины).

Лобода первое время держалась на Майкле Джексоне. Потом кто-то из знакомых принес объявление о кастинге на актера-водителя ростовой куклы на телевидении.

Так Лобода поселилась внутри чудовища Тутти-Ту, оживив его своей неподражаемой пластикой. Тутти-Ту размножился на майках, чашках и пеналах. Когда шоу продлили на второй сезон, Лободе назначили настоящую телевизионную зарплату, второе

превышавшую оклад Давидовича. В Бельгию Лобода с супругом пригласили на европейский слет телевизионных персонажей.

Купив два килограмма вожделенной груди аж за пятьдесят евро, пока жена выбирала шары, звезды и сосульки, Давидович второй раз в жизни почувствовал себя контрабандистом. Спрятав коробку с нежным изделием в пакете для грязных трусов, он трясся в гостинице, боялся в автобусе, дрожал на таможне. Наконец, дома, улучив момент, он засунул контрабанду на антресоль, к козлу.

Когда вечерами Лобода задерживалась на съемках, он открывал коробку и вдыхал сладостный аромат. Пару раз уже заваривал было чай, но нет – рука не поднялась.

Потом началась жара. Приехала теща. Он замотался, сдавал важный объект, и пропустил ее предупреждение «Буду генералить». Правда, козла он загодя отнес в багажник, но грудь в багажнике непременно бы расплавилась. Когда в день уборки он пришел с работы, теща с женой сидели за обеденным столом, а на столе лежала коробка с грудью.

– Что это такое? – грозно спросила Лобода.

– Ну, я просто хотел тебя развлечь. Я ждал, когда к тебе подружки придут чаю попить. И достал бы это, смеха ради.

– Смеха ради? Хорош смех! Я целыми днями парюсь в этой дурацкой кукле, по заграницам его вожу. А он! Пятьдесят евро за ЭТО!

Теща сдернула с коробки крышку, и Давидович увидел коричневое, с двумя черными блямбами и мелкими белыми точками месиво. Два неузнаваемых холмика, впрочем, еще угадывались. «Слава Богу, у нас жарко даже на антресолях», – подумал Давидович.

Месиво охладили, нарезали пластами и съели. Давидович в тризне не участвовал.

На другой день у него случился жар. Превозмогая дурноту, он зачем-то принес из багажника козла. Сел с ним на диван и

принялся гладить, как кошку. Стало немного легче. Включил телевизор – там прыгал Тутти-Ту, хвостатая основа благополучия семьи. В сердцах Давидович переключил на местный канал на русском языке. И увидел Мусю.

– У козерогов тяжелый период, – сказала Муся, – сказывается нервное перенапряжение, возможны недомогания.

– Точно! – подтвердил Давидович, он был по гороскопу козерог.

– Не отчаивайтесь. Вам поможет соответствующий знаку амулет, подаренный любящим человеком, – успокаивала Муся.

Любящим человеком! Оскорбление, выполненное в технике перегородчатой эмали, сверкая рогами и копытами, ударилось оземь и превратилось в волшебный оберег.

Давидович принялся оглядывать итальянскую модульную стенку, выбирая для фигуры козла самое видное место.

ИЗЯ ШЛОСБЕРГ

ДВУХГОЛОВАЯ УЛИТКА

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава I

Если в маленьком городке проводится какое-либо мероприятие, то все жители всенепременно должны принимать участие. А тут еще такое событие – завод, с незапамятных времен ковавший танковую броню, выпустил по линии ширпотреба утюг.

Скептики сейчас начнут язвить, дескать, в связи с демилитаризацией танки переплавили в утюги с тем же весом. Ничего подобного. Утюги как утюги. Днем – утюг, ночью – холодное оружие. От насильников можно защищаться. Скажем, идете вы вечером с утюгом, а тут навстречу насильник.

Нет, танки на заводе само собой, а утюги – само собой. Так сказать, из танковых обрезков. Хромированные, ручная полировка, при бритье вместо зеркала использовать можно. Компания «Панасоник» тут же снабдила утюги современной электронной начинкой: хочешь – гладь, хочешь – подключайся через утюг к компьютеру и играй в разные игры или скачивай новые фильмы прямо на телевизор.

Пожалуй, с играми я загнул.

Если бы этот «Панасоник» был японский, то, вероятно, игры бы были тоже.

Одноименная компания, поставлявшая начинку к утюгам, располагалась не на территории страны Восходящего Солнца, а в тихом районном городке под Воронежом, в бывшем сарае некой пани Сони, как раз под ее балконом.

До сотрудничества с танкистами компания занималась тем, что заклеивала скромные этикетки, изготовленные силами городской типографии на скромных товарах местных же производителей яркими импортными лейблами с золотым тиснением, напечатанными той же типографией в свободное от работы время. После чего компания рассылала обновленную продукцию по необъятным просторам от Москвы до самых до окраин.

Не подумайте, что наша Соня была какая-нибудь наглая самозванка. По словам ее мужа Сени, Соня была родом из Китая, откуда он ее выманил через сайт знакомств, используя свой недюжий интеллект и талант ловеласа.

Иногда Сеня выдавал более романтическую версию их знакомства: мол, добыл он свою возлюбленную в единоборстве с китайскими драконами из лабиринта. Сенина богатая фантазия возводила местные пещеры в ранг лабиринта, а безобидных улиток – в десятиметровых монстров с искрящимися рогами.

Говорила Соня по-русски с горем пополам, причем, горю как раз досталась половина, ответственная за речь, а Сене – за голос и остальные части тела. Тела Соня имела много, а Сеня всегда мечтал о необъятных женских прелестях:

– Подбородков у невесты должно быть не меньше, чем денег в кошельке, – любил говорить он.

Подбородков у Сони было больше.

Зато, в отличие от других невест, жениху она особо не докучала, не долбила его ежеминутными напоминаниями, почему он неправ всегда и во всем, не смеялась над его провинциальным вкусом, над его тоненькими ручками-ножками, над дворянжьем родословной, не сравнивала с другими женихами.

Иногда она летала к родственникам в Китай.

– Я та Кита, – говорила Соня.

– Я буду скучать, – обещал Сеня.

Даже страшно представить, как давно это было. Школа. Девочки с бантиками. Мальчишки в белых рубашечках и в смешных пиджачках. Лица у ребят серьезные, и от этого они кажутся маленькими старичками и старушками.

Мы и вправду были не по возрасту развитые и взрослые. В пятом классе уже знали, кто пойдет в космонавты, кто в бизнесмены. Валерка собирался стать журналистом.

В стакане на столе несколько веток черемухи. Любопытное утреннее солнце поднимается над занавеской и заглядывает в стакан, отчего тот начинает светиться.

Валентина Никифоровна объясняет физику. Красивая стройная женщина. Чем-то напоминает актрису Терехову. Королевскими манерами? Отстраненностью?

Мы с Валеркой, тем самым, который журналист, сидим на первой парте. Мы – самые маленькие в классе, самые непоседливые, задиристые и вредные. Мы самые близкие друзья и самые непримиримые враги. Нам интересно вместе, но мы ненавидим друг друга. Достаточно нелепого слова, неудачной шутки, чтобы последовал незамедлительный вызов на дуэль. После уроков мы встречаемся за зданием школы, разбиваем друг другу носы, украшаем лица фингалками.

– Ты, Мельников, как гвоздь в заднице, – успокаивает Валерку наш математик.

– Это комплимент?

– Нет, Мельников. Гвоздь в задку вызывает у нормальных людей неприятные ощущения.

– Почему тогда вы его не достанете? Радуетесь, что гвоздь попался маленький?

Класс смеется. На задней парте просыпается здоровенный второгодник Леша Гвоздь:

– Валерка, получишь на перемене.

Математик уточняет:

– Нет, перемены ждать не будем. Давай, Мельников, дневник. Поведение – два.

Валерку двойки не пугают. Его дневник проверять некому: отец – в тюрьме, мать ишачит уборщицей, а в свободное от работы время пьет. При этом Валерка учится очень даже неплохо.

– Родителей привести?

– Папу приведи, – не выдерживаю я.

– Крюков, ты тоже носи свой дневник. Не одному же Мельникову в двоечниках ходить.

У меня в семье все в порядке. Папа регулярно отдает зарплату маме. За это мама регулярно смотрит дневник:

– Коля, скажи свое веское мужское слово, – после чего папа обязан достать из брюк ремень.

Папа – добрый. Он ругается, иногда лупит, но потом казнит сам себя. Типичный продукт совковой интеллигенции.

Когда же это было?

Дни оборвали цепь и сбежали. Не успел оглянуться, а уже годы машут из последнего вагона рукой девочки, которую любил на пятом курсе.

Гвоздь пошел в десантные. Отслужил положенное. Остался на сверхсрочную. Воевал. После ранения вернулся домой. Женится, близнецы у него забавные – он сам их иногда путает. Работает токарем на том же танковом заводе, что и я.

Наши девочки с бантиками тоже повыходили замуж. Когда встречают меня на улице, отворачиваются. Я, по их мнению, – неудачник. А это – болезнь. Причем заразная. Зачем общаться с таким?

Вообще-то я закончил политех, но с карьерой как-то не сложилось. Пытался крутиться сам – тоже без толку. «Раздолбай и лентяй», – выдал мне диагноз пузатый и пьяньский кадровик, когда увольнял из последней фирмы. Пришлось опять начинать с нуля – идти в сборочный цех сменным мастером.

Валерка закончил журфак. Работает в районной газете. Его читают.

Валерка умный, мыслит остро, язык – что тот гвоздь, за который математик ставил нам двойки по поведению.

Недавно он начал писать роман. Говорит, что использует в нем элементы биографий и имена живых людей. Наверное, это

оригинально и сюрреалистично, но то, как он пишет, мне не нравится. Я читал куски. Стеб и ни слова правды.

Скажем, ну зачем он делает из Сони монстра? Она полноватая, это правда. Но есть женщины, которым полнота идет, придает им пикантность и индивидуальность. Соня из таких. Он же сам возле нее крутился, как муха возле меда, да только Соня на него ноль внимания. Вот он и завелся. Знакомое дело. Валерка и раньше такой был. Если девушка не обращала на него внимания, начинал сочинять про нее всякие небылицы. А сочинять он умел всегда.

Соня действительно родом из Китая. Была в наших краях с группой на экскурсии, да заблудилась в пещерах и отстала. Там, на правом берегу Дона, только название безобидное – пещеры. На самом деле – настоящий лабиринт. Немцы в войну к тем ходам, что создала природа, еще свои дополнительные нарыли. Говорили, для самого Гитлера бункер готовили. Наши бабки про те места всякие ужасы рассказывают. С привидениями, драконами и прочей ерундой. Привидения – не привидения, а без карты в пещерах делать нечего. Сам Минотавр потеряться может – сядет на перекрестке и будет рыдать, пока местные не найдут.

Соня не рыдала.

Мы в тот день устроили в пещерах мальчишник. Недалеко от выхода. Костер разожгли. Сидим, пиво пьем. Валерка, как всегда, про свой роман байки травит. Народ слушает. Интересно им и забавно: вроде свой, кореш, а смотри ты, настоящий писатель. Рядом на камне улитка застыла – тоже слушает. Валерка важный, словно яйцо на Пасху. По стенам рыжие блики. Треск горящих веток. Романтика, одним словом, картина «Пионеры пришли в гости к Достоевскому». И стало мне от всего этого так тоскливо. Какого черта я должен восторгаться планами нашего доморощенного гения в десятый раз? Отошел чуть от костра, вижу – кто-то стоит. Посветил фонариком – девчонка. Стоит такая симпатичная, вся из себя растерянная, лицо красное, плакать стесняется. Что-то лопочет не по-русски. И так мне ее жалко стало.

Подвел к костру. А она, как увидела людей – не выдержала. Глаза – сразу мокрые – испереживалась. Валерка, разумеется, тут же к ней, дескать, подающий надежды, большой писатель, то да се. А она, наоборот, от него отодвигается ко мне поближе. Перевести его умные речи не может, а нутром женским чувствует, кто понадежней будет. В конце концов вижу, прячет в мою ладонь свои пальчики. Взял я ее тогда за руку и привел к себе в общагу.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава II

Как правило, Соня возвращалась с подарками от кучи многочисленных родственников, поэтому Сенино «скупать» имело серьезное финансовое основание.

Часть подарков шла на продажу, так что в принципе, сладкая парочка могла не спеша двигаться к далекой пенсии, не работая ни дня.

Да только Сенину невесту доход от скромного купи-продай не устраивал. Попав в глухую Воронежскую глубинку, она быстро сообразила, что может заткнуть за пояс всех местных бизнес-сонь, даже несмотря на критический недостаток места у нее за этим самым поясом. Тем более что в городе Сонь было не так много: единственную на весь городок Соню по паспорту звали Таня, а Соней прозвали за трепетное отношение к услугам Морфея.

Короче, конкуренток у нашей Сони не было.

Не успел духовой оркестр городского кладбища отыграть молодым марш Мендельсона, как предприимчивая дама открыла компанию «Соня и Сеня», которую местные острословы тут же переименовали в «Соня на Сене», имея в виду под «на» не многострадальную Сенину шею, а место проведения медового месяца: своей квартиры у Сени на тот период не было.

Шутки приятелей так достали юного мужа, что он уговорил подругу жизни изменить название семейного предприятия. Китайская верноподанная, как всегда, мужу не перечила и перерегистрировала фирму под новым названием имени себя – «Пани Соня».

Со временем ее визиты на родину участились, и скоро о «Панисониках» заговорили не только в самом городке, но и в Воронеже. Техника, которую продавала пани Соня, работала, одежда после первой стирки не линяла, в общем, по сравнению с местной продукцией, привезенная шла за милую душу, Сеня еле-еле успевал менять лейблы.

– Соня, иди помоги, я уже палец до ладоней стер, – просил Сеня.

– Ты сло поду лав.

Слово «лав» ничего общего с любовью не имело, а вся фраза переводилась как: «Ты слона в посудной лавке видел?»

В маленьком сарайчике пани Сони даже для тощего Сени было маловато места, поэтому хозяйка компании продолжала держать себя на балконе, откуда и руководила производственным процессом в исполнении мужа.

Почему-то народ в первую очередь сочувствовал балкону, а не Сене.

А зря. На самом деле чернорабочему мужу приходилось не легче, чем балкону. Уже на следующий день после свадьбы пани Соня сняла с мужа розовые очки и напялила черные. Постепенно вся последующая жизнь Сени превратилась в сплошное черное пятно без полос.

Но как известно, у мужей, которых держат в черном теле, возникают черные мысли. Сожительство с ними приравнивается к прогулкам по минному полю без миноискателя. Только глупенькие жены, устроившись на шеях своих мужей, надеются, что лошадки им выданы навсегда и счастливы катать своих принцесс вечно.

Но не будем забегать вперед.

Сеня II

Еще ни одна женщина в мире не приняла мужа таким, какой он есть. Еще ни один муж не избежал бессонницы и сомнений по поводу психической полноценности своей избранницы.

Наверное, в Соне было что-то странное. А с другой стороны, кто из нас нормальный? Люди бродят по земле. Находят друг друга. Начинают жить вместе. Каждый старается подогнать второго под себя, под свои привычки. И каждому кажется, что привычки этого второго малозначительны или просто не от мира сего.

Самые большие проблемы с Соней возникали из-за языка. Я не понимал ее чирикание – хоть убей. Писала она гораздо лучше и важные вопросы мы обсуждали, как в генштабе – с бумагой и карандашом.

Когда она привезла переводчик, стало совсем легко.

Небольшая черная коробочка, но как она облегчила нам жизнь. Я даже не знал, что у китайцев такая штука есть. Они вообще горазды на изобретения: то порох изобрели, то переводчик.

Соня оказалась очень добрым человеком, скучала по родителям, по многочисленным родичам и периодически к ним ездила.

– Зачем тратить на телефон, когда мои поездки оплачивают родственники?

Возвращалась она с подарками – одеждой, электроникой. Что-то мы оставляли себе, что-то продавали знакомым. Валерка тоже приходил несколько раз за шмотками и каждый раз отчаянно торговался:

– Сенька, ты настоящий спекулянт. Я же знаю, что тебе эта рубашка досталась бесплатно. Какой же ты кореш, если Ленкиным дочкам платица просто так подарил, а с меня три шкуры дерешь.

– Ленка дочек растит одна, а тебе я предлагаю дешевле, чем в магазине. Чем ты недоволен? Можно подумать, что когда ты возил товар из Польши, раздавал его налево и направо бесплатно.

– Сенька, ты спекулянт и жмот. – Валерка отдавал деньги, но ворчал, не останавливаясь.

– Почему ты не отдал ему так? Он же твой друг? – спрашивала Соня.

– Он мой одноклассник. И очень завистливый. Если я отдам ему так, он станет завидовать еще больше.

Завороты Валеркиной логики Соне были недоступны.

И варить Соня не умела. У нее была какая-то проблема с руками и с координацией. Она наливала в чашку чай и била неизмеримое количество посуды. Она ставила кастрюлю на плиту, но непослушная кастрюля падала на пол.

Но как ни странно, кроме варки, Соня умела все. Наша маленькая комната в общежитии блестела. А с пылесосом она управлялась вообще виртуозно. Чистюля – она чистюля во всем. Пылинка где увидит – затевает генеральную уборку. Мебель после полировочной пасты сияла лучше новой. Стулья, склеенные специальным клеем, больше не шатались и не скрипели. Стены, покрашенные какой-то необыкновенной краской, выглядели не хуже, чем после хваленых евроремонтов.

– Грязь – источник всех заболеваний, – повторяла Соня.

– Если поместить человека в стерильную комнату, он погибнет. Его организм потеряет способность сопротивляться, – не соглашался я.

– Пылинка пылинке рознь, – не сдавалась она. – Ты же не рассматриваешь каждую под микроскопом. Миллион пылинок – настоящие, а миллион первая может оказаться хищником искусственного происхождения. Этот хищник в твоём организме такого натворит!

– Сонечка, не фантазируй. Не уподобляйся Валерке. Это у него идиотская привычка каркать, что инопланетяне мечтают захватить Землю.

– Когда проблема защиты Земли решается с помощью пылесоса, я готова с ним согласиться. А вообще у меня есть идея. Давай-ка переделаем наш сарай и откроем там маленький магазинчик. Люди будут меньше носить в дом грязь, а я буду меньше надоедать тебе с уборками.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава III

Вычитав в газете, что номерной завод планирует выпуск утюгов, пани Соня в очередной раз смоталась «та Кита». У знакомых перекупщиков она выторговала по дешевке начинку к утюгам, компьютерные блоки, позволяющие скачивать фильмы и еще какую-то электронную дребедень, назначение которой представляла весьма смутно.

Три недели клеивал Сеня китайские иероглифы лейблами с «Панисоней», три недели упаковывал их группами в привезенные яркие пакеты. Три недели заливал на пакеты специальный сургуч.

Пани Соня все это время вела переговоры со снабженцами танкового завода.

Как известно, снабженцы, в том числе танковых заводов, по-китайски ни бельмеса не знают. Они-то и по-японски «арригато» произносят как «алиготе», а уж как называют Курасава, стыдно повторить. Поэтому после литровой бутылки технического спирта с надписью «Саке», они с удовольствием приняли китайские коробки за японские, и через два месяца сотня ящиков из гаража тети Сони перекочевала на склады танкового завода.

На этом в нашей истории можно было бы поставить точку. Подумаешь, китайские. Мало ли отечественных утюгов устраивает короткое замыкание в первый же день после приобретения?

Проблема состояла в том, что коротких замыканий не было. А если из-за утюгов и случались пожары, то они тут были совсем ни при чем.

Впрочем, все по порядку.

Вначале дела шли как по маслу. Еще одна бутылка «Саке» помогла пройти приемные испытания. Комплектовщицы, знавшие японский и китайский еще хуже снабженцев, а русский со

словарем, приложили к утюгам стандартные инструкции и отправили товар по магазинам.

Обладательницы танковых утюгов, привыкшие просто вставлять вилки в розетки, читать инструкцию по эксплуатации не собирались. Глажку брюк мужей они перепоручили своим великовозрастным дочерям. Юным акселераткам, победителям компьютерных игр, простая глажка брюк показалась скучной, и они решили совместить ее с просмотром телевизора. Каково же было удивление юных гладильщиц, когда на экране появились пыхтящие обнаженные тела совсем в недвусмысленных позах – подключенный к компьютеру утюг обходил фильтры, пассиворды, блоки, запреты и демонстрировал на экране телевизора неприлично сказать что. А главное, по свидетельству очевидцев, зритель ощущал себя активным участником событий. Именно этот факт оказался критическим.

Правда, брюки из-за экстремальности условий остались многократно подпаленными.

На следующий день возмущенные отцы семейств высказали детям свои сомнения об их способностях делать что-либо вообще:

– Ты, раззява, лишила меня штанов. В чем я завтра пойду на работу? Бог с тобой, учись, пока я жив. Я сейчас поглажу свои парадные, а ты придешь со школы и переглядишь все мои рубашки.

Дочки не возражали, даже наоборот подозрительно миролюбиво соглашались. Зато мамы тут же вступались за детей:

– Отвяжись от ребенка, иначе я сама поглажу брюки прямо на тебе.

После грозного предупреждения благоверных, мужья проносили достойные ответы, не вслух, шли в комнату, где находился подключенный к телевизору утюг, раскладывали злополучные штаны, брали утюг в руки, включали его в розетку и все. Больше ничего в этот день они сделать не смогли. Некоторые так увлеклись содержанием фильмов, что даже задымивший под утюгом материал не мог их отвлечь. Подоспевшие на помощь пожарные быстро определили источник бед и тут же побежали покупать чудо-утюги сами.

Через день возле магазинов собрались толпы митингующих мужчин. Люди составляли списки, кто за кем стоит, и требовали больше одного утюга в одни руки не давать. Чуть в стороне стояла группа плечистых парней с сосредоточенными лицами и плакатом: «Обгоним Китай по количеству на душу населения».

Магазины не давали ни по два утюга, ни по одному – товар кончился. Даже под сломанным народным гневом прилавком, ни одной коробки обнаружить не удалось.

Кто сказал, что деньги не пахнут? Пахнут. Причем, замечательно. В большом количестве они заменяют «Шанель», «Клемма», «Кристиан Диор» вместе взятые. Через неделю пани Соня доставила необходимое количество комплектующих. Через месяц, неспавший все это время Сеня, отгрузил продукцию потребителям.

Сеня III

Если человеку не повезло, и он родился амбициозным, то его участь всю жизнь выпрыгивать из штанов, чтобы казаться выше и заметнее. Выпрыгивать из штанов боксерам опасно – можно схлопотать по той части, которая осталась голой. Куда разумней объявить себя писателем. А еще лучше гениальным: критерий оценки гениальности – будущее. Из настоящего не разглядеть, кто перед тобой: великан или занудливый пигмей.

На последней странице районной газеты Валерка периодически помещал главы из романа. Не знаю, чем мы с Соней заслужили такую честь, но содержание, по стилю напоминавшее разгромные статьи из «Крокодила», практически было посвящено нам.

Конечно, Валерка, по своей привычке, заливал на каждом слове. Я бы закрыл на это глаза, если бы некоторые из его фраз не звучали по меньшей мере оскорбительно.

В тот день по земле прошел дождь. Он вбил в асфальт пыль, запахи животных, гнили, прелой травы, отчего воздух стал свеж и почти осязаем. Мокрые стволы деревьев выстроились вдоль улицы, ведущей к местному базарчику. Вороны с криками пе-

релетали с дерева на дерево. Но это были единственные звуки, нарушавшие всеобщий покой. Даже люди сегодня говорили шепотом.

Я узнал Валерку по сутулой спине. На сей раз она мне показала еще более горестной и согбенной.

– Привет, Достоевский. Скажи, чем я тебя обидел, что через весь твой роман красной нитью проходит идея тщательного перемывания моих костей? Мы же вроде как числились в друзьях?

Валерка поднял лицо и словно меня не узнал. Он помотал головой. В глазах прорезалось что-то осмысленное, стеклянное и испуганное одновременно. Он скользнул ими по моей правой руке. Я ему ее не протянул, но и в кулак не сжал.

Со школьных времен паритетное соотношение наших сил поменялось. Я не мог сражаться с Валеркой словом, тут ему не было равных. Зато мне ничего не стоило вытряхнуть его тщедушное тело из пиджака.

– А не надо связываться с прессой, – он обогнул меня и двинулся в ту сторону, откуда я пришел. В его словах прозвучала такая невероятная злость, что я просто растерялся. Рядовым мордобоем подобное настроение не исправлялось.

И вообще, откуда он узнал про утюг?

Месяц назад меня вызвали в приемную, сказали, директор хочет переговорить. Ждал час, пока закончилось совещание, потом еще час, пока он куда-то ходил. Но как только я ушел на обед, заводские динамики объявили:

– Семен Крюков, срочно зайдите в приемную.

На сей раз секретарша открыла передо мной двойную дверь в святая святых.

Наш директор высокий, спортивный. Ладонями подковы гнет. Ему бы дивизии в атаке водить, а не по кабинетам рассиживаться. Кивнул:

– Садись. – И опять уткнулся носом в бумаги.

Сел. Лучше бы стоял. Колени заметно трясутся. Думаю, за какую провинность меня будут выгонять на сей раз и что я скажу Соне.

– Слышь, Крюков, говорят у тебя жена из иностранок? Даже вроде каким-то бизнесом занимается.

– Никакого бизнеса нет, Николай Сергеевич.

– Ну так создай. Надо помочь родному заводу. И тебе лишняя копейка не помешает. Мы решили выпускать по ширпотребу утюги. Выясни, сумеет ли твоя жена доставать нам комплектующие на уровне, чтоб мы потом могли отправлять товары на экспорт? Сегодня другое время. Обычные вольфрамовые спирали нас не устроят. Должно быть там что-то такое, отчего все ахнут и бросятся покупать именно наши утюги. Сделаешь – получишь премию. Хорошую. Тебе понравится.

– Я спрошу у Сони.

– Спроси. И сразу доложишь. А пока мы тебя переведем начальником бюро ширпотреба, чтоб у тебя стимул был. Все. Давай, действуй.

Директор пожал мне своей лопатой руку, и я пошел.

Соня не возражала. Идеи Николая Сергеевича совпадали с ее – магазин в сарае становился реальностью.

В тот же день она запаковала чемодан, я вызвал ей такси, и Соня укатила в Москву, в аэропорт. А еще через неделю наш сарай оказался завален коробками с яркими наклейками, логотипом в виде улитки и рекламой на русском языке.

– Сеня, эта техника сделает революцию в процессе глажки белья. Клиенты смогут не только утюжить вещи, но одновременно смотреть по телевизору любимые программы.

– Сонечка, ты – умница! Если мы умудримся запустить такой продукт, директор представит меня к медали и будет носить на руках по всему заводу.

Я перечитал инструкции несколько раз и постарался осмыслить. Оказалось, что комплектующие нуждаются в дополнительной подборке.

Соня помочь не могла, она не была техническим человеком, в ее понимании утюги слишком отличаются от пылесосов. Свою миссию передать информацию от пекинских продавцов она выполнила достойно, а остальное... Да и какой я буду муж, если стану заставлять жену с больными руками собирать непонятные железки?

Собственно, при ближайшем рассмотрении задача не представлялась такой уж невыполнимой: у меня была инструкция, а в сарае лежали коробки двух типов – большие с красными буквами и поменьше – с черными. В первой коробке покоились серебристые приборы с экранчиками, во второй – собственно спирали. При практическом исполнении все оказалось еще проще: шесть проводов, шесть соответствующих зажимов с цветовой кодировкой.

После соединения на маленьком экранчике замигала фраза «Куда послать результат?» с двумя вариантами ответов: отправителю и получателю. Далее шли переводы вопросов на китайском.

Я знал точно, куда хочу послать и китайцев, и японцев с тупыми играми. Но вместо этого мои мозги зашевелились в попытке найти подходящий ответ. Я попробовал посмотреть на процесс их глазами: опросник, скорее всего, хотел выяснить доволен ли получатель-потребитель товаром. Понятно, что получатель – это я, и мне безразличен результат опроса. Значит, результат должен идти к отправителю – пусть они свой спам изучают сами. Концом шариковой ручки я набрал нужный вариант и нажал «отправить».

Экранчик ответил «спасибо» и погас. Утром первая партия ушла на завод.

А через месяц в городе начался ажиотаж. Все хотели купить наши утюги.

Директор позвонил мне прямо домой с единственной просьбой:

- Давай еще!
- Николай Сергеевич, говорят наш утюг показывает такое...
- Знаю. Да здравствует «такое», раз сам министр попросил меня привезти ему персонально. Давай, выручай. Добудешь к концу недели две тысячи штук – пролучишь квартиру на берегу Дона. Действуй!

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава IV

Танковый завод забыл про основную продукцию и штамповал утюги.

Через месяц сотни новых счастливых обладателей бесценного товара взялись гладить все подряд. Впервые в истории завод удовлетворил потребности местного населения в ширпотребе, а местное население помогло заводу перевыполнить план ширпотреба на четыреста процентов. Больше всего радовались женщины. Даже не просто радовались. Они были счастливы: отпала необходимость вылавливать своих мужей в кабаках: доселе полубеспризорные Пети, Васи, Вити и Сережи сразу после работы чуть ли ни строем спешили домой. Там они гладили не только свою одежду, но также простыни, вещи жен, детей, тещ, тестей, а у кого в домах были собаки, то и собачьи. Стопки наволочек, простыней и пододеяльников в шкафах запросто могли выдержать любую сержантскую проверку. Салфетки, которые когда-то пожалела выбросить прабабушка, выглядели как лицо у невесты: бледные и без морщин. Отпетые ловеласы перестали заглядывать на чужие юбки. Зачем? По экранам дефилировали такие патентованные красавицы и умельцы, что после них на дам местного разлива и смотреть не хотелось.

Союз танкистов с «Панисоником» продолжал успешно развиваться. Заводское СКБ, окрыленное успехом, создало облегченную «женскую» версию утюга. Новый утюг был не намного легче «мужского», зато выглядел гораздо изящней и лучше вписывался в интерьер современной квартиры в качестве неизменного дополнения к телевизору.

Теперь уже женщины уселись возле экранов и принялись гладить все, что попадалось им под руку, точнее под утюг. Многие начали покупать в семьи по второму телевизору. Дело дошло до того, что пани Соне позвонил сам замминистра танковой промышленности с просьбой расширить производство до масштабов страны.

– Я то Кита, – сообщила бизнес-вумен мужу в тот же день, после чего ушла в спальню за чемоданом и исчезла.

Улетучилась. Оставив в комнате следы копоты и запах серы.

Очевидцы утверждали, что видели ее, обгоняющую СУ-35 верхом на метле.

Во всяком случае, из спальни в тот день она больше не выходила. Сеня даже подумал, что Соня испугалась ответственности и сбежала насовсем.

Каково же было его удивление, когда, проснувшись через неделю, он увидел свою возлюбленную на кухне. Под нежные звуки ноктюрна Шопена Соня жарила яичницу.

– Ты где была?

– На ту Кита, я говорил, – Соня удивилась вопросу, не менее, чем Сеня ее ответу. – Новый деталь доставал. Ты собирай.

– Не ври, зараза. Ты исчезла из спальни. Со второго этажа выпрыгнула? На метле улетела? Признавайся!

– Я инопланетянка, – ответила пани Соня, скромно потупив глаза.

– Инопланетянок не бывает! – возмутился Сеня.

– Не смейся мой тапок-чик. Ведьмы бывай, а инопланетян – не бывай? Нонсенс! – на всякий случай Соня спрятала метлу за спину, а лицо за самовар.

Сеня IV

Директора обязаны врать. Они обманывают министерство, что отгрузят продукцию досрочно, обманывают своих работников, что если те дотерпят до конца квартала, то начиная со следующего, они войдут, вбегут, влетят в однозначно светлое будущее.

Наш директор не врал. Никто не мог припомнить случай, чтобы Николай Сергеевич не сдержал свое обещание. И уж если он пообещал нам квартиру над рекой, значит, будет плескаться Дон под нашими окнами.

Окрыленный, я бросился в сарай собирать остальные комплектующие. Каково же было мое удивление, когда под несколькими слоями коробок с красными буквами я обнаружил

стопку пакетов нового типа. Они были совсем маленькие, с таким же логотипом в виде улитки, как на других, и голубыми буквами на золотом фоне. Коробки лежали малозаметной кучкой в самом углу, пропустить их было немудрено. И все-таки меня одолели сомнения: я хорошо помнил, как складывал большие коробки, а эти маленькие, готов поклясться, я видел впервые. Или убедил себя, что видел впервые, а первую партию отправил недоукомплектованную.

Так как видение квартиры над Доном стало несколько мутнеть, я заставил себя забыть про первую партию и не спрашивать себя: «Как утюги могли работать без третьей коробки?»

Детали из третьей коробки имели дополнительный вход, то есть новая часть последовательно включалась между двумя предыдущими. Экран прореагировал на изменения новой строкой с вопросом, но это уже была не проблема.

Через месяц очередная партия утюгов породила в магазинах километровые очереди, а мы с Соней съездили полюбоваться новой квартирой в доме над обрывом.

Должен сказать – красотища там невероятная. По утрам облака превращают землю в бесконечное пуховое поле, из которого торчит многоэтажка – ледяной замок Снежной королевы. Там на седьмом этаже скоро будет мое логово. Точнее мое и Сомино гнездышко. А во дворе рядом с гаражом поставим ларек со складом. Николай Сергеевич обещал помочь.

Весь вечер перед глазами кружились облака со светящейся, словно маяк, многоэтажкой.

Телефонный звонок растопил замок Снежной королевы, раз-метал ларек на отдельные доски и снежинки.

– Сенька, ты знаешь, что твоя подруга дней суровых инопланетянка.

– Дописался, писатель. Сам в дурдом пойдешь, или мне санитарам позвонить? Сдашься с повинной, будут лечить бесплатно.

– Гляди, ты даже острить научился, – мне показалось, что Валерка на том конце провода поощрительно усмехнулся. – Можешь не верить. Только выясни, на всякий случай, откуда она

берет комплектующие. Если бы ты не был полный кретин, то сам бы догадался. Не может быть в Китае технологии, которая не снилась ни Японии, ни России, ни США.

Я опустил трубку на рычаг. Ничего, кроме гадостей, от Валерки не дождешься.

– Кто это был?

– Да директор. Просит еще хотя бы сотню штук подбросить.

– Так мы же уже на полгода их обеспечили, – Соня выключила пылесос, который выгуливала вокруг дивана, подошла ко мне вплотную и заглянула в глаза. Хотелось надеяться, что они продолжали сиять безмятежным голубым светом.

Врать я не очень люблю. Наверное, потому что не умею. А тут похлеще Валерки закрутил:

– На заводе электромеханический цех открывают. Специально для производства утюгов. Ну так как, съездишь?

– Что, прямо сейчас?

– Зачем сейчас? Утром. Я такси закажу.

Ровно в восемь Соня с двумя большими сумками отчалила в аэропорт.

Через минуту из-за угла вырулил Гвоздь на своем москвиче, и мы поехали следом.

– Зря ты, Сенька, жене не веришь. Она у тебя баба что надо. Я в них разбираюсь.

– Да верю я ей, Гвоздь. Верю. Но проверить раз в жизни тоже не помешает.

– Не помешает... Ты только начни проверять, потом так войдешь во вкус, что каждый чих контролировать будешь.

Соня в аэропорт не поехала. Она вышла из такси в безлюдном месте шоссе и двинулась по тропинке в сторону пещер. Я последовал за ней. Соня шла вперед не оглядываясь, ее спина словно укоряла меня:

– Мне скрывать нечего.

– Ага, тогда какого черта ты не поехала в аэропорт? – отвечал я спине.

Соня включила фонарик, вошла в ту же пещеру, в которой я ее когда-то нашел, прошла мимо места, где мы жгли костер, и остановилась у камня, на котором, как помнится, я заметил улитку.

Мне игра в шпионов начала надоедать. Наверное, Соня заметила мою слежку давным-давно. Я бы не удивился, если бы она сейчас повернулась и сказала:

– Как я тебя дурня разыграла.

Вместо этого Соня нагнулась к камню и, как мне показалось, что-то там повернула.

Где-то за поворотом замерцал зеленый свет. Стало светлей. Блики оттолкнулись от стен, и я увидел, что в глубине пещера шевелится, превращается в настоящий тоннель с гладкими, словно покрытыми глазурью, стенами.

Соня погасила фонарик, бросила его в сумку и двинулась дальше.

Я подошел к тому месту, где она только что стояла.

На камне опять сидела улитка. Мой палец коснулся ее домика-спины. Улитка не пошевелилась.

Тьма мешала рассмотреть животное в деталях. Я не ожидал, что мы пойдем в пещеры, и о фонарике даже не подумал. И вообще, звонок Валерки настолько меня потряс и расстроил, что кроме кошелька, ключей и переводчика в моих карманах ничего не было.

Впрочем, даже при наличии фонарика, я все равно не смог бы им воспользоваться без риска выдать себя.

Улитка оказалась не совсем обычной. Обе ее половины были правые, словно какой-то шутник склеил двух улиток головами в разные стороны. Теперь одна из них, красноватая, смотрела вглубь тоннеля, а вторая – голубая – наружу.

Тем временем Соня почти исчезла из виду: пещера постепенно поворачивала налево. Осторожно, на носках, я последовал за ней.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава V

Не стоит доверять американским фильмам, в которых инопланетяне-монстры питаются человечинной и уничтожают целые города. Соня была инопланетянкой, но, если можно так сказать, очеловеченной. Встречаются же на Земле очень похожие люди. Так и Сонина планета из системы тау Кита с ее таукитянами была похожа на Землю с ее населением. Никаких двухголовых ужасов, никаких загребущих щупалец. Хвосты, метровые зубы, ядовитые ногти – да боже упаси. Соня ничем не отличалась от обычных людей. Она даже врать особенно не умела. Как мы помним, она честно отвечала мужу, куда ездит за комплектующими:

– На тау Кита.

Это только бедному, ограниченному и затюканному Сене слышалось, что в Китай.

Но, как мы говорили ранее, в своем желании держать Сеню в темноте и в черном теле Соня переусердствовала. В связи с усилившимися подозрениями Сеня решил проследить за своей возлюбленной. Это было достаточно сложно. Как оказалось, истории про ведьм народ высасывал не из пальца. Они были навеяны присутствием на Земле представителей иных цивилизаций. Сеня несколько раз пытался догнать метлу, уносившую Соню к низким облакам, и каждый раз пропущенные в школе занятия по физкультуре давали о себе знать.

Спас Сеню велосипед, который сосед-пьяница забыл в подъезде.

Не исключено, что Соня видела своего преследователя, но на сей раз ничего поделать не могла. Грузоподъемность метлы была ограниченной, а Соня, как мы уже отмечали, обладала многокилограммовыми женскими прелестями. Сколько она ни металась – все равно упрямый велосипедист сидел у нее на хвосте.

Тогда Соня решилась на крайность: она полетела к пещерам. Ее метла, снабженная последней версией инопланетного GPS, позволяла безбоязненно блуждать по нашим земным лабиринтам. У Сени никаких приборов не было. Он быстро отстал и заблудился.

Спелеологи, изучавшие в тех краях сталактиты, рассказывали, что самые хитроумные египетские катакомбы представляются ровненькой взлетной полосой по сравнению с нашими отечественными норами. Ходы, перемычки и переходы в пещерах уходят далеко под Дон, образуют настолько запутанную многомерную паутину, что остроумные таукитяне воспользовались случаем и достроили канал, позволяющий проникать с их планеты на нашу и обратно в считанные минуты.

Итак, Соня летела к своим.

Сеня летел за Соней.

Он действительно отстал, немного заблудился, даже покричал от страха. Но Сеня с детства лазил по пещерам и знал там многие ходы. Достаточно быстро сориентировавшись, он успокоился, а обнаружив новый тоннель, помчался вглубь, в надежде настичь свою сбежавшую принцессу.

Каково же было его удивление, когда пещера вдруг кончилась, и он выскочил в совершенно незнакомое место. К небу поднимались километровые странного вида растения. Над головой висело несколько гигантских планет. Впереди на тропинке стояла Соня и мирно беседовала с незнакомым молодым человеком. Рядом с ними по стойке смирно вытянулась метла.

Сеня прислушался.

За время совместного проживания с Соней, он научился кое-что понимать на таукитянском, принимая его за китайский. Этих скромных знаний оказалось достаточно, чтобы понять, о чем идет речь. А речь шла ни более ни менее как о захвате Земли.

Уж очень таукитянам понравилась наша планета. У них перенаселение, а у нас простор, реки, моря полезные ископаемые. Да и женщины наши посимпатичнее их толстух. И тогда они изобрели прибор, который позволял беременить людей незави-

симо от пола, причем дистанционно. Смотрит достопочтенный отец семейства таукитянское кино про любовь, бум – на следующую секунду он уже беременный. Причем, «не мышонком, не лягушкой, а неведомой зверушкой». Эта зверушка растет, превращается в здоровенного синего червя, выползает наружу, съедает родителя, всех его близких и соседей. Освобождает, так сказать, территорию для таукитянского населения.

Как вы уже догадались, Соня, под видом утюгов, подсунула в наш городок таукитянские кино.

Шутить по этому поводу не хотелось. Катастрофа могла начаться в любой день.

Сеня V

Шли мы минут сорок, не менее. Тоннель по мере продвижения сужался, закручивался по спирали и поднимался немного вверх. Наподобие домика улитки. Странно, на коробках, которые привезла Соня, тоже были изображены улитки. А может, и не странно. Может, так и должно быть. Странно другое: как Соня в своих сравнительно небольших сумках сумела притащить столько коробок? Почему-то я сразу не обратил на это внимание. Ох, чую, прав Валерка. Чертовщина – единственное объяснение всем чудесам. Плюс ко всему еще и тоннель, до которого не добрались спелеологи. А ведь они за последние двадцать лет излазили в пещерах каждый сантиметр. Впрочем, не стоит надеяться на спелеологов. Они не по этой части. Скорее всего, тут со времен войны осталась секретная дверь, которая с помощью двухголовой улитки на камне открывает проход в тоннель. Что нас ждет в конце? Люк в несостоявшийся бункер Гитлера?

Неожиданно тоннель закончился. В торце, как и предполагалось, – дверь. Из-за двери – сияние. Соня смело открыла ее и прошла внутрь.

Я поспешил следом.

Резкий свет ударил по глазам. Передо мной простиралась гигантская ровная площадка. Под ногами – глазурь. Та же, что и в тоннеле. Неба не было. Вместо него над головой висели

ключья зеленой ваты. За спиной прямо в воздухе плавала маленькая приоткрытая дверь, через которую мы сюда вошли.

Я ошибся. Я очень ошибся. С непредсказуемыми последствиями.

Мы действительно имели дело с внеземной цивилизацией. Свернутый в спираль тоннель оказался лабиринтом, роль перемычек в котором играли пространство и время. Вряд ли то место, где я сейчас находился, можно было назвать Землей.

Соня продолжала идти вперед не оглядываясь.

Больше скрываться я не пытался. Незачем. Да и негде. Думаю, она все-таки догадывалась, что я иду сзади и просто хотела расставить точки над «і».

Внезапно Соня остановилась, вытянула вперед руки, словно уперлась в невидимую стену, и застыла.

Я открыл рот, но не закричал. Наверное, страх лишил меня голоса: из тела моей Сони выползло нечто огромное, зелено-красное, проникло сквозь стену и превратилось в гигантскую улитку. Вдоль спирали на ее спине мигали разноцветные точки, между полутораметровыми рожками проскакивали голубые искры.

Где-то такое описание мне уже встречалось.

Как жаль, что мужикам не положено плюхаться в обморок. Я бы сейчас с удовольствием.

Что ж, я увидел то, что хотел. Как говорится, за что боролись. На этом романтическую часть моей биографии можно считать закрытой. Соня больше не вернется. Хренов писатель Валерка оказался прав. Она сделала свое черное дело, подсушила утюги. Больше я этой таукитянской Аэлите не нужен.

Мои ноги, видя, что от головы толковой команды не дождешься, повернулись сами и потащили меня назад. Голове и правда было некогда. Она была занята делом. Она думала. Напряженно. С привлечением запасных шестеренок и прочих ресурсов.

Когда я добрался домой, то первым делом позвонил Гвоздю:

- Ты весь динамит на рыбу истратил или еще осталось?
- Даже на акулу осталось. Только покажи, где водится.

- Покажу. Буквально завтра.
- А ты где там целую неделю таскался? Неделю? Я ничего не ответил и положил трубку на рычаг.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава VI

Город затаил дыхание от страха. Даже пьяницы перед лицом реальной опасности забыли о своем надежном способе прятаться от реальной жизни на дне пустой стеклотары. Магазины не работали. Редкие милиционеры молча кивали друг другу и шли дальше. Работы у них не было. Шок населения был настолько силен, что даже самые рьяные мародеры попрятались в погреба. Телевизоры соответственно были выключенны, а у многих разбиты и выброшены на помойку.

Как ни странно, Соня вернулась домой, после чего Сеня устроил ей допрос с пристрастием.

– Ты где была? – грозно спросил он, собираясь зажать ей пальцы дверью.

– Сам знаешь.

– Ты что, действительно инопланетянка?

– Да, только вторую голову отстегнула, чтоб на улице не приставали с автографами.

– Шутишь все? А нам на Земле что сейчас делать?

– Каждый борется за свое существование как может. – Соня была невозмутима. – У нас на планете перенаселение. Ближайшие к нам заселили, но там климат сложный, выживаемость низкая. Последнее время мы стали искать планеты с условиями, близкими к нашим. Ваша планета нам подходит. А так как главный закон эволюции гласит: «Побеждает сильнейший», вам остается смириться с фактом и очистить помещение.

– Что значит очистить. Переселиться? Куда?

– Да хоть на Луну.

– У нас и техники такой нет, чтоб на Луну, – растеряно возразил Сеня.

– Это ваши проблемы. Можете оставаться кормить наших червей.

Пока Сеня ходил в гараж за лопатой, чтоб отомстить своей возлюбленной, она исчезла.

Сеня VI

Иногда реальность преподносит нам такие сюрпризы, что начинаешь доверять фантазиям больше, чем ей.

– Ты где была? – грозно спросил я, словно собрался зажать ей пальцы дверью.

– Сам знаешь.

Мой диалог с Соней совпал с Валеркиными измышлениями на сто процентов.

Она вернулась на следующий день, бросила пустые сумки в шкаф и, как ни в чем ни бывало, пошла на кухню мыть посуду.

Вообщем вела себя так, словно ничего не произошло.

Наконец я не выдержал:

– И что теперь?

– Ничего. Мужики все равно всю жизнь по чужим постелям шастают, так теперь хоть кому-то польза от этого будет.

– Кому польза? Синим червям?

– Каким червям? – Соня побледнела. – Откуда ты про них знаешь?

– Лучше говори, что ты знаешь об этом!

– Да вообще-то не очень много, – Соня побледнела еще сильнее. – У тау Кита есть несколько обитаемых планет-близнецов. На одной из них, назовем ее Зет, произошло перенаселение. Но жители планеты вместо того, чтоб взять деторождаемость под контроль, стали захватывать соседние обитаемые зоны с аналогичными жизненными условиями. Они сбрасывали на планеты-жертвы модифицированную пыль, которая заглатывалась обитателями. Далее пыль вступала в реакцию с местной средой и выращивала внутри зараженных организмов биовинов планеты Зет – синих гусениц. Гусеницы пожирали родительское тело и все живое вокруг.

– А теперь сожрут нас...

Соня не обратила на мой комментарий никакого внимания:

– Планете Эй повезло. Она оказалась не первой в цепочке уничтоженных планет, и ее жители, хотя с большим опозданием, успели найти путь к спасению. Они уничтожили на планете пыль. Всю поверхность несколько месяцев поливали искусственные дожди. Синие черви, успевшие зародиться в жителях, были уничтожены. Однако от населения планеты осталась одна треть. Соседи могли их захватить прямым вторжением.

– И тогда они прислали сюда свою программу с телевизором.

– Верно. Любовный акт – это не обязательно химический обмен. Самое главное – передача энергетического импульса. Население Земли, даже не догадываясь об этом, теперь будет пополнять популяцию планеты Эй.

– Если представительницы планеты Эй выглядят как ты, то от имени мужчин Земли приглашаю их сюда для увеличения популяции непосредственно.

– Я землянка.

– Кто же тебя такую вырыл, землянку? Нет, ты – избушка на курьих ножках.

– Я представительница планеты Земля, – поправилась Соня.

– Что-то я не встречал на Земле женщин, в которых прячутся десятиметровые улитки. Хотя у вас в Китае...

– При чем тут Китай? Я из Иерусалима.

– То-то ты по-русски ни бельмеса. Да и талия у тебя не совсем китайская.

– Имя тоже не китайское. И тот разумный, который сидит во мне, не китаец тоже. Представители планеты Эй очень от нас отличаются. У них другие климат, бактерии, температура. Наша атмосфера для них смертельна. Чтобы передвигаться по Земле, они превращаются в пыль и прячутся в наши тела. Но делают это только по обоюдному согласию: в противном случае организм человека убивает их мгновенно. Я согласилась носить в себе их представителя. Но он гость. Только гость. Как только на

планете Эй начнет увеличиваться население, он нас покинет. Это произойдет в считанные дни.

– Не произойдет. – Мне на глаза попала газета с очередными Валеркиными сказками.

Я не стал их читать. То, что он там напишет, было понятно и так.

После Сониных пояснений вообще все стало на свои места.

Пока газета с романом летела в урну, я набрал номер Валеркиного телефона.

– Привет, – сообщил я радостно.

– Привет, – Валерка был растерян, удивлен и немного напуган. – Что надо? Прочел в газете выдержку из моего романа и будешь отчитывать меня за вранье? Хороший писатель всегда сочиняет.

– Скорее наоборот. Хочу поблагодарить за правду. Я, Валерка, человек простой. Я хоть ругался, но в душе верил почти каждому твоему слову. Особенно про инопланетян. И про синих гусениц.

– Ты имеешь в виду червей?

– Гусениц. В моем романе это гусеницы. Я тебе говорил, что пишу роман? Нет? Потому что еще не начал. Скоро начну. Идея простая. Жители одной из планет тау Кита пытаются повисить рождаемость и используют для этого соответствующие импульсы землян. Они подбрасывают на Землю... скажем видеofilm, при просмотре которого, люди передают необходимую энергию пославшим этот фильм. Таукитяне беременеют – проблема решена. Но у их конкурентов с другой таукитянской планеты, наоборот, перенаселение. Соответственно, эти ребята давно мечтают расширить свои границы за счет соседей. Ну как тебе идея? Успеваешь следить?

– По-моему такое уже было. Но ты продолжай.

– Продолжаю. Каким-то образом жители планеты-агрессора узнают о новой технологии деторождения с использованием Земли и подбрасывают на нашу планету третий прибор, который преобразует человеческий импульс в импульс синих гусениц. Теперь в телах жителей малонаселенной планеты должны

появиться не дети, а синие гусеницы. Планета обречена. Так бы и случилось, если бы земной дурачок, собиравший все три блока чудо-приборов, не был столь наивен. После присоединения третьего прибора он дал команду программе возвращать результат «просмотра» фильма к тем, кто послал третий прибор. Так что планету-агрессор ждет большой сюрприз. Ее жителям предстоит рожать гусениц-обжор.

– Скучно и неоригинально, – перебил меня Валерка. – И вообще у меня тут горячие дела, а ты меня отвлекаешь глупостями.

Я не сомневался, что он постарается от меня избавиться, причем побыстрее.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова
«Двухголовая улитка»*

Глава VII

В связи с болезнью автора глава VII будет напечатана в следующем номере. Редакция.

Сеня VII

В экстремальной ситуации человек упрощается до механизма. Если нажимать правильные кнопки, он будет делать то, что вам нужно. Валерка летел к пещерам как угорелый. После моего звонка он вызвал такси, остановил его там же, где недавно это сделала Соня, и теперь ломился прямо через кусты, словно медведь за малиной.

Он, так же как и Соня, не обратил внимания ни на преследующий такси «москвич» Гвоздя, ни на нас, следующих за ним к пещерам.

На мгновение Валерка задержался возле камня с улиткой, после чего в конце тоннеля опять замигало свечение, но на сей раз тоннель... поворачивал вправо. Вход в пещеру тот же, тот же камень с улиткой. Но дальше... Как такое может быть? Извилины в мозгу запутались покруче любого лабиринта.

Валерку «выкрутасы» пещеры совершенно не смутили – он двигался вперед чуть ли ни вприпрыжку.

Иногда у людей дрожат руки. Это сигнал, что сейчас тебе должно быть страшно. Мои руки тряслись, но сердце напевало что-то бодрое и оптимистичное. Когда пришлось следить за Соней, было значительно страшнее.

Тот, кто сейчас находился внутри Валерки, боялся гораздо больше. Как его Валерка пустил внутрь? Ведь Соня говорила, что наш иммунитет их убивает. Может он у Валерки слабый? Наглотался пыли – и привет. А может, подвели нашего одноклассника амбиции? Пообещали ему славу, идею для гениального романа – вот он и поддался.

Но именно романами он сам себя и выдал. Ну откуда провинциальный журналист мог знать про действия утюгов? Кто подсказал ему, что вторжение идет с тау Кита? Даже то, что Валерка бежит сейчас рапортовать своим новым друзьям, говорит само за себя.

Для меня оставался не выясненным только один вопрос: какого черта мы с Гвоздем тащимся за ним? Рвануть камень с улиткой, который Гвоздь заминировал заранее – и все дела. Долой таукитянские гиперпереходы! Нефиг шастать по чужой планете без разрешения! У нас тут не проходной двор.

Дорога, как и положено спирали, забирала все время вправо и вниз. Идти пришлось достаточно долго. Я даже удивился, как неспортивный Валерка умудрился проскакать такой долгий путь.

Площадка, на которую мы выскочили, сильно отличалась от той, где когда-то стояла Соня.

Эта была такой же огромной, с четким, словно разрезанным ножом, горизонтом, но над головой, чуть ли не задевая волосы, закручивались грязно-серые спирали и воронки. То и дело их пронизывали беззвучные ветвистые молнии. Многочисленные пальцы-скалы усеивали все видимое пространство и напоминали египетские колонны. В середине площадки скал не было. Там зияла дыра. Гигантская воронка с почти вертикальными стенами и углублениями в них. Дна воронки видно не было, но

в углублениях топталась, шевелилась и ползала разная живность.

Перенаселение было налицо. Что ж, это ненадолго. Скоро синие гусеницы исправят ситуацию. Как говорится, за что боролись...

Валерка уперся руками в стену.

К выползшей из него улитке тут же подползла толпа сородичей и принялась горячо обсуждать свои невеселые перспективы.

В этот момент мне стало ясно, почему я так усердно топал за бывшим одноклассником. Именно потому, что одноклассник. Нас объединяло общее прошлое, учительницы, драки. Так неужели это прошлое я оставляю на память улиткам?

Я подбежал к Валерке, схватил его за руку и потащил к выходу.

Вначале он ничего не соображал, даже глаза на резкость не мог навести. Легкий хук левой в челюсть несколько исправил ситуацию, и он, наконец, начал передвигать ноги. Гвоздь подхватил Валерку с другой стороны, и мы потащили нашего генерального одноклассника к выходу.

Улитка-шпион заметила нас слишком быстро. Увидев, как улепетывает ее футляр, она бросилась вдогонку. Однако после того как она пересекла невидимую стену, ее активность резко упала – наши климатические условия действительно таукутиянам были противопоказаны. По рыхлому телу улитки пошли волдыри. Некоторые из них темнели прямо на глазах, втягивались, покрывая кожу лунными кратерами.

Улитка не сдавалась. Забыв про раны и боль, она заскользила к нам.

Земные улитки маленькие, медлительные и безопасные.

Представительница тау Кита размерами конкурировала с небольшим китом. Паровоз она догнать, пожалуй, не смогла бы, а нас запросто. Спасало только то, что время играло в нашей команде. Улитка слабела на глазах.

Однако когда мы добрались до заветного камня, она подняла свои рожки – и по моим коленям пробежало не менее трехсот вольт.

Я упал. Ноги перестали работать. Мышцы парализовало.

Улитка неотвратно ползла на меня.

Электрошок, которым она парализовала меня, отнял у нее последние силы. Она ослабла. И все-таки ей было достаточно просто упасть на меня, чтобы небесный рефери объявил в нашем сражении как минимум ничью.

Вдруг я почувствовал, как кто-то тянет меня за руку. Это был Валерка. Бедный, пришедший в себя Валерка, еще более напуганный реальностью своих, как ему казалось, фантазий. Он все-таки вернулся за мной.

Валерка смотрел на надвигающуюся улитку, плакал, но не убежал, а тащил. Было странно смотреть на его красное растерянное лицо, лицо взрослого мужика мокрое от страха и слез.

Улитка упала.

Мимо.

Моя нога оказалась перед ее пастью, и она этим воспользовалась. Было ужасно больно. Мне казалось, что сейчас она через ногу вытянет все мои внутренности, как коктейль через соломинку.

В этот момент прогремел взрыв. Тоннель зашевелился, словно живой. Куски улитки полетели куда-то вглубь.

– Гвоздь сработал, – подумал я и отключился.

*Отрывки из романа Валерия Мельникова и Семена Крюкова
«Двухголовая улитка»*

Глава VII

Было холодно и сыро. Серые от стирок простыни, усиливали ощущение покойницей. Но типичная для больничных палат тишина отсутствовала. То и дело в дверях показывалась улыбающаяся медсестра, грозно сдвигала брови и срывающимся на хохот голосом объявляла, что сейчас всех посторонних будет выводить на улицу через балкон.

В палате стоял шум. На Верочку-медсестру, нашу бывшую соученицу, никто не обращал внимания. Все крутились вокруг

Сеньки и его гордо поднятой вверх загипсованной ноги. Половина класса собралась полюбоваться на героя. Сенька, героически делая вид, что ему ничуть не больно, и именно этим давая знать, какую боль ему приходится терпеть. Потупив, словно девушка, глаза, он принимал комплименты и молча улыбался.

Было странно видеть в его палате наших гордых принцесс. Они успели повыходить замуж за толстые кошельки, взлететь на воображаемый Олимп и там познать горькую правду, что содержимое кошельков предназначается только для скупердяев-мужей. Сейчас бывшие одноклассницы кружились мотыльками вокруг всенародного героя и пытались вымолить для себя у Фортуны что-нибудь повеселее, чем муж на веревочке у собственного «Мерседеса».

– Сенья, тебе надо завести любовницу. Все приличные мужчины имеют любовниц.

– Как только мужчина заводит любовницу, он перестает быть приличным. – Мне приходится быть остроумным вместо Сени. У него сегодня другая роль.

– Ха-ха-ха.

– Ха-ха.

Каждая из наших красавиц произносит «ха-ха» на свой собственный манер, но от этого смешнее не становится.

– Сенья, ты такой забавный.

– Да, такой смешной.

– А бицепсы у тебя какие большие! У тебя везде бицепсы большие?

– Ха-ха-ха.

– Ха-ха.

Неожиданно «ха-ха» прекратились. Девушки расступились, пропуская к кровати Соню. Она тяжелым авианосцем проплывает мимо наших барышень к самой кровати.

– Я жду тебя дома. Есть дело, – шепнула она. Потом положила на подушку коробку и вышла.

Сенья открыл крышку. Несколько пар любопытных глаз тут же заглянули внутрь.

В коробке лежал самый обычный уют и улитка. С тремя головами.

ЭДУАРД ЗОЛОТОРЕВСКИЙ

ВАСИЛИСА, XXI ВЕК

Трень – с тихим треском разломалась игла, и половинки упали на каменистую почву. Пуфф – с негромким шелестом тело осыпалось золой, превращаясь в неаккуратную кучку. Бемс – лязгнули, падая, черные доспехи и страшный черный узорчатый меч Кашея.

«Ну, вот и все!» – устало подумал Иван и оглянулся в поисках чего-либо, пригодного для того, чтобы вытереть от темной крови широкое лезвие своего меча. Конечно, крови Кашея на нем не было, а вот потеков черной жидкой гадости из тел Кашеевой рати было вдоволь! Через отряд нечисти Ивану пришлось-таки прорубаться. А все потому, что только рядом с Кашеем надо было сломать волшебную иглу. Иван свистнул и прислушался: скоро из-за холмов послышалось негромкое ржание. Через несколько минут на заваленный изломанными черными телами пригорок вынесся конь Ивана. Серый в яблоках зверь арабских кровей игриво пританцовывал и никак не мог остановиться.

– Тшш! – прошипело мохнатое существо, устроившееся в седле. Конь, как ни странно, послушался.

– Ну что ж, Иван, – донеслось от седла. – Хозяйка наказала проводить тебя до замка, но ты и сам доедешь. Вон по той тропке езжай и скоро там будешь.

– Эй, а как же ты?

– А что я там забыл? – Кот Бабы-Яги, а в седле Иванова жеребца примостился именно Баюн, лениво почесал себя за ухом.

– Это ты у нас – кашеборец, и тебе ничего не грозит, а мы – существа маленькие, ранимые. А в замке Кашеевом осталось предостаточно нечисти, которая не преминет меня сожрать! Да не бойсь! Заплутать ты не сможешь! Дорожка никуда, кроме замка, не ведет.

– Ладно! – ответил Иван и, походя, смахнув ногой kota на землю, взобрался в седло.

* * *

Замок Главного Злодея тридевяти земель был, по традиции, черен стенами, высок и мрачен. Узкие окна-бойницы башен и галерей, казалось, дышали мраком и холодом. И лишь одно из них светилось теплом, потому что около него стояла и смотрела вдаль высокая красивая женщина. Несмотря на солнечный полдень, ей было зябко. Она ждала, глядя на дорогу.

Облачко пыли подсказало, что ее ожидание близится к концу – из-за поворота дороги показался всадник. Она подалась вперед, стараясь скорее угадать, кто же появился на дороге к замку. Когда конный приблизился, она от удивления рухнула в кресло.

– О, нет! Это Иван! – простонала она.

– А ну, нечисть нечестивая, нежить неживая, нелюдь нелюдимая! Открывай ворота! – раздался снизу крик богатыря.

– Василиса-а! – вполне себе богатырский рев от полноты чувств окончился взвизгом. – Я, Иван-кузнец, пришел спасти себя... тебя... эта... вот, нечистая сила, как же Баюн-то говорил?.. А, во! Спаси тебя, о солнце Тридесятого царства, от страшного злодея – гадкого Кашея!

Последние слова потонули в грохоте открывающихся ворот и неуверенном гомоне слуг.

– Убил... Убил и закопал... – пробормотала Василиса.

Нет, конечно, автор ничего не перепутал, просто Васька знала этот стишок с детства... Прошло уже больше года с тех пор, как она – студентка последнего курса истфака – во время преддипломной практики попала в этот былинный мир, буквально провалившись сквозь землю. Очнувшись в сказке, она – Василиса Мельникова, вдруг оказалась той самой Василисой из

рода Премудровичей, о которой ей читали сказки. И самое странное, что, заняв место любимой дочери Василия Премудрого, Василиса не утратила свои невольшебные воспоминания и опыт. Хотя, чем мог помочь опыт московской студентки начала двадцать первого века в жизни королевишны непонятного, но явно дохристианского, мира? А через месяц пребывания во дворце, когда она только освоилась с отсутствием души, телефона, телевизора и дискотек, ее украл тот самый главгад из сказок – Кашей и уволок в свой замок. Но, как говорится, не так страшен черт, как воображение инквизиторов.

– Поздорову тебе, Василиса Премудровна! – воскликнул Иван, входя в зал. – Вот и настал твой час избавления! Я, Иван-кузнец, мамкин сын, первый (и, надеюсь, единственный) добрался до замка Кашеева и победил его! Теперь злые чары Властелина Тьмы не властны над тобой! – Тут Иван махнул рукой, сметая все на своем пути – пальму, вазу тончайшей работы чинских мастеров, а заодно и слугу, с недоумением и страхом разглядывавшего пришельца.

«Пальму жалко... и вазу...» – пронеслось в голове Василисы, пока она с улыбкой внимала своему «спасителю».

Иван, не обращая ни на кого, кроме Василисы, внимания, продолжал заливать соловьем, изредка будто спотыкаясь... Баюн не зря рвал когтями кожаный наплечник кузнецкого сына, в течение долгих двух месяцев похода, по поручению Бабы-Яги, поучая Ивана. Кроме дельных советов, как обхитрить этого или как грохнуть того, Баюн заставил посланца своей хозяйки выучить и пару-тройку речей позабористей. Но слова иногда будто пропадали из головы, и тогда Иван судорожно пытался ухватить ускользающую мысль и продолжить свое выступление.

Со стороны любой бы показал, что лицо Василисы во время всей речи Ивана просто осветилось изнутри от счастья, и только внимательный наблюдатель заметил бы некоторое несоответствие между самим лицом и выражением глаз, которые остались какими-то слишком задумчивыми для радостной встречи. Премудровна отчего-то не рвалась обниматься со своим спасителем, впрочем, ему и самому было бы неловко прижать к груди

красавицу: герой был небрит, всклокочен, весь в грязи и пыли многоверстного путешествия, да еще кровь всей этой нечисти...

Премудрая Василиса, конечно, заметила все эти подробности и, не дослушав Ивана, хлопнула в ладоши. На хлопок в залу вплыл слуга, по слухам, похищенный Кашеем где-то в западных краях, да такой важный, что казалось, будто он делает одолжение, являясь. Или сам вызывает к себе хозяйку для отчета.

– Лепус! – обратилась к нему Василиса. – Позаботься о... нашем герое. Негоже освободителю ходить по моему... Кашееву дворцу невымытым и голодным. Принять его по-человечески! – она как бы выделила последние слова. Слуга недоуменно поднял бровь. – Отмыть, переодеть, обед подать в малый зал. – И еще раз мило улыбнулась Ивану.

После того, как все порывавшегося что-то говорить кашееборца под локоточки, вежливо спровадили с глаз Василисы долой, она опять опустила в кресло у окна.

«Так! – думала Василиса. – Кашея больше нет, это ясно. Раз Иван здесь, живой и здоровый, то смерть бессмертного налицо! Хотя, чушь-то какая: смерть бессмертного! Но – это сейчас неважно! Бросать замок и ехать с Иваном к папеньке – абсурд!» Она – Кашеева законная жена, и это только первое (но главное!) из отличий ее от всех остальных женщин в этом замке. ЗАГСов, конечно, здесь нет, но пышная свадебная церемония с кучей приглашенных присутствовала. Хотя женщин здесь хватало – хозяин замка был (был!!!) весьма сластолюбив и пополнял гарем постоянно. Он не изменил своих привычек, даже официально женившись на ней. «Похотливый старый козел! Хотя и маг величайший... был. Был, был!!!» – билось в голове Василисы. Конечно, она пока не смогла бы конкурировать с покойным старцем в искусстве колдовства, но месяцы, проведенные в замке, не прошли для нее даром. Всей замковой нечистью она управляла запросто – сказался опыт бригадирства в стройотряде, да и войско приличное собрать для нее сейчас не представляло проблем. Собственно, умение быстро учиться и сделало ее прозвищем «Премудрая» еще в том, прошлом мире. Именно то, что она не стала визжать и падать в обморок при

виде нечеловеческих слуг, а быстро освоила управление всей этой сворой и сделалась ее хозяйкой, и подтолкнуло Кашея к мысли жениться первый раз за тысячу лет. Спокойствие и ум, хозяйственная сметка и опыт в управлении, сразу подняли ее над всеми наложницами в безразмерном Кашеевом гареме, а в итоге позволили быстро завоевать сердце самого бессердечного из магов подлунного мира.

– И что же теперь делать? – спросила свое отражение Василиса. Но отражение только недоуменно пожало плечами и отвернулось. – То, что папенька обещал руку дочери тому, кто спасет ее от Кашея, она слышала сама, когда Кашей, хохоча, показывал ей дворцовую площадь при помощи волшебного блюдечка. А потом она и сама выучилась пользоваться этими волшебными предметами. Не телевизор, да, но тоже вполне познавательно. А если еще удержаться и не съесть яблочко, то можно было слышать и звуки. Да и Ивана она узнала только потому, что видела его в блюде.

Итак, она – вдова Кашея и его наследница. Слух об этом быстро распространится по всем окрестным царствам и королевствам. Как человеческим, так и нет. А Кашеево царство немалое. Батюшкино в нем раз десять поместится. А Ивану обещано папенькой полцарства – она знала это из подслушанного разговора. А полцарства-то папенькиного – курам на смех! Да и какой из Ивана правитель? Уже одно то, что он не взял Кашеева меча, – признак его нераспорядительности. Хотя, с другой стороны, Иван мог и слышать, что никакому человеку того меча в руки не взять. А вот того, что как раз ему-то меч в руки и дался бы, мог и не знать. Василиса сделала себе зарубку в памяти – надо выяснить!

Но, все равно! Менять Кашеево царство и замок на полцарства папеньки – глупо. То, что она – официальная Кашеева жена, знали многие окрестные маги, колдуны и волшебники. Кашей приглашал их на официальное торжество, когда надел ей на палец волшебный перстень – могущественный талисман, в сотни раз усиливающий силу заклятий. Самому-то ему было достаточно посоха, а когда он был в походе, меча. Она молода,

красива, умна – для соседей это тоже не секрет. Значит, теперь она – завидная невеста! Этакая вдовушка с немалым приданым.

– Ну ладно, хватит самолюбования! Меч вон до сих пор валяется где-то в поле. Надо бы вернуть его безутешной вдове как память. – Василиса опять хлопнула в ладоши. В зал вплыл все тот же Лепус.

– Разместили? – спросила вполголоса.

– Да, Госпожа, приступили, – с достоинством ответил тот.

– Болтает? – И снова утвердительный поклон.

– Ну, хорошо. А сейчас позови ко мне начальника стражи. – Слуга поклонился и вышел, а уже через несколько секунд в зале из теней по углам материализовался классический демон в доспехах.

– Приказывайте, Госпожа! – завопил он, падая на колени. Этот крик напомнил Василисе о речных пароходах и заставил ее поморщиться. О восточном происхождении этого демона, которым откупился от Кашея некий восточный маг, напоминал тюрбан из живой анаконды, да нехилых размеров гнутая сабля на бедре.

– Встань, Фарум! Собери самых верных, других не бери, и отправляйся в поля... То есть на поле, где сложил голову ваш хозяин. Ты ведь знаешь, где было последнее сражение? – Демон кивнул. – Животные накормлены? Впрочем, это твоя задача. Как можно скорее вы должны быть там и собрать доспехи, а главное – принести мне меч Кашея!

– Но... Хозяйка! Фарум не глупый! Любого, кто коснется этого клинка, ждет смерть! – залепетал демон, но Василиса его прервала:

– Ты бессмертен, Фарум! Так же, как твоя лень! Да, за рукоять вы этот меч взять не сумеете. Осторожно возьмете за лезвие, уложите на плащ и осторожно тащите за собой. Ну и посмотрите вокруг, и привезите все, что еще пригодится.

– Раненые? – спросил демон.

– Фарум! – покачала головой Василиса. – Те, кто мог, уже приползли обратно. Или ползут. С хозяином остались лишь до-

блестно погибшие в бою. Ты понял меня? Ступай! Вечером я жду тебя с докладом.

Демон, мелко закивав, так же бесшумно испарился, распавшись на тени...

Через некоторое время размышления Василисы вновь прервал Лепус:

– Обед подан, Госпожа. Гость ждет вас.

– Вымыт, переодет?

– Да, Госпожа.

– Хорошо, иди! Нет, стой! Приготовь ему комнату подальше от моей спальни.

– Левое крыло, третий этаж, угловая башня. Комната с видом на горы, – с достоинством поклонился слуга.

– А ты молодец, заслужил награду.

Лепус приосанился и даже слегка покраснел. Получить первым награду от нового господина – большая честь, да и сама награда может оказаться весьма приятной, особенно, если новая хозяйка сохранит традицию допускать самых отличившихся слуг к той части гарема, которой сам хозяин не интересовался. А ведь новой хозяйке замка гарем-то, вроде, и ни к чему!

Василиса вошла в малый зал, сопровождаемая служанками, по ее приказу переодевшимися в нарядные платья, но за стол она села одна, напротив Ивана.

– Ну что, герой, давай знакомиться? – она оглядела Ивана и убедилась в исполнительности Лепуса. Иван был одет в яркий кафтан. Наряд сидел на нем идеально. Чистые голубые глаза Ивана смотрели на нее с восхищением и обожанием. – Поешь и расскажи мне о себе, богатырь, а то я ведь ничего о тебе не знаю!

* * *

Василиса щипала виноградную гроздь и смотрела на Ивана, а тот все говорил и говорил, рассказывая о своих похождениях. Умная женщина, она прекрасно отличала правду от прикрас, без которых ни один такой рассказ невозможен. А Иван, размахивая

руками и брызгая слюной, рассказывал, как вызвался охотником, как еще семеро с ним вместе выехали за ворота города и пустились в путь... Сколько лишений он перенес за время пути, где и как его спутники покидали отряд. Как отец вдовушки подсказал Ивану дорогу к Бабе-Яге. Как та встретила его и хотела убить, но потом передумала и помогла. И что именно Баба-Яга рассказала ему о мече-кладенце, без которого Кашееву рать не побить! И где взять его, и какими словами уговорить Змея пропустить Ивана в пещеру, где меч-то хранился. И с какими словами взять тот меч, чтобы слушался! А чтобы помочь герою в его нелегком деле, дала ему в провозатые своего помощника – кота Баюна.

Когда Василиса узнала причину, по которой Иван смог одолеть Кашея, она поняла, что с Бабой-Ягой они одного поля ягоды, но в разные стороны падают. Короче, не быть им подружками! Ведь именно Василиса заняла то место, которое Яга считала своим. Пусть и шестьсот лет назад, но все-таки! Рассказал Иван и о поиске того дуба, на котором висел сундук со смертью Кашеевой. Тоже, кстати, по подсказке Бабы-Яги.

«А вот это совсем интересно! – подумала Василиса. – Ведь я только знала о существовании того сундука, а вот где он...»

Долго еще продолжался рассказ Ивана о дороге, битвах и победах. И только Иван заикнулся про награду, как Василиса сказала: «Ну, иди отдыхай, герой! Ты устал. Разговоры продолжим завтра!» И хлопнула в ладоши. Вяло, но все-таки сопротивлявшегося Ивана отвели в комнату и уложили отдыхать.

- Лепус, – позвала королева, – а ты к Ивану кого-то послал?
- Сильвию, ваше величество, – поклонился слуга.
- Рыжую? – И вновь полный достоинства поклон.
- А вы молодец, господин мажордом. Хвалю!

Лепус улыбнулся – он опять правильно понял замысел Хозяйки. Как бы не повернулись события, но прощупать слабости Ивана нелишне.

- Кеша, домовый, присматривает за ними, Госпожа!
- Хорошо, Лепус. Пусть доложит, когда они уснут. Ступай и вызови Фарума.

Когда Фарум явился в облаке темного пламени распростертым у ног Василисы, она приказала:

– Фарум, выбери пару самых верных, будь наготове и ждите моего вызова!

Фарум испарился, а уже через час домовый доложил Лепусу, что пара «накувыркалась». Василиса позвала Фарума с войнами и тайными переходами пошла в сторону комнаты в левом крыле, с видом на горы. Подойдя к неприметной тайной дверке, она произнесла заклятие глубокого сна. Потом спокойно открыла дверь, из комнаты казавшуюся просто панелью стены, и позвала демонов.

– Вы уже имели дело с волшебным мечом? Возьмите меч Ивана и отнесите в оружейную.

Демоны осторожно приблизились к лавке, под которой было сложено оружие Ивана и убедились, что меч в ножнах. После чего осторожно перекатили его на длинные полотенца, которые Иван с Сильвией натащили из ванной. Осторожно взявшись за концы полотенца, они отнесли ножны с мечом в оружейную. Василиса спустилась вместе с ними. Когда ножны положили на стол, Василиса наклонилась над мечом и произнесла формулу удвоения. Это было относительно несложное заклятие, и, благодаря именно ему, замок никогда не оставался без припасов. Тут же рядом с одними ножнами появились еще одни. Василиса кивнула на новый меч:

– Возьмите этот меч и отнесите обратно, да положите так, как и раньше было. И полотенца не забудьте!

– Госпожа, – поклонился Фарум, – если я не ошибаюсь, новый меч – не кладенец, да?

– Ты прав, Фарум. А теперь идите!

Василиса вернулась в свой покой и сказала подошедшему Лепусу:

– Останови приготовления к свадебной церемонии. Не удивляйся, Лепус, просто я не собираюсь замуж за Ивана.

– Но...

– Ты прав, избавиться от него мне хочется, но действовать прямо было бы неверно. Полмира уже знает о победе Ивана.

Как и то, что он живой и здоровый приехал в замок. Поэтому завтра я отправлю Ивана в долину Дымов. Но мне нужно, чтобы об этом знали и это видели многие люди и нелюди. Пригласика на утро послезавтра кого-нибудь из особо болтливых, но не очень глазастых. Ты понял меня?

– Слушаюсь, моя королева! Однако вестовые достигнут многих удобных нам гостей только через два дня...

– Что ты предлагаешь?

– Разрешите воспользоваться хрустальным шаром?

– Хмм... А ты умеешь?

– Да, Госпожа! Меня обучил хозяин как раз на такой случай: собрать гостей.

– Хорошо. И кого ты собираешься позвать?

– Я думаю, что поскольку бал устраивает хозяйка, то для первого раза ограничимся, в основном, женским обществом.

– Скуотищ-то какая! – поморщилась Василиса.

– Однако для наискорейшего распространения известия это наилучший способ!

– Ты прав! Приступай прямо сейчас! Итак, к утру я хочу знать, кто послезавтра будет лицезреть выезд Героя на подвиг.

Лепус склонил голову, тем не менее, позволив своим тонким губам чуть изогнуться в ироничной улыбке. Уже уходя, мажордом добавил:

– Вашего вызова ждет Женеьев.

– Зови ее!

Женеьев вошла в зал, осторожно ступая по плитам пола. Василиса давно собиралась покрыть пол коврами, но Кащей и слушать не желал! Когда наложница склонилась перед своей новой хозяйкой, Василиса вопросительно посмотрела на нее. Женеьев наморщила носик.

– Конкретнее, – потребовала Василиса.

– Здоровенный, голодный, но опыта никакого. Все стандартно и скучно.

– А Сильвия что говорит?

– Рада, довольна, не интригует.

– Умница, можешь идти.

Следующим вечером Лепус доложил о готовности собрать небольшой девичник уже завтра с утра:

- Гости начнут прибывать уже скоро, Госпожа.
- Размести всех в правом крыле, да скажи оборотням, чтобы не оставляли дам скучать.
- Слушаюсь, Госпожа! – Лепус улыбнулся.
- Кстати, Лепус! Пригласи к себе Женевьев, а то что-то совсем заскучала она с Иваном.

Лепус благодарно поклонился и вытек из покоев хозяйки.

Но спать Лепусу удалось отправиться только очень поздно, и ему было уже не до прелестей Женевьев. Пока встречал и размещал капризных и громогласных гостей, пока раздавал поручения слугам и давал наставления оборотням, разрывался между кухней, гостевыми комнатами и комнатой Ивана, Женевьев ждала в его комнате. И когда Лепус ввалился к себе и без сил рухнул на кровать, девушка только вздохнула, стянула с ног мужчины ботинки, подоткнула одеяло и пошла прогуляться. А вот Василисы в переходах замка весь день никто так и не видел.

Утром следующего дня домовой разбудил героя и Сильвию, и Ивану было предложено собираться на завтрак с королевой. Иван – человек простой, и сборы не заняли у него много времени – кафтан на голое тело, штаны да сапоги. Скоро он уже сидел за столом, уставленным блюдами и кубками. Через некоторое время к нему присоединилась и Василиса. Свежая, прекрасно отдохнувшая, она была настолько ослепительна, что Иван, вскочивший при виде ее и склонившийся в поклоне, никак не мог разогнуться и, усевшись, еще минут пять тупо пялился на блюдо с салатом, а не на свою потенциальную невесту. Такой прекрасный вид Василисы происходил, оттого что для отдыха и приведения себя в порядок она имела в запасе сколько угодно времени. Еще в самом начале своего пребывания в замке у Кашея она узнала, что в разных частях замка время течет неодинаково. Среди слуг ходили упорные слухи, что в гареме наложницы расстаются с молодостью медленнее, а в подвале пленники старились и умирали за считанные дни.

Но были помещения, в том числе и библиотека, где время шло быстрее, а люди старились медленнее. И сейчас Василиса была страшно рада, что в свое время не побоялась потерять несколько месяцев своей жизни на обучение. Кем бы она была сейчас? Еще одной из перепуганных и полуграмотных наложниц? Когда первоначальный шок от похищения прошел, и Василиса осознала, где оказалась, она задалась вопросом: а почему никто из похищенных Кашеем, в том числе и девушки, не пытаются сбежать? Ведь выйти из замка нетрудно – она это видела. А когда узнала, что некоторым из наложниц и людей-слуг уже перевалило за пятьсот лет, была поражена. Девушки ей рассказали, что некоторое время назад – они не знали какое – одна из пленниц попыталась удрать. Ее не сразу хватились, а когда поймали и привели назад, то сама она идти уже не могла. Дряхлая, трясущаяся старуха умерла через несколько часов. А ведь ей было, как подсчитал Лепус, только меньше тридцати лет.

Когда Василиса попросила Кашея дать ей почитать что-нибудь («А то что-то скучно здесь!»), тот удивился и обрадовался. Он показал ей свою библиотеку, дал знание нескольких языков и даже стал обучать премудростям магии. Роль учителя так увлекла Кашея, что он являлся Василисе в обличье разных учителей: от седых благообразных старичков до эльфийских принцев с огромными глазами. А вечерами взял привычку приходить к ней в образе неутомимого красавца-варвара, ведь только под этой личиной он мог удовлетворить природный темперамент Василисы.

– Иван, сказала Василиса, когда служанка поставила перед ней чашечку китайского фарфора (свадебный подарок от Кашея – всегда полная чашка с бодрящим травяным отваром). Слушай меня внимательно. Замок Кашеев и все, что в нем есть, – штука полезная, и мы, – она как бы подчеркнула такое объединение их интересов, – никому его отдавать не будем. Так ведь?

– Ну... Эта... Так-то оно, конечно... Но колыбель зла должно развеять по семи путям... мирам... ветрам... – ответствовал ошеломленный Иван.

– Нет, милый! – ласково улыбнулась Василиса. – Его нельзя разрушать! В нем столько богатств, мудрости и загадок собрано! Нужно просто защитить его от конкурентов!

– Да я... Да всех... В капусту! – Иван аж побагровел от праведного гнева и рвения.

– Конечно-конечно! Но есть одна большая проблема. Кладенцом здесь не поможешь. Ты видишь это кольцо? – Василиса продемонстрировала Ивану свой волшебный перстень. – Пока был жив Кащей, перстень давал полную защиту замка от колдунов и магов. А сейчас замок почти беззащитен!

– Что же делать?

– К этому перстню есть пара: волшебный браслет. Если они в паре, то никто из магов и колдунов не сможет без моего разрешения войти в замок!

– И где ж его достать?

– В дне пути от замка есть долина Дымов. В ней и находится волшебный браслет.

– А почему же сам Кащей не взял тот браслет?

– Ну, ему и без браслета было неплохо, к тому же браслет может взять только тот, у кого в руках меч-кладенец. Так что, я жду от тебя, Иван, еще одного подвига!

– Я поеду один? – как-то скис Иван.

– Нет, до долины тебя проводят воины, в долину они войдут вместе с тобой, но к браслету сможешь подойти только ты один. Возьмешь браслет и обратно! Тогда и решим спокойно, что же дальше делать.

– Когда надо ехать? – подхватился богатырь.

– А прямо сейчас и надо. А то уже и гости на свадьбу стали слетаться. Пару дней я им головы поморочу, пока ты вернешься! Тогда и поговорим спокойно и подробно. – Василиса глянула прямо в глаза Ивану. – Иди, Иван, надевай броню и спускайся к главной лестнице. Лепус тебя проводит.

Через некоторое время во дворе замка слуги установили кресла для гостей, и прилетевшие гости стали рассаживаться, предвкушая представление. Когда все расселись, а слуги расположились во дворе, у подножия лестницы появился Иван в

броню и с мечом на боку. А из ворот замка вышла Василиса в черном с серебром платье. Выглядела она великолепно, даже учитывая, что сбоку от лестницы расположились все наложницы Кашея. Нельзя сказать, чтобы такое соседство радовало приглашенных, хотя ни одна из них не выглядела дряхлой старухой. Только Баба-Яга в своем лесу могла позволить себе носить старческое тело, да и то не всегда, а цивилизованные ведьмы всегда должны выглядеть пригоже! Ведь мужчины видят прежде всего телесную красоту, а не житейскую мудрость или колдовское искусство. Да и самим приятнее.

Василиса остановилась на самом верху лестницы. Появление Ивана вызвало некоторое перешептывание среди колдуний. Экий богатырь! Красавец! Герой! Победитель непобедимого и умертвитель бессмертного! Вот бы с таким потолковать наедине... пару ночей! А Иван медленно стал подниматься по лестнице к Василисе. Не доходя нескольких ступеней, он остановился, преданно глядя на нее, и преклонил колени.

– Дорогие гости, позвольте показать вам нашего героя – победителя Кашея Бессмертного, богатыря земли русской – Ивана-кузнеца, – проговорила Василиса. – Поднимись Иван, покажись гостям!

Иван повернулся к креслам, где сидели колдуньи и ведьмы. Сдержанно поклонился им и опять повернулся к Василисе.

– Иван, ты идешь на новый подвиг ради нашего счастья! Ты должен совершить то, что не удалось самому Кашею! – Василиса спустилась на пару ступеней и положила ему руку на плечо. – Ступай, Иван, и возвращайся с победой! Воины ждут тебя.

Иван повернулся и увидел десяток воинов в блестящих доспехах. Василиса предупредила Фарума, чтобы все воины были только в человеческом обличье. – Помни, Иван, что только тот, у кого в руках волшебный меч, может совершить этот подвиг!

– Как тут забудешь! – пробормотал богатырь, а громко сказал: – Я вернусь, мечта моя!

Иван спустился с лестницы, сел на своего серого коня и поскакал по дороге рядом с командиром воинов.

Василиса повернулась к приглашенным:

– Дорогие мои гости! Я уверена, что вы поддержите меня в моем ожидании, а я постараюсь, чтобы вы не скучали. Пройдемте в замок, и я покажу вам кое-что интересное! – Она решила раскрыть ведьмам один старинный прием любовной магии, по словам Кашея, накрепко забытый всеми. А Василиса вычитала его в одной очень древней книге.

* * *

Иван со своим отрядом ехал по дороге между хребтами столь крутыми, что увидеть вершины было трудно. Даже солнце, казалось, редко заглядывает на дно этого ущелья. До заката оставалось уже недолго, когда отряд подъехал к входу в долину, которую Василиса назвала «долиной Дымов». Фарум повернулся к Ивану:

– Не стоит лезть в долину в темноте. Зверья магического много и нежити – я ее носом чую! Предлагаю переночевать здесь и отправиться в долину с утра. Тогда и солнце будет на востоке – осветит долину, и нечисть попрячется.

– Хорошо, разбиваем лагерь! – ответил Иван. Утром, когда Иван вылез из-под одеяла, воины уже развели костер, весь отряд поел, и Фарум дал команду сворачивать лагерь. Как только солнце осветило вход в долину, Иван и воины вошли в нее.

Мрачное пустынное ущелье с узкой полоской быстрой реки по восточному краю слегка расширилось здесь и образовывало похожую на звезду площадку. Из-за небольшого водопада в дальнем конце ущелья оно всегда было затянуто как бы дымкой, из-за постоянного присутствия которой оно и получило свое название. Да только пахла эта вездесущая водяная взвесь дымом сожженных городов, и хотя было оно недлинным, казалось огромным. Иван увидел темный вход в пещеру, в которой и шумел водопад. Подъехав ближе, отряд заметил каменную площадку перед зевом пещеры, а по центру ее – небольшой каменный столбик. На вершине столба, примерно на уровне груди человека (и по пояс Фаруму), Иван увидел что-то блестящее, покрытое сверху прозрачным колпаком. Воины расположились за

спиной витязя, а он слез с коня и стал приближаться к центру площадки. Когда Иван встал совсем рядом со столбиком, стало видно, что под прозрачным колпаком действительно лежит браслет. Рисунок на браслете повторял тот, который Иван видел на перстне Василисы. Как же его достать из-под колпака? Иван осмотрел колпак со всех сторон и не нашел какого-то ключа. «Ну что ж! Придется разбить этот прозрачный камень!» – подумал Иван. Вытащив меч, он примерился и ударил по прозрачному хрусталу. Как ни странно, колпак не пострадал, а Иван услышал громкий шум. Последнее, что Иван увидел в своей жизни, были стены огня, надвигающиеся на него со всех сторон.

* * *

К вечеру следующего дня, когда Василиса развлекала гостей, заставляя игрушечный оркестр исполнять самые разные мелодии – от заунывных песен кочевников до блюза, который работал без всякой магии, в зал вбежал Лепус и склонился в поклоне.

– Что случилось? – спросила Василиса.

– Отряд вернулся.

– Где они? Все в порядке? – взволнованно спросила Василиса. Гости замерли в ожидании.

– Они... Входят в ворота замка, Госпожа, – почему-то неуверенно проговорил мажордом.

– Дорогие мои гости, пойдемте встретим героя! – Василиса поднялась и пошла к дверям зала. За ней, шушукаясь, потянулись все ведьмы. Когда Василиса остановилась на вершине лестницы, рядом, но чуть сзади, выстроились все колдуньи. У нижних ступеней стоял мрачный Фарум и обожженные воины отряда.

– Что... что случилось? Где Иван?! Говори! – закричала Василиса. Демон, приняв истинный облик, рухнул на колени:

– Госпожа, мы приехали одни. Витязь погиб-таки, не достав амулет. Он попытался разбить прозрачный колпак рукой, хотя ты и наказывала, чтобы он меч не выпускал. И огненные стены сожгли его!

– Ах, что же он наделал! А где меч?

– Ты же знаешь, госпожа, что только витязь, да и то не всякий, может взять в руки этот меч! Мы принесли все, что смогли собрать после гибели Ивана. – И Фарум показал на разложенное одеяло, на котором были разложены сильно обгоревшие доспехи и ножны меча.

Василиса стояла, опустив голову. Потом подняла глаза, полные слез, и сказала:

– Уберите... это... Соберите в урну и приготовьте... Все, как полагается...

Она повернулась и пошла в замок. Когда все ведьмы собрались в зале, Василиса, с глазами полными слез, поблагодарила их за приезд. Посетовала, что день омрачился трагедией, и попросила прощения за то, что сорвала столь уважаемых людей с места и оторвала их от важных дел. Вскоре гости стали разлетаться восвояси.

Когда ступа последней скрылась из виду, Василиса, стоявшая у окна, позвала Лепуса.

– Ну что, Лепус, расскажи-ка мне об окрестных колдунах и магах. И поподробнее: все-таки будут женихаться, и надо быть во всеоружии...

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

ДОРОГА К МОРЮ

Тяжелые плотные шторы на окнах надежно защищают мою комнату. «Там» – светит яркое солнце, «здесь» – царит привычный полумрак. Это мой маленький уютный мир. Большой письменный стол, оставшийся еще от отца, пахнет старой древесиной и чем-то неуловимым, но очень приятным. Наверное, такой запах имеют знания, впитанные столом за всю его жизнь. Недавно в нем завелся какой-то жучок, который все время тикает, как часы.

«Тик-так, тик-так», – по неутомимому труженику можно отмерять время.

Древний компьютер, стоящий на потертой поверхности стола, наоборот, молчит. Я давно его не включала. У мамы сейчас не хватает денег на Интернет, поэтому я уже несколько месяцев не выходила «в свет».

В углу комнаты в темноте скрывается книжный шкаф. Книги в нем расставлены в совершенном беспорядке – мама говорит, что я неряха. Если судить по тому, что на кресле валяется «математика» за шестой класс, придавленная сверху географическим атласом, раскрытом на карте Африки, а на ковре перед шкафом рассыпана годовая подписка старых потрепанных литературных журналов, то, наверное, мама права.

В коридоре, возле дверей комнаты, в клетке посапывает моя единственная подруга – шиншилла Шушине. Для всех родственников и знакомых (то есть, для меня с мамой) – просто Шуша. Ей уже исполнился год, пушистик младше меня на один-

надцать лет. Шуша, как и я, бодрствует ночью. И я хорошо ее понимаю. Ночью нет такого убийственного света солнца, от которого горит кожа, и ты теряешь сознание от боли.

Но сейчас я сплю ночью, а днем – нет, так как у меня есть Тайна. Но не только из-за этого. Время идет к лету – у моей мамы в школе много работы и она очень устает. А гулять по ночам сама я боюсь. Нет у меня никаких фобий. И с ума я не схожу. По ночному городу сейчас опасно ходить одинокой девочке. Если признаться самой себе, то страх у меня все-таки есть. Я боюсь полной луны. Вернее, яркого лунного света, хотя он совершенно безопасен. А вот солнечный свет для меня, как и для других больных порфирией, смертелен.

С улицы донесся веселый детский смех – мальчишки гоняли мяч. Очень хочется выглянуть, но нельзя. Кожа на свету мгновенно покроеется ранами – у нас обычные стекла на окнах. У мамы никогда не хватит зарплаты учительницы, чтобы поставить стекла с защитой от ультрафиолета. Поэтому темные шторы – моя единственная броня.

Ирония судьбы – я одна на сколько там тысяч? Двести? Или вообще на миллион? Я горько усмехнулась. Кому нужна такая уникальность? Не хватало еще расплакаться. Нет, Валя, ты не будешь плакать. Пусть они бегают там, под солнцем, и веселятся. Пускай. Не злись на целый мир, он ни в чем не виноват. Не смей жалеть себя! Лучше вытри слезы и посмотри в зеркало. Давай же, посмотри на свое лицо. Ну и что, что кожа очень бледна и глаза покраснели от слез. Все равно ты красива. И очень умна. Да, умна! И ты выучишься в школе, пускай даже заочно. А потом поступишь в институт. Я видела такие институты, где образование получаешь прямо в Интернете. А потом... Я сама не знаю, что будет потом. От порфирии может вылечить только чудо, так сказал врач. Я слышала. Мы с мамой уже привыкли к такой ночной жизни, когда можно гулять по городу и не бояться солнечного света. Привыкли к шепоту соседей за спиной и сочувствующим взглядам. Я их не замечаю. Но порой так хочется надеяться на чудо. Изредка, пряча от маминих взглядов ожоги на руке, я слегка отодвигаю шторы и про-

веряю – а вдруг! Но чудес не бывает. Есть только темная комната, уставшая после работы мама, которой я доставляю столько хлопот, и моя болезнь.

Одно время я много общалась по Интернету с такими же, как я. Ну их. Плаксивые дураки, замкнутые на своих проблемах. Жизнь продолжается. Я подошла к клетке и просунула сквозь прутья засушенный листок клевера. Шуша слегка приоткрыла правый глаз, поленившись полностью проснуться, и сжевала лист, сделав одолжение для хозяйки.

Столкнув на пол «математику», я уселась в кресло, поджав ноги, и раскрыла свой географический атлас. Так, сто сороковая страница... Маленькие люди в разноцветных купальных костюмах стоят на желтом песке тропического пляжа. Зеленые пальмы задумчиво качают длинными листьями. А до самого горизонта море. Оно играет лазурными красками под ослепительным солнцем. Бескрайняя вода притягивает взгляд и не дает отвести глаза в сторону. И над морем такое же огромное небо. Необъятный простор, пронизанный лучами солнца.

Я не жалею о том, что не увижу другие города – все они похожи друг на друга.

Не жалею о своей судьбе одиночки, навечно запертой в комнате.

Жалею лишь об одном: я никогда не увижу моря. Я не опущу ноги в теплую воду, распугивая маленьких рыбок и сердито убегающих по песку крабов. Не буду кидать еду чайкам, подставляя лицо ласковым солнечным лучам. И морской ветер не будет развевать мои длинные каштановые волосы. Я не почувствую его свежее дыхание с горстями соленых брызг.

Я осторожно захлопнула страницы книги, словно опасаясь выплеснуть из фотографии море или случайно раздавить свою мечту. Атлас так и остался у меня на коленях, а я закрыла глаза и представила, что нахожусь на тропическом пляже среди веселых людей с фотографии. Кто-то бросил мне красный в полосу мяч. Я отбила его в сторону. Он долго летел высоко-высоко в небесную синеву, туда, где возмущенно кричали чайки, и никак не хотел падать на горячий песок. Назад он

так и не вернулся. А я уже скользила по белому туману между явью и сном.

Впереди виднелись зыбкие очертания моего Города, моей Тайны. Я не шла – я плыла сквозь туман. Я растворилась в молочной дымке. Белые потоки подхватили меня и несли вперед, чтобы через несколько мгновений, а может быть, и через вечность, бережно опустить на пустынной улице Города.

– Валя, ты опять спишь днем сидя?

Чей это голос? Это же меня мама зовет. Стоп! Почему день? Разве сейчас день? Назад! Мне нельзя днем в Город. Я вырвалась из объятий сна, сбрасывая белые щупальца тумана, не желавшие меня отпускать.

– Я забежала с работы на обед, гляжу – ты вновь спишь в кресле. Ложись в кровать.

«Гляжу»... Не «гляжу», а «смотрю». Тоже мне, учительница, а правильно говорить не умеет.

– Ну и что? А может, мне так удобно!

Зачем я грублю? Откуда во мне такое раздражение? Я рухнула в свою незастеленную кровать и накрылась с головой одеялом. Мама только тяжело вздохнула и ушла на кухню брэнчать кастрюлями. Вскоре потянуло вкусным суповым запахом, пробиравшимся под одеяло.

– Иди есть, горе ты луковое, – мама отвернула край одеяла и погладила меня по голове, словно маленького ребенка.

– А почему луковое? – спросила я, вытирая выступившие слезы, и улыбнулась.

Белый туман под ногами, вздрагивающий и мягкий, щекочет лодыжки. Надо мной сверкающие звезды, те самые, что смотрели недавно в открытое окно. Я все еще чувствую прохладный ветер, ворвавшийся в комнату вместе со светом звезд, но дорога сна уже влечет меня к Городу. Ночной ветер подталкивает в спину: «быс-с-стрее, быс-с-стрее...», молочная дорога накатывается на каменную кладку, словно морской прилив, отбегает назад, и я оказываюсь на широкой улице.

Ранняя ночь в Городе.

Ни свет, ни тьма.

Туманная дымка, пронизанная мягким светом, но не опасным, а очень приятным. Она заполняет улицу, слегка размывая очертания окрестных домов, меняет цвет неба. Чуть позже – обжигающий свет и непроглядная тьма. Сейчас у меня есть несколько часов сна для прогулок по моему Городу, пока стена ночного кошмара-темноты еще не нахлынула на изменчивые улицы, а с другой стороны его не затопила волна света.

– Здравствуй, – сказал Симург. – Я ждал тебя. И не только я. На площади опять скучает этот мальчишка.

– Спасибо, Симург. Я сейчас пойду к нему... Здравствуй, – поздоровалась я с пустотой.

Каждый камень, на который я ступала, отзывался громким сердитым гулом. Пускай сердятся, это ведь мой сон, и я имею полное право идти по дороге, которую сама же и «приснила». Хотя, может быть, вся дорога и каждый ее камень, спят в моем сне, поэтому тут такая тишина. Если бы на меня так неожиданно наступили, я бы тоже рассердилась.

Потухшие фонари по краям улицы тоже спят. Дома смотрят черными пустыми окнами. Но мне совсем не страшно. Даже когда я в первый раз попала в свой Город, я совсем не испугалась. Было только непривычно видеть такой цветной и запоминающийся сон. Хотя – нет, помню, что все-таки вздрогнула и едва не проснулась, когда кто-то невидимый поздоровался со мной. Сейчас я уже привыкла к Симургу. Знаю, что он постоянно летает где-то рядом.

До сих пор непонятно, кто он такой. Наверное, это мое подсознание, и я разговариваю во сне сама с собой, хотя это и довольно странно. Я его тогда так и спросила:

– Симург, ты кто?

Мой незримый собеседник некоторое время помолчал, а потом изрек:

– Ну, на это трудно так сразу ответить.

Да уж, если он сам не может сообщить прямо кто он такой... Но в книгах я все-таки покопалась. И выяснила, что Симургом

называется мифическая птица из персидских сказок, обладающая большим лекарским талантом.

– Ты можешь меня вылечить? – поинтересовалась я той же ночью, когда это узнала.

Может быть, я сама придумала имя своему ночному воображаемому собеседнику. Бывает, что на глаза попадает какое-то слово, ты его забываешь, а потом оно всплывает в памяти и совершенно не ясно, что оно означает.

Но сердце после вопроса забилося быстрее.

– Гм... Понимаешь, люди сами обладают потенциалом к лечению, заложен в них такой механизм. Но вот заставить работать эту способность тяжело, знаешь ли. Я лишь могу слегка подтолкнуть человека в момент, когда у него полностью раскрыто сознание.

– А как я могу раскрыться?

На что Симург только вздохнул и напевно произнес:

«Ответ в себе ты поищи,
Когда огонь и тьма
Столкнутся вновь в душе твоей,
Сойдутся в ярком сне.
И, если правильный ответ сумеешь ты найти,
Развеет тьму, уймет огонь
Лучистая звезда».

– Что за загадки, Симург? – недовольно поморщилась я. – Или ты пророком стал?

Или я сама?.. Случается, что тебе снится сон, а такое чувство, что это уже снилось, и ты четко представляешь, что будет дальше. Но не в этот раз. Что же это за огонь и тьма? В Городе есть только одна стена мрака. И света тоже. Смертельного для меня. Да и стихи я сочинять никогда не умела. Похоже на ту безвкусицу, которую я пробовала писать лет в шесть. Потом забросила.

Прежде чем я успела спросить поконкретнее, Симург перевел тему разговора.

- Спасибо за хороший сон, Валя.
- Не за что, – ответила я. – А разве это мой сон? Я думала, это ты придумал Город.
- «Думала», «придумал»... Да я живу в ваших снах, понимаешь! Я существую только в человеческих сновидениях, закрепляю их, не даю рассыпаться.
- Выходит, ты сидишь у меня в голове?
- Вот глупышка. Говорю же, не в голове – во снах. Знаешь, в чем отличие симбиота от паразита?
- Симбиот что-то берет, но что-то и дает взамен, а паразит – только берет, не спрашивая разрешения. Я права? Только причем тут?..
- Вот-вот. Можешь считать меня симбиотом.
- Значит... Получается, что ты живешь в моем сне, взамен предлагая...
- Да, я лечу людей, раскрываю в них способность исцеляться. Но это не всегда выходит.

Симург вновь вздохнул.

- У тебя, наверное, возникает вопрос, почему я поселился именно в твоём сне? Ответ ты уже знаешь.
  - Потому что я больна?
- Невидимый собеседник промолчал.
Меня посетила неожиданная мысль.
- Подожди! Раз есть симбиоты, значит, могут быть и паразиты?

Опять ответа не было. Но мне показалось, что Симург посмотрел в сторону, откуда приходит тьма.

Порой странные мысли сообщает мое подсознание. Хотя во сне не бывает ничего невозможного. Тем более, в разговоре с самим собой. Во сне все понятно и естественно. И совсем не удивительно. Не замирает сердце, как днем, когда ты вспоминаешь свой ночной сон – было или не было?

Когда между нами произошел этот разговор? Месяц назад, два? Сколько ночей я уже провела в своем Городе? Не помню...

Я уже спрашивала, не может ли Симург «закрепить» другой мой сон? Нет, не может, не найдет тогда ко мне дорогу. Так что

моря я не получу даже во сне. Все совершенно неправильно! Это же мой сон, а значит, это не просто Город. Это должен обязательно быть Морской Город. С чайками – ты же слышишь, Симург, слышишь, как они кричат вдаль? Их крики очень далеко, конечно, но это чайки. И с морским ветром, который иногда гуляет по улицам вместе со мной. Если бы ветер умел говорить, то он бы меня успокоил, что да – он морской ветер, не то что ты, Симург, который все больше молчит и вздыхает. Или говорит загадками. Ведь я определенно слышу морскую свежесть. А раз море рядом, то я обязательно когда-нибудь к нему выйду. Я найду дорогу, которая выведет меня к морскому берегу.

Я до сих пор ее ищу.

В Городе нельзя войти дважды на одну и ту же улицу. Они во всех моих снах разные. И в то же время – одинаковые. Я хожу по улицам Города, словно встречая старых знакомых, которых уже успела позабыть. Неизменной остается только центральная площадь со статуей какого-то генерала на коне, стоящей возле ни разу не работавшего фонтана. Вид у генерала совсем не воинственный. Он сидит на коне и как-то очень неуверенно смотрит вдаль, туда, откуда обычно наплывает на Город мрак. Надпись на статуе давно стерлась, и прочитать, кем является всадник, совершенно невозможно. Я называю его генералом, на что статуя совсем не обижается.

Сегодня возле статуи на каменной ограде фонтана сидит мальчик. Он очень пристально разглядывает робкие стебельки, пробивающиеся сквозь камни.

– Саша, привет!

Сашка вздрогнул от неожиданности, как и в первый день нашего знакомства.

Не знаю, кто тогда больше удивился – я или он. Хотя Сашка, по-моему, не так уж сильно, зато я стояла с открытым ртом. Еще бы – увидеть человека в пустом Городе. В своем сне.

Он был очень стеснителен. Слова приходилось из него просто вытягивать. Саша все больше разглядывал что-нибудь, захватившее его внимание. Но я почему-то сразу поняла, что он не

персонаж моего сна. Уж слишком Сашка несуразный какой-то. Совсем на меня не похож. И поэтому – он живой. Просто приходит в мой сон. Из своего, наверное. Во сне как-то забываешь выяснить такие мелочи – откуда и зачем. Приходит и все, значит, так нужно. Если честно – я его ждала, а Саши не было уже несколько снов.

– Смотри, – смущаясь, сказал он, – пускай это не море, но, думаю, что тебе понравится.

Саша протянул руку над замершей трубой фонтана, замаскированной среди камней, и, зажмурив глаза, что-то негромко зашептал.

– Что ты делаешь? – засмеялась я.

– Подожди, не мешай, пожалуйста, – проговорил он еле слышно.

Вдруг в трубе что-то забурлило, забулькало, и из нее вырвалась мутная струйка ржавой воды. Я заинтересовалась, нагнулась ниже... и едва успела увернуться от ударившей струи фонтана.

– Ой!

Вода била вверх, поднимаясь все выше, рассыпаясь в стороны водяной пылью. В воздухе заиграла радуга. Я в первый раз в жизни видела настоящую радугу! «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Точно, все семь цветов! Саша смеялся, подставив ладони падающим брызгам.

– Ты волшебник? – спросила я.

– Мы же во сне, – ответил он. – Мне кажется, что тут возможно все. Пойдем искать твою дорогу к морю?

– Пойдем!

И мы пошли по забытым улицам Города. За нами следовал незримый Симург.

– Пора прощаться? – спросил Саша.

Я посмотрела на подступающую стену тьмы. Непроглядный мрак был ближе, чем пылающий свет в противоположной части Города.

– Да, – ответила я. – Пора.

Он постоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, тогда я пошел? Я обязательно скоро вернусь.

Саша с тоской посмотрел на стену тьмы, повернулся, и, не оглядываясь, зашагал прочь.

– До свидания, – сказала я.

Стена кошмара была уже совсем рядом. Время покидать Город, но я все стояла и смотрела на бушующую тьму, захватывающую улицы. Во мраке шевелились ветви черных деревьев, живые, как щупальца осьминогов. Словно гигантские черви, они что-то ловили, видимое только им, сжимались и пульсировали. Дальше во мгле темные заросли теряли очертания и сливались в сплошную черноту. В ней ничего не было видно, но воображение рисовало такие картины, от которых волосы начинали шевелиться на голове. Казалось, что кто-то огромный передвигается там, охает и давит улицы Города толстыми лапами.

Хотя царит полная тишина.

Это только моя фантазия. Мой сон. Ничего этого нет. Я закрыла глаза.

Когда я их открыла, то там, за границей тьмы, стояла девушка. Белое нечеткое пятно на черном фоне. Белое платье и белые длинные волосы. Бледное вытянутое лицо. И большие глаза с черными зрачками. Они пристально смотрели на меня.

Белое в черном. Разлитые чернила вокруг чистого листа. Кто ты? Почему черные глаза так зовут и притягивают? Я отшатнулась назад и проснулась.

И уже в том коротком промежутке времени, когда просыпаться, но сон еще не отпустил из своих цепких объятий, я услышала слова Симурга, словно ответ на свой не прозвучавший вопрос.

– Это Королева кошмаров.

Кто была эта девушка из моего сна? Мне казалось, что я ее где-то уже видела, но где – вспомнить не могла. Быстрее бы попасть снова в Город и расспросить о ней Симурга. Да и Сашку хочется поскорее увидеть. Как странно, вроде бы только расстались, а

вновь хочется с ним встретиться. Хорошо вдвоем рука об руку бродить по тихим пустынным улицам Города. Неужели я скучаю? Странное чувство, я думала, что могу испытывать нечто подобное только к маме, когда она где-то задерживается и долго не возвращается домой.

У меня нет друзей.

Есть, правда, моя двоюродная сестра Алена, которая одно время довольно часто ко мне приходила. Но нам было неинтересно друг с другом. Алена ничего не понимала в моих книгах и увлечениях. Вернее, не хотела понимать. Какое ей дело до того, как высекали из камня гигантские фигуры острова Пасхи, когда есть глянцевые журналы с красавицами на обложках? Общих тем мы так и не нашли. Вскоре Аленка начала приходить все реже и реже, чтобы как-то незаметно исчезнуть из моей жизни, оставшись только подругой-отвечающей-по-телефону.

Я так подозреваю, что это моя мама попросила ее тогда приходить ко мне. Бойтся, что я расту очень нелюдимой.

У меня нет друзей.

Но думаю, что уже есть. Я улыбнулась своим мыслям. И тут внезапно меня пронзил страх. Что если это всего лишь мой сон, плод больного воображения? Вдруг я схожу с ума? И никакого Сашки по-настоящему не существует? Пускай побыстрее пробежит время до ночи, когда из Города схлынет обжигающий свет, прогнавший стену кошмара. Тогда меня вновь встретит невидимый Симуург.

Но встретил меня не Симуург. Да и очутилась я вообще не в Городе. Не было привычной туманной реки – мгла сковывала мои ноги. Из тьмы расползались и шевелились под ногами ветвищупальца. Вокруг живой подвижной кляксы возвышались черные деревья с голыми ветвями. Щупальца напознали на них, и, казалось, сливались с черными неподвижными стволами. Сквозь сеть ветвей давило необъяснимой угрозой багровое небо. Наверное, я стояла в центре этого ужасного леса, а он все рос и рос дальше, увеличиваясь в размерах, вгрызаясь в обыч-

ные сны людей, заставляя просыпаться от собственных криков, но не раньше, чем выпьет из них энергию сна.

Откуда я это узнала? Я смотрела в черные глаза Королевы кошмаров, сидящей на черном пне передо мной, и вместе с взглядом ко мне приходило понимание.

«Знаешь, в чем отличие симбиота от паразита?»

– Зря ты меня боишься, – улыбнулась белая девушка.

Проснуться, немедленно проснуться. Почему не получается?

«Валя, проснись!» – долетели до меня чьи-то слова. Кто это говорит? Я не могла отвести взгляд от черных зрачков. Королева кошмаров встала со своего пня и направилась ко мне. Теперь я знаю, как чувствует себя муха, попавшая в паутину.

– Совершенно зря пытаешься вырваться, – спокойно сказала Королева. – Я сама вскоре отпущу тебя. Но не раньше, чем ты согласишься на мое предложение.

– К-какое предложение? – едва удалось выговорить мне.

– От которого ты не сможешь отказаться.

Улыбка появилась на лице Королевы кошмаров, но от этого лицо добрее не стало. И злым оно не было. На нем застыла маска отрешенности, словно я не представляла для Королевы никакого интереса. Так, очередная добыча – чего на нее тратить лишние силы? Но в глубине глаз нет-нет, да и вспыхивали искорки: «Не отпущу!»

– Ты ведь хочешь попасть на море? Найти свою дорогу, которую так долго искала?

Память листает географический атлас. Сто сороковая страница. Плещется, пытается вырваться с фотографии лазурное море.

– Но солнце сожжет меня! – выкрикнула я.

– Я не предлагаю тебе поехать на море в твоём реальном существовании. Но вот во сне... Целая ночь яркого сна, в котором ты будешь на морском берегу.

«Валя, проснись немедленно!»

– Целая ночь, подумай.

– А потом? Что будет потом?

– Во снах ты будешь попадать в мой лес, вот и все.

Целые ночи бродить по лесу с черными шупальцами и не иметь возможности его покинуть. Всю жизнь. Но с другой стороны, а будет ли у меня эта жизнь?

– Зачем тебе это?

– Скажем так, – сказала Королева кошмаров, – я коллекционирую таких, как ты. И считаю, что даю достойную плату. Не так уж легко изменять закрепленные сны. Ты не бойся, люди чаще всего не помнят, что снилось ночью. Разве что по утрам будет легкое чувство недовольства, которое со временем пройдет. А вот море... Море ты будешь помнить прекрасно, как будто побывала там по-настоящему.

«Проснись!»

– Соглашайся, я не буду предлагать много раз.

Море... Теплый прибой, ветер и соленые брызги. Игра с мячом, когда мы с хохотом будем бегать по горячему песку за неуловимым разноцветным шаром. А потом – черный лес, из которого нет выхода.

А как же Саша? Он же будет меня ждать!

Нет! Нет! Отпусти меня!

«Ты моя, не вырвешься!» – говорили бездонные глаза, черные, как и лес вокруг.

– Тебе надо только сказать «да», и тебя ждет твое море.

«Валя, проснись!»

Прикосновение мягких крыльев. Они невидимы, но дают мне силы и помогают выбраться из черного болота. Королеву кошмаров будто кто-то отталкивает в сторону.

– Ты еще вернешься ко мне, Валентина, еще вернешься... – глаза Королевы сузились, лицо стало как у хищника, у которого из-под носа забрали добычу, того и гляди кинется.

Но не на кого. Меня уже нет в ее кошмаре. Ласковая рука мамы лежит у меня на лбу.

– Валя, что случилось, ты так кричала во сне, и добудиться тебя нельзя было?

– Спасибо, что разбудила, – улыбнулась я. – Просто приснился кошмар.

Просто кошмар.

А ноги мелко предательски дрожали.

Уснуть я смогла только около часа спустя.

Город... Ставший привычным за это время. Словно попала домой.

– Он не дождался тебя, – сказал Симуург.

– Сашка?

– Да. Он ушел, но оставил тебе записку. Что с тобой случилось, почему задержалась?

– Потом расскажу.

Тревога не проходила, а усиливалась. Вроде бы и Город тот же самый, и Симуург такой же заботливый, но вот не проходит она, и все тут. А ноги сами ускоряют шаг по мере приближения к площади. Мне кажется, что я уже бегу.

Почему он не дождался?

Фонтан вновь не работает. На каменной ограде сиротливо лежит придавленная камнем записка. Расплывшиеся строки окроплены каплями, словно слезами.

«Валя, прости меня, мы больше никогда не увидимся. Я очень виноват перед тобой, но у меня не хватило храбрости рассказать правду. Теперь уже поздно, я не дождался тебя. Нет времени. Пора уходить.

В реальном мире я болен, как и ты, наверное. Думаю, что ты догадалась, хотя мы и не говорили про это. Мне было очень одиноко там, в реальной жизни. Не было друзей. Совсем. Никого не было. И вот однажды во сне ко мне явилась девушка, вся в белом, и предложила целую неделю счастья. Сказала, что я найду друга. Но после этого я навсегда в своих снах останусь в ее ужасном лесу. Я согласился, попал в Город и встретил тебя.

Это была лучшая неделя в моей жизни.

Спасибо тебе. Я не смогу тебя забыть.

Прощай».

– Куда он пошел?! – закричала я.

– В сторону кошмара... Что с тобой? Ты куда бежишь?

Записка вырвалась из рук и осталась среди камней дороги белым лоскутком. Я мчалась в сторону черной границы.

Стена тьмы с одной стороны, стена света – с другой. Улицы петляют... Помогите мне, дайте короткую дорогу.

– Почему ты плачешь? Он что – отправился к Королеве кошмаров? – запоздало догадался Симург.

– Да! Да! – я, уже не сдерживаясь, редела в голос.

Предательский камень, как неудачно он попал под ногу. Колено разбито в кровь, я не могу бежать, хромаю, скачу на одной ноге, сжав губы и глотая слезы.

Вот она – граница моего сна, начало владений Королевы кошмаров. Граница яркого света уже совсем близко. Время, когда свет почти целиком захватил мой Город, а тьма кошмара отступает на свои рубежи. Пора уходить, убегать из сна.

Я никуда не уйду без Саши.

Эта мысль почему-то очень твердо засела у меня в голове. Не уйду.

Я увидела их – белую фигуру Королевы и худого мальчишку, который шел, опустив голову. На границе света и тьмы. Его рука была зажата в бледной ладони. Несколько секунд, и тьма проглотит их.

– Сашка!

Он встрепенулся, поднял голову. Мы встретились взглядами.

«Сашка, дурак, что ты наделал!»

«Уходи! Свет погубит тебя. Ты не сможешь уже мне помочь».

«Я никуда без тебя не уйду».

– Я согласна на твое предложение, Королева! Отпусти его!

Я не успеваю до них добежать. Испепеляющая полоса света надвигается все ближе, а Королева уже почти скрылась с добычей в своем кошмаре.

– Я согласна, слышишь! Только отпусти Сашку!

Белая фигура замерла, словно опешила немного. Это хорошо, очень хорошо. Выигрываю драгоценные секунды. Я должна их догнать.

– Я никогда не расстанусь со своей добычей, – Королева говорит очень тихо, но я слышу каждое ее слово. – Ты мне больше

не нужна. Неужели он для тебя так важен? Хорошо, на, возьми свое море! Получай бесплатно!

Я увидела...

Улица, с которой тьма уже отступила, а яркий свет еще не присоединил к своим владениям, вдруг раскрылась. Там, вдали, блестело море. Там были белые чайки и пушистые облака. На долю секунды я услышала далекий смех. Я знала, стоит мне ступить на эту улицу, как она закроется за моей спиной, отгородит от тревог и опасностей. Только шаг...

Мой секундный порыв прервал внутренний крик.

– Не-е-ет!

Я кричу вслух.

Или это Симуург кричит вместе со мной?

Лицо Королевы кошмаров искривляет гримаса ярости (или страха?). Королева толкает упирающегося Сашку, и мрак окутывает их.

А на меня накатывается полоса обжигающего света. Я не успела пару шагов. Пару бесконечно длинных шагов, которые мне не суждено пройти, потому что свет сожжет меня.

Слез уже нет, их высушило бушующее вокруг пламя. Кожа начинает гореть. Боль кричит мне: «Проснись!» Глаза перестают что-либо видеть.

«Избавься от этого сна, вставай!»

Нет. Я иду, пробираясь сквозь яркий свет.

Но не продвигаюсь ни на шаг.

Откуда-то издали слышу крик, который постепенно закладывает мне уши. Это Симуург:

– Спротивляйся, ты можешь!

Как? Я чувствую, что в открытых ранах уже нет выкипевшей крови. Я перестаю чувствовать боль. Наверное, я умру прямо во сне.

– Валя, оттолкни огонь от себя, поставь барьер!

– У меня ничего не получается!

Я больше не могу ни про что думать. Меня охватывает спокойное безразличие. Слова Симуурга я еще слышу, но уже перестаю понимать, о чем он говорит.

Огонь вспыхивает в груди и сжигает меня изнутри. Почему-то вспоминается заработавший прохладный фонтан, улыбающийся мальчишка... Это же Сашка!

«Мы же во сне. Мне кажется, что тут возможно все».

Я лежу? Да, я лежу на земле. Вставай! С трудом отрываю руки и поднимаюсь.

«Тут возможно все».

Я делаю шаг.

«Когда огонь и тьма»...

Огонь внутри меня и снаружи. Я сгорела? Нет! Огонь внутри – это я сама!

«Столкнутся вновь в душе твоей...»

Второй шаг. Очень долгий, сквозь сопротивляющийся свет.

Огонь изнутри, он уже не сжигает! Мне кажется, что он меня поддерживает. Огонь, разгоревшийся в груди, разливается теплом по всему телу. Становится легко и приятно.

Я горю? Разве я горю? Нет, я исторгаю огонь. Он горит внутри меня и вырывается лучистым сиянием наружу, отталкивая внешний обжигающий свет. Что со мной?

«Развеет тьму, уймет огонь

Лучистая звезда».

Я звезда? Я стала звездой?

«Я лишь могу слегка подтолкнуть человека в момент, когда у него полностью раскрыто сознание...»

Симург, это ты мне помог? Я больше тебя не слышу. Куда ты пропал? Но мне некогда выяснять, я должна спасти Сашку. Я иду сквозь пламя, и бушующий во мне свет отталкивает и гасит языки огня.

Стена тьмы. Она прогибается и лопается, словно мыльный пузырь, мой свет рвет ее в клочья, и я делаю шаг в черную ночь. Щупальца извиваются, уползают в сторону. Мертвые деревья тают на моем свету, рассыпаются в сдуваемую ветром пыль. Освобождаются камни улиц Города.

Это мой сон! Здесь не место кошмарам.

Лицо у Королевы испуганное. Она поняла, что убежать со своей добычей уже не сможет и повернулась ко мне, пригото-

вившись драться. Но выглядит она сейчас словно ошипанная, изгнанная из своей стаи несчастная курица. Она стоит, распустив перья, но это все, на что хватает ее прыти. Королева напугана и затравлена.

Она одинока. Одинока среди своих пленников, которых держит в кошмаре.

И именно теперь, когда ее лицо приняло выражение маленькой обиженной девочки, я ее узнала.

– Здравствуй, Алена. Ты знаешь, кто такие паразиты, питающиеся энергией сна других людей?

– Как? – она отшатнулась и отпустила Сашу. – Как ты догадалась?

Белые черты лица-маски таяли, стекали вниз, оставляя за собой знакомое лицо.

– Во сне видишь настоящую суть людей, которую в суете реальности можешь просто не замечать.

Я подходила все ближе, а поверженная Королева сжималась, прикрываясь руками.

– Нет! Нет! Уходи! Оставь меня!

– Пора возвращаться в реальную жизнь, сестричка.

Я взмахнула руками, и в Королеву ударил искрящийся свет, вышвыривая ее из моего сна. Не думаю, что она вернется когда-нибудь.

Лес кошмара таял на глазах, но мне это было уже не важно. Сейчас не важно. В этот момент. Я стояла и держала за руки Сашку, улыбающегося и не говорящего ни слова.

И я поняла, как устала. Сил поддерживать этот сон больше не было. Сашкины ладони выскользнули из моих, и он начал отдаляться. Или это я улетала из сна?

Белый потолок перед глазами, мягкая постель. Я дома! Я проснулась. Я быстро посмотрела на руки и провела пальцами по лицу. Ожогов не было. Как будто я не горела заживо в своем сне. А Сашка? Он же остался там! Но почему-то на душе не было тревоги. В ней просыпалась и оживленно потягивалась уверенность, что я с Сашей еще обязательно встречу.

В доме тишина. Мама ушла на работу. Я встала и подошла к окну, закрытому толстыми шторами. Взялась обеими руками за края темной ткани, помедлила секунду и отбросила шторы в сторону. За окном было яркое солнце, освещающее меня и мою комнату.

Теплое и приятное яркое солнце.

РЫЦАРИ ПЯТОГО КОРОЛЕВСТВА

Семнадцать лет – славный возраст, чтобы стать рыцарем после выпускного экзамена. Или умереть. Завтра нам всем предстоит последнее испытание. Всем наивным, гордым, вспыльчивым, храбрым и самоуверенным юнцам, захотевшим получить права рыцарей Пятого королевства.

Я вглядываюсь в лица друзей и недругов (а как же без них-то), стоящих в строю слева и справа от меня в главном зале Академии. Всех, как один, с нетерпением ожидающих, когда назовут их имена. Будущие рыцари... Молодые глупцы, не видевшие настоящей крови и сражений. А я видел... Как умирал мой отец, пронзенный стрелой гоблина. Как истекал кровью старший брат, сдерживая толпу врагов на главной лестнице.

Мы отстояли замок, но с тех пор я стал старшим в роду.

– Милброк из Босторского леса! – объявил герольд.

Милброк – крупный увалень с круглыми красными щеками вышел из строя и, переваливаясь словно гусь, пошел к нашему Наставнику. Сколько кружек эля мы выпили с тобой, Милброк? Увижу ли я тебя еще после экзамена?

Подвиги и прекрасных боев во славу идеалов не существует. Их нет и никогда не было. Есть только крики побежденных и победителей, звон мечей и стекающие по ступеням каменной лестницы потоки крови.

Только ярость и звон мечей.

И смерть врага, если ты более искусный в битве, чем он.

Я выучился и готов стать рыцарем. Чтобы сражаться с гоблинами и показать им, как может драться последний в роду Лар-

дов. И мне плевать на давно объявленное перемирие. Долгие годы спокойствия, когда оружие позволено держать только рыцарям, закончившим Академию.

– Лард из Большой Долины!

Это меня. Гладкие плиты пола гремят под моими ногами.

– Вы достойно прошли годы непрерывных занятий, Лард. Вы были изолированы от всего мира, чтобы стать идеальным и бесстрашным воином. И теперь вас ожидает последний экзамен, после которого вы получите право называться рыцарем. Вы готовы?

Голос Наставника строг и торжественен.

– Да!

– Тяните ваш билет.

Я без волнения, ну разве что совсем чуть-чуть, взял первый попавшийся запечатанный конверт.

– Вы свободны, Лард. Экзамен для вас начнется завтра с утра. Готовьтесь. Желаю удачи!

Я развернулся и последовал в свою комнату.

В длинном коридоре мне навстречу шел Конрад Болотный, прозванный мною Лягушем из-за больших выпученных глаз и среды обитания. А так же из-за того, что мне он не нравился. И это чувство было взаимным и острым. Он не сворачивал. Я тоже. Мы столкнулись плечами посреди коридора.

– Ну что, Кабанчик, вскрыл свой конверт? – ехидно улыбаясь, спросил Лягуш.

С каким наслаждением я вызвал бы его на дуэль и проткнул мечом. Но – нельзя. Дуэли запрещены. Я не хочу, чтобы меня выгнали из Академии. Разрешаются лишь бои в спортзале затупленными мечами.

– А ты уже свой посмотрел? Надеюсь, что тебе досталось какое-нибудь вонючее болото. Хотя, я ошибся – болотом тебя не испугаешь. Оно для тебя, как дом родной.

Достал я тебя, Лягуш, ой, как достал. Как ты в лице сразу изменился, неужели я угадал?

За что я его так не люблю? Сказать по правде – не знаю. Глупо, наверное. Мелочные враги. Мелкие обиды. Глупо... Но ничего не поделаешь. Мириться первым я не собираюсь.

Возле дверей в мою комнату уже стоял, лениво облокотившись на стену, Милброк.

– Ну что, – поинтересовался он, – какой билет достался?

– Значит так, – сказал я. – Каждый вскрывает конверт у себя и готовится. Чтобы не отвлекаться. Потом встречаемся и делимся впечатлениями.

– Ну, ладно, – пробурчал Милброк и вразвалочку утопал по коридору.

Я заперся в комнате. Пальцы, вскрывающие конверт, слегка дрожали. Ч-ч-черт. Неужели волнуюсь? Билет номер семнадцать: «Необходимо освободить принцессу, томящуюся в черной башне посреди Черного леса». М-да... Классика жанра испытаний, так сказать. И охота злодеям этих принцесс воровать?

Далее шли карта с указанными координатами башни и портрет... Ого! Какая красивая девушка. «Портрет неизвестной принцессы». Как это неизвестной? Кто-то же принцессу рисовал? Рисовал. Явно с натуры. Тут и дата стоит – буквально месяц назад художник в краску кисти макал. А вот и его автограф. Наверное, писал портрет еще до того, как принцессу похитили.

У принцессы умные голубые глаза. Немного вздернутый нос, хотя ее это совсем не портит. Черные кудрявые волосы, заплетенные в косу. Господи, ну откуда же у нее такой взгляд! Не бывает у принцесс таких умных и пронзительных глаз. Им же на роду написано быть глупыми и позволять себя похищать. Как же тебя угораздило-то?

И тут я понял, что ее спасу. Во что бы то ни стало спасу. Дело даже не в экзамене. А в чем? Неужели ты влюбился, как желторотый юнец? И в кого? В портрет, черт возьми, неизвестной принцессы.

Нет, не влюбился. Больно надо.

– Красивая, хозяин, да? – запрыгнул мне на плечо со стола Остроух.

– Кыш! – сказал я. – Не твоего ума дела.

Сколько я ни просил фамильного домового не называть меня хозяином – не помогает. Да, пускай, если ему так нравится.

Я аккуратно положил портрет на стол. Развернул карту и показал Остроуху.

– Ну-ка, Ух, давай выдай мне все, что сможешь раздобыть про эту башню, – сказал я, доставая зеркальный планшет.

Ух закатил круглые глаза – подключался к ВПД – Всемирной Паутине Домовых. Огромный, все-таки, был прорыв в технологии, когда мы обнаружили, что вот эти почти всегда невидимые чудики, шатающиеся по нашим домам, безмерно накапливают любую информацию. Мало того – они еще и связаны друг с другом магически, всегда могут обмениваться информацией. Это ж кладезь знаний.

– А где «пожалуйста», – съехидничал Ух.

– Лишу сладкого, – пригрозил я.

– Ладно, ладно, уговорил. Вот тебе твоя башня.

Домовой напрягся, его круглое мохнатое тело раздулось. Глаза, кажется, стали еще более выпученными. Ух впал в транс. Далее с ним можно общаться только через планшет. В зеркале планшета возникло объемное изображение высокой башни, сделанной из черного камня. Так, высота, диаметр... О! План башни... Кем и когда построена, кто жил. Это лишнее, не надо... Так... Сейчас, возможно, занята гоблинами. Гоблины – это очень хорошо. Ну, просто замечательно! Моя рука потянулась к бастарду, висящему на стене. Не понял, у меня что – условный рефлекс на слово «гоблин»? Так, все, забыли. Идем дальше. Хотя... Вернемся-ка мы к плану.

Я нажал пальцем на маленькое свернувшееся изображение чертежа. Затем на картинку, схематически изображающую лупоглазого домового с пером в руках. Остроух очнулся, достал откуда-то гусиное перо, склянку с чернилами, развернул чистый лист бумаги. Окунул перо в чернильницу.

– Хозяин, чернила закончились, – сообщил он.

– Одни растраты с тобой, – проворчал я, доставая из запасов нераспечатанную банку чернил.

Фирменные, сделанные на заказ, с гербом моего рода на склянке – бегущим здоровенным кабаном и перекрещенными мечами. Других мой домовый не признавал. Остроух затрясся и

быстро-быстро начал наносить чертеж на лист. Через минуту он подал мне высыхающий план черной башни. Прямо в одежде я бухнулся на кровать и начал изучать чертеж. Нет, все-таки, вначале привстал и поставил портрет принцессы так, чтобы мне было хорошо его видно.

Я изучал чертеж и продумывал план действий целый час. Затем вскочил, потянулся. Затекившие мышцы требовали напряжения.

Я с шумом ворвался в комнату Милброка.

– Сдавайся, гоблин!

Мил едва не свалился со стула вместе со своим планшетом. Его пугливый домовой, не фамильный, как у меня, а купленный на распродаже в магазине, тут же стал невидимым.

– Тьфу ты, черт! Как ты меня напугал! – возмутился Милброк.

Я заглянул другу через плечо. На планшете были запущены «Рыцари и горгульи» – новая популярная игра. Мил весело тыкал пальцем в планшет, разя наповал бравым воином очередного каменного зубастого монстра.

– Десятый уровень уже, – сказал будущий рыцарь, – не мешай.

И от усердия закусил губу.

– Это так мой друг готовится к экзамену? – закричал я. – Защищайся!

Мил увернулся от воображаемого выпада. Он мог быть очень ловким, мой упитанный друг, когда это было необходимо.

– Чего к ним готовиться? Мне всего лишь мост троллей достался. А тебе что?

– А ну бегом в спортзал! – вместо ответа воскликнул я. – Я из тебя сделаю подушку для булавок. Лучше я, чем завтрашние противные зеленые тролли.

И потащил толстяка за собой.

Бам, бам, бам – удары затупленных тяжелых бастардов эхом отражались от стен спортзала. Мы фехтовали в доспехах, полностью закрывающих все тело. Конечно, смотреть через узкие прорези в забралах было неудобно, но зато безопасно.

Мил рубанул сплеча, я принял удар клинком. На мгновение длинные мечи замерли. Мил вытянул руки, целясь острием мне в голову. Клинки скользнули друг по другу, и я успел поднять рукоять, отбивая лезвие гардой.

– Ха! – Милброк движением кистей рук высвободил бастард и, рискуя и открываясь, провел колющий выпад в мой живот.

Нет уж, это тебе не быстрая легкая шпага. Я отбил его меч в сторону, сделал шаг вперед и толкнул Мила плечом. Мой друг с грохотом повалился на пол, выпуская из рук меч.

– Так нечестно! – завопил он.

– Проклятый гоблин, бой не бывает нечестным!

Я протянул руку, помог Милу подняться, и вот уже мне пришлось отступить под его бурным натиском.

– Бом-м-м! – у меня загудело в ушах после того, как его бастард плашмя угодил по моему шлему.

Как-то незаметно для себя, я оказался сидящим на полу. Милброк приставил острие меча (тупое, конечно) к моему горлу.

– Сдавайся, зеленокожий тролль!

– Все, все, сдаюсь, – выдохнул я, сбрасывая надоевший шлем и вытирая пот со лба. – Пошли отдыхать. Перед экзаменом надо выспаться.

Некоторое время мы молча стояли перед большим окном, сквозь которое было видно небо с легкими облаками, розоватыми в лучах заходящего солнца.

– Как думаешь, завтра будет все по-настоящему? – тихо спросил Мил.

– Так говорят, – ответил я.

– Тогда береги себя, Лард.

– И ты себя, Мил.

Милброк развернулся и ушел к себе.

Моя комната была погружена во мрак. Остроух со светящимися глазами сидел на столе и разглядывал портрет неизвестной принцессы. Я зажег газовую лампу, вытащил из-под кровати большой сундук. Скрипнула старыми петлями крышка. Со дна сундука я достал покоящийся в ножнах отцовский меч.

«Завтра все будет по-настоящему».

Горящий огонек отразился в отполированной стали клинка. Удобная рукоять, предназначенная для хвата как одной рукой, так и двумя, полукруглая небольшая гарда и острое лезвие с двусторонней заточкой. Сжал в ладони, поднял. Идеальная балансировка.

Взмах рукой, меч со свистом рассекает воздух. Полукруговой удар с возвратом, разрубающий надвое воображаемого противника – х-ха!

– Хозяин, осторо... – воскликнул Остроух и исчез, когда клинок прошел сквозь то место, где он сидел.

– ...жнее! – закончил Ух, проявляясь. – Хозяин, ты тут всю мебель перебьешь.

Одним движением я вернул меч в ножны. Это грозное боевое оружие отца испило кровь не одного гоблина. Быстрое, не то, что наши полуторные тяжелые бастарды. Оно создано не для эффектного фехтования в спортивных залах, а для реального боя, где есть только ты и твой противник. И где нет места вычурным приемам.

Болью пронзили воспоминания.

...Потоки крови на лестнице. Отцовский слуга в заляпанных красными пятнами доспехах подбирает с пола меч, пригибает правую ногу в колене и протягивает оружие маленькому шестилетнему мальчику с заплаканными глазами.

– Мама, мама, почему я должен куда-то уезжать? Я не хочу ни в какую Академию!

– Сынок, так надо, понимаешь, – мама нагибается и обнимает мальчика ласковыми руками...

Я помотал головой, прогоняя видение. Мне нельзя вспоминать, я должен выспаться.

...На подушке, что впитала столько слез маленького ребенка. В первые годы я беззвучно плакал по ночам, когда в голове пульсировала лишь одна мысль – отомстить.

С тех пор прошло много лет.

Я сунул портрет принцессы под подушку и заставил себя уснуть. Спал я без сновидений до самого утра.

Утро встретило меня фанфарами. Трубные звуки, сопровождаемые барабанным боем, заставляли сердце колотиться быстрее.

Умывшись и наскоро позавтракав, я облачился в кольчугу со стальными наплечниками, почти не сковывающую движения. Надел легкий шлем без забрала. Проверил, насколько свободно выходит из ножен меч. Портрет принцессы был надежно спрятан в суме на поясе.

«До свидания, хозяин, – сказал Остроух. – Возвращайся скорее».

Я обернулся и улыбнулся моему домовому. Затем закрыл дверь.

В центре двора Академии были установлены большие ворота-порталы, вспыхивающие пурпурным светом. Ученики Академии по одному входили в них и исчезали, переносясь к месту своего экзамена. Наконец подошла моя очередь. Надеюсь, никто не видел, как я зажмурился перед открытой пастью портала. На мгновение меня охватило чувство полета, а затем нахлынули запах хвои и птичий щебет.

Черный лес ронял в высохшую подстилку сосновые иголки и медленно плывущие в густом солнечном воздухе дубовые листья. Каплями утренней росы сверкали натянутые между деревьев паучьи сети. Где-то в вышине шелестел теплый ветер. Вспорхнула на ветку малиновка, удивленно уставилась на меня, склонив голову на бок, что-то пискнула и унеслась дальше по своим птичьим делам.

Сквозь просвет виднелся шпиль черной башни. Но я не пошел к ней. Нет! Я хитрый. Я вчера тщательно изучил план и обнаружил, что в башню ведет небольшой подземный ход. Скорее всего, он был выкопан для того, чтобы выбраться в случае нападения противника. Как бы то ни было, я решил им воспользоваться и попасть в башню, минуя главные ворота. Я не

питал надежды, что подземный ход не охраняется, раз уж он всем известен, но вдруг его стерегут не так тщательно, как основную дверь? Лишь бы выход не был просто завален.

Стараясь не шуметь, я сверился с компасом и пошел искать вход в подземелье. Ага – вот высокая сосна, а вот и большой камень – ориентиры на карте. Если мы сейчас вот сюда про-лезем... Тьфу! Земля посыпалась прямо в рот. И правильно – не разевай, когда не надо.

Проход был очень узким и низким. Идти приходилось согнувшись, иногда задевая макушкой потолок. Хорошо, что на голове шлем. Ох и испачкаюсь же я. Вскоре подземный ход закончился деревянной круглой дверцей в потолке. Я слегка приподнял ее и осмотрелся.

Гоблины! Кажется, трое. Один стоял прямо возле люка спиной ко мне.

Наконец-то! Ура! Я отомщу за смерть отца и брата! Я припомню гоблинам тот бой!

Дверца слегка скрипнула, когда я вернул ее на место.

Я достал меч и отложил в сторону ножны, чтобы не мешали. Сжал двумя руками рукоять. Несколько раз глубоко вздохнул. Надо, обязательно надо успокоиться. Значит так, выскакиваю и убиваю в спину переднего гоблина. Затем действую по обстоятельствам. В спину? Ну да, это тебе не показательный бой в спортзале. Здесь, либо ты их, либо они тебя, и все средства для этого хороши. Но... Никаких но! Действуй!

Но ведь я никого никогда не убивал... Я... Похоже, что я уже разговариваю сам с собой.

Вперед!

Я резко отбросил деревянную дверцу над головой и выпрыгнул в полутемную комнату. Передо мной была мускулистая зеленая спина гоблина. Я замахнулся мечом...

... И не смог ударить.

Почему? Трус! Я отступил на шаг назад.

Он же почти как человек. Отличается только цветом кожи.

Их трое! Схватились за мечи.

Мой передний развернулся. Я увидел удивленные и немного испуганные глаза. А затем блеснувшую сталь клинка. Рефлек-

торно, одним заученным движением я отбил атаку и продолжил движение своего меча. Острие вошло гоблину в глаз, пробило насквозь голову и вышло с другой стороны. Почти без сопротивления. Легко и просто. Отточенная сталь...

Ой, мамочки! Что же я делаю?

Ногой я оттолкнул мертвого гоблина, вытаскивая меч, и отпрянул назад, увернувшись от удара кривого клинка второго зеленокожего. Острие рассекло воздух перед моим лицом, и я сильно ударил в ответ. Голова гоблина отделилась от тела и с гулким стуком ударилась о стену. Вверх брызнул фонтан крови.

Последний гоблин с криком кинулся на меня, пытаясь нанести колющий удар. Оставляя кровавые брызги в воздухе, я ударил сверху, отражая выпад и сбивая его меч вниз. Затем поднял свое оружие, рассекая острием грудь противника. Гоблин с криком рухнул вниз, заливая кровью пол из глубокой раны, проходящей через живот и грудь. Зеленокожий хрипел и колотил руками о доски пола.

«Убей... убей... — доносились сквозь хрипы его слова. — Больно».

Я попятился и зажался в угол.

Казалось, что на шум сбегутся гоблины со всей башни. Но я не смог добить своего врага.

У гоблина начались судороги. Через минуту все было кончено. Наступила тишина.

Они почти как люди. Даже черты лица ничем не отличаются. Лишь ходят, как полураздетые дикари. Жители природы...

Я впервые убил живое существо.

Меня вырвало, едва не вывернув наизнанку. Господи, я уже не хотел никакой мести, я почему-то хотел умереть. Или расплакаться в подушку, как тот маленький шестилетний мальчишка. Я достал портрет принцессы. На бумаге остались красные отпечатки пальцев. Только ради тебя, принцесса. Только ради тебя.

Я огляделся по сторонам. Видимо, сейчас это была дежурная комната охраны. В центре стоял стол с разбросанными игральными картами, рядом несколько грубых стульев. Я сверился с

планом. Если покинуть эту комнату, то по винтовой лестнице можно забраться на вершину башни, где заперта принцесса. Стараясь не ступать в кровь, я прошел к дверям и выглянул.

Никого.

Осторожно, прислушиваясь к шорохам, я начал подниматься наверх. Тишину нарушали лишь поскрипывающие ступени, да грохот моего сердца.

Ступени...

...Бежит по ступеням красная кровь. Лежит лицом вверх пронзенный стрелами мертвый отец. Еще стонет старший брат. Смотрит на меня яростный зеленокожий, сжимающий в руках меч. И рядом – куча мертвых гоблинов. Они сами пришли в наш замок! Кто их звал?

А кто звал тебя в их башню?

Но ведь я должен спасти принцессу.

А ты знаешь, зачем они приходили в твой замок?

Тьфу! Нельзя разговаривать самому с собой. Можно задать слишком много вопросов и не найти на них ответы.

Вот и верх башни, комната с крепкой дверью. Наверное, здесь томится принцесса. Я нерешительно остановился и сделал самое глупое, что только можно сделать в этой ситуации – постучал. Мне никто не ответил. Тогда я потянул дверь. К моему удивлению она оказалась незапертой, и перед взором открылась небольшая наполненная солнечными лучами комната. Возле окна за письменным столом сидел гoblin. Он отложил белое перо и поднялся со стула.

– Как ты быстро появился, – сказал гoblin. – Я едва успел поставить последнюю точку в завещании. Но не думай, что я сдамся легко.

Гoblin поднял лежащий на втором стуле меч и замер в боевой стойке.

– Я к твоим услугам.

– Ты кто, собственно? – удивился я. – А где принцесса?

– Думаю, что я твой враг. Во всяком случае, ты так считаешь.

– Почему?

– Я до сих пор помню обвиняющий взгляд маленького мальчика. А ведь мог тогда тебя убить.

– Так это ты?! – захлебнулся яростью я. – Это ты убил моего отца и брата? Зачем?

– Так ли ты хочешь услышать ответ?

Но я уже напал. Гоблин парировал рубящий удар и полоснул лезвием по моему предплечью. Кольчуга выдержала, рука ответила тупой болью. Я провел ответный выпад. Мой враг ловко увернулся, клинок скользнул возле его лица, я по инерции сделал шаг, подавшись вперед. И вдруг понял, что полностью открылся в этот момент и что кольчуга не спасет от прямого удара.

«Острие меча разрывает металлические кольца, проходит между ребер, разрезая кожу и мышцы грудной клетки, насквозь пробивает легкие...»

Но гоблин не ударил. Он отскочил в сторону и замер с поднятым мечом.

Почему?

– Почему? – спросил я у него.

Гоблин грустно улыбнулся.

– Слишком много вопросов, но которые долго давать ответы. А у нас с тобой мало времени.

Я едва не пропустил его выпад – хитрый, направленный в лицо, а затем изменившийся на удар в живот. Я отбил в сторону вражеский клинок и ударил в ответ.

Ударил изо всех сил в оставшуюся без защиты грудь гоблина.

Мой противник упал, опрокидывая стулья. Он попытался подняться, уцепившись рукой за стол, но это были тщетные попытки.

Я подошел к поверженному гоблину, мимоходом отшвырнув ногой его оружие, и обеими руками направил меч острием в его грудь. Гоблин лежал, сжав губы. Его лицо стремительно белело.

– Чего ты ждешь? – простонал он. – Делай, что собирался.

– Почему ты убил моих родных, но не забрал мою жизнь? – закричал я. – Зачем? Зачем вы ворвались тогда в мой замок?

Гоблин не ответил, лишь устало закрыл глаза. Он лежал, полностью беззащитный. Капля крови скатилась по лезвию моего меча и упала на грудь гоблина, смешавшись с его такой же красной кровью.

Я отбросил свой меч. Он упал на лестницу, и еще некоторое время было слышно, как он, звеня, скатывается по ступеням вниз. Я поднял стул и сел, обхватив голову руками. На душе было пусто и противно.

Когда я опустил руки и открыл глаза, то обнаружил себя лежащим на своей кровати. Рядом сидел Наставник.

– Вот ты и закончил свой последний экзамен, рыцарь Пятого королевства, – произнес он. – Поздравляю.

Я поднялся с кровати и сел, непонимающе уставившись на Наставника. Возле планшета на столе сидел притихший Остроух. Мои доспехи и меч лежали нетронутыми.

– Это все... неправда? – неуверенно спросил я.

– Ну, почему же неправда. Для тебя – это была реальность. Почти... Ты был в виртуальном мире, созданном специально для тебя из кусков твоих мыслей и воспоминаний. Словно побывал в этой вашей игре с воображаемыми рыцарями и горгульями, – Наставник кивнул на лежащий планшет.

– А гоблин? Кто он? Я так и не узнал, почему они тогда ворвались в мой дом.

– Ты ведь не убил его, не правда ли? Жалость не позволила тебе нанести последний удар. Значит, ты сможешь услышать ответ.

– Я плохой рыцарь, – прошептал я. – Наставник, я не хочу больше брать меч в руки. Я не смогу больше убивать.

– Плохой рыцарь... – усмехнулся Наставник. – Так слушай, плохой рыцарь, и пусть это навсегда останется в твоей голове. Мы, называя нас Наставниками или как тебе угодно, мне все равно, уже около века проводим коррекцию психики всех разумных существ в нашем мире. Ты не задумывался, почему все живое с уважением относится к себе подобным? Почему хищники убивают добычу только для еды, но щадят в схватках

своих противников. И почему разумные существа порой ведут себя хуже зверей? Нет, Создатель не мог наделить нас такими чувствами. Мы сами скатились в хаос ярости и жестокости.

Наставник погладил по голове моего домового. Остроух зазмурился и даже замурлыкал от удовольствия.

– Знаешь ли ты, – обернулся ко мне Наставник, – что вот эти малыши не только все запоминают и обмениваются информацией? Если они как следует постараются, то могут рассчитать наше вероятное будущее.

– Нет, не знал, – с удивлением посмотрел я на Остроуха.

– Могут-могут... И когда мы заглянули в это самое будущее, то оно нам не понравилось... Очень не понравилось. В будущем были одни лишь войны и кровь.

Поэтому мы начали изменять всех нас, отучать от мыслей об убийствах. Нам нужно было забыть про жестокость и злобу, про войны и глупые кровавые дуэли, и поверь мне, задача была совсем не из легких. Изменять психологию толпы очень тяжело. Изменять без того, что мы называем волшебством и магией. Без прямого вмешательства в мозги людей. Надо было показать, что в смерти на поле боя, даже геройской, нет ничего красивого, а победа над противником – лишь кровь и бессмысленность. Показать, порой даже так жестко, как сегодня тебе. Заставить понять, что жестокость не должна быть свойственна любому разумному существу, а поединки лучше проводить в спортзале тупым оружием.

Я не могу тебе рассказать, как мы добивались таких результатов. Порой наши методы нельзя было назвать гуманными. Иногда легче всего было просто устранить честолюбивого бунтовщика или убрать воинственного монарха, чтобы не дать разгореться войне.

Наставник поднялся и подошел к окну.

– Можешь презирать меня за это, – сказал он. – Да, мои руки в крови, и это моя ноша, с которой мне придется жить. Зато, посмотри, каким стал наш мир. А ты хочешь увидеть, что могло бы быть, продолжи мы развиваться в том же направлении? – Наставник резко обернулся ко мне и указал на планшет. – Смотри!

Я поднял планшет и едва не выронил его из рук. Там, в глубинах зеркальной поверхности, сменяли одна другую подвижные картинки.

...Сходились в бою две армии. В их руках было неизвестное мне оружие, извергавшие огонь и смерть, словно маленькие ручные пушки. Тысячами гибли солдаты, устилая поле сражения мертвыми окровавленными телами.

...Летела стальная птица, у нее из брюха высыпались черные цилиндры, превращая землю внизу в огненный ад.

...Бежали и умирали мирные люди от белого дыма, ползущего по городу. Мужчины, женщины, старики, дети – дым не щадил никого, и улицы города наполнялись задыхающимися и умирающими людьми.

...Посреди города вспухал огромным огненным грибом взрыв. Сгорали дома и люди. Невидимая рука разрушала, сминала здания, превращая в руины цветущий город.

Меня едва не стошнило, как тогда, когда я стоял возле павших от моей руки гоблинов.

Которых никогда не было...

– Таким мог бы вскоре стать наш мир, не начни мы его менять, – произнес Наставник.

– Последние вспышки агрессии наблюдаются все реже и реже, – продолжил он. – Хотя, чего уж проще – ответить злом на зло, мстью на мсть. Убили твоего сына – убей сына врага, его самого и всю его семью. Ведь это так легко. Но труднее всего – остановиться первому и прекратить череду убийств. Тогда, десять лет назад, твой отец и старший брат провели рейд к гоблинам, в результате которого погиб сын вождя зеленокожих. И гоблины пришли мстить... Но ты остался жив. Вождь гоблинов пощадил тебя. Первый маленький шаг на пути к примирению. И тогда твоя мать отдала тебя к нам, потому что так надо было поступить. «Академия рыцарства Пятого королевства», как красиво звучит название... На самом деле, можешь называть это психиатрической лечебницей для людей с нарушенной войной психикой. Здесь учились все, кто не смог бы в реальной жизни противостоять своей ярости и агрессии. Все, в ком клокотало

чувство мести. Выпусти вас в мир, и он снова захлебнулся бы в крови и жестокости. И вы бы убивали с чувством праведного подвига в душе. Сегодня ты смог понять, что убийства не имеют ничего общего с подвигом.

Я молчал.

– Добро пожаловать в новый мир, юный рыцарь Пятого королевства, – произнес Наставник.

И улыбнулся.

В моей голове крутился назойливый вопрос.

– А Мил... Милброк тоже, да? Он никогда не рассказывал...

– Да, его семья вела непримиримую борьбу с троллями. Кровавую борьбу. Он, как и ты, – тоже последний в роду.

– Он жив? – быстро спросил я

– Жив, жив, – рассмеялся Наставник. – Сейчас в своем ображении сидит с троллем и пьет пиво. Вскоре пойду его появление в новый мир принимать. Только, боюсь, голова у него будет болеть по-настоящему после такого количества выпитого.

– А принцесса? – спросил я.

– Какая принцесса?

– Та, чей портрет вы мне дали на экзамен.

– Не знаю, – искренне ответил Наставник. – Я взял копию первого попавшегося портрета художника Борхата, что из Первого королевства. Просто красивая девушка.

И Наставник направился к двери.

– Наставник, а экзамен все прошли? А если кто-то не смог отказаться от мести?

Наставник на миг остановился.

– Тогда эти люди навсегда остаются в виртуальном мире. У нас нет другого выхода. Они обречены на вечную войну сами с собой.

– Кто? – быстро спросил я. – Кто остался?

– Конрад Болотный, – ответил Наставник.

Мое сердце сжало отчаянье.

– Его род, как и твой, воевал с гоблинами. И Конрад не смог остановиться.

– Как его можно спасти, скажите?

– Боюсь, что уже никак, – покачал головой Наставник.

– Но вдруг у кого-то получится его переубедить? Я хочу отправиться в его экзамен и вытащить... Я очень хочу его вернуть.

– Да? – Наставник вернулся, сел на стул и пристально посмотрел на меня.

Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло уважение.

– Ну что ж, это твое право. Я могу тебе помочь. Идем со мной.

Я последовал за Наставником. Конрад, мой враг и мой друг, я вытащу тебя из твоего собственного кошмара. А иначе как же я еще скрещу с тобой мечи в спортзале?

А потом я обязательно разыщу художника в Первом королевстве и узнаю, кто эта девушка, чей портрет я буду носить с собой все время, пока ее не найду.

ДАНИЭЛЬ ВАСИЛЬЕВ

ОРУЖЕНОСЕЦ

Герой

Сеньоры, я молю пресвятую Деву Марию о благополучии вашем, здоровье и достатке. Да снизойдет на вас благодать ее, сеньоры, и поведет за собой через тернии бытия нашего грешного напрямиком в райские сады. Садитесь, сеньоры, наливайте текилу...

Ах, простите, ну конечно же, всему свое время, райские сады от вас не убегут, а поторапливать Господа нашего, вымаливая освобождения от земной юдоли, грешно сугубо. Всем воздастся, сеньоры, всем и каждому. А пока сеньоры скучают на грешной земле, не торопясь ее покидать, позвольте мне развлечь их своей повестью. Повестью о маленьком оруженосце, о настоящем, Санта Мария, оруженосце, каких уже лет двести нет на свете!

* * *

Меня зовут Кнаппе. Я состою на службе у настоящего рыцаря – сэра Хуан-Родриге Бермундеса, пусть слава о подвигах его разнесется по всему свету! И не смотрите на то, что мне всего девять лет, сеньор Бермундес увидел силу духа моего и чистоту помыслов, признав достойным носить его оружие и сопровождать в героических походах. Этого ли не достаточно? Мне – так вполне. И я горд своим господином и рад судьбе, связавшей нас.

А ведь еще совсем недавно я думал, что жизнь моя совершенно никчемна, что разгневал я Господа своим плебейским

происхождением, светлой кожей и грехами отца. И потому Он забрал к себе маму, взяв ее жизнь как залог искупления наших с папой грехов.

Вообще-то мы были тут, на святой пуэрториканской земле, чужими. Родители покинули варварскую Германию, не иначе Дева Мария внушила им эту спасительную мысль еще до моего рождения. Только-только связав себя узами брака, они направили свои стопы в Сан-Хуан, так что на свет я появился уже в лучах благодати истинной веры и в теплоте Его любви.

Испытания на стойкость духа и силу веры Господь послал мне очень рано, еще и шести лет не было малышу Кнаппе, когда умерла мама. Я очень любил маму, она была хорошая, хоть и европейка. Все белокожие ущербны, это я понял совсем маленьким – соседские мальчишки и их мамы внушали мне эту мысль каждый раз, стоило появиться во дворе. Но мама была хорошая. Думаю, она честно служит там, на небесах, искупая наши прегрешения. Может быть, Господь даже наделил ее в посмертии смуглой кожей, черными волосами и отправил в рай. Я на это очень надеюсь, потому что продолжаю любить маму!

Папу я тоже люблю. Наверное. Но он так и не смог простить маминой смерти ни себе, ни мне, ни Господу. Он не посещал церковь даже по воскресеньям, не исповедовался, много пил и часто меня бил:

– Ах ты, гаденыш! Опять шляешься где-то, шпанье! Вот тебе!

– Уу-ммм!

– Сам уже черным стал, думкопф, как дружки твой чернозадые... получай!

– Ай!

Я смиренно принимал все его удары. Это ведь такая мелочь в сравнении с маминой кончиной. Я терпел и даже почти не кричал, хотя было больно. И еще, у меня совсем не осталось желания жить, смотреть в будущее и видеть там надежду. Только крепкая вера и осознание того, что лишь Господь властен над жизнью моей, да еще проповеди падре Франческо питали душу мою, удерживая ее в объятьях грешной земной жизни.

После службы я часто задерживался в церкви и падре рассказывал мне истории о благородных рыцарях, страшных драконах, злых волшебниках-ересиархах, прекрасных принцессах. Сам падре так мечтательно при этом улыбался, что я быстро понял – стать рыцарем в рядах господнего воинства это честь, которой удостоиваются только самые избранные, раз даже падре Франческо лишь мечтает о подобной судьбе. А потом я возвращался домой и отец меня бил за то, что я ходил в церковь:

– Ах ты, гаденыш! Опять к этому педофилу в рясе ходил? На тебе!

– Уу-ммм...

– Сказано тебе, нет бога! Бога нет! Вот тебе, вот, вот... и мамы тоже... нет.

Но я его прощал. Особенно легко мне прощалось, когда отец начинал плакать.

Шли дни, месяцы и годы. И однажды падре стал беспокоиться за меня, заглядывать в глаза, задавать странные вопросы. Он сказал, что я стою на грани помутнения разума, предостерегал меня. Отца он тоже предостерегал, но папа лишь кричал на падре и гнал прочь со двора. Падре тоже папу прощал, но увещаний своих не прекращал. А потом падре не стало, он уехал в Мексику, а вместо него прислали другого падре – Никоса, который почему-то не желал разговаривать со мной, выгоняя из церкви, стоило мне только раскрыть рот. Тогда-то я чуть совсем не потерял веру и силу нести крест своей судьбы.

Но меня спасли! Господь обратил внимание сэра Рыцаря на белобрысого мальчонку. Я немного заблудился в соседнем районе и меня окружили местные ребята. Все меднокожие, сильные, все старше меня. А двое так совсем уже почти мужчины. Я просил их не бить меня, клялся больше никогда не приходить в их район. Но они только смеялись, издеваясь над моим цветом кожи, и ругали моих родителей, особенно, маму. Я расплакался от обиды, но тут, словно из сказочного ниоткуда, явился большой дядя. Красивый, мускулистый, высокий, он смотрел на меня, словно читая мое прошлое и нынешнее как открытую

книгу. Я никогда-никогда раньше не видел рыцарей, но сразу понял – это он и есть!

Понял и оробел. Даже об обидах забыл. И мальчишек недружелюбных больше не замечал. Лишь потом я понял, что рыцарь одним движением брови разогнал хулиганов, так что и след их ругательств безвозвратно простыл в памяти моей.

– Ну что, пацан? Спас я тебя? Шпана бы тебе уши на попу натянула, хы-ы! Должник ты мой теперь. Работать на меня будешь, понял?.. А если кто обидит – ты мне скажи, задницы всем порву, хы-ы...

О! Он не только спас меня, но и предложил свое покровительство взамен на службу! Я сначала думал, что просто стану простым слугой, но все оказалось куда лучше. Так хорошо, как я и мечтать не смел.

– Короче, так! – рыцарь окинул взглядом улицу, проверяя, не подслушивает ли нас какой злоумышленник. – Ствол мой будешь таскать, понял? Хранить дома станешь. Как я позову, сразу все дела бросаешь и ко мне бежишь. Один раз кинешь, в толчок запихну, в такой, где дерьма по уши. Второй раз – уши оторву, в третий раз... после третьего раза, бледнозадый, у тебя уже ничего никогда не будет. Понял-нет?

Сэр рыцарь Хуан-Родриге Бермундес – именно так звали моего благодетеля, – конечно же, не сразу доверил мне стать его оруженосцем. Он проверял меня, давал мелкие поручения. Почти месяц. А потом сказал, что смел я и верен ему, а потому достоин высокой чести хранить и носить его оружие и подавать, в случае нужды, его в руки рыцаря по первому требованию. Но и ошибок случаться не должно, всегда рядом быть – моя высокая миссия, а коли подведу я сеньора, падет на меня кара его и недовольство.

Так и стал я носить за своим господином его меч по имени Пустынный Орел и, иногда, полновесное копьё с мужским, почему-то, именем Морской Винчестер 1300! Хотя, если вспомнить, копьё я пока не носил ни разу, кроме лишь того случая, когда Рыцарь доверил его мне. Оно все время лежит у меня дома, в тайном, сокровенном месте! И ни просите, даже полусловом не обмолвлюсь, где именно!

– Эй, бледнозадый, ствол принес?

«Принес ли ты мой меч, Кнаппе? Готов ли ты к службе во имя Господа нашего, мой верный оруженосец?»

– Конечно, сэръ рыцарь, я принес! Принес и готов служить вам и вашему мечу...

– Смотри, мелкий, увидишь копа, делай морду попроще и быстро проходи мимо. Позовет тебя коп, сразу беги! Поймает если, ты меня не знаешь, а пушку на помойке нашел. Все понял?

Рыцарь учил меня жизни, наставлял, как справляться с прихвостнями Тирана, с негодяями копами. Они страшно трусливы, очень боятся, что рыцари пойдут походом на их хозяина, (да сожрет его душу дьявол) и низвергнут его. И сам Тиран этого боится, поэтому набрал в ряды верных ему копов – самых отъявленных злодеев, головорезов, которые ходят по улицам города и следят, чтобы рыцари не носили с собой мечи и копья, свое верное оружие. Поэтому и нужны сеньорам оруженосцы, такие, как я. Конечно, коп и к девятилетнему мальчику пристать может, избить, деньги отнять, или еще как обидеть. Может и оружие найти, но суду подлежит лишь взрослый мужчина, поэтому наказание, которым грозит нам Тиран за ношение мечей и копий несоизмеримо меньше, чем то, что ожидает взрослого мужчину. И весь народ гнет спины перед копами, страдает, но терпит Тирана, потому что сделать ничего не может и боится. Рыцари же, число которых невелико, исподволь борются с Тираном и слугами его. Было бы рыцарей больше... они бы тогда ого-го! Показали бы Тирану все адовы муки.

В любом случае, дурацкие правила трусливого Тирана не мешают моему благородному господину и его товарищам совершать подвиги. Много еще злодейства рождает наша земля, а рыцари, как врачеватели, уничтожают опухоли зла, очищая и облагораживая мир. Сам я, правда, пока подвигов не увидел, слишком мало нахожусь рядом с рыцарями, но другие оруженосцы мне рассказывали, что сэръ Бермундес среди прочих рыцарей славен особо, уважаем и дел благородных совершил немало.

Зато я дважды становился свидетелем дуэлей, поединков между рыцарями. И тогда Хуан-Родриге брал свой меч с моей руки и поражал обидчика. Один раз даже до смерти.

А еще мы часто ходили к прекрасным дамам, что жили в двухэтажном доме через два квартала от моего двора. Все они были одиноки и с радостью отдавали сердца и любовь рыцарю, посетившему их.

– Сиди здесь, жди меня, – говорил мне в этих случаях Хуан-Родриге, оставляя у двери. И добавлял: – подрастешь маленько, закорешим тебя, тогда я сам тебе ночь с девкой подарю, хы-ы!

Да, мой господин обещал мне, что и я стану рыцарем, что и меня они примут в свои ряды, несмотря на богонеугодное происхождение. Но эту честь надо заслужить, сражаясь рядом с господином, совершая подвиги наравне с ним. Я верил, я знал, что так и будет. Если только отец к тому времени не прибьет меня окончательно...

Автор

– Хм... недурно, – похвалил себя автор, бодрясь. – Вот только нафига я отвлеченное вступление забабахал, разрази меня безвкусица? Ладно, прочитаю разок и решу, оставлять или резать.

Олег Химмельман был автором молодым, но очень старательным и даже где-то талантливым. То есть сам-то он себя не слишком глубоко в душе считал именно талантом, пусть не гением, но и далеко не середнячком. И ладно бы только Цыпа называла его «мой гениальный котик», преданно выпучивая глазки на каждую строчку нетленной писанины, но ведь и мэтры, признанные Короли, Магистры, Императоры литературных конвентов не ругали и даже наоборот – покровительственно улыбались, одобрительно хмыкали в окладистые бороды и указывали на простительные молодому таланту незначительные огрехи текста. Олег хорошо умел выбрать момент разговора, и в этом тоже был его талант.

Постепенно молодой автор сумел засветиться аж в трех журналах, завести знакомство с их редакторами и теперь раз в

месяц, редко – в два месяца, его рассказ выходил под обложкой одного из бумажных «храмов фантастики».

Короче говоря, мы говорим о перспективном, интересном авторе. Говорим безо всякой иронии и уж тем более, упаси господи, без сарказма. Говорим уважительно и с надеждой. Говорим, старательно черкая абзац за абзацем, а тем временем Олег уже прочитал первые страницы будущей повести, и был собой доволен:

– Цыпа, ты послушай только, какое удачное имя я придумал одному из героев, – крикнул он в сторону кухни.

– Ммм?

– Сэр Рыцарь Хуан-Родриге Бермундес...

– Третий? – невинно спросила Цыпа.

– Почему третий? – озлился Олег. – Очень даже первый, Цыпа моя, самый что ни на есть уникальный.

– Прости, милый! Не обижайся, я задумалась и не сразу поняла, о ком ты говоришь.

Ох уж эти женщины, как легко они сбивают полет мысли художника, выдергивают его из нирваны созерцания сотворенного. Одно радует – в борьбе с депрессиями художника мадамы столь же успешны.

Махнув рукой в сторону мелькнувшей Цыпиной попы, Олег вернулся к тексту.

«И ведь не планировал же никаких: «Сеньоры, садитесь и слушайте сказку», а как складно получилось. Не иначе, свыше нашептано... Ни за что не стану убирать, оставлю».

Подумал и решительно двинулся дальше по тексту.

«Вот интересно, что молодая немецкая пара потеряла в Пуэрто-Рико? Ммм... бежали от правосудия? Приехали волонтерами? Или вот – она происходила из богатой и знатной семьи, а он был коннохом, красивым, благородным, но без гроша за душой. Их родители были против союза молодых, и они сбежали на край земли! Чушь! Оставлю все как есть, в конце концов, это неважно. Зачем я вообще сделал мальчика немцем? Нашептано свыше?.. Гм».

Наш автор почувствовал нарождающийся неприятный зуд в сознании, почесал тыковку, поерзал на кресле, поправил монитор компьютера. Зуд хихикнул над его стараниями, даже и не думая прекращаться.

«Стилистически вроде ничего, почти так, как задумывалось. Вот только слова «рыцаря» звучат наивно и даже наигранно. Черт возьми! – зуд хохотал в голос, растекаясь по кумекалке. – Ну не матом же писать от его имени. Заменить “дерьмо” на “парашу”? Нет, нехорошо...»

Олег перечитал диалоги еще раз, потом еще раз и еще. Поправил пару фраз, расставил недостающие запятые, исправил опечатки. И махнул рукой – сгодится.

Зуд обиженно спрятался в глубине извилин.

«А темп хороший, правильный. Действие должно развиваться не спеша и аккуратно. Это я молодец, выдержал и не поторопился, – автор улыбнулся себе и зуд лопнул от злости. – Идея хороша. Маленький оруженосец бандита... Надо бы подробней расписать причины съехавшей крыши мальчика, поубедительней расписать, пожалостливей. Похороны мамы, гулко щелкнувшая крышка гроба, бледная кожа умершей женщины и серо-бурый заплаканный отец. Кстати, от чего она скопытилась-то? Надо подумать...»

Олег подумал и сделал мать своего героя больной раком. Умирала она медленно и мучительно... Потом решил, что дважды нелогично оставаться приезжим немцам в стране третьего мира, страдая от такой болезни, и решительно все удалил, пообещав вернуться к вопросу позже. Возрадовавшийся было зуд неудовольствия собой Олег презрел и пошел смотреть телевизор.

Между прочим, именно в телевизоре, в новостном репортаже, Химмельман почерпнул идею повести. В телесюжете рассказывалось о какой-то южноамериканской стране... или нет, о «черных» бандах США... или Мексики? Короче, где-то там, в далеком преступном мире было принято отдавать огнестрельное оружие несовершеннолетним, с которых спрос, как известно, небольшой. Олегу оставалось немного – придумать

сумасшедшего мальчика, вообразившего себя в волшебном мире – и все, трагедия готова. Садитесь жрать, пожалуйста.

– Котик мой? Ты готов кушать? Мне подавать?..

Герой

Сегодня великий день! Всю ночь я не мог уснуть, потому что вчера Рыцарь сказал мне: «Кнаппе, завтра нам предстоит поход, полный подвигов и героизма. Мы отправимся изыскивать скверну из нашего города во имя Господа. Жду тебя на рассвете!» Как, скажите, после услышанного я мог уснуть? Вот и ворочался всю ночь, считая минутки и любуясь звездами в провале окна.

Стоило только заголосить первому петуху, а звездам еле заметно потускнеть, как я уже доставал меч и копьё сэра Бермундеса. Да-да – копьё! Рыцарь приказал мне взять и его тоже, а значит, дело предстоит и впрямь небывалое. Как бы спрятать копьё от глаз случайного копа? Возьму-ка я старую сумку, с которой мама ходила на рынок, она подойдет. Все, пора в путь!

Я не боялся, что отец хватится меня – как это часто случилось, вчера он пришел домой глубокой ночью, что-то неразборчиво кричал, что-то ронял, а потом уснул прямо на гостевой кушетке. Теперь папа проснется не раньше полудня и сразу же опять уйдет в бар. Уже через два дома, громко шлепая по пред-рассветной улице, я и думать забыл об отце, устремившись мыслями к предстоящему подвигу. Вот бы и мне выпала честь участвовать в походе, вот бы и я смог проявить себя...

А еще мое сердце замирало от страха – вдруг что-то не сложится, вдруг Рыцарь отменит намеченное, вдруг его не окажется на месте нашей встречи?

Поворот, еще поворот, тени ночного патруля, подворотня, еще улочка. Тут я чуть не врезался в одинокого, спящего на ходу дворника, и он обругал меня. Но я уже бежал дальше. Последний поворот и...

Рыцарь уже был на месте. И не один! Аж пять рыцарей собралось.

– Молодец, белозадый. Не опоздал. Принес пушку?

– И я приветствую вас, сэра Рыцаря! Вот ваш меч, а вот... – длинные ручки как назло путались, и само копьё, тяжелое и продолговатое, выворачивало сложенную на земле сумку. На весу я достать копьё не мог, не хватало длины рук.

– Ну? Что ты там копаешься, плеснявый?

– Вот оно, вот! – восторженно, но с должным почтением, я передал оружие в его руки.

– Хы-ы, малой, да ты сам в эту сумку поместишься, – добродушно посмеялся один из рыцарей-друзей моего господина. А сэра Бермундес отвесил мне несильный подзатыльник, обозначая свое недовольство, и отвернулся. Но даже это не умерило моего восторга.

Потом прибежал еще один оруженосец – Паоло, потом еще один, этого я не знал. Очень скоро все рыцари были вооружены и готовы к героическим свершениям!

И тут сеньоры начали отправлять своих оруженосцев по домам, и моя душа ушла в пятки – Господь не услышал моих молитв или услышал, но посчитал меня недостойным стать его паладином! Как же так?

– А ты, белозадый, останься. С нами пойдешь!

«Кнаппе, – услышал я, – оставайся рядом, мне нужна твоя помощь».

Аллилуйя, Господи! Я не подведу, я сделаю, я оправдаю твое доверие и доверие сеньора Хуан-Родриге Бермундеса!

– Нафига ты пацана на дело тащишь? Убьют ведь – жалко, – обратился к моему Рыцарю его соратник. – Да и мешаться будет под ногами.

Он усомнился во мне, но сэра Рыцаря в меня верил и пришел на защиту:

– Отвали, Буча. Он нас прикроет. В мальчика не всякий выстрелить сможет, понял-нет? Тем более что пацан – белый!

– Зря ты это, – сказал третий рыцарь.

– Закрой мурло, я сказал, пойдет, значит, пойдет. Или ты базарить задумал? А, Лысый?

Против моего господина никто не пошел, и я понял, что попал в услужение самому сильному и храброму рыцарю.

– Буча, дай-ка пугач. Эй, Кнопка, или как тебя там, на вот, держи пушку. Стрелять умеешь? Ну, короче, направляй куда скажу и жми на курок, понял-нет?

Мои ноги предательски задрожали, а язык совершенно перестал подчиняться. К стыду своему, я даже не сумел достойно поблагодарить Рыцаря за столь щедрый дар. Пусть даже и на время похода. Ведь он дал мне меч! Небольшой, но приятно тяжелый, хотя и легче Пустынного Орла, весь черный и такой... настоящий. Волшебный настоящий. Наверняка у моего клинка целый набор волшебных свойств. Вот бы он навсегда остался у меня...

– Что выпучился? Если все пройдет пучком, оставишь себе. Как подарок.

Кто дал мне сил кивнуть, не знаю. Пожалуй, и всемогущему Господу такое было не под силу. От восторга, перехватившего мою грудь, я готов был тот час же умереть.

Рыцари чуть отошли, переговариваясь, а ко мне приблизился Паоло. Все остальные мальчишки уже разбежались, остались лишь он да я.

– Кнаппе, не ходи с ними, – зашептал он какую-то глупость. Я даже не сразу понял, что именно он говорит.

– Что ты, Паоло? Это ведь такая честь! Я обязательно совершу подвиг и потом стану рыцарем! Ну, может, не сразу...

– О чем ты, Кнаппе? Какой подвиг? Опомнись, тебя же убьют!

– Я знаю, что риск велик, но я храбрый и у меня есть меч, вот смотри.

– Меч? Это револьвер, дурак. Зачем он тебе? Разве сможешь ты выстрелить в человека?! Нет!

– Револьвер? Так его зовут? Ух ты... Ну, я пошел, Паоло. До вечера.

– Не ходи! – Паоло вдруг схватил меня на рукав, и я понял, что он не в себе. Может, он сумасшедший? Странно, а раньше мы с ним хорошо играли в рыцарей и чудовищ.

– Пусти, – дернулся я. Но он держал крепко, и тогда я просто стукнул рукояткой меча по его голове. Он закричал и отпустил рукав.

– Дурак-дурак-дурак!!! Ну и иди, пусть тебя там убьют, я плакать не стану!

– Эй, вы чего там? Паоло, а ну вали домой. А ты, белозадый, не отставай.

Пять рыцарей и я обогнули еще два дома, теряясь в переулках, и вышли к высокому глухому забору.

– Осторожно – камеры, – шикнул на меня Господин.

Камеры? Да это же волшебные глаза злых волшебников! Вот, значит, в чье логово мы вторгаемся.

Мой сеньор вытащил из пакета несколько кусков мяса и перекинул через забор. Послышались топот и шумное дыхание, затем чавканье и, наконец, довольно бурчание.

– Пошли!

Тот Рыцарь, которого сэра Бермундес назвал Бучей, первым взобрался на вершину ограды, закрепил два зеркала рядом с волшебными глазами и махнул нам рукой. Мол, пожалуйста, благородные, колдун не увидит нас раньше времени. Один за другим рыцари перемахнули через забор, лишь мой сеньор остался последним и посадил меня. А сверху уже тянулись руки кого-то из старших товарищей. Спустя несколько секунд все мы уже стояли на ухоженном газоне вражеской территории. Подвиг начался!

Скудное освещение вкупе с небывалым возбуждением только теперь позволили мне заметить три больших тела, мешками лежавших на траве. Наверное, именно их подкармливал отравленным мясом мой Рыцарь. Но кто они? Драконы?!

О боже! Одно тело вдруг дернулось, заскулив. Рядом с ним тут же оказался рыцарь Лысый, который одним великолепным лаконичным движением перерезал злобной твари горло. Разбрызгивая черную в сумерках кровь, она дернулась раз, другой и затихла.

– Тварь клыкастая...

– Не стойте столбом, придурки. Пригнитесь и бегом, – гневно прошептал Хуан-Родриге.

И мы, опомнившись, уже двинулись к дому, когда из-под земли выскочила еще одна тварь! Огромная, клыкастая, ужас-

ная. Она стремительной рычащей тенью бросилась на одного из Рыцарей, имени которого я не знал, сбила его с ног...

– А-а! Что это? Кто это?!

...увернулась от Бучи, который все еще сжимал в руке тускло блеснувший нож, и вцепилась в его, Бучи, горло.

– Буча! Убей ее!

– Хуан!

– Бестия!.. Буча, поверни ее ко мне!

Я стоял не в силах что-то сделать, смотрел, как катается по земле живой клубок двух тел. Буча не кричал, лишь хрипел еле слышно, булькал, да так, что дрожь пробирала меня до самых костей. Я испугался.

– Бах! – раздался выстрел. И чуть погодя еще: – Бах-бах!

Все молчали. И я молчал, ужасаясь. Буча и ужасный дракон лежали рядом, мертвые. Дракон вроде и не тронутый, без следов крови на теле. Лишь клыкастая морда испачкана бурым. А вот Буча... Меня скрутило и обязательно бы вывернуло, но сэръ Бермундес крикнул резко:

– Быстрее, засранцы! Бегом-бегом! Теперь уже тихо не выйдет.

И я побежал. Мне стало стыдно, что не я, стоявший ближе всех, убил своим мечом дракона, а храбрейший Рыцарь, мой Господин, обнажил Орла Пустыни. Не тягаться мне пока в храбрости и доблести с сэром Хуан-Родриге Бермундесом, не тягаться.

Лысый оказался у двери раньше всех, достал свое копьё и бабахнул им так, что замок разнесло в щепки. Вторая дверь защищала разве что от мух. От удара тяжелым рыцарским сапогом она жалобно зазвенела битым стеклом и отлетела в дом. А там уже зажегся свет и первый же рыцарь, все тот же сэръ Лысый, ворвавшись в дом, был тут же убит. В него выстрелил из-за угла какой-то мужчина, несомненно, злой слуга колдуна. Но он поплатился за предательский выстрел, сеньор Бермундес тут же настиг его, и вновь запел Орел Пустыни, прерывая ничтожную жизнь никчемного злодея.

– Белозадый, мать твою, вперед! Зря тебя, что ли, тащили с собой!

Сэр Рыцарь доверил мне первым подниматься по лестнице. Он говорил мне – теперь твоя очередь проявить себя, совершить подвиг пред очами Господа, показать, что достоин любви его и особого счета. Мне было страшно. Но только чуточку, пока образы растерзанного Бучи и убитого сэра Лысого не отошли на второй план, в память, перестав маячить перед глазами.

Ай-ай-ай! Что за звук?

И-и-и-о-у-о-и-и-и-о-у-у!

– Черт, сирена! Быстрее, скоро здесь будет полиция.

Сирена – еще одно гадкое волшебство колдуна. Так он посылает весть копам, слугам Тирана, покрывающего черное колдовство. Сэр Рыцарь прав, как всегда, – следовало поторопиться. И я больше не сомневался. Я побежал вперед!

– Куда, идиот! – крикнул спешащий за мной рыцарь. Не мой Рыцарь – другой, имени которого я не знал.

– Вперед! – отчаянно крикнул я.

– Маленькая тупая задница, песье дерьмо. Там окно, вот дверь, вот!

И он сам открыл ее.

– Ба-бах! – грянула колдовская молния. Безымянный рыцарь упал замертво. И я почувствовал, как душа уходит в пятки. Это я должен был идти первым, по слову сеньора. Я должен был открыть дверь и защитить рыцарей. Рыцаря...

– Бах, бах. – Поднявшиеся следом по узкой лестнице сэр Бермундес и сэр Длинный Дред (с ним мой сеньор часто проводил время вместе, мы были знакомы) начали стрелять в распахнутую дверь. Я тоже выстрелил!

– Бах! – И чуть не упал, так сильно отдернулась рука.

Нас осталось только трое против могучего волшебника. Но разве устоит он пред нашей доблестью?!

– Бах!

Хуан-Родриге машет мне рукой, и я первым бросаюсь в проход. И вижу колдуна. Он на миг растерялся, увидев перед собой ребенка, замешкался, и тогда я нажал на курок своего меча по имени Револьвер...

Трудолюбивый Олег самоотверженно отбросил малодушную мысль о здоровом дневном сне и сел перечитывать написанный накануне кусок повести. По сути, оставалось лишь завершить ее, добавить какой-никакой эпилог, мораль, поставить красивый вензелек из пары абзацев. Ведь время не ждет, господин Издатель одобрил предварительный синопсис повести, и Химмельману очень хотелось успеть сунуть ее в номер журнала за грядущий месяц.

Но, перечитав написанное, Олег расстроился. И даже немного обиделся на себя. То, что вчера казалось стройным, логичным и интересным, теперь предстало перед ним банальным, прямолинейным концом типа «пшик».

– Гм, где ж драматизм? Собрались, подрались, победили... Надо переделывать! – обреченно заключил автор.

И впрямь, переделывать надо. А хуже всего, что надо не только переделывать, но и перепридумывать. Вместо приятного процесса красивого завершения работы, ради которого и сном пожертвовать не грех, Олег получил еще одну, и не малую, порцию напряженной работы ума. Не день, а сплошная незадача!

– Так-так-так, чего бы навертеть, – взбадривал себя автор, голодными глазами изучая квартиру в поисках Цыпы. Очень уж ему хотелось кушать. Но Цыпа была на работе, заботливо приготовленные ею котлетки с пюре талантище уже поглотило, а готовить что-то самому... – что вы, что вы! Это еще хуже, чем перепридумывать конец!

Олег вздохнул, решительно удалил небольшой кусок последней страницы и сел за работу.

– Сейчас я вам устрою, – злорадно думал он, колотя по клавишам. – Сейчас я вам сделаю драму, аккуратную такую драматическую «вилочку» наверху с тя-а-ажким моральным выбором. Натe, выкусите, читатели хреновы!

Герой

– Ба-бах! – грянула колдовская молния. Безымянный рыцарь упал замертво. И я почувствовал, как душа уходит в пятки. Это я должен был идти первым, по слову сеньора. Я должен был открыть дверь и защитить рыцарей. Рыцаря...

Поднявшиеся следом по узкой лестнице сэра Бермундес и сэра Длинный Дред (с ним мой сеньор часто проводил время вместе, мы были знакомы) пригнувшись, рассыпались по обе стороны двери. Мой Господин хотел мне что-то крикнуть, но тут из-за другой, закрытой двери, напротив которой я как раз и стоял, раздался детский плач.

– Ма-а-а-ма, ма-ма... стря-асьна-а, ма-ма-а!

Маска отчаянья, кривившая красивое лицо сэра Рыцаря, ментально же разгладилась – он улыбнулся. Я догадался, что сеньор придумал план, хороший план. Санта Мария, спасибо, что не оставила нас в трудный час и вложила в голову достойнейшего из нас благую мысль. Вот только какую? Я по глупости своей пока недоумевал.

Мгновение – и сеньор Бермундес оказался рядом со мной. Направив копьё на дверь, он выбил ее, и мы увидели тетю и двух девочек – примерно трех и пяти лет, испуганно спрятавшихся за кроватью. Тетя, скорее всего, была их мамой.

– Не дам! – закричала она, бросившись к нам. – Не дам, не дам, немедленно уходите! Антонио!

Рыцарь ударил ее по лицу и тетя упала. Дети заплакали. Я тоже вздрогнул, мне стало нехорошо, неудобно. Я привык, что девочек и тетю, особенно, мам, бить нельзя. Но сразу же тихонечко поругался на себя, на свою глупость и недалекость.

«Она плохая, – сказал я себе. – Она служит злему колдуну. А дети – его дети – это будущие колдуны. Они очень, очень плохие!»

Сэр Бермундес схватил старшую девочку и вытащил ее в коридор.

– Бросай оружие, мразь! Иначе шлюхе твоей кишки выпущу, а ублюдам головы оторву.

«Сдавайся, злой колдун, – кричал мой Рыцарь, – сдавайся, если осталось в тебе хоть что-то человеческое, если дорожишь ты жизнями своей жены и детей!»

– Папа, папа! – закричала старшая девочка. Младшая молчала, по-моему, даже дышала через раз от страха. И глаза у нее были большие-большие. И круглые. – Мне больно, папа!

Мой сеньор все правильно придумал. Одолеть колдуна в схватке ой-ей как сложно, а теперь вот он, вышел, как миленький, руки за голову спрятал, дрожит, как осиновый лист. Что, негодяй, испугался? Еще как испугался, красный весь, хоть и видно, что от природы бледнокож, как и я. Стоит, потом обливается. Ха-ха! Так-то вот!

Я подошел и, что было сил пнул его под колено.

– Обалдел, белозадый? Иди лучше принеси его оружие. А ты, Дред, что спишь? Лапы вяжи!.. Вот так. А теперь, скотина, двигай своим жирным задом, показывай, где сирена отключается и как в полицию звонить, чтобы не приезжали. Быстро-быстро!

– А-а?..

– Да не ты, Дред. Тупица... Это я ему, кровососу белому, сволочи богатой говорю. Понял-нет?

Все засуетились, забегали. Замолкла сирена, но тут же завизжала младшая девочка, заревела старшая. Очнулась их мать, схватила обеих, забилась в угол детской комнаты, глядит буркалами своими, будто испепелить желает.

Очень мне не хотелось смотреть на нее, но пришлось. Господин отправился с захваченным в плен колдуном в его сокровищницу (полную золота, отнятого обманным путем или насилием прямым у честных людей), а мы с сэром Длинным Дредом остались детей и мать сторожить. Потом приехала полиция – эх, не успел Рыцарь заставить колдуна успокоить их, чтобы не приезжали, – и сеньор Дред пошел советоваться с моим господином и переговариваться с копами. Заложниками, как он сказал, им грозить. Что такое заложники я не знаю, но, видимо, кара неслабая, раз копы ее боятся.

Так я остался один на один с женщиной и двумя девочками.

– Держи старшую девчонку на мушке. Как дернется кто, сразу стреляй в нее, понял? – громко, чтобы все слышали, сказал мне Дред перед уходом. – Но других не трогай, не убивай. Иначе все на нары ляжем...

И я стоял, держал свой меч Револьвер направленным на пятилетнюю девочку и был готов стрелять в любую секунду.

Через пару минут полиция перестала орать в громкоговоритель, и стало тише. Тогда-то тетя, которая хоть и мама, но жутко злая и нехорошая, начала говорить. Она шептала быстро-быстро, смущала меня речами сладкими, но недобрыми, пыталась обмануть:

– Ты же хороший мальчик. Такой молодой, сколько тебе лет? Десять? Ты не можешь потерять совесть как они, эти бандиты. Как тебя зовут? А?

– Мама, он плохой! – зло перебила ее старшая девочка.

– Тихо, Солнышко. Он не плохой, он просто запутался. Как тебя зовут?

– Меня зовут Кнаппе, я оруженосец блистательного рыцаря сэра Хуан-Родриге Бермундеса, – зачем-то ответил я.

– Ну, вот и хорошо... Кнаппе, отпусти нас. Или лучше дай мне эту нехорошую игрушку, что у тебя в руках и пойдем вместе. Убежим. Тихонечко прокрадемся к заднему выходу и убежим, а? Ну, прошу тебя, пожалуйста...

– Сэр Рыцарь приказал мне сторожить вас. Вы плохие, вы все колдуны и... и плохие! Не двигайтесь, а то я убью ее! – и дернул острием револьвера в сторону Солнышки.

– Какой рыцарь, Кнаппе? Мальчик мой, это совсем не рыцарь, тебя обманули! Это бандит, убийца, уголовник. Это он плохой, а мы простые люди. Он же цветной, вырос в трущобах, не хочет работать, как честные люди, только грабит и отнимает у других то, что они заработали. Рыцари остались лишь в сказках...

– Неправда, – закричал я. – Рыцари есть! Мне падре говорил! Они служат богу и добру!

– Тихо, тихо, Кнаппе. Пусть так, рыцари есть. Точно есть, где-то там, – она махнула рукой на окно. – Но твой Хуан-Ро-

дриге не рыцарь, он присвоил себе это звание и недостоин его. Вспомни, что хорошего он сделал? Разве он помогает бедным? Разве он поет серенады девушкам? Разве он не обижает слабых? Разве он не убивает?!

– Он меня защитил! Он... он ходит к девушкам, и он убивает только плохих!

– Таких, как мы? Ладно, я, может, и не чиста, не безгрешна, но они? Мои девочки – посмотри, Кнаппе, погляди на их лица. Это вот Роззи, а там наш ангелочек, маленькая Белла. Что они сделали плохого? Они совсем-совсем малышки. Разве ты сможешь убить их?

– Я...

– Разве ты способен поверить, что они плохие? Кнаппе, послушай меня. Опустит револьвер...

Откуда она знает, как зовут мой меч?!

– ...вдруг ты испугаешься и выстрелишь. Бог тебе этого не простит! Не бери грех на себя, Кнаппе. Я не знаю, как тебя занесло в компанию этих ублюдков-головорезов, ты ведь белый мальчик, наверняка у тебя хорошие мама и папа, ты просто оступился, сбился с пути истинного. Это ничего, это не страшно. Пока еще можно все исправить. Тебя никто не будет ругать, я обещаю!

– Мама умерла, – буркнул я.

– Бедный. Бедный мальчик. Я понимаю тебя. Мама умерла, ты один, а тут эти негодяи. Такого хорошего, доверчивого ребенка легко запутать. Ну, вот видишь, ты уже начинаешь понимать, что нехорошо поступаешь, правда?

Я и вправду чувствовал себя как-то совсем уж смущенным. А вдруг сеньор Бермундес и вправду не рыцарь? Мама ведь говорила, чтобы я был осторожней, что живем мы в черном квартале, что тут много нехороших мальчиков и мужчин, которые делают плохо. Она говорила, чтобы я с ними не водился. Ах, как жаль, что падре уехал, я бы спросил у него.

– Быть белым, бледнокожим плохо, – совсем уж невпопад сказал я.

– Что ты?! – ахнула тетя, – Что ты говоришь?

– Мама, он холосый? Этот бальсой мальчик холосый? – показала на меня пальчиком Белла. У нее была такая ручка... маленькая, будто кукольная, пухленькая, такая мягкая на вид. Просто сказочная. Да и личико впрямь походило на ангельское.

– Он очень хороший, милая. Правда. Кнаппе, а знаешь что! Давай ты будешь жить у нас, а? Я не заменю тебе маму, но буду любить, и, может, со временем, ты сам скажешь мне «мама», а моих ангелочков назовешь сестрами. А?

– Мама, я не хочу такого брата! – возмутилась Роззи.

– Тихо, солнышко. Кнаппе...

Она все говорила и говорила. А я все больше путался. А как же мечи? Да ведь это же просто пистолеты и ружья. Я играл такими же, только ненастоящими, когда еще была жива мама. Кажется, дома даже валяется парочка пластмассовых пистолетов. Мама еще не любила, когда я ими играл, хмурилась и говорила, что стрелять это плохо. Но потом целовала, и я убежал играть на улицу.

А драконы? Или это просто были большие собаки? Да, скорее собаки. Падре говорил, что драконы большие, как целый дом. И они летают... и огонь выдыхают. Неужели?..

Что я здесь делаю? Зачем все? В чужом доме, с пистолетом... Я?

– Кнаппе, отдай мне револьвер. Ты ведь все понял, да? Только не пугайся, не стыдись, ты ни в чем не виноват! Отдай мне пистолет...

И я уже протянул ей руку с револьвером, она сделала шаг, отодвигая Роззи в сторону, но тут раздался хлопок выстрела и короткий вскрик мужчины.

– Антонио! – выдохнула тетя. Она моментально побледнела, из глаз ее ушла вся доброта. В которой я почти утонул. Это заставило меня отступить на шаг и напрячься.

– Мама? Что там, мама? Это папу убили?

– Ма-ма-а...

– Кнаппе, отдай мне револьвер, быстро! Или выкинь его и пойдем! Дай нам пройти, быстрее!

– Стойте... – робко ответил я, направив меч на нее. – Стойте!

– Да что с тобой такое? Ты совсем из ума выжил, молоко-сос? – закричала она. – Они сейчас придут сюда и убьют нас! И тебя тоже!

– Стойте! – я не знал, что со мной. Кто эта страшная тетя – колдунья? Или нет? Мне было страшно, я хотел, чтобы пришел большой и умный Рыцарь и все решил за меня. Но она продолжала наступать, и я боялся все больше.

Но ведь убивать – это плохо? У Беллы такая красивая ручка, у нее такое красивое лицо, даже сейчас, когда она плачет.

А вдруг она сделает мне больно? Эта тетя...

– Ну, все, Кнаппе, хватит! Хватит, я сказала, дай это сюда! – она шагнула, и я упал, продолжая целиться в нее. Путь к двери освободился, и она отступила.

– Сейчас мы уйдем. Если хочешь, пошли с нами. Только не вздумай стрелять! Иначе я сделаю тебе очень-очень больно... Пошли Роззи, бери за ручку маленькую и проходи к двери у меня за спиной.

– Стойте, – совсем уж прошептал я.

Автор

«Ну и что? Убить или отпустить?» – закусил губу Олежек. Он был человеком добрым и делать из своего героя совсем уж негодяя не хотел. Но если отпустить заложников, то как закончить смачно? А ведь конец, верил он, обязан быть смачным, четким... конечным.

Роковой выстрел и окончательное сумасшествие, или даже полное раскаянье и прозрение – это сильный конец, драматичный. Качественную слезу вообще выдавить из читателя куда проще, чем сочинить интересный хеппи-энд, вызывающий благодарную улыбку.

С другой стороны, и нынешний читатель, и современный издатель предпочитают концы хорошие, счастливые. Тем более, покупая журнал, человек рассчитывает расслабиться, а не нагружаться негативом по самые уши.

Что делать?

Автор думал, и скоро у него появилось легкое, почти неуловимое чувство «правильного» конца. Конца, продиктованного не только мыслями отвлеченными, а и характером героя, его возрастом, взглядом на субъективный и объективный миры. Но довести ощущение до законченной мысли он не успел, зазвонил телефон:

– Олег, ну что?

– Э-э, что «что»?

В трубке вздохнули, и молодой талант похолодел – это ж тот самый издатель почтил его своим звонком! А он возьми да и сядь в лужу.

– Повесть готова?

– Да! Уже да! – не раздумывая, соврал Олег.

– Отлично, – голос заметно потеплел. – Жду «мылом» в течение получаса.

– А-а, да-а... да-да.

– Молодец. Пока. – Пип-пип-пип...

«Уф, – перекрестился атеист Химмельман. – А ведь отчество-то забыл, забыл отчество...»

Не часто звонили ему издатели. Что там, до сей поры хватало электронной почты. А значит, его отношения с журналом перешли на новый, качественно новый уровень. Это ли не повод почувствовать себя чуточку счастливей?

Й-и-и-а-х-у-у-у!

«Так, быстро заканчиваю и шлю. Черт, даже вычитывать некогда. Ну и ладно – у них там редактора есть, пусть работают». Мысль о том, что самый захудалый редактор осчастливившего его журнала как литератор на голову выше молодого таланта, развеселила Олега окончательно. Пребывая в самом раскрепосном расположении духа, он поставил решительную точку в судьбе маленького Кнаппе.

Герой

– Стойте, – совсем уж прошептал я.

Тетя обернулась, глядя на меня настороженно и даже испуганно. За ее спиной торопилась выйти из комнаты Роззи, буксируя зареванную Беллу.

Мысли в моей голове рождались и умирали в конвульсиях, сталкиваясь с силой встречных поездов, я слушал их, но не слышал. Весь мир для меня сузился до размера тетиных глаз. Там правда, верил я, мне только надо ее найти. Я видел страх и недоверие и теперь уже совсем не мог узреть той любви, которой она соблазняла меня раньше. Значит, она врала? Она все врала? И я предаю сейчас своего Рыцаря, сэра Бермундеса, который рассчитывает на меня, ждет моей помощи, доверяет успех своего дела, а может быть, и свою жизнь!

– Стойте! Вы мои пленники, и, клянусь честью своей, я не отпущу вас живыми! – крикнул я окрепшим голосом и уверенно сжал рукоятку меча.

– Ах ты!.. Девочки, бегите! – закричала тетя и кинулась на меня.

Такая большая и страшная. Я испугался, но взял себя в руки, вспомнив о том, что я не просто мальчик, я оруженосец рыцаря – смелый, бесстрашный и решительный герой. И я пронзил ее мечом, нажав пальцем спусковой крючок.

– Бах, – глухо кашлянул меч, и тетю отбросило назад. Она остановилась, схватившись за живот и выдохнув:

– Гаденыш...

Опустилась на пол.

– Мама! – закричал кто-то. Кто?

Что я сделал? Эта тетя хотела стать мне матерью?..

Нет, эта колдунья чуть не погубила меня, едва не высосала мою душу, едва не растоптала мою преданность Господу нашему. Колдунья! Колдунья! Колдунья-а!..

– Мама-мама, вставай! Ну, пожалуйста, пошли, мама.

– Ма-а-а-а-ма-а-а!

Колдунья! Я убил ее, ха-ха! Кто это рядом с ней? Ее птенцы, колдовские ублюдки, маленькие ведьмы.

– Бах! Бах! Бах! Бах!.. Клик, клик, клик...

Я Кнаппе, оруженосец благородного... что это?

Окна разлетались хрустальными брызгами, открывая путь сначала тяжелым сапогам. А потом и телам огромных, страшных мужчин.

Копы, – понял я, – берут крепость штурмом. Я защищу!

– Клик-клик-клик, – жалобно ответил разряженный меч.

Автор

У Олега Химмельмана сегодня был прекрасный день! В его руках, мягко шелестя страницами, покоился новенький, только из типографии, номер журнала фантастики. Да не просто номер, а номер особенный, с его повестью о маленьком оруженосце. Внюхиваясь в божественный аромат страниц, он бездумно и счастливо переворачивал страницу за страницей и мычал от удовольствия.

О гонораре честный автор даже и не думал, хотя тот обещал стать приятным дополнением к публикации, ведь объем, впервые, превысил стандартный авторский лист. Но главное – публикация! Еще одна. Еще один камешек, а то и целый пролет на пути к гордому званию Писателя. Теперь и о романе не грех подумать, теперь не отмахнутся, как от назойливой мухи, ни в одном приличном издательстве.

Благодарно вздохнув, Олег отложил журнал и взялся за телефон:

– Алло, Цыпа? Приве-ет, – промурлыкал он. – Оруженосец вышел, представляешь!.. Да-да, я тоже не могу придти в себя от радости... Спасибо, Цыпа, спасибо, милая... да, я думал о том же! Давай-ка ты после работы забеги в магазин и купи салатиков, курочки и... ну, сама сообразишь. А я схожу за вином... да, любимая, непременно. Вот и отметим. Будешь пораньше? Отлично. Целую, пока.

Накинув куртку и натянув на умную голову старую кепку, Олег отправился в винный отдел местного супермаркета, купил вина и полушку коньяка и, весело напевая что-то попсовое, направил свои стопы к дому. Молодецки пнув пластиковую бутылку и незло ругнувшись на несознательных граждан, он набрал код на входной двери и нырнул в темноту подъезда.

И вдруг почувствовал на своей голове чужеродную ткань, моментально охватившую все лицо, замкнувшись на шее! Олег не успел испугаться, не успел ни о чем подумать, только услышал глухой звук удара, голова беспомощно мотнулась, и молодой талант провалился в небытие.

Герой и автор

Олег почувствовал, что тонет, захлебываясь падает на самое дно и попытался работать руками. Плыть, плыть, навверх! – кричала душа, но руки совершенно не повиновались. И тогда он очнулся. И понял, что вода ему лишь привиделась.

Хотя нет, по лицу действительно стекали капли, да и в носу было мокро. Олег закашлялся и его голову тут же вновь окатили ледяной водичкой.

– Хватит, – прохрипел он, всерьез опасаясь захлебнуться. – Я в порядке.

– Очнулся? Карамба, ихо де пута! – услышал Олег чуть хрипловатый резкий мужской голос. Разводы перед глазами от воды и нокаута мешали ему рассмотреть своего, по-видимому, пленителя. – А ну, смотри мне в глаза, Мачос мьерда.

– Кх-кх-то вы?

– Зови меня Риттер, негодяй.

– Риттер Негодяй? – удивился дезориентированный Олег.

Тумс!

– Ай! – Химмельман получил чувствительный, несмотря на общее шоковое состояние, удар по лицу. Вдвойне обидный оттого, что он, как человек интеллигентный и неконфликтный совершенно не привык получать по морде.

– Негодяй – это ты, а я просто Риттер, понял-нет? Узнаешь меня, собака?

Олег честно попытался проморгаться, очищая взгляд, и как следует рассмотреть мучителя. Перед ним стоял молодой человек лет, наверное, двадцати, худощавый блондин с острыми чертами лица, длинным прямым носом и горящими безумием глазами. Нельзя сказать, что выглядел он как законченный ре-

цидивист-уголовник, но глаза Олега испугали. Маньяк, да и только.

Ничего знакомого Олег в его чертах не увидел, и у него затеплилась робкая надежда:

– Извините, но я вас совсем не узнаю. Вы наверняка ошиблись! Я не сделал ничего плохого, меня зовут...

– Олег Химмельман, я знаю. И я не мог ошибиться, ведь я – Рыцарь! Страж добра, отряженный Господом бороться со злом. А ты – дерьмовый писака.

В голове у Олега зашевелилось легкое подозрение. Но он, будучи материалистом, несмотря на специфическую литературную специализацию, отнес его на последствия удара по голове и отбросил как невероятную глупость. К тому же, его героя звали Кнаппе, а не какой-то там Риттер.

– Верно мыслишь, хилипойяс. По глазам вижу – узнал. Да-да, когда-то ты меня звал именно Кнаппе, да отсохнет твоя правая рука, но теперь я вырос и, идя по стопам своего господина, сделался Рыцарем. А заодно и взял себе новое имя.

Проговаривая все это, сумасшедший парень принял горделивую позу и задрал подбородок едва не к зениту, театрально раскинув руки. По завершению патетического выступления, оратор резко скукожился, глаза его вновь загорелись безумием и, вытянув указательный палец, он прошипел заробным голосом:

– А ты, жалкий пес, козлияя моча, сделал из меня чудовище, сломал мою жизнь и растоптал идеалы. Поэтому сегодня ты умрешь!

Олег запаниковал. Понимая абсурдность ситуации и обвинений, он судорожно искал нить правды, силясь понять, что же на самом деле с ним происходит. Спит? Нет, слишком реально. Бредит?.. Может, это видения, сопровождающие клиническую смерть? Как версия – вполне правдоподобна. Но что-то мешало ему поверить в столь простое и безопасное объяснение. Все так натурально, материально и реально, что просто не может быть порождением больного воображения. Впрочем, не один фильм и книга утверждали, что придуманный шизофреником мир для

своего автора не менее правдоподобен, чем объективно существующее.

Но скорее всего – это просто маньяк, каких, если верить киноиндустрии, пруд пруди. Только этот свихнулся на его, Олега, скромной фигуре. А точнее, на его свежей повести. И пусть она только-только вышла, есть еще сотрудники журнала, естественная утечка материала и, к тому же, у него на компьютере давно устаревшая антивирусная база – текст могли украсть и у него.

– Где я, – ни на что особо не надеясь, спросил Олег. Поджилки его не то что тряслись – ходуном ходили и даже бегали, но вместе с тем молодой талант был достаточно умен, чтобы не потерять голову окончательно. Он тянул время.

– Где? – удивился Риттер. – Неужели не видно? В между-мирье. В проходной между вашим и нашими мирами, там, где мы только и сможем с тобой побеседовать, никого не стеснясь и сбросив маски повседневности, навязанные вам обществом, а нам – авторами. Не правда ли, здесь уютно?

Последнюю фразу маньяк произнес так тепло и искренне, что Олег невольно обвел взглядом обстановку и вынужден был молча не согласиться с заявлением похитителя. Он увидел лишь темно-серые, в потеках и паутине, стены, угрожающе нависший в полутьме потолок, ржавые, сочащиеся неприглядной жидкостью трубы, пыльный пол и одинокую железную дверь, которая может украсить лишь вход в преисподнюю или карцер самой строгорезжимной тюрьмы.

Ну а посреди комнатушки, лицом к двери на стуле сидел он сам, безнадежно связанный по рукам и ногам.

– Что? Не нравится? – обиделся Риттер. – А я старался...

Его бесцеремонно прервал жуткий скрип двери. В едва наметившейся щели проема показалось смутно знакомое острое лицо.

– Карамба! – заорал на лицо Риттер, и оно тут же исчезло, испуганно захлопнув лязгнувшую дверь. – Чертовы эльфы, нигде от них спасу нет. Итак, о чем я, папаша?

Надежда, заглянувшая в душу Олега, испарилась вместе с эльфом. Но в нем самом что-то переключилось, вернув способ-

ность соображать. Страх остался, ушел ужас. Об эльфе Олег не думал – мало ли придурков. С него же довольно одного психа, с которым и надо разобраться.

– Погодите. Вы утверждаете, что вы и герой моей повести об оруженосце – одно лицо?

– Я не утверждаю это, Санта Мария! Это абсолютная правда, провалиться мне на этом самом месте!

Было бы неплохо, – проворчал про себя Олег и вновь перехватил инициативу.

– Но постойте, мой Кнаппе маленький мальчик, девяти, если не ошибаюсь, лет...

Безумец расхохотался. Вот тебе и разумные доводы.

– Ты! – вновь вытянул палец в сторону связанного Олега Риттер. – Ты заблуждаешься, недоумок, полагая течение времени равнобегающим в наших мирах. Пока ты облизывался на кусок бумаги и в уме распределял невеликий гонорарец, я трубил свой срок сначала в детской тюрьме, а затем и в колонии строгого режима. И каждый день меня избивали, унижали достоинство, мешали с дерьмом и ломали душу...

Безумец окончательно съехал с катушек и орал так, что стены тряслись. А брызги слюны грозили утопить Олега не хуже ушата с водой. Но дальше началось совсем страшное – каждую фразу маньяк подтверждал хлестким ударом по лицу несчастного пленника.

– Меня насиловали за то, что я белый, я убирал парашу не только в своей камере, но и на всем этаже, охранники, узнав о моем преступлении, не только не защищали, но и сами norовили ударить побольнее при каждом удобном случае. На меня мочились и опорожнялись, ломали пальцы, резали крайнюю плоть, ржали над моим криком и слезами, мне ломали кости и отбивали внутренности, мне...

И он зарыдал, продолжая хлестать Олега. Олег тоже заплакал от бессилия и обиды.

Наконец, оба они устали и успокоились. Допуская, что все рассказанное преступником о пережитом в тюрьмах правда, Химмельман понимал истоки его безумия, но ему от того ничуть не становилось легче.

– Но я, – просипел он. – Я-то тут при чем? Я не сажал Кнаппе в тюрьму, я не придумывал все эти зверства и вообще, я просто писатель! Я не сделал вам ничего плохого!

– Не кричи, мать твою, – совершенно спокойно, даже устало, ответил Риттер. – Я вижу, ты мне не веришь. А еще фантаст... Послушай, за что ты наградил мою маму онкологическим заболеванием?

– Чем-чем? – удивился Олег. – Ничем я ее не награждал. Она вообще в повести осталась, практически, за кадром.

– Не помнишь? А кто, желая подробней раскрыть тему ее смерти и влияния этого события на мою психику, писал о раке? «Умирала она медленно и мучительно...» А?

– Постойте! Этот кусок не вошел в повесть, я написал его и тут же удалил!

– Ага, бестрепетной рукой. Ну, вот и прикинь, откуда сие известно мне?

Олег опешил. И действительно, никому о предполагаемой болезни матери своего героя он не говорил, даже Цыпе. Да и сам давно забыл о неудачном экскурсе в прошлое Кнаппе. Откуда же?..

– А первый вариант конца? – усмехаясь, продолжал Риттер. – В котором не было ни детей-заложников, ни драм-матизму?!

Последнее слово он произнес с нескрываемым отвращением, будто передразнивая.

«Предположим, если текст был украден с моего домашнего компьютера слишком рано, альтернативный конец мог попасть в чужие руки, но абзац о болезни мамы Кнаппе я даже не сохранил!.. Кто-то читал с экрана?»

Понимая несостоятельность оправданий перед батюшкой материализмом, Олег Химмельман постепенно начинал верить в самое невероятное, но столь упорно навязываемое ему объяснение происходящего.

«Спокойно, Олежек, спокойно».

– А разве в Пуэрто-Рико есть детские тюрьмы? В которые сажают выдуманных героев?

– Не финти, папаша. Есть тюрьмы, есть.

– Слушайте, Риттер, не зовите меня папашей, это еще не доказано!

Риттер только усмехнулся, присев на пятую точку перед Олегом и скрестив ноги перед собой.

– Между прочим, вы тут явно матерились по-испански. Я кроме слова «карамба» не понял ни шиша. Откуда, спрашивается, мой герой знает слова языка, которого не знаю я?

– Умгу, на «кнаппе» лингвистических познаний хватило, значит...

– Интернет подсказал, – огрызнулся Олег. – Не уходите от ответа.

– А что тут отвечать? Тюрьма не проходит бесследно, – Риттер улыбнулся так широко, что сверкнул сразу двумя золотыми жевательными зубами.

– Но при этом дурь о рыцарях и их правом деле, сумасшествие, которое довело Кнаппе до греха, она из вас не выбила?

– А ты сам виноват. Сделал меня окончательно сбрендившим пацаном, теперь не удивляйся.

Он оставался доброжелательным, спокойным и рассудительным собеседником. Никакого следа былой буйности.

– Ну, хорошо, предположим, весь этот абсурд действительно правда, – размеренно проговорил Олег. – Пусть так. Вы – герой моей повести, некогда Кнаппе, теперь Риттер. И что? Я-то чем виноват? Миллионы писателей создают образы негодяев, но я не слышал, чтобы им за это что-то было. Это же нормально! Есть плохие, есть хорошие, вся литература на том стоит.

– Карамба! Ты меня доведешь все-таки, папаша! – вскочил Рыцарь. – Во-первых, отвечай за себя, не думай о других. Во-вторых, если ты чего-то не знаешь, это не значит, что ничего не было. В-третьих, ты написал неправду, и я пострадал несправедливо!

– Что?! Это почему еще неправду-то? Я автор, что напишу, то и есть правда. Тем более, что пишу я фантастику, то есть вру как хочу, а коли не нравится кому, пусть публицистику читают.

– Чушь, все в жизни закономерно. Поведение героев, как отражения живых людей, тоже должно подчиняться логике. –

«Кто бы говорил о логике», подумал Олег. – Если ты говоришь, что твой главный герой замызганный «очкарик» и никогда не касался турника, а потом он у тебя начинает показывать чудеса гимнастики, то это неправда. Пример доступен?

– Ну, предположим, – нетерпеливо кивнул Олег. – Однако не помню, чтобы я допускал подобные промахи в повести о Кнаппе. Разве у него не было пальцев, чтобы спустить курок?

– Не у «него», а у «тебя», то есть, у меня, – поправил Риттер. – Были! Но это лишь грубый пример, чтобы ты понял, о чем я говорю. Ум-то у тебя не шибкий, приходится гиперболизировать.

– Пф! Учит курицу яйцо...

– Цыц, хилипойяс! Физически я мог совершить преступления, приписанные мне тобой. А вот психологически – нет.

Олег опять хотел фыркнуть, но сдержался, поймав выразительный взгляд своего героя. Зубы пожалел.

– Ну вот прикинь, описал ты маленького мальчика, хорошо описал, мол, маму любит, папу любит, в бога верит, в церковь ходит. Никогда никого не обижал, не бил – непотребное занятие для богопослушного мальчика. Можно даже сказать, подставлял вторую щеку, получив кулаком по первой.

– Это где это я про щеки писал? – возопил Олег, уже понимая, к чему ведет его собеседник.

– Не перебивай. И учись читать между строк.

– Умгу, между строк, которые сам же и написал. Вопрос, кто начиркал то, что ты увидел в этом междустрочье?

– Вопрос риторический, не прикидывайся совсем уж дураком. Ты как автор даешь читателю реперные точки, отталкиваясь от которых, он строит все остальное, видит реальность, созданную автором, такой, какой она должна быть. Ты не описывал в подробностях походы героя в туалет, но ведь все понимают, что он его посещал. Между строк. Между прочим, хочу тебе заметить, никаких нареканий к тебе в построении «каркаса» твоего героя, то есть меня, я не имею. Критических противоречий нет, образ вполне жизнеспособный. Но дальше!..

– А что дальше? – наигранно удивился Олег. – Дальше мальчик сошел с ума, погрузился в мир грез, вымыслов, сказки, а с сумасшедших, ты уж меня прости, спрос небольшой. Логике их поведение поддается слабо.

– Вот! – торжествующе ткнул пальцем в нос Олега Риттер. – Вот ты сам и сформулировал всю противоречивость моего поведения.

– Где? – оглянулся в поисках противоречия Химмельман.

– А здесь. Кнаппе, вроде как от груза страданий, выпавших на его долю (слабовато оправдан такой финт его психики, ну да ладно), съезжает с катушек и живет как бы в вымышленном мире. И ты правильно только что сказал: скрываясь от несовершенств окружающего мира и своей судьбы, он ушел в мир СКАЗКИ! Добрых рыцарей, злых драконов, благородных дам, которые на деле были проститутками, в мир возвышенных идеалов, подкрепленных божьими заповедями.

– Слушай, Кна... Риттер, развяжи меня, а? Нехорошо как-то получается, я все-таки создал тебя, а теперь общаемся не как родные люди, а как арестант с мучителем.

– Во-первых, не перебивай мою мысль. Во-вторых, лучше бы ты меня не рожал, мамаша. В-третьих, не развяжу. Начнешь глупости творить, сбежишь ненароком, потеряешься, а там и пропадешь. Междумирье тебе незнакомо, а в нем, между прочим, не всякий закон физики работает. Короче, сиди и слушай.

– Подожди, последний вопрос: откуда ты такой умный взялся, если я по твоей же логике ограничил доступное тебе. А?

– Есть создатели и повыше тебя рангом, Карамба! – озлился Риттер.

– Сам Карамба! То есть Дьявол, по-нашему?! – Олег закрыл рот в притворном испуге.

Проигнорировав неумелое лицедейство своего создателя, герой продолжил:

– Итак, наивный мальчик с чистой душой, хоть и заблудившийся немного в мире грез, идет на уголовное преступление. Ну ладно, пусть, он продолжает играть и не понимает серьезности происходящего. Бандюги начинают убивать направо и на-

лево, их тоже мочат по мере возможности, а мальчик и в ус не дует? Хорошо, совсем заигрался. Даже зверски расстрелянную собаку, как и ее отравленных собратьев, которых добрые маленькие мальчики вообще-то любят, простить можно. С большой натяжкой можно было оправдать убийство мальчиком «злого колдуна» или его прислугу и охрану – они большие мужчины, которых хоть как-то можно представить в роли представителей эпического зла. Но женщина?..

– Она колдунья!

– Она женщина, которая напомнила ему мать. Женщина, которая вытащила его в реальность, и теперь уж он точно не мог провалиться обратно. Он, вернее я, должен был, просто обязан был опуститься на колени и зарыдать. Ну да ладно... автор сволочь, автор чуть ошибся в исходных точках, рисуя портрет своего героя. Неопытный автор, да и дурак не малый, но простить можно. Но скажи мне, умник, как я мог убить в приступе ярости двоих детей, девочек, едва оторвавшихся от мамкиной сиськи? Убить жестоко, в иступлении? От страха? Нет. Окончательно съехала крыша? Так она могла съехать у взрослого дебила, но никак не у малого мальчика. Что ты молчишь? Ты осознал? Понял, что сотворил со мной?

Риттер вновь сделался безумен, от его ора Олег скукожился, ежесекундно ожидая удара по лицу. Но тот вдруг успокоился и продолжил уже совершенно нормальным голосом:

– Так что неправду ты написал. Не мог я сотворить подобного. А сотворил. По твоей вине.

– Это суд? Твои доказательства и признание мной вины слышит кто-то... там? – упавшим голосом спросил Олег, кивнув на потолок.

– Да нет, суд уже состоялся, наказание было вынесено и приведено в исполнение. И никто там исправить ничего уже не может.

– Тогда чего ты от меня хочешь, – сдерживая рыдания, выдавил Химмельман. – Давай я исправлю конец, и все здесь, в мире выдуманных героев, случится иначе. Хочешь?

– Не поможет, – покачал головой Риттер. – Как и в мире твоём, у нас ничего нельзя повернуть вспять. Повесть уже пре-

дана бумаге, опубликована и прочитана, пусть пока и немногими.

– Что тогда? Что я должен сделать? – отчаявшись, выкрикнул Олег. И заискивающе продолжил: – А давай знаешь что, давай я напишу продолжение, а? Напишу так, чтобы ты не попал в тюрьму, чтобы ты оказался, скажем, в приюте для душевнобольных, быстро вылечился бы и потом тебя усыновят хорошие люди!

Риттер опять покачал головой, словно отмеряя автору неумолимое наказание.

– Тоже не выйдет. Во-первых, у меня жив отец. Вернее, был жив. Во-вторых, это не отменит главного – я, рыцарь Господа, не могу зваться таковым, потому что на моей совести останутся невинно убиенные дети. Великий грех, ничем не искупленный.

– Придумаю! Я все придумаю! Грех искупишь, как ты хочешь его искупить? Отца твоего убить проще пареной репы... ой.

– Вот-вот, отцеубийца чертов. Только это ты и можешь, всех убить и чуши намолоть.

– Но чего? Чего ты хочешь от меня теперь?! Моей смерти? Моих мучений? Я уже мучаюсь, я боюсь, я раздавлен страхом!

– Фи, слабак, – презрительно сплюнул Риттер. – Не хочу я твоей смерти. Хотя возьму и ее, если откажешься искупить свою вину. Не прощаемую, в общем-то, но Господь учит милости. Может быть, я и прощу. Может быть...

– Я согласен! Я на все согласен! Говори! Все сделаю, – Олег молил своего похитителя о милости, он забыл о гордости и скепсисе, он бы упал на колени, если бы не веревки. Он умолял своего героя о прощении, кляня себя за то, что сделал его в итоге довольно жестоким и совершенно невменяемым.

Риттер долго молчал, задумчиво глядя на Олега, будто оценивал – врет или нет, проняло или это просто проявления страха, раскаялся или лишь цепляется за жизнь.

– В общем, так! – сказал он, наконец. – Ты будешь писать. Ты напишешь роман, не повесть, не рассказ – роман. Героями его станут мой сын и одна из убитых мной девочек – Белла. Ты

этого не знаешь, но я видел, что она дышала, когда в комнату ворвалась полиция. Ты вылечишь ее и отдашь на воспитание родственникам. Хорошим людям. Мой сын пусть родится, пока я буду сидеть в тюрьме, раз уж его отец законченный грешник. Пусть его воспитывает мама, красавица Розалина – глаза Риттера мечтательно закатились. – А зовут моего сына, между прочим, Карло. Мальчик Карлито... Он, конечно же, узнает о том, что сделал его отец, я сам ему расскажу, когда он придет ко мне в тюрьму. И тогда он начнет заботиться о Белле, будет защищать ее, помогать с деньгами, экзаменами, мирить с друзьями, поможет найти себя в профессии и сделать карьеру малютке Белле. Ах, какие же у нее ручки!

Естественно, все это он станет делать анонимно, не показываясь ей на глаза, а если и покажется, то не расскажет о своей миссии. Потому что она тоже будет знать о судьбе своих родителей и сестры, о том, при каких обстоятельствах все случилось. Но, конечно же, со временем она полюбит своего ангела-хранителя, а он ответит ей взаимностью и обо всем расскажет. И если она простит его, простит меня, – только смотри у меня, все должно быть без лажи, правдоподобно – тогда твой грех будет прощен мной, а моя вина будет отчасти искупленной, и я смогу стать Рыцарем, посвященным Господу нашему, и со спокойной душой встану в ряды его рати, пусть и с самого крайнего края.

И роман этот обязан быть опубликованным, чтобы его прочитало как можно больше людей, чтобы их сочувствие стало мне ступеньками на небеса. Чтобы эти ступени были куда крепче и надежней тех, что ты проложил мне в ад.

Понял-нет?

– П-послушай, Риттер, – переварив услышанное, выдал Олег. – Но ведь Белла будет как минимум лет на десять старше твоего сына!

– Так мне что, идти за своим праведным мечом?

– Нет-нет, что ты! – испугался Олег, поняв, что десять лет разницы в возрасте не преграда для любви, заботы и прощения. – А если скажут, мол, неформат, не читают теперь такого?

– Я все-таки иду за мечом, – обреченно вздохнул Риттер.

Автор

– Где ты был, милый? О господи, что с твоим лицом? Тебя били?

– Потом Цыпа, все потом.

Олег Химмельман вихрем вбежал в квартиру, чуть не сбив опешившую Цыпу, но, вдруг опомнившись, повернулся к ней, порывисто обнял, поцеловал и прошептал:

– Спасибо, любимая!

– За что, – удивилась напуганная Цыпа.

– За все, милая, за все! Ты прости меня, но я пойду поработаю.

– А как же? Как же празднование выхода твоей новой повести? Я вот салатиков купила, и курочки, и тортик... вкусный.

Олег только огорченно махнул рукой.

– Не могу, Цыпа. Никак не могу. Ты поешь, милая. Скушай тортику, выпей шампанского, а я пойду, ладно?

– А ты? Как же ты?

– Потом, все потом...

– Ну хоть переоденься, помойся, – обреченно выкрикнула Цыпа в спину Олегу. – Покушай, наконец, хоть чуть-чуть!

Олег опять махнул рукой, послал ей воздушный поцелуй и сел за компьютер:

«Карлито рос мальчиком сильным и смелым, но сегодня он трусил. Его мама, донна Розалина, сказала, что они отправятся в тюрьму, навестить отца. Карло видел его редко, и всякий раз страшился новой встречи, сам не знал почему. Зато мама навещала папу часто и всегда возвращалась со свиданий одухотворенная и счастливая, только в глазах ее оживала тихая грусть. Наверное, этой грусти и боялся Карло.

– Карлито, – сказала Розалина, обнимая сына. – Сегодня папа попросил привести тебя к нему, чтобы рассказать что-то очень важное. Он говорит, что ты вырос и должен кое-что уз-

нать. Выслушай папу внимательно, потому что твой отец необычный человек, он Рыцарь без страха и упрека, воин Господа нашего...»

Цыпа, которую вообще-то звали Евдокией, души не чаяла в Олеге. Любила его так, как только и умеют любить женщины. Самоотреченно и всепрощающе. Терпела любые его выходки и лелеяла все достижения. Ведь он же гений! Самый-самый лучший на земле.

Улыбнувшись, любимая женщина молодого и талантливого автора поспешила на кухню готовить своему гению бутерброды, которые он сможет схрумкать без отрыва от производства.

Автор автора

Сеньоры, благородные господа мои, не соблаговолите ли вы, в награду мне, сказителю убогому, за сказ да развлечение преподнести посудинку с текилой, чтобы я мог осушить ее за ваше, сеньоры, здоровье и за благодать Господню, что моими молитвами непременно наполнит ваши тела и души.

Спасибо, сеньоры, спасибо вам и Деве Марии, нашептавшей мне повесть о маленьком оруженосце и его негладкой судьбе.

ЮЛИЯ ГОФРИ

ПОСТРОЕНИЕ

Напрасно твердили историки и этнографы, что концепция конца света была чужда народу Майя. Напрасно намекали, что завершение их календаря определенным днем могло означать всего лишь то, что жрецы поленились считать дальше. Ведь все вокруг знали, что история – наука не точная, можно сказать, и не наука вообще, и мало ли что эти зануды придумывают. Все точно так же знали, что этнографы – это всего лишь кабинетные сморчки, высасывающие из своих ученых пальцев теории о людях, которых в глаза не видели.

Впустую утверждали астрономы, что «редчайшее астрономическое явление» не повлечет за собой никаких природных катаклизмов – откуда им знать-то? Ведь никому из них не довелось наблюдать подобное явление в прошлый раз, двадцать шесть тысяч лет назад! Те же астрономы сами подтвердили, что к двадцать первому декабря две тысячи двенадцатого года звезды действительно выстроятся в одну линию, как и предсказано. Любому мыслящему человеку было кристально ясно, что подобное событие должно знаменовать собой окончание некоего периода. А если повезет, то и начало нового.

Спорить всерьез можно было лишь о том, в какие конкретно ужасы выльется грядущая перемена. Самые убежденные спорщики, не желая дожидаться назначенного часа, отправлялись за точным ответом в высший суд и непременно старались прихватить с собой оппонентов. За ними последовали упрямы, не желающие должным образом готовить душу к встрече Судного

Дня – некоторых людей просто невозможно заставить делать то, что им же на пользу. Священники и владельцы похоронных бюро были загружены работой по горло. Те граждане, которым удавалось не ввязаться ни в какой спор и избежать встречи с доброжелательными и настойчивыми спасителями, торопливо запасали соль, спички, консервы, оружие и портативные электрогенераторы. Соответствующие отрасли экономики пережили небывалый подъем.

В тот самый день все в мире замерло в ожидании. Астрономы прильнули к экранам телескопов. (Собственно, они от этих экранов не отрывались все предыдущие месяцы.) Примерно в десять часов вечера по Гринвичу уже уставшие от долгого бесплодного ожидания люди услышали странный звук, раздававшийся словно бы одновременно со всех сторон. Звук понемногу становился громче, одновременно слегка – совсем слегка – меняя тональность. Никаких других событий не произошло – шум, однако, и не думал стихать.

Сложно передать, что творилось в последующие дни в умах и душах людей, не говоря уже – на улицах и площадях городов. Панике не поддались, пожалуй, лишь те же астрономы, да еще жители Нью-Йорка. Первые, сидя в своих лабораториях, не сразу и заметили, что какие-то посторонние звуки отвлекают их от работы, а для вторых непрекращающийся грохот мало что изменил в ежедневной жизни. Через несколько недель, однако, всем стало ясно, что, во-первых, шум вовсе не собирается прекращаться, а во-вторых, что никаких серьезных последствий он не имеет. Представители различных сект, конечно, обиделись и немного пошумели, а кое-кто даже попытался устроить конец света собственными усилиями, но в целом ничего из ряда вон выходящего не произошло. За следующие несколько лет постоянный шум, постоянно и плавно изменяющийся то по громкости, то по тональности, стал частью жизни человечества в той же мере, что и ветер или уровень солнечной радиации. Дети перестали бояться, коровы снова начали доиться, ученые обрадовались новому феномену и принялись просить гранты на его подробное изучение. Иногда звук стихал на часок, но тут же возобновлялся с прежней интенсивностью.

И только одна мысль немного успокаивала их, пьющих, но не пьянеющих: если бы солдат подняли по боевой тревоге, вряд ли их стали бы заставлять рассчитывать.

БЕЛАЯ КОШКА В ЧЕРНУЮ КЛЕТКУ

Едва Миша приоткрыл дверь, как изнутри раздался громкий, сравнимый с паровой сиреной Танин вопль:

– Стой, зар-р-р-раза!

Миша замер. В следующую секунду его едва не сбил с ног пушистый черно-белый метеор. От неожиданности молодой лаборант позволил животному проскочить мимо и радостно умчаться вдаль по коридору. Однако спустя секунду Миша уже сориентировался:

– Я мигом! – И, швырнув сумку в приоткрытую дверь, понесся по коридору вслед за беглянкой, благо ее привычки были давно известны. Машка, будучи невероятно свободолюбивой кошкой, не отличалась, однако, особым интеллектом. Ей уже несколько раз удавалось улизнуть, и каждый раз Миша находил ее в конце коридора, забившейся в щель между ящиком со старыми телефонными книгами и телефонным же столиком, на котором уже лет восемь как не было соответствующего названию аппарата.

В предыдущие разы им везло больше: кошку удавалось поймать и вернуть в родную лабораторию до того, как ее успевали увидеть посторонние. Но на этот раз, шагая назад по коридору с присмирившей Машкой в руках, Миша наткнулся на выходящего из соседней лаборатории Николая Семеновича Деньжинского и одну из его лаборанток. Оба они застыли посреди коридора и уставились на Машку.

– Разрешите пройти? – буркнул Миша.

– Что это? – не двигаясь с места, поинтересовался Деньжинский.

– Кошка.

Деньжинский молча переводил взгляд с Машкиной невозмутимой морды на Мишину невозмутимую физиономию. Миша понял, что присутствует при событии исторического масштаба: Деньжинский растерян и не знает, что сказать! Молодой человек подался вперед, тем самым намекая, что не собирается стоять здесь до вечера, и Николай Семенович невольно сделал шаг в сторону. Миша зашагал к лаборатории.

– А почему она такого... такого цвета? – вслед ему раздался голос лаборантки.

– Вы что, черно-белых кошек никогда не видели? – не обращившись, откликнулся Миша.

Подойдя к двери, он собрался было постучать носком ботинка, но тут Таня сама открыла, не дожидаясь стука.

– Кто это был в коридоре? – поинтересовалась она, еле сдерживая хохот.

– Деньжинский с лаборанткой.

Таня посерьезнела:

– Паршиво. Со Светой или Натальей Михайловной? Хотя это уже все равно.

– Без понятия. – Миша на секунду задумался, затем уточнил:

– Пожалуй, скорее с Натальей Михайловной. Постарше женщина.

– Ну да, она! – Теперь Таня снова фыркнула. – А ты молодец все-таки. Уел!

– И заметь, ни словом не соврал, – довольно улыбнулся Миша, глядя Машку по спинке.

По черной спинке в крупную белую клетку.

Однажды, будучи в несколько меланхолическом настроении, Елена Витальевна пожаловалась мужу на неудачи в работе. (Впоследствии дата этого вечера отмечалась в ее лаборатории ежегодно и сопровождалась непременными возлияниями в честь ее замечательного спутника жизни.)

– Понимаешь, Дим, – говорила она негромко, закинув руки за голову и глядя в темноту, – это мечта всей моей жизни. Я из-за этого, можно сказать, и пошла в науку. Конечно, было еще несколько дурацких... как их?... мечтов, мечт.

– Мечтаний, – негромко подсказал муж с соседней подушки.

– Вот. Типа «изобрести средство для бессмертия» и «найти лекарство от СПИДа». Детский сад, одним словом. У всех такие идеи есть и обычно они отваливаются довольно быстро. Я думала, что и эта отвалилась, а она просто затаилась в каком-то дальнем уголке, годами заставляла по крупицам собирать сведения, информацию, если случайно где-то что-то попадалось. Однажды меня так достали эти постоянные мыслишки, что я решила сесть и логически себе объяснить, почему все это глупости. А когда начала подбирать аргументы...

– Для спора с самой собой? – уточнил муж.

– Да. Так вот, я вдруг поняла, что эта идея, собственно, не противоречит никаким фундаментальным законам. Ничего принципиально невозможного, как в вечном двигателе, там нет. Более того, я поняла, что современный уровень развития науки в принципе может позволить осуществить мою детскую мечту... И вот: второй год бьюсь, добралась до экспериментов, но не могу понять, где же я ошиблась и почему не получается!

– Знаешь, у меня если на работе творится такая ерунда, я кому-нибудь подробно рассказываю, что пытаюсь сделать и как это воплощаю в жизнь. И обычно где-нибудь на пятой минуте вдруг понимаю, что сделал не так.

– Ага, – раздраженно сказала Елена Витальевна, – и кому же я пойду рассказывать? Может, Деньжинскому? Он выслушает, можешь не сомневаться! А через год я узнаю, что мы с ним, оказывается, независимо друг от друга пришли к одинаковым результатам. Ха-ха!.. Тут ко мне из его лаборатории новый парень перевелся, Миша Снежников, биохимик, невероятно талантлив. Представь, этот Миша чуть не вешался: стоило ему заняться более или менее стоящей темой, как Деньжинский либо отдавал ее другому, либо закрывал совсем. Уж не знаю, чем парень ему не угодил, но у меня он через три месяца уже отправил статью в журнал, а у Деньжинского за два года – ни одной.

– Зачем же идти к Деньжинскому? – сказал Дмитрий. – Попробуй рассказать мне. Хотя бы общий принцип. Тут даже не

столь важно, пойму я или нет – главное, что ты сформулируешь проблему вслух. А кроме того, мне попросту интересно.

Елена Витальевна вздохнула, пытаясь подобрать понятные мужу выражения.

– Представь себе, – наконец заговорила она, – что в ДНК хранится что-то вроде инструкций, как построено человеческое тело. Все, что с телом происходит, закладывается в момент зачатия, ты это наверняка слышал. Какого роста человек будет, какого цвета у него будут глаза и волосы, в каком возрасте вырастут коренные зубы... Разумеется, некие экстремальные обстоятельства могут что-то изменить: скажем, если ребенка плохо кормить, то это отрицательно скажется на росте, а если он будет испытывать недостаток кальция, то зубы выпадут раньше, чем задумано природой. И тому подобное. Однако в каждой клетке его организма останется информация о том, как это все должно было быть в идеале. Так вот, представляешь, как было бы здорово, если бы мы научились заставлять организм использовать эту информацию, чтобы исправить что-то! Например, выпал у человека зуб – найти информацию о том, какой зуб должен расти на этом месте – запустить, так сказать, программу из ДНК и вырастить на этом месте новый зуб вместо старого.

– Постой. Получается, что можно будет отращивать себе, скажем, новые руки взамен старых?

– Ну... теоретически, но это уже совсем другой этап. Вряд ли в ДНК есть информация о том, как отрастить себе новую руку. Кости и мышцы формируются в самом начале развития одновременно со всем остальным организмом, там все переплетено вместе. Но суть ты уловил!

– То есть разница в том, что для зуба программа уже есть, а для руки ее сначала нужно будет придумать?

Елена Витальевна озадаченно замолчала.

– В некотором смысле, да, – ответила она после паузы. – Но эту программу, которая уже есть, еще нужно найти. А потом суметь запустить. Вот способом этого запуска я и занималась весь последний год. Была уверена, что получится, но результатов – ноль!

– Зуб не растет?

– Да при чем тут зуб! Зуб – это так, для примера! У меня – кошки. Я собиралась менять окрас. Ты же знаешь, как это работает у кошек.

Последнее было не вопросом, а утверждением. Кошек Дмитрий любил, разбирался в них и одно время даже разводил. С тех насыщенных, хотя и слегка сумасшедших, лет в доме остались на постоянное жительство британцы Тофсла и Вифсла.

– К примеру, разноцветный окрас, «торти». Пятна располагаются случайным образом... ну, ты в курсе. Вот на изменении этой случайности я и собиралась построить эксперимент.

– Вывести белых кошек в черный и оранжевый горошек? – в голосе Дмитрия послышалась улыбка.

– Да хоть бы одну горошину! И не вывести! В том и дело! А взять взрослую кошку, подсоединить электроды к специальным областям мозга, и с их помощью передавать «программу». Буквально - надеть на голову шлем с электродами, включить – и кошка понемногу начинает перекрашиваться. Хоть в горошек, хоть в полосочку. Два года занималась теорией. Шлем сама разработала, потому что существующие не подходили. Комбинацию и частоту сигналов. На бумаге – все должно работать. Хоть убей, не пойму, что же я упустила!

– Знаешь, Лен, – задумчиво сказал Дмитрий, – если продолжать сравнивать человека с неким сложным компьютером... Вот есть в нем, допустим, определенные программы, которые работают автоматически, с минимальным вмешательством пользователя. Другой пользователь должен запустить сам, а дальше они уже на автомате. Но если ты программист, то можешь многие программы менять или запускать вручную тогда, когда нужно, с другими параметрами. Я очень поверхностно сейчас объясняю, конечно, но суть вот в чем... Перед тем, как запустить программу заново, с новыми параметрами, мне нужно как минимум остановить ее работу. Нельзя вносить изменения, пока программа работает. Может быть...

Елена Витальевна резко села на постели.

– Ты гений, Дим, – сказала она, уставившись в пространство перед собой.

Во все подробности проекта были посвящены лишь трое: Таня, Миша и Денис. Таня с Мишей были младшими научными сотрудниками, Денис - аспирантом; все трое были лояльны заведующей и имели причины не любить Деньжинского. Елена Витальевна не первый год заведовала лабораторией и, когда надо, могла описать проект словами настолько общими, что за ними легко угадывалось все, что угодно, кроме того, что делалось на самом деле. Однако надежды на то, что Деньжинский недооценит увиденное, было маловато.

– Елена Витальевна уже пришла? – спросил Миша.

– Она у себя, с Денисом. Может, не надо отрывать? Пусть закончат, они последнюю модель шлема обсуждают.

– Что обсуждать! – вздохнул Миша. – Все давно обсудили, испытывать пора.

– Нам легко говорить, – вздохнула Таня, – а Елена Витальевна, если что, за все отвечает.

Не зря именно эта тройца оказалась вовлеченной в проект. Миша, которого уже год как пыталась позвать к себе крупная фармакологическая компания, изрядно помог Елене Витальевне в выведении формулы того самого вещества, инъекция которого, по выражению Дмитрия, «останавливала программу и давала доступ в систему». Денис, в школе увлекавшийся радиотехникой, был главным по шлемам с электродами, которые приходилось разрабатывать чуть ли не заново для каждого вида животных. Таня увлеченно программировала – составляла наборы электросигналов, включавших ту или иную генетическую программу. В дальнейшем она ставила себе амбициозную цель: научиться не просто запускать существующие в ДНК программы, но и писать свои.

– Признавайся, – поддразнивал ее Денис, – ты просто мечтаешь о собственном салоне красоты нового образца. Представляешь, какой успех: любое разумное изменение внешности без хирургического вмешательства! Дамы повалят толпами!

– Смейся, смейся, – отвечала Таня, – будущее за нами, био-программистами! А самыми частыми клиентами в таком салоне наверняка будут не дамы.

– Мужчины меньше парятся по поводу своей внешности, – возражал Денис.

– Это смотря какой внешности, – хитро улыбалась Таня. – Судя по спаму, который я получаю через день, кое-какие перемены были бы весьма популярны. Так что нечего, как говорят англичане, швыряться камнями, если живешь в стеклянном доме.

Денис шутливо поднимал руки вверх и возвращался к работе. Последний шлем не зря делался даже с большей тщательностью, чем предыдущие.

Опыты по прекрашиванию кошек были в числе первых успешных и завершились больше двух лет назад. С тех пор в клетках лаборатории успело побывать множество разных животных; последними – очаровательные шимпанзе Чак и Чан. Опыты с ними были успешно завершены, и теперь все участники проекта с волнением ожидали решения Елены Витальевны. Возможны два пути: либо публикация на данном этапе (а, видит бог, материала хватило бы на десяток диссертаций), либо следующий логический шаг в испытаниях. Все трое, уверенные в успехе, не раз предлагали себя в качестве объектов, но Елена Витальевна колебалась.

Поразмыслив, Миша решил повременить с рассказом до обеда и собрался было вернуться к работе, но тут постучали в дверь. На пороге стоял Деньжинский.

– Здравствуйте, эээ...

– Михаил Степанович, – напомнил Миша.

– Здравствуйте, Михаил Степанович. Разрешите?

Не впускать в лабораторию заведующего соседней лабораторией – значит нарываться на неприятности. Миша посторонился.

– Интересно, интересно, – бормотал Николай Семенович, неторопливо шагая вдоль клеток. – Интересные вы тут выводите породы, однако. Очень интересно, да-да... Я и раньше слышал, что Елена Витальевна очень увлечена кошками. Что же, и о кошках тоже кому-то надо думать, не все же о людях.

Таня открыла было рот, но тут же снова закрыла. Деньжинский крайне редко говорил то, что у него на уме – слова могли быть попросту попыткой заставить сотрудников начать оправдываться и при этом случайно выдать нужную ему информацию. Миша тоже молчал.

– Ну что же, – продолжил Деньжинский, – спасибо, молодой человек, за эту небольшую экскурсию. Я и думать не мог, что Елена Витальевна достигла таких успехов в... м-да. Всего хорошего! – И, улыбнувшись на прощание, он вышел за дверь. Молодые люди переглянулись.

– Пожалуй, я их все-таки оторву от работы, – поднялся с места Миша. Таня кивнула:

– Он явно что-то задумал, но что?

– Ясно что, – устало сказала Елена Витальевна три недели спустя. – По институту ходят слухи, что я впустую расходую деньги и время сотрудников на дурацкие гламурные проекты по перекрашиванию кошек. И даже слух о том, что я планирую грандиозное мошенничество, перекрашивая генетически бракованных породистых котят и потом продавая их по более высокой цене.

– Идиоты! – фыркнул Денис. – Они себе представляют, сколько будет стоить такая «перекраска» даже для одной кошки? Дешевле целый питомник купить!

– Ну, этот слух на научном совете никто и не примет всерьез, – пояснил Миша, – это для создания, так сказать, подходящей атмосферы.

– Совершенно верно, – кивнула заведующая. – Деньжинский хочет попытаться урезать мне финансирование, чтобы выгадать срок и поставить за это время свои эксперименты. У него это все равно не получится, но он наверняка думает, что попытаться стоит. Либо хочет вынудить поспешную публикацию, и тогда уже подхватить с того места, где мы остановились.

– Елена Витальевна, – негромко сказал Миша, – мы уже обсуждали, я все понимаю и не тороплю вас, но ведь это решило бы все проблемы!

Елена Витальевна, поколебавшись, кивнула.

- Да, вынуждена признать, что вы правы, Миша.
- Бросаем жребий? – немедленно вскинулся Денис.
- Нет. Я с каждым поговорю индивидуально. И приму решение.

Какой именно эксперимент ставить, было решено давно. Осталось внести в программу поправку с расчетом на индивидуальные особенности организма, и Таня немедленно этим занялась. Миша чувствовал одновременно и страх, и радость, и заранее теребил языком то место, где год назад рос коренной зуб.

– Танюш, – посмеивался Денис, – вот тебе отличный шанс попробовать себя в качестве – как ты там говорила? – биопрограммиста, да? Представь себе, что у Мишки на этом месте вырастет огромный вампирский клык! Ему бы пошло, а резонанс какой!

– Не мешай, – серьезно отзывалась Таня, – и помни, что и твоя очередь настанет!

– О, со мной все просто! – аспирант похлопал себя по рано начавшей лысеть макушке. – Можешь выращивать любого цвета, лишь бы не в клеточку, как у Машки.

– Штрих-пунктир, как у Пушка, тебе больше подойдет?

– А что? Такой авангард! А сама-то ты, Тань, что соберешься выращивать, когда твоя очередь наступит, а? Зубы у тебя все на месте, ты говорила. Или удалишь ради такого случая?

– Делать мне больше нечего, – фыркнула лаборантка.

– Так что же?

Таня, не поднимая глаз от бумаг, осторожно положила карандаш на указательный палец и покачала его, как качели. Подвинула немного, добиваясь баланса.

– Почку, – спокойно сказала она.

Воцарилось молчание.

– Тань, ты серьезно? – негромко спросил Миша.

– Совершенно. У меня трансплантат. Поставили два года назад – помните, я отпуск брала по здоровью? Средний срок жизни у них, если от постороннего донора, – порядка девяти

лет. Плюс-минус. Я бы очень хотела успеть. Трудно найти другой трансплантат, да и шансов на успех во второй раз меньше.

Таня говорила спокойно, и от этого ее собеседникам было еще жутче.

– Тань!.. – Денис едва ли не впервые за все время их знакомства перестал улыбаться.

– Не надо, ребята. Я с этим с десяти лет живу. Привыкла. Ко всему привыкаешь. Я бы не стала рассказывать, но все равно ведь придется, если... – Таня поднялась из-за стола и, обойдя остолбеневшего Дениса, молча направилась к двери.

Миша нагнал ее в коридоре у лестницы.

– Тань, я только хотел сказать, что мы успеем, непременно успеем!

– Я тоже так думаю, – кивнула девушка. – Время у меня еще есть. Было бы здорово перестать пить иммунодепрессанты, знаешь. Конечно, начинать с меня было бы неразумно: это слишком сложный эксперимент. Скорее всего, одну почку придется удалить, чтобы освободить место. И делать это под наркозом. Придется договариваться с клиником, врачами. Да и вообще, мы ведь ничего подобного не пробовали на животных. В общем, мы пока явно не готовы отращивать новые внутренние органы, хотя неплохо было бы потрясти общественность таким результатом! – Таня улыбнулась. – Ладно, извини, Миш, я тут покурю. Ты иди, я скоро вернусь.

«Ты же не куришь!» – хотел было сказать Миша, но прикусил язык.

Таня стояла возле полок с дисками и с удовольствием смотрела на коллекцию программ, созданных за четыре года. Разумеется, тут были не только ее работы, но к большей части она, так или иначе, приложила руку.

За спиной, скрипнув, приоткрылась дверь.

– Танечка, – вкрадчиво произнес Деньжинский, – добрый день. Как продвигается работа?

– Спасибо, неплохо, – отозвалась Таня.

– Поздравляю вас! Мне говорили, вы диссертацию защитили? В добрый путь, в добрый путь!

Пожелание «в добрый путь» по поводу защиты докторской легко можно было принять за издевательство, но вряд ли оно было намеренным. Деньжинский, как-никак, пришел просить об одолжении. В последние два года почти весь институт неофициально пользовался появившимся в его стенах изобретением для всяческих несложных процедур. То зуб вырастить, то зрение улучшить. Исправление близорукости, впрочем, давало лишь временное улучшение: вскоре она возвращалась и быстро прогрессировала до прежнего уровня. Видимо, была заложена генетически. А вот дальновзоркость уходила если не навсегда, то надолго.

Елена Витальевна сперва хотела запрещать, но потом махнула рукой и только заставляла желающих подписывать соответствующие документы, оформляя бумаги как на добровольцев для экспериментов. Самой сложной операцией было сращение перелома – но уже через две недели пациенту сняли гипс к изумлению лечащего врача. До новой почки, конечно, еще не дошло, но Таня теперь и вправду не сомневалась, что они успеют вовремя.

– Зуб? – поинтересовалась Таня.

– Зуб, – кивнул Деньжинский. Таня протянула папку с бумагами.

– Заполните, пожалуйста.

– Ну, Та-а-а-нечка, – умильно протянул тот, – неужели это обязательно, между своими-то?

– Увы, Коленька, – злорадно улыбнулась Таня, наблюдая, как у собеседника исказилось лицо, – абсолютно обязательно. Заполняйте, я пока найду программу. Какой зуб-то?

– Верхний правый клык, Татьяна Сергеевна. – Иногда Деньжинский умудрялся понимать намеки.

Таня привычно потянулась за диском «Зубы». Вставила в дисковод, краем глаза глянула на склонившегося над бумагами Николая Семеновича и вдруг открыла папку с программами, над которыми работала вчера. Чуть помедлила, затем улыбнулась, и если бы Деньжинский видел эту улыбку, он, пожалуй, предпочел бы обратиться к стоматологу.

– Все, готово? – спросила она.

– Да, вот, пожалуйста.

– Здесь вы забыли подпись поставить. – Таня протянула неподписанный документ. Деньжинский скривился, но подписал и даже буркнул что-то вроде «извините».

– Садитесь, – кивнула на специальное кресло Таня, – надевайте шлем. Дайте, я проверю... Да, все в порядке. Закачайте рукав. – Она достала из шкафа банку с прозрачной жидкостью и одноразовый шприц, привычно набрала полкубика жидкости и быстрым плавным движением сделала укол в предплечье. Бросив шприц в урну, вернулась к компьютеру и запустила программу.

– Это займет около пятнадцати минут, – проговорила Таня, вставая. – Результаты – в течение недели.

Был вторник.

В пятницу, встретив Таню в столовой, Деньжинский покровительственно улыбнулся и шепнул, наклонившись к ее уху:

– Растет, почти уже вырос... Спасибо вам, милая, выручили...

А утром в понедельник он в ярости ворвался в лабораторию.

– Что это такое! Что вы себе позояете!

Таня, сидевшая с Машкой на руках, недоуменно подняла брови, а Миша и Денис вытаращили глаза. Рот Деньжинского был закрыт высоко намотанным шарфом, что придавало речи странноватый акцент.

Из кабинета появилась Елена Витальевна:

– В чем дело, Николай Степанович?

– Я уам сейчас покау, в щем дело! – угрожающе произнес он, снимая шарф.

Изо рта торчал, мешая челюстям сомкнуться, огромный, сантиметра в полтора длиной, клык.

– Что это? – холодно поинтересовалась Елена Витальевна. – Вроде для Хеллоуина рановато?

– Хеллоуин? Рануоато? Да я... я вам покау «рануоато»!

– Елена Витальевна, – вмешалась Таня, – кажется, понимаю. В прошлый вторник Николай Степанович предложил себя в качестве добровольца для одного из наших экспериментов.

Похоже, что эксперимент не очень удачен, хотя результат неожиданный и любопытный. Необходимо задокументировать.

– Что значит неожиданный? – уже не так громко спросил Деньжинский, поняв, что его вопли никакого впечатления не производят.

– При опробовании новых технологий так иногда бывает, – пожала плечами Таня.

– Что значит – новых технологий? Уы же делали это множество раз.

– Мы же научно-исследовательская лаборатория, а не зубо-рачебный кабинет, – пожала плечами Елена Витальевна, – уж вы-то должны это понимать. Мы все время вносим коррективы, проверяем различные комбинации сигналов. В настоящее время пытаемся добиться большей скорости восстановления костных тканей. Я смотрю, нам это удалось, хотя и не без побочного эффекта.

– Поочного эуекта? – переспросил Деньжинский, с трудом стараясь придать себе грозный вид.

– Как видите. Впрочем, не переживайте. Мы понаблюдаем вас около месяца, после чего этот зуб можно будет удалить, а вам в порядке исключения вырастим новый – по прежней, проверенной технологии.

– Меяц?! Да я его заутра удалю!

– Простите, Николай Семенович, – Елена Витальевна приподняла брови, – это совершенно исключено. Вы же подписывали документы – значит, должны были читать. Нам необходимо исследовать данный побочный эффект. Разумеется, вы можете нарушить подписанное вами обязательство, не обращаясь же нам в суд, но вряд ли в этом случае мы сможем выделить время и средства на то, чтобы вырастить вам другой зуб. Да и ваше участие в дальнейших экспериментах будет, как понимаете, исключено. Что же касается бытовых сложностей, то вы не волнуйтесь – мы обеспечим жидкостную диету, если понадобится, будем вводить глюкозу внутривенно...

После того, как за рычащим и истекающим слюной Деньжинским захлопнулась дверь, Елена Витальевна уточнила:

- Он все подписал, что положено?
  - Да, – кивнула Таня. – Спасибо, Елена Витальевна.
  - Пожалуйста, – начальница развернулась, и, следуя в свой кабинет, бросила:
    - Только предупреждать же надо!
- Таня улыбнулась, поглаживая Машку между ушами. Черными ушами в мелкий белый горошек.

СЕМЕН КАМИНСКИЙ

ЧИСТАЯ ДУША

Вячеславу Павловичу так хотелось найти и крепко, навсегда, полюбить чистую душу – просто сил не было, как хотелось. И тут ему подвернулась Зиночка – случайно, совсем, случайно! – в компании у Гринбергов. Когда он пришел с «бутылью шампусика» (а вот и Вячик! да, это я, держите – итальянское!), Зиночка усердно помогала хозяйке расставлять большие сервизные тарелки на столе, и Вячик тут же обратил внимание на какой-то такой совсем беззащитный пробор в ее темных волосах и рассеянный, легонький, бледно-серый взгляд, почти всегда куда-то вниз.

«Она!» – екнуло у него... ну, где-то там, где всегда екает, когда... Короче, в конце вечеринки он стал активно пристраиваться к Зиночке, чтобы ее проводить, хотя такие решительные наступательные действия обычно давались ему с ба-а-льшим трудом. И пристроился, соврав, что живет «в той же стороне».

Пока ловили попутку на непривычно свободном ночном пространстве улицы Таких-то Героев, общаться было полегче – с помощью междометий и отрывков фраз (да-а, этот сейчас, наверно, проедет, не остановится, оу! эй! ну-ка! дядя, давай тормози, вот и отлично, пять, а за три? садитесь, Зина, вот сюда). В машине, на заднем сидении, стало гораздо труднее: общих тем оказалось крайне мало, то есть их не было вообще, и Зиночка отвечала так односложно, что и уцепиться было абсолютно не за что. Ну, сначала, конечно, про Гринбергов немного поговорили (а откуда вы их знаете, они просто замечательные, я – ста-

рый друг, а я – с Танюшей работаю, вместе в одном отделе, да что вы говорите, вот интересно). Потом стало совсем тяжело, Вячик даже ни с того, ни с сего в автобиографию ударился, а эта тема у него была совсем уж бесперспективная – институт почему-то горнорудный (почему, почему? – чтоб от армии откосить), потом – практика, работа, скоростная женитьба и такой же развод – сокурсница была симпатичная, ласковая, приезжая из Пригородного Района, она уже опять вышла замуж за их общего знакомого (стоп! обо всем этом вообще незачем сейчас распространяться). Зина смотрела как бы в окно... или мимо, не поймешь, дела были совсем плохи. Коленки, впрочем, очень симпатично выглядели у нее из-под черно-красного клетчатого пальто. А еще я люблю слушать музыку, умный западный рок, например, Pink Floyd или Led Zeppelin... нет, это все тоже мимо. А вот летом, прошлым, ездил со знакомыми в Приморское... там серьезно отравился, говорили, что сальмонелла, три недели в зачуханной больнице... друзья, гады, конечно уехали все домой, а его не выпускали из-за карантина, весь отпуск перес... простите, перегаженный, в полном смысле слова, эти лекарства, промывания, уколы, клизмы... боже, что это я?

Но вот тут Вячик неожиданно понял, что Зиночка внимательно его слушает, почти всем телом повернувшись к нему, и вполне определенный интерес появился в ее теперь уже сосредоточенных глазах... Да, решил продолжать он вдруг так заинтересовавшую ее тему, температура зашкаливает, духота, промывания желудка, знаете, теперь осложнение, сказали, может развиться, и уже развилось, надо лечить...

– Ай-ай-ай, – это Зиночка проговорила совершенно не смешливо, а серьезно, выразительно – и на продавленном заднем сидении старого «жигуля» стало гораздо уютнее. – А мы уже приехали. В этот двор, пожалуйста.

Зашли в парадное, Зина поднялась на первую ступеньку:

– Я в детстве, лет в пять, долго-долго болела дизентерией... ужас, – это звучало так, как будто это она все время рассказывала и продолжает рассказывать о себе, а не Вячик, выпадая из штанов, уже сорок минут пытается завести нормальный разгово-

вор. – Меня в изоляторе держали, без родителей, так обидно и горько, но совсем не плакалось... Мне туда книжки, игрушки, цветные карандаши носили, и я там целыми днями сидела на кровати, сейчас бы я, наверно, от такого свихнулась. Иногда эту самую кровать разбирать пыталась – шарики откручивала от спинки. Помню еще окно на пустую грустную улицу и молодого высокого врача в голубой шапочке и халате: он заходил по несколько раз в день, спрашивал о чем-то, шутил. Кто-то из медсестричек все повторял, что он, мол, в меня влюбился... я совсем не понимала, что это значит.

– А меня маленького часто оставляли у бабушки, там был старый большой двор, много детей. Они меня беспрерывно дразнили, потому что я тогда ходил в своих первых очках – коричневых, круглых, уродливых. Это потом, спустя много лет, круглые очки стали писком моды, потому что Джон Леннон в подобных ходил, а тогда... только выйдешь, уже вопят: «Четыре глаза! Четыре глаза!» Больше всего одна белобрысая девчонка старалась. Я отчаялся, не хотел ходить гулять, сидел безвылазно у бабушки на балконе, поглядывая во двор со второго этажа. Ну а через год увидел эту дуру... в очках с толстенными стеклами, и – честно! – так обрадовался, так обрадовался... Я знаю, что нехорошо этому радоваться, но вспоминаю об этом – и радуюсь. Даже вот сейчас радуюсь...

Вячик замолчал, Зиночка, как бы с пониманием, взяла его под руку, щечку к его плечу поближе придвинула, и они зашагали вверх по лестнице:

– У меня родители – военные... папа, то есть. Мы в этом городе только шесть лет, когда папа демобилизовался, а то по разным городам жили, и я всегда в разные школы ходила. Дети новичков не любят, сильно издеваются...

– И я... Я теперь в школе работаю, учителем, физику преподаю. Не мог найти работу по специальности, пристроили. Сначала так странно было, когда меня Вячеславом Павловичем называли, а потом привык... Только завуч достает, на уроки ко мне все ходит и ходит. Детки идиотничают, конечно, но что поделать, и к этому тоже привыкнуть можно. Но иногда думаешь:

зачем им эта физика, зачем это все?.. А родители твои... ваши сейчас дома? – опомнился Вячик, вдруг заметив, что они какое-то время уже стоят перед дверью.

– Что вы сказали? А... Не... Родители не здесь живут. Мы здесь с мужем живем, – Зиночка порылась в сумочке, добывая ключ, – он к Гринбергам не любит ходить, говорит, что они слишком сладенькие, сидит дома, какие-то поделки клепают. Спасибо вам большое, что проводили... Вячеслав. Вы обязательно должны лечиться, обещайте мне! Запускать всякие осложнения нельзя, нельзя...

Дверь открылась, мелькнули красные, под кирпич, обои прихожей, а потом, когда Зиночка повернулась к нему, – такой совсем беззащитный пробор в ее темных волосах и легонький, бледно-серый взгляд: сначала – быстро, прямо на него, и сразу – куда-то вниз... Вячик только что-то успел промычать в ответ – и дверь захлопнулась.

Больше Вячеслав Павлович к Гринбергам никогда не ходил: они приглашали, а он все отнекивался. Хотя Гринберги-то причем?

ПИЦЦА-ГЕРЛ

Сначала вместе с негромкой музыкой появлялась она – в черном трико, очаровательная, тоненькая, с большими накладными ресницами. Мелко, кокетливо дрожала руками-крылышками. Перелетала – «з-з-зи», «з-з-зи» – из одного угла в другой в неотлучно следовавшем за ней круге ласкового света. Потом пристраивалась где-нибудь, замирала. Руки превращались в лапки, и она начинала очень похоже перебирать ими, медленно поглядывая по сторонам. И неожиданно срывалась опять – «з-з-зи», «з-з-зи»! – с места на место, с места на место...

И тут из-за кулис выбирался он – в несурзном наряде, как-то боком, оглядываясь. Он тащил здоровенный, неровно оторванный кусок картонной упаковки, на котором виднелись остатки жирных надписей, что-то вроде «овать» и «ерх», и на-

рисованный раскрытый зонтик. Он укладывался прямо посередине сцены на этот картон, закрывал глаза – мол, наконец-то здесь, в уютном месте я отдохну. Но тут снова – «з-з-зи», «з-з-зи» – из одного угла в другой. Он ворочался, вытаскивал из-под себя картон, потешно накрывался им, но жужжание и полеты вокруг продолжались. Иногда она даже нахально присаживалась прямо на него и снова перебирала и перебирала лапками. Народ веселился. В конце концов, он поднимался, какое-то время очумело следил за непоседой, затем делал комически неудачные попытки прихлопнуть ее... и вдруг резко – бац! Кусок картона попадал по назначению – музыка обрывалась. Он осторожно подбирался к свернувшемуся тельцу, «отрывал» как бы прилипший картон, дергал за неподвижные крылышки-лапки. Потом, удовлетворенный собой, укладывался на излюбленное место, укрывшись все тем же картоном. Свет покидал его – в луче оставалась только поверженная проказница. Неровным дыханием несколько раз проявлялись и пропадали музыка и свет. Вот повисли, казалось, уже последние, почти неслышные аккорды. Тишина. Еще один слабый всплеск. Полная темнота и тишина...

Овация!

Багажник маленького горбатого «шевроле» отныне будет вечно пахнуть густым чесночно-сдобным запахом горячей пиццы. Да что там багажник – весь небогатый, бутылочного цвета салончик трехдверного автоуродца. Стоит только дернуть дверцу, бухнуться на проваленное водительское сидение – и от этого запаха так захочется есть, как будто бы ничего не ел целую неделю, хотя прошло всего полчаса после плотного обеда. Неудивительно, если запах останется с «шевроленком» даже на автомобильной свалке, которая все ближе и ближе подбирается к нему по ежедневным дорогам его долгой по автомобильным меркам жизни.

За три года службы у «Папы Савериос» красные плоские сумки с пиццей, прилежно сохраняющие тепло пахучего теста,

прятались в лоно машины невероятное число раз. А потом неслись привычным маршрутом дневных и вечерних улочек к закономерно нетерпеливому заказчику, одинаково истекающему слюной – что в отдельном собственном четырехспальном доме с гаражом на три машины и бассейном во дворе, что в малюсенькой однокомнатной студии, снятой в аренду.

Здесь на стенке крошечного вестибюля – панель с почтовыми ящиками и именами жильцов. Нужно осторожно освободить правую руку, чтобы нажать на белую прямоугольную кнопку звонка напротив фамилии «Луис» (такая фамилия стоит в бланке заказа). При этом постараться сохранить строго горизонтальное положение сумки с пиццей, поддерживая ее снизу левой рукой и несильно придавливая животом к стенке. «Доставлена пицца», – громко заявляет она в домофон, оживший каким-то невнятным возгласом. Замок жужжит, и все той же свободной рукой она нажимает на ручку двери. Пять ступенек вверх, две квартиры на площадке. Судя по номеру – налево. Дверь приоткрыта, и оттуда настороженно выглядывает чернокожая девочка лет пяти. Убедившись, что поднявшаяся по лестнице девушка одета в футболку и кепку со значком пиццерии, малышка весело, непрерывно кричит, не отводя взгляда от красной сумки: «Это пицца-герл, мам, это пицца-герл!» За ее спиной не спеша подплывает круглая мама с весьма большим дитятей на руках.

– Привет, мисс, – говорит она, улыбаясь, – отдайте пиццу ей, мисс, – и указывает головой на дочку.

– А ты удержишь?

Девочка протягивает обе руки и довольно долго стоит так, демонстрируя полную готовность к принятию груза, пока «пицца-герл» на весу расстегивает молнию сумки и достает картонную коробку. Тут же на волю со всей прытью выскакивает запах. Аккуратно ступая, малышка уносит пиццу в глубину квартиры (спасибо, спасибо!), а мамаша вытаскивает из кармана халата несколько помятых бумажек. Один доллар из них – за доставку.

После трех лет жизни в Чикаго он снял квартиру в Украинской Деревне – так называется весьма недешевый район недалеко от центра города. Название это сложилось исторически, и украинцев здесь обитает не так уж много, хотя попадаются улицы, где подряд расположены украинские магазины, булочные, офисы врачей и адвокатов, говорящих по-украински, компании по доставке посылок и денег в страны Восточной Европы. А рядом с домом, где он тогда снимал квартиру, стоит православная церквушка. Поп, правда, ни по-украински, ни по-русски говорить не умел, потому что родился в Америке, но происхождения был явно славянского, да и службу знал хорошо и по-нашему. Когда позднее они познакомились поближе, он даже стал приглашать батюшку к себе домой на беседу о душе и бутылку водки. Попа звали отцом Джозефом (то есть Иосифом), от приглашения поп никогда не отказывался, но от душевных разговоров они быстро переходили к прослушиванию «Пинк Флойд», и оба легко соглашались в том, что последние альбомы, записанные после ухода из группы бас-гитариста Вотерса, уже жалкое подобие великих записей, сделанных группой в семидесятых. И еще он помог отцу Джозефу улучшить церковный веб-сайт, а когда сайт повредили хакеры и всунули туда порнуху, смог все починить – не только убрал безобразие, но и поставил добавочную защиту.

Жить тут было неплохо, только обнаружилось, что когдаходишь в украинские магазины, лучше ничего не спрашивать у продавщиц по-русски, а так как украинского он не знал, то приходилось объясняться на английском. Конечно, если что-то спросишь на русском языке, не убьют и, возможно, даже нехотя проедят в ответ пять-шесть русских слов, но выражение лиц у продавщиц сразу же становится железобетонным, и смотрят они, отвечая, уже не на тебя, а в сторону.

Другое дело – на севере Чикаго, в еврейском районе улицы Девон («Диван» – так произносят это название американцы и с удовольствием повторяют наши, придавая чужому имени свой, иногда смешной, иногда пикантный смысл: «я был на Диване у своего лечащего врача» или «мы сегодня виделись с ней на Диване»). Так вот там, на улице Девон, чикагском варианте Брай-

тона, в русских магазинах говорят и по-русски, и по-украински, и по-белорусски, и на идиш... а иногда и по-грузински, по-армянски и по... лишь бы покупатель покупал, а подход к нему найдется.

Но зато в Украинской Деревне и вокруг этого района много баров, где играют местные рок-группы, и небольших ресторанов с самой разнообразной кухней. Можно было каждый вечер ходить в другой ресторан, и повторное посещение одного и того же места наступало не скоро, лишь бы деньги водились. Но водились они у него не всегда. Из компании он ушел – сидеть по восемь часов перед компьютером, почти не вставая с места, и делать бесконечные отчеты о продажах неизвестных, спрятанных под набором букв и цифр запчастей для бытовой техники, было тошно. Небольшой и смутный опыт работы, полученный на телестудии в некоем областном городе, где он миллион лет тому назад работал оператором, пригодился: теперь он мотался по свадьбам, снимал, монтировал фильмы, кое-как сводя концы с концами, ведь приходилось выплачивать кредиты за камеру и другую аппаратуру.

Летом ее место – на неудобном пластиковом стуле (он был когда-то белым), стоящем на тротуаре у входа в кухню пиццерии. Запах течет мимо нее, распространяется на всю улицу, настойчиво забираясь даже в те машины, что проезжают по дороге с плотно закрытыми окнами. Иногда заказов на доставку мало, и она подолгу сидит здесь в ожидании: слушает в наушниках музыку, разглядывает автомобильную стоянку перед пиццерией и соседними магазинами.

Рядом растет какой-то густой, на вид довольно экзотический куст, на одной из веточек которого примостился крупный зеленый богомол. Его почти не отличишь от ветки – ни по виду, ни по цвету. Он совершенно неподвижен, терпелив и, видимо, безмятежен. А ровно в полдень в пиццерию заходит китаец, похожий на богомола. Это владелец соседнего, тесного – в одну комнатку – магазинчика подержанных компьютерных игр. Китаец (ей почему-то хочется сказать «китайчик») – так она и на-

зывает его про себя) всегда одет в зеленую футболку или короткую салатную курточку и почти такого же цвета штаны. Он неизменно заказывает только один кусок пиццы – одного и того же сорта – и баночку лимонада. Хозяин пиццерии, индиец, увидев приближающегося к дверям китайца, сразу идет на кухню за куском пиццы, и когда китаец подходит к стойке, его уже ждут коричневый пакет с названием заведения и вспотевшая алюминиевая баночка. Но китаец, как бы не видя пакета и банки, всегда невозмутимо произносит одну и ту же фразу, выделяя числительные:

– Здравствуйте, могу я заказать один кусок пиццы с овощами и одну банку колы?

Индиец так же невозмутимо протягивает ему заказ, принимает деньги, дает сдачу – все это с точностью до малейшего движения повторяется каждый день.

Он жил в квартире, похожей на корабельный трюм, оказавшийся почему-то на втором этаже трехэтажной постройки начала двадцатого века. Странности начинались уже при входе в дом: дверь с улицы вела на узкую лестницу из когда-то полированного дерева, не совсем винтовую, но идущую полукругом. Углы на площадках между пролетами тоже были закруглены, а на певучих ступеньках уложен бордовый, ныне сильно вытертый ковер, с помощью складок хитроумно повторяющий повороты лестницы. Стены покрывали неровные, неопределенного цвета наросты краски, которые по чьему-то замыслу, видимо, должны были стильно изображать почетную древность этих стен. Затхлый воздух и мутные овальные светильники усиливали впечатление – все это действительно напоминало то ли внутренность башни маяка, то ли вход в какой-то большой, видавший виды корабль. Иногда даже казалось, что лестничные пролеты покачиваются на волнах... или это он сегодня слишком долго просидел в баре?

За дверью в его квартиру открывалось неширокое, но длинное пространство с темными деревянными балками на потолке, только условно, с помощью скудной мебели разделенное по на-

значению. Слева от входа без предупреждения начиналась кухня, имеющая небольшое оконце, а справа – некое подобие прихожей, переходящей в гостиную, которая в свою очередь не очень заметно перетекала в закуток спальни. В кухне находилась еще одна дверь; она выходила на заднюю, совсем уж неказистую лестничную клетку. По лестнице можно было спуститься в пустой, строго забетонированный внутренний дворик или подняться на плоскую крышу, откуда неожиданно отрывался восхитительный вид.

Ему нравилось это жилье странностью и тем, что оно стоило немного по сравнению с другими, нормальными квартирами по соседству. И еще – с крыши можно было снимать небоскребы. Это замечательно получалось на закате.

Во второй половине дня просыпается танцкласс, расположенный бок о бок с пиццерией. «Танцевальная студия Дороти» – с достоинством сообщает его вывеска, по-видимому, призванная пробуждать ассоциации с девочкой Дороти – героиней «Волшебника страны Оз» (той самой героиней, что у Волкова, в русском варианте этой сказки, зовут почему-то Элли), а также напоминать про летающие туфельки и другие чудеса. На стоянку и к дверям студии начинают прибывать машины с маленькими волшебницами танцевальной страны. Их привозят мамы. Мам, которые не работают и регулярно возят своих сыновей на тренировки и матчи по футболу, а также во всяческие другие спортивные секции и клубы, тут зовут «футбольными мамами». Ну, а этих, так же регулярно и преданно привозящих своих девчонок на танцы, она называет (опять же – про себя) «балетными мамами». Вот они – «балетные мамы» в растянутых футболках и шортах на необъятных задницах – бодро шествуют за своими чадами и исчезают в дверях волшебной страны.

Ей тоже очень хочется туда попасть, однако просто так заходить неловко. Но вот в один из дней индиец вдруг сообщает, что из волшебной страны поступил заказ на шесть большущих коробок пиццы – там справляют день рождения хозяйки. Она не

может доставить весь заказ сразу, перетаскивает коробки в два приема и только потом, отдышавшись и получив деньги, а также неплохие чаевые от «Дороти», рассматривает танцевальную студию. Правда, ничего особо интересного она не видит: всего лишь скучный пустой зал с зеркалами, в углу которого работники танцкласса уже начали разрезать на столах пищу.

Нужно уходить. Отразившись в зеркалах, пицца-герл застывает на секунду прямо посередине зала. И никакой музыки нет, но появляется она – очаровательная, тоненькая, с большими накладными ресницами, в черном трико. Мелко, кокетливо дрожит руками-крылышками. Перелетает – «з-з-зи», «з-з-зи» – из одного угла в другой. Потом пристраивается поближе к вкусному запаху, замирает. Руки превращаются в лапки, и она очень похоже перебирает ими, медленно поглядывая по сторонам. Но неожиданно срывается опять – «з-з-зи», «з-з-зи» – скорей к выходу! Увы, ей больше нельзя оставаться в волшебной стране – сейчас ее заметят. С парковки уже движутся сюда девчонки и их «балетные мамы».

Заказы на свадебную съемку искал Бронштейн, взяв на себя непростые труды общения с заказчиками и получения от них денег. Иногда Бронштейн приезжал в Украинскую Деревню на монтаж, в большом, но «убитом», как он сам говорил, «Понтиаке Бонневиле» двадцатилетней давности, с дипломатом из коричневой кожи под крокодила и в солидном твидовом пиджаке (даже в очень теплую погоду).

В боковом кармане пиджака находился измятый блокнот без обложки с желтыми отрывными страничками, на которых мелким-мелким бронштейновским почерком были записаны имена жениха и невесты, пап и мам, а также памятные даты и всякие другие вещи, важные для обязательного упоминания в титрах свадебного видео-шедевра.

А в крокодильем дипломате у Бронштейна всегда лежали бутерброд с сыром и яблоко – больше ничего. В начале 90-х годов во Львове Бронштейн побыл директором рекламной фирмы и от нервного напряжения, будучи человеком чувствительным,

сильно испортил себе желудок, увертываясь то от налоговой службы, то от бандитов. Поэтому теперь ни в закусовых, ни в ресторанах Бронштейн есть не мог. Во время монтажа Бронштейн вежливо просил чаю без кофеина и, тщательно пережевывая, поедал сначала бутерброд, а потом яблоко, разрезая его на кусочки.

Еще Бронштейн часто глотал «но-шпу», каждый раз перед приемом сокрушительно заглядывал в коробочку и пыхтел оттого, что количество таблеток быстро уменьшается. «Но-шпу» ему периодически привозили знакомые с Украины, так как в местных аптеках ее нет, а похожий американский препарат Бронштейн принимать ни за что не хотел, жалуясь, что после приема такого средства кружится голова и за руль не сядешь.

Конечно, в то время, когда партнеры по свадебному кинобизнесу сосредоточенно корпели перед мониторами в трюме гостиницы, их никто не видел, но зрелище это было забавное: «продюсер и режиссер» Бронштейн – в твидовом пиджаке, жуящее неизменное яблоко и поглощающее «но-шпу», и «оператор и монтажер», он же хозяин квартиры – с банкой пива, в выдавшей вида футболке с полустертой надписью на животе: «Это не пивной бочонок, это бак с горючим для секс-машины»...

К вечеру в пиццерию иногда приползает пожилая, совершенно опустившаяся особа, живущая где-то поблизости. Она пьяненько канючит, долго и настойчиво предлагая себя... за пиццу. Индиец сидит, уставившись в компьютер, или разговаривает по телефону, принимая заказы, и никак не реагирует на ее малопонятный клекот, но обычно не выдерживает повар Джоэл. Ему все слышно из кухни, и он выносит старой проститутке десятку, чтобы та могла купить себе что-нибудь поесть и убралась прочь.

Маленький повар, мексиканец Джоэл – большой умелец на все руки. Пользуясь тем, что Джоэл – нелегал, скаредный владелец пиццерии платит прекрасному повару меньше половины нормального жалования. Но Джоэл не только повар. Он ремонтирует машины, занимается на стройке, на уборку улиц и

стрижку травы, трудится в любом месте, где берут нелегальных иммигрантов. Впрочем, он не собирается навсегда оставаться в Штатах, но уже несколько лет зарабатывает здесь деньги. Джоэл почти не говорит по-английски, но с пицца-герл у него симпатия и доверительные отношения с помощью знаков и отдельных слов. Он показывает ей фотографии миниатюрной жены и детей, которые ждут его дома, в Мексике: все они – смуглые, с увесистыми пузиками и лоснящимися лицами, а сам Джоэл – зачем-то в высоких охотничьих сапогах и до смешного широкополой шляпе. Когда заказов на доставку нет, ей скучно сидеть без дела, и она помогает повару – раскатывает тесто, нарезает овощи, хотя индеец, конечно, ничего ей за это не платит. Однажды явившись на работу сильно выпивши, Джоэл с заговорщическим видом зовет ее на стоянку, где припаркован древний джип. Под половиком между передними и задними сидениями машины, в углублении пола, закрытом самодельным лючком, лежит множество увесистых пачек – заработок Джоэла бог знает за сколько времени. Положить деньги в банк он не может, потому что у него нет нормальных американских документов, да и немалые налоги придется платить, если объявить эту сумму официальным доходом. А в двухкомнатной квартире, которую Джоэл снимает вместе с пятеркой таких же, как он, нелегалов из Мексики, оставлять деньги нельзя ни в коем случае – им он не доверяет еще больше, чем банку. Так что единственным местом для хранения сбережений, как ни странно, является машина, которую он ставит на стоянку перед пиццерией. Благо, машины здесь воруют крайне редко, да и кто покусится на его облезлую развалюху. Понимая, что пьяному мексиканцу захотелось похвастать своим заработком и на трезвую голову он еще будет раскаиваться, что открыл перед пицца-герл свой главный секрет, она никогда не напоминает ему об этом.

Когда позвонил профессор, он монтировал свадьбу дочки русского владельца молочного завода. Заплатить обещали хорошо, и закончить работу надо было поскорее. Бронштейн мучился очередным «обострением» и не появлялся.

На мониторе толстуха-новобранная, отвернувшись от толпы гостей и уродливо открыв от натуги рот, швыряла за спину здоровенный букет цветов. Нужно было вставить какую-нибудь перебивку – чей-то короткий крупный план, допустим, молодого супруга-американца, чтобы спрятать ее перекошенную от усердия физиономию. Не отрываясь от кнопок, он невнимательно слушал профессора и сразу же безнадежно заскучал от медицинских терминов и витиеватых предложений. Так и не разобравшись, чего от него хотят, он буркнул: «Приезжайте» и продиктовал профессору свой адрес.

Неплохо было бы домонтировать эпизод до прихода профессора, но захотелось есть, и, не имея времени пойти в ближайший ресторанчик, он решил заказать пиццу по телефону. Пухлая желтая телефонная книга открылась на цветной рекламе «Папы Савериос».

Домофон отчего-то не работал. По звонку он открыл дверь и удивился, что разносчиком пиццы, вместо привычного в таких случаях шустрого мальчишки-старшеклассника, оказалась невысокая миловидная девушка. Он на мгновение замялся, а когда протянул деньги, то неловко уронил пару четвертных монет и чертыхнулся по-русски.

Она улыбнулась:

– Деньги через порог нельзя, – сказала она, продолжая держать коробку с пиццей в руках.

Он присел на корточки, чтобы подобрать монетки, но сообразив, что она сказала это тоже по-русски, тут же поднял голову:

– Наша?

– Наша, наша... Через порог нельзя – это к несчастью.

– Тогда входите.

Она переступила порог:

– Мне нужно ехать. Места у вас на улице не найти – я припарковала машину возле пожарного крана. Не хватало, чтобы полиция вкатила штраф – все, что за неделю заработала, погорит.

Она прошла в гостиную и, осмотревшись, не нашла ничего лучшего, как поставить коробку на угол стола, заставленного

компьютерами и монтажной аппаратурой. Он наконец-то отдал ей монеты.

– Спасибо... А это что?

Она показала на монитор, где повис в воздухе над головой новобрачной брошенный букет и сама новобрачная замерла, подняв размазанные в быстром движении руки.

– Свадьба.

– Ваша свадьба? Или вы снимаете свадьбы? – она жадно разглядывала технику на столе. – Какая у вас классная камера! Штуки на три потянет, наверное?

– Эта – побольше... А вы давно... возите?

– Уже три года почти.

– И почему такая работа? Можно ж найти получше?

– Наверно, можно, но мне такая нравится, – она заторопилась и перешла на английский: – Доброго вам вечера, спасибо, до свидания!

– Вам спасибо! – крикнул он вслед, подскочив к двери.

– А у вас... прикольная... футболка... – услышал он из-за поворота лестницы. На нем была та самая любимая домашняя футболка с фривольной надписью на животе.

Из окна он успел увидеть маленький зеленый «шевроле», улетающий в легкие сумерки Украинской Деревни.

Он едва успел проглотить кусок пиццы, как приехал профессор.

– Мне порекомендовал к вам обратиться Бронштейн, – первым делом заявил профессор, который профессором совсем не выглядел, и вообще никак не выглядел: смотришь на лицо – вроде видишь, а отвернулся – и уже не помнишь, какой он. – Бронштейн говорит, вы большой в этом деле специалист, – профессор кивнул на монитор, где по-прежнему тосковала застывшая новобрачная.

Он тоже кивнул, дожевывая пиццу.

– Так вот, дорогой мой, я предпочитаю овцу, – продолжал профессор.

Они стояли у стола, недалеко от пиццы. Садиться профессор не захотел, хотя в гостиной обитала парочка ушастых старо-

модных кресел (их кто-то за ненадобностью выставил на улицу недели три назад, и было грех не найти им лучшего пристанища).

– Какую овцу?

– Дорогой мой, – значительно продолжал гость, – некоторые любят свиней, но я предпочитаю овец. Согласитесь, – он безоговорочно согласился, – в моем случае, овца – это гораздо лучше. Жировой слой поменьше и мышечная... – многие слова профессора, как и в разговоре по телефону, создавали ощущение исключительно умных, но совершенно бессмысленных звуков.

Ему хотелось взять со стола еще кусок пиццы, но есть самому было как-то неудобно, а перебивать профессора и предлагать тому пиццу он не решился.

– Дорогой мой, – уже очень значительно продолжал профессор и неожиданно двумя пальцами ухватил со стола кусок пиццы, – я буду оперировать овцу через две недели в клинике Святого Френсиса, и вы, дорогой мой, должны это снимать... – Профессор резко задрал голову и точным движением погрузил пиццу в рот.

Теперь он тоже мог бы протянуть руку за пиццей, но вдруг до него дошло:

– Что я, профессор, должен снимать?

– Дорогой мой, вы должны снимать операцию. Хирургическую операцию на сердце овцы, – профессор вытер салфеткой губы. – Операцию, уникальную методику которой я разработал в России и, благодаря спонсорам, привез показывать американцам. Нельзя упустить ни одного момента из этой операции, понимаете, ни одного! Я провожу ее здесь специально для того, чтобы заснять весь процесс. Этот фильм – ваш фильм – мы используем для презентации потенциальным производителям моего сердечного стимулятора. Наш спонсор вам заплатит... сколько вы обычно берете за свадьбу? Он заплатит больше... Только вам будет нужен помощник – нужно снимать двумя камерами, с разных точек, и поставить в операционной дополни-

тельный свет. У вас же есть? Бронштейн сказал, что у вас все есть...

На следующий день он подъехал к «Папе Савериос» – адрес нашелся на той же, оставшейся открытой странице из телефонной книги.

Заказов на доставку еще не было ни одного: она сидела на стуле, слушала Beautiful Garbage¹ и воскликнула «хей!», удивившись его неожиданному появлению. Она решила, что он приехал купить пиццу.

– Нет, – сказал он, – я хочу предложить вам подработать. Мне нужен помощник, чтобы снимать несчастную овечку.

Джоэл, который через открытую дверь видел, как они разговаривали, не позволил ей помогать ему на кухне и целый день недовольно бурчал по-испански: «чика», «бонита», «вентозо» и еще бог весть что.

Ранним утром в назначенный день «шевроле» появился перед его домом. Ехать решили на нем. Несмотря на маленький размер, «горбун» для багажа был вместителен: задние сиденья легко опускались, таким образом, за спинами водителя и пассажира образовывалось весьма приличное пространство, а задняя дверца автомобильчика откидывалась вверх, открывая удобный доступ для погрузки и выгрузки. Хотя съемочное оборудование было упаковано в двух объемистых ящиках, они, к удивлению, легко поместились.

– Ваш транспорт, – одобрил он, устраиваясь на тесноватом пассажирском сидении, – для моего дела просто незаменим – все оборудование умещается, и бензину жрет мало... хотя сидеть здесь, конечно, ужасно неудобно – ноги совсем некуда деть...

– Это у вас ноги чересчур длинные выросли, – прыснула она, водрузила на нос лиловые солнцезащитные очки, и они отправились в путь.

¹ «Прекрасный мусор» – альбом американской рок-группы Garbage (по англ. «мусор»)

В больнице Святого Френсиса какие-то люди в зеленоватых одеждах помогли протащить ящики через многочисленные переходы и комнаты; потом операторам выдали такую же форму, защитные белые маски и смешные мешки для ног. Их предупредили, что в операционной им придется все время работать в масках. Но сначала они запечатлели двух очень похожих овечек, которые – каждая в отдельном чистом вольерчике – спокойно жевали что-то, еще, видимо, не подозревая о своей принадлежности к научной среде сразу двух великих держав.

– Какую из них вы оперируете сегодня? – спросил он у помощника профессора, сухонького неразговорчивого китайца, опять напомнившего ей знакомого богомола.

– Этот, – ткнул пальцем китаец. – А этот – запасной.

Операторы переглянулись: ишь как у них все поставлено – даже дублер есть.

Они установили камеры и свет в операционной, хотя света там вроде бы и своего хватало, но он сказал, что ему нужно все-таки иметь возможность точно осветить нужные участки. Одна камера должна была брать общие планы. Детали, ход операции он собирался снимать второй камерой – крупным планом, с руки. Она успела поснимать для пробы и той, и другой камерой. Все отлично получалось – такое было у нее качество: легко осваивать новое дело.

Долго ждали, пока привезут «больного», а когда привезли, обнаружилось, что овечка уже спит, вытянувшись на боку, прикрытая простыней под самое горло. Казалось, что на каталке лежит человек – подросток или взрослый небольшого роста. Даже выражение симпатичной, немного удивленной физиономии у овцы было совсем как у крепко спящего человека, и от всего этого им почему-то стало не по себе.

Съемка началась, и первые кадры успешно запечатлели подготовку к операции – стрижку шерсти на овечьей груди. Но когда профессор сделал первые разрезы и растянул мышцы, открывая доступ к бьющемуся сердцу, у главного оператора желудок подкатился к горлу и собрался вообще выйти наружу, угрожая серьезно помешать съемочному процессу... Вот где

пригодилась доблестная помощница, которая тут же заметила, что открытая часть лица над маской у главного оператора стала зеленее его костюма. Она забрала камеру из его рук и, как могла, храбро продолжила съемку, пока тот справился с собой в другом конце операционной, благо ему удалось скоро прийти в себя. Видимо, стыд показаться перед помощницей полным размазней помог быстрее справиться с приступом дурноты. А может, сработала профессиональная закалка – ведь во время многочисленных запечатленных его камерой свадебных торжеств некоторые сцены, особенно к концу застолья, тоже были достаточно противного свойства.

Он вернулся к камере, и картинка развороченных розовых тканей, желтоватого жирового слоя и крови воспринималась им теперь как нечто требующее только концентрации на компоновке кадра, фокусе и наличии нужного света. Так что далее все происходило в штатном режиме, по крайней мере, у съемочной группы. С медицинской точки зрения дело обстояло не так хорошо, точнее, совсем нехорошо. Хотя профессор и его помощники слаженно провели всю операцию, подсоединили, запустили вживленный стимулятор и аккуратно наложили швы, сердце у овечки неожиданно остановилось. С ней повозились еще какое-то время, но пробудить страдалицу науки так и не удалось. Китаец натянул простыню на голову овцы, ставшую внезапно неживым предметом, а профессор показал знаками, что это снимать не нужно. Впрочем, операторы и сами все уже поняли.

– Ну, и что теперь? – тревожно спросила она, когда они отъехали от больницы. – Переснимать?

– Нет, профессор сказал – монтировать, как будто все прошло нормально. Операционная и персонал (наш скромный гонорар – не в счет) стоят таких денег, что повторять операцию нет смысла. А такие мелкие (как он сказал) неприятности случаются, и для дальнейшего продвижения его идеи значения не имеют.

– А нам заплатят?

– Ну, это посмотрим после монтажа, – осторожно сказал он. – Вам я заплачу в любом случае, спасибо вам громаднейшее! Вы спасли меня от позора, вы – просто герой... героиня. И так все хорошо у вас получается! Послушайте, а может, нам это... отпраздновать завершение съемочного дня... вернее, перекусить где-нибудь и расслабиться?

– Ну, я не думаю, что смогу сегодня что-то есть, – сказала героиня, открывая окно и чуть наклоняя голову навстречу неосвежающему движению жаркого летнего воздуха.

Когда подъехали к его дому, она уверенно повторила, что в ресторан ни за что не пойдет, мол, ее мутит от запаха еды, но разгрузив съемочное барахло, они отправились в украинский магазин и накупили кучу снеди и выпивки. Она настолько похоже изобразила «западенский» говорок, что продавщица стала нахваливать какие-то особые пирожки свежей выпечки и что-то еще и еще – он не понимал и молча складывал в корзинку пакеты. Вся эта родная закуска вполне пришлась к месту, и гадкие впечатления прошедшего дня отступили, как только они устроились за шатким столиком в его кухне и выпили по первой. Правда, он чуть не ляпнул: «За упокой овечьей души», но вовремя споткнулся на слове «за» и выпалил банальное, но хотя бы невредное: «За наше творческое сотрудничество!» Водку она пила с задором и безостановочно что-то говорила:

– Кто придумывает эти дурацкие сюжеты, в которых мы играем свои глупые роли? Кто я теперь? Украинская дивчина, заблудившаяся в Америке? Водитель старенького «шевроле»? Фея из Волшебной Страны? Пицца-герл? Помощница оператора, снимающего сложную хирургическую операцию, которую на сердце овцы проводит русский профессор в чикагской больнице?.. Чушь! Какое плохое кино... И все новые и новые фальшивые, глупые роли... Впрочем, я люблю новые роли, старые мне продолжать неинтересно... А ты знаешь, кто я? Я вообще-то действительно артистка, когда-то даже играла в театре пантомимы. Знаешь, кого играла? Му-ху!.. Очень успешно изображала, представь себе. Я летала, летала – «зи, зи»... а

потом меня – хлоп! И нету! Нету меня, нету мухи... Убили муху. Что-то я под такой мухой... Ты меня нарочно напоил, да?

– Конечно, нарочно, – он потянулся к ней и осторожно убрал с ее лица растрепавшиеся волосы, – бедная ты моя, убитая мухачокотуха.

Ночью старый корабельный трюм жутко штормило. Все в нем качалось, стонало и скрипело – вот-вот рассыплется на мельчайшие детальки. Уже почти ничего не чувствовали горящие губы и влажные тела, но снова и снова накатывались гигантские, выпущенные на свободу волны глубоко запрятанных желаний, и, казалось, не будет им конца. Однако пришел самый высокий, самый девятый вал и конец, конечно же, наступил, потому что ничто не продолжается бесконечно. Даже тихая летняя ночь снаружи и безумный шторм внутри корабельного трюма на втором этаже странного дома, плывущего вместе с соседней церквушкой среди верениц спящих автомобилей по тесным улицам Украинской Деревни.

На рассвете они нацепили на себя какое-то подобие одежды, вылезли по задней лестнице на теплую, неостывшую за ночь крышу и, обнявшись, стали на краю. В небе еще висела сонная ночная дымка, но солнце уже пробовало царапать глаза бликами от окон и зеркальных стен небоскребов, сбившихся в кучу в центре Чикаго. Уставшие в долгом путешествии мореплаватели, щурясь, с тревогой и надеждой рассматривали этот скалистый берег нового городского дня...

– Послушай, а кто твои соседи... по кораблю? – спросила она, – я, наверно, очень громко орала?

– По-моему, не громко. По-моему, в самый раз, – довольно хмыльнулся он. – И вообще – пусть завидуют...

Вернувшись в дом, они мгновенно заснули, но спали недолго, потому что около девяти явился Бронштейн.

– Во-первых, я принес деньги за молочную свадьбу и аванс за овцу! – загрохотал он с порога. – Во-вторых, у меня готов план монтажа и сопроводительный текст профессора, переведенный на английский. Через три дня я назначил озвучивание:

этот текст за кадром будет читать моя знакомая американка, преподаватель из Трумэн Колледжа. Когда она приедет...

Тут Бронштейн уставился на появившуюся из района спальни знакомую футболку с надписью: «Это не пивной бочонок, это бак с горючим для секс-машины». Футболка сказала: «Здрасьте» и, приветливо улыбнувшись, проследовала в район кухни. При этом из-под футболки выглядывали такие потрясающие коленки, что продолжить инструкции Бронштейн не сумел.

– Опа-опа... опочки... – забормотал он, переведя круглые глаза на хозяина квартиры, – такие дела, дела такие... Значит, текст я тебе оставляю. И чеки. А ты монтируй, мон-ти-руй... До свидания! – это громко в сторону кухни, а потом снова тихонько: – Я испаряюсь.

И Бронштейн испарился.

Договорились, что она придет к нему вечером, после работы, но она не пришла. Он занялся монтажом овечьей операции, просидел допоздна и только утром сообразил, что ничего о ней не знает, кроме имени, даже на номер машины не обратил внимания. И где она живет, тоже неизвестно.

Она не приехала и на следующий день, и тогда он помчался в «Папа Савериос». Индиец неохотно прокаркал, что русская пицца-герл не появлялась уже несколько дней. Ни ее фамилией, ни адресом владелец пиццерии никогда не интересовался и платил ей наличными после каждого рабочего дня.

Пока шли попытки расспросить индийца, из двери кухни выглянул маленький повар, и вдруг показалось, что красноватое от кухонного жара – и вообще красноватое – лицо мексиканца плавится слезинками. Но лицо быстро исчезло, а индиец сообщил, что повар почти не говорит по-английски. Да и что важного этот мексиканец может знать?..

Через месяц на сдачу готового фильма профессор приехал с женой и меланхоличным спонсором по имени Илюша. Жена профессора разговаривала милым питерским говорком. Пока мужчины что-то обсуждали с Бронштейном, она успела осмо-

треть квартиру и затем участливо, но очень некстати спросила у хозяина:

– Вы, я вижу, живете по-холостяцки. Что ж так?

Фильм он запустил на самом большом мониторе. Уверенный, но малопонятный текст на английском языке шикарно звучал через колонки и придавал скучному действию профессиональный и глубоко научный характер. И хотя ощущение того, что на экране идет аккуратная разделка окровавленной туши в мясном отделе периодически настырно возвращалось к непосвященному Бронштейну, профессор остался очень доволен. А в конце, когда в кадре появилась беспечно жующая овечка, якобы успешно перенесшая тяжелую операцию (на самом деле это были съемки, сделанные в загончике еще до операции, да и вообще в фильм вошел тот эпизод, который запечатлел не покойную ныне страдальицу науки, а никогда не оперированную и поэтому совершенно не пострадавшую дублершу), профессор радостно толкнул локтем спонсора и совершенно искренне прогоготал:

– Смотрите, дорогой мой, Илья Эдуардович, вот она! Как жует, как жует! Продавать это надо быстрее, продавать.

И такова была сила искусства, что профессор в этот момент, похоже, сам забыл, как в действительности завершилась операция.

После того как гости ушли, они с Бронштейном еще долго сидели друг против друга в старых ушастых креслах. Допили все, что оставалось в доме, даже остатки какого-то жуткого кокосового ликера, неизвестно каким образом оказавшегося в одном из шкафчиков на кухне. И хотя у Бронштейна закончился жизненно важный запас таблеток, он стойко не покидал товарища.

– Ты не убивайся, – увещевал Бронштейн, постоянно делая массирующие движения рукой у себя под правым ребром, – а то на тебя смотреть... э-э... неприятно. Может, она еще появится. Бог знает, что у женщин на уме... Да, я забыл тебе сказать: за овцу расплатились сполна! Значит, бизнес у них идет-таки, хотя овца была того... запасная. Может, и тебе надо... завести запасную?

– Не появится, я знаю, что не появится, – мотал он головой, – и запасной такой нет и быть не может. Это было как штучный, неповторимый кадр, редкая операторская удача... Мелькнуло – и все, уже не повторится никогда, лови не лови. Просто ей нравится все время играть новые роли, старые ей продолжать неинтересно. Но как же я, кретин, не спросил ее адрес? Фамилию... Или хотя бы запомнил номер «шевроленка»... Меня теперь на улице от вида каждой маленькой зеленой машины будто током лупит. Я лихорадочно пытаюсь разглядеть, кто за рулем и...

Тут раздался зуммер дверного звонка.

– Ха, смотри, у тебя домофон починили! – Бронштейн встал и, подойдя к двери, нажал кнопку. – Хеллоу?

Домофон помолчал, а потом ехидно выдал по-русски:

– Пиццу заказывали?

Хозяин квартиры вскочил, заорал: «Заказывали, заказывали!» и, распахнув дверь, бросился мимо Бронштейна вниз по лестнице.

Бронштейн какое-то время вяло разглядывал опустевшую гостиную, открытую настежь дверь, черные прямоугольники мониторов, деревянные корабельные балки на потолке. Бронштейну подумалось, что все это здорово напоминает декорацию, сцену из пьесы, скорее всего, какого-нибудь современного зарубежного автора про их зарубежную жизнь. И еще ему подумалось, что жизнь эта уже не зарубежная, а теперь своя, его жизнь, и надо доиграть доверенную ему мизансцену. А так как другие персонажи на сцену не возвращались, Бронштейн вздохнул, решительно поднялся с кресла, поклонился, как зрителям, большому темному окну, выходящему в Украинскую Деревню, взял дипломат и стал спускаться к выходу.

Они стояли лицом к лицу на самом нижнем из поворотов лестницы. Она действительно держала в руках коробку пиццы, но не заказной, а замороженной, купленной где-то в супермаркете. Бронштейн хотел тихо пройти мимо, но вдруг услышал:

– Между прочим, она утверждает, что специально приехала сообщить тебе важную новость: сегодня в русской аптеке на Диване она видела «но-шпу» – завезли из России под видом пи-

щевой добавки. Так что ты теперь живешь!

– Да? – Бронштейн остановился и шутливо приосанился. Твидового пиджака на нем не было, но выглаженная белая рубашка с твердым воротником все еще напоминала ответственное прошлое. – Спасибо, друзья! Теперь я начну жить новой жизнью... Вот только выйду сначала на улицу, запишу, на всякий случай, номер маленького зеленого «шевроле».

ИГОРЬ ДЖЕРРИ КУРАС

БОРОДАЙСКИЙ БЕРЕГ

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

Когда я родился, мне, как это происходит со всеми, кто рождается, дали имя.

Имя было довольно случайным: никакого особого чувства к имени Игорь у моих родителей не было. Если бы обстоятельства позволили свободный выбор, меня, скорее всего, назвали бы Исааком, но обстоятельства этого никоим образом не позволяли, поэтому я и стал Игорем. Ну и ладненько.

Тридцать пять лет позже, жарким июньским днем, я сдавал экзамен на звание гражданина Соединенных Штатов.

Звездно-полосатое гражданство было уже почти в кармане: я успешно назвал фамилию первого президента и написал короткое предложение под диктовку. Экзаменатор был доволен моими знаниями истории и местного правописания. Оставались небольшие формальности.

– Игорь? – сказал он, глядя в мои бумаги, и задумался.

– Да... – неуверенно ответил я.

– А вам не приходило в голову... сменить имя? Поймите меня правильно – у вас замечательное имя, – но для Америки оно как-то... Только не обижайтесь, но, право, даже не знаю... Неужели вы будете и дальше жить с таким странным именем в нашей чудесной стране?

Признаться, за годы жизни в Америке я уже обратил внимание на то, что всякий раз, когда я подаю свою кредитную карту

в магазине, продавщицы неизменно восклицают: «Игорь?! Как здорово! У меня есть ручной скорпион, которого зовут Игорь! Какое милое имя!» Кроме того, мне уже надоело отвечать на стандартный вежливый вопрос: «Игор или Айгор?»... и вообще, почему бы и нет?

– Да, действительно. Теперь, когда вы сказали... Я не знаю... Может быть... Да...

– Вот-вот! И я об этом. Вам просто необходимо сменить имя!

Экзаменатор постучал карандашом о папку с моими бумагами. Призадумался.

– Формально, – начал он медленно, – вы можете сделать это прямо сейчас. На экзамене. – Он помолчал и веско добавил: – Бесплатно.

Будучи без пяти минут гражданином самой великой страны в мире, я уже прекрасно понимал значение слова «бесплатно». Какой же нормальный американец пропустит мимо себя хоть что-то бесплатное! Нет! Здесь меня не проведешь! Это я уже проходил!

– И какое у меня теперь будет имя? – воодушевился я.

Экзаменатор сощурил глаза, внимательно изучил мое лицо и уверенно произнес: «Jerry!»

Счастливый, я вышел в коридор, где меня ждала моя жена.

– Поздравь меня! Я теперь Jerry.

– Ты теперь – что? Дженни?

– Jerry! То есть, Джерри! Я сменил имя!

– Ты сошел с ума! Ты же даже не можешь теперь правильно произнести свое собственное имя! Послушай себя! Сумасшедший!

– Jerry, – как попугай повторил я и понял, что ни один из звуков этого имени не звучит в моем исполнении хоть как-то правдоподобно по-американски. Даже если дать скидку на бостонский акцент.

– Горе мое! Ну, если уж ты менял свое имя, неужели ты не мог выбрать себе что-то такое, что у тебя получалось бы правильно произнести?! Ну, хоть Том или Стив. Или, на худой конец, Роберт.

- А почему Роберт?
- В честь Шумана! – с вызовом съехидничала жена.
- Я расстроился.
- Мама, – позвонил я по телефону, – я сменил себе имя. Я теперь Jerry. Тебе нравится?
- А что, тебе так уж не подходило имя, которое тебе дала твоя несчастная мамочка? – вопросом на вопрос заинтересовалась мама.
- Мама, это было бесплатно, – попытался смягчить ситуацию я.
- Бесплатно! А если бы тебя бесплатно обозвали Адольфом, ты бы тоже согласился? – не унималась мама.
- Ты сравнила, мамочка! Адольф и Jerry – это совершенно разные имена!
- Джевви?
- Да нет! Джерри! Дже-рри!
- А, Джерри! Ну, так бы и говорил!
- Ну, я и говорю...
- Джерри, – повторила мама с недоверием, – какое-то собачье имя! Неужели нельзя было назваться человеческим именем? Джордж, например, – как Джордж Клуни. Он такой красивый мужчина... Отец! – услышал я мамин голос, направленный куда-то в обратную от трубки сторону. – Отец! Посмотри, что он сделал! Он сменил себе имя!
- Алло, – снял трубку отец. – Ты сменил себе имя? И как тебя теперь зовут, сынок?
- Jerry.
- Шевви?
- Нет! Джерри! Дже-рри!!!
- А как это будет по-русски?
- По-русски это будет Игорь.
- Ну, так и нормально! Так ведь и было?
- Я постучался обратно в кабинет.
- Простите. Я только, что сменил свое имя – и я хочу поменять его обратно
- Обратно? Но почему?

– Я не могу его... Я не могу его правильно произнести.

– Как это? Ну-ка скажите.

– Jerry.

– Мда... Не очень. Ну что же. Вот вам телефон. Это моя двоюродная сестра. Она логопед и специалист по проблемам речи. Возможно, она сможет вам как-то помочь. Она берет дорого, но успех гарантирует. За пару месяцев ежедневных занятий вы сможете правильно произносить свое имя. Ну, а если все же захотите поменять его на другое – или на свое старое – пожалуйста! Вот телефон моего двоюродного брата. Он известный юрист. Он вам все оформит. Но это уже, конечно, не бесплатно. Бесплатно уже нельзя. Закон не позволяет.

Я вышел из кабинета, бормоча что-то про сыр в мышеловке.

«Ну и черт с ним, – подумал я. – Не так много на свете людей, которые не могут произнести свое собственное имя! В этом даже что-то есть».

Что конкретно в этом есть, думать не хотелось.

ХОРОШИЙ БРАТ АВЕЛЬ

Александр был молодым красивым парнем из какой-то неведомой мне гватемальской деревушки. Каждый вечер, около восьми тридцати, он приходил со своим пылесосом на наш этаж и тщательно пылесосил даже самый последний закуток бесконечных кабинетных рядов. Его английский был почти несуществующим, но природная разговорчивость брала свое. Увидев меня, Александр всегда выключал свой пылесос и пытался общаться.

– Тебе повезло, что ты русский, Жерри, – говорил он частенько. – Вам, русским, легче. Русский язык – он, как английский. А вот испанский...

Тут он замолкал, грустнел, вздыхал, разводил руками:

– Испанский и английский – это два совершенно разных языка. Понимаешь?

Я грустнел, вздыхал и разводил руками вместе с ним, хотя не очень понимал своего везения. Александр рассказал мне про

то, как он нелегко, нелегально пробрался в Америку три года назад. С тех пор он каким-то образом легализовался и работал на четырех работах без выходных и отпусков. Алехандро копил деньги на счастливую жизнь. Это все, что он здесь делал.

Счастливая жизнь рисовалась просто. Он должен был заработать много-много денег, вернуться домой богатым человеком, и жениться на девочке, которая ждет его возвращения в неизвестной мне деревне.

– Вот она, моя Мирабелла! – гордился Алехандро, показывая мне фотографию.

На фотографии, вопреки ожиданию, обманчиво построенному на звонком имени, была не черноволосая испанская красавица, а вполне блеклая, совсем еще юная девушка-подросток. Мирабелла стояла в полный рост у выдавшего виды мопеда «Suzuki» – вполне американская девочка – в джинсах, кроссовках и белой футболке с блестящей надписью «bebe».

– Это я ее приодел, Жерри, – с гордостью водил пальцем по фото Алехандро. – Она из бедной семьи. Это дорогая одежда. Понимаешь?

– Сколько же ей лет? Она выглядит совсем молодой?

– Ей девятнадцать, – Алехандро делал два взмаха растопыренными ладонями, загибая большой палец правой руки при втором взмахе; улыбался. – Ей было шестнадцать, когда я уехал. Это любовь, Жерри. Понимаешь?

Я понимал. Я кивал головой. Я смотрел на фотографию.

– Она ездит на мопеде?

– Это брата. Я деньги послал – брат купил.

Из его рассказов я понял, что деньги, которые он здесь зарабатывает, – огромное состояние там, в гватемальской деревне.

– Когда я приеду домой, мы с Мирабеллой будем ездить в город, и там я куплю все билеты в кино – и они будут показывать только для нас двоих. Больше никто. Весь сеанс только для меня и моей Мирабеллы. Я был мальчик (Алехандро показывает рукой, каким он был маленьким мальчиком), и у нас с братом никогда не было денег ходить в кино. Мы залезали высоко на дерево (Алехандро показывает рукой высоко над головой) и

смотрели про вашу русскую войну (Александр стреляет из вообразаемого автомата, и кидает вообразаемую гранату куда-то в сторону кабинета моего начальника). Теперь мы будем одни: я и Мирабелла. Все кино. Понимаешь?

Разумеется, я понимал его. Что может быть плохого в такой жизни?

– Я посылаю им деньги каждую неделю. Американские доллары по проводам. И одежду тоже посылаю: маме, Мирабелле, брату. Мирабелла любит меня. Она ждет. У тебя есть дети? Я тоже буду отец, когда приеду богатый. Мои дети будут ходить в лучшую школу, и никому из них не надо будет работать на четырех работах без выходных. Понимаешь?

Мне нравился этот парень. Какая-то простая природная честность была в его лице. Что-то безвременное, общее для всех людей было в его мечте о счастливой жизни. Я радовался его появлению каждый вечер, и даже ловил себя на мысли, что с удовольствием жду его.

Я рассказал ему о своем городе, показывая фотографии на стенках своего маленького офиса. Несколько иллюстраций художественных работ менялись на моем компьютере: Пикассо, Эль Греко, Ботеро, Тиссо, Ренуар. Никого из этих художников Александр, конечно, не знал, и я с удовольствием отвечал ему на вопросы о том, почему нарисовано так, а не иначе. Особенно его заинтересовала картина Джеймса Тиссо «Каин и Авель».

– Почему они идут за руки? Это гей?

– Нет, Александр. Это братья. Каин и Авель. Ты, наверное, слышал про Каина, который убил своего брата Авеля? Нет? Странно.

И я, как мог, пересказал ему библейскую историю. История расстроила Александра.

– Получается, что из двух братьев один был хороший, а второй нет?

– Получается так.

– Хороший брат Авель, – произнес он задумчиво, а потом вдруг с жаром: – Это плохо, когда убиваешь брата. Понимаешь? Мама не сможет пережить. Это как сразу двух сыновей потерять. Это плохо, Жерри.

– Да уж чего хорошего, – согласился я.

Однажды Алехандро сказал, что увольняется через месяц.

– Я еду домой, Жерри! Я заработал достаточно, чтобы ехать жить дома! Я считаю дни на календаре, – Алехандро показал рукой в воздухе, как он вычеркивает дни из воображаемого календаря.

– Я рад за тебя, Алехандро! Очень рад!

В последний день перед увольнением я сделал необычный для себя поступок. Я пригласил его посидеть в соседний бар. Мы выпили мексиканское пиво «Dos Equis» и даже обнялись на прощание на парковке у бара. Вместо Алехандро пылесосить наш офис стал угрюмый бразилец с неприятным бельмом на глазу.

Прошло лет семь. Может больше. Я совершенно забыл про Алехандро и наши с ним беседы. Мало ли какие были у меня знакомые в этой непонятной и сумасшедшей стране! Даже привычный звук вечернего пылесоса не напоминал мне больше Алехандро. Да и людей, включающих этот пылесос, сменилось с тех пор два десятка. Разве всех упомнишь?

И вот однажды мне позвонили снизу. Кто-то ждал меня в проходной, и секьюрити попросило спуститься. Я вышел из лифта и огляделся вокруг. Никого из знакомых я не увидел. Я подошел к офицеру охраны, назвал свое имя, и он указал мне на человека в дорогом костюме, читающего «The Wall Street Journal» в одном из кресел для посетителей.

– Простите? А-а. Тут, видимо, какая-то ошибка. Мне сказали, что вы хотите меня видеть.

Человек поднялся мне навстречу, улыбнулся, протянул мне руку – и я узнал Алехандро! Да, несомненно, это был он!

– Привет! Удивлен? – сказал он, и я с изумлением обнаружил, что он говорит по-английски практически без акцента.

– Алехандро! С ума сойти! Какими судьбами?!

– Я теперь Алекс, – улыбнулся мужчина. – У меня своя инвестиционная компания в Нью-Йорке, – с гордостью добавил он. – Много воды утекло, Джерри. Очень много...

Я выписал ему временный пропуск, и мы поднялись в кафе на третьем этаже.

– Я не был уверен, работаешь ли ты по-прежнему здесь или перешел в другое место. Но вот оказался в Бостоне и решил попробовать. А ты здесь!

Я смотрел на него и не мог поверить тем изменениям, которые произошли с ним за эти годы.

– Я смотрю, Алекс, что у тебя все получилось! Все вышло, как ты хотел – ты теперь богатый. Ты, наверное, можешь и здесь купить все билеты на сеанс в кино для себя и... (я задумался на секунду, вспоминая) и Мирабеллы.

– Нет, Джерри. Все получилось не так, как я хотел. Совсем не так.

И он рассказал мне, как все было.

Вернувшись в свою деревню, Алехандро узнал, что его собственный брат уже больше года женат на Мирабелле. Маленький Хозе (Алекс показывает руками, какой маленький был Хозе, когда он вернулся) лежал в кровати, а потучневшая Мирабелла опасливо поглядывала то на мужа, то на внезапно приехавшего Алехандро. Что-то пыталась объяснить мать, но Алехандро не слышал, что она говорит. В доме была служанка – и вообще, по всему было видно, что семью вполне устраивало то, как складывались дела: Алехандро присылал деньги из Америки, и на эти деньги можно было вполне сносно жить. Поэтому никто и не сообщил Алехандро ни о свадьбе, ни о рождении ребенка.

В баре, куда Алехандро пошел запить свое горе, старик-никарагуанец достал откуда-то мачете – клинок с выпуклым лезвием – и положил его перед Алехандро.

– Послушай старика, Алехандро. Не будь посмешищем. Иди и убей брата. Зарежь его – будь мужчиной. Женщина слаба – оставь ее жить. А брата зарежь. Он украл у тебя то, что должно было быть твоим. Иди. Убей.

Алехандро выпил еще, щедро расплатился, взял клинок. Все, о чем мечталось столько лет, рухнуло. Люди, которых он любил, предали его. Он вошел в дом, достал клинок.

Закричала мать. Прижала к груди ребенка Мирабелла. Брат побледнел, шагнул навстречу.

– Убей меня, Алехандро, но не тронь ее. Убей меня и живи с ней. Давай только выйдем в поле. В поле пойдем, Алехандро. Здесь не надо. Я не хочу, чтобы она видела.

Алехандро в эту минуту очень хотелось убить брата, но он посмотрел на мать, и вспомнил про Каина на картинке. Алехандро прошел мимо брата, с силой вонзил мачете в стену комнаты, обернулся на пороге, сказал опешившим людям.

– Я – Авель. Хороший брат. Я больше сюда не вернусь.

И он ушел...

Приехав обратно в Америку, он решил жить здесь всегда. Деньги, накопленные на счастливую жизнь с Мирабеллой, он пустил на учебу. Сначала занимался английским, потом поступил в самый дешевый муниципальный колледж. Вечерами работал. Оказалось, что учиться ему легко. Все давалось с ходу, как бы само собой. Он получил грант на продолжение обучения. Закончил неплохой университет в штате Нью-Йорк. И вот теперь занимается инвестициями.

– Фирма у меня небольшая, но оборот у нас приличный. Есть перспективные клиенты. А у тебя как дела?

– Да так. Без особых изменений... Алекс, а что у тебя с личной жизнью?

– А личная тоже хорошо. Моя fiancé занимается с детьми, большими аутизмом. Детский психолог. У нас есть дочка. Почти год.

Алекс достал фотографию и показал мне. Смешная девочка в костюме зайца держала за руку высокую белокурую женщину.

– На Хеллоуин снял, – пояснил Алекс. – Это Джудди. Моя fiancé. А это, как ты понимаешь, моя дочь. Мирабелла.

Алекс помолчал несколько секунд, повернулся ко мне, сказал:

– Спасибо тебе, Джерри.

– За что? – удивился я.

– За Каина и Авеля. Спасибо.

– Ну, это не мне спасибо, – улыбнулся я. – Это ведь не я придумал.

– Не ты придумал, но ты рассказал, – рассмеялся Алекс.

Прощаясь, он дал мне свою карточку. Написал на ней домашний телефон.

– Звони, Джерри! Будешь в Нью-Йорке, заезжай. Поболтаемся по Манхэттену.

Я проводил его до дверей, и мы обнялись, как тогда, много лет назад.

– Заезжай и ты еще, когда будешь в Бостоне.

– Обязательно заеду.

Я поднялся к себе наверх. Сел у компьютера. Посмотрел на визитку. Под цветастым логотипом большими темно-синими буквами было написано: «ALEX ABEL: THE GOOD BROTHER, Inc».

БОРОДАЙСКИЙ БЕРЕГ

Они подсели ко мне в кафетерии Корпорации – бесцеремонно ворвались в мое полуденное одиночество.

Я жевал свой скучный бутерброд и напевал про себя какую-то незатейливую песенку без слов и без названия. Какое может быть название у песенки без слов?

Они подсели ко мне целой толпой с очевидным намерением что-то у меня узнать. Любопытство было написано на их лицах и общее коллективное возбуждение отчетливо проступало в их совместном порыве.

– Привет, Джерри! – наперебой замахали они руками.

– Да, да. Привет, – сказал я, и сделал вид, что подвинулся, хотя этого можно было и не делать, так как стол был громадным, округлым, пустым.

– Джерри! Ты должен рассудить наш спор. Тони утверждает, что знает русский.

– Тони знает русский?!

– Не торопись! Тони говорит, что знает русский, но мы не верим. Мы поспорили с ним на двадцатку, и нам нужно вывести его на чистую воду.

– И?

– Что значит “и”? Нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы ты поговорил с Тони по-русски. Сейчас он подойдет сюда, и ты задашь ему вопрос по-русски. Он этого не ожидает и, так как никакого русского, по нашим предположениям, Тони не знает, он сразу же сядет в лужу!

Вот как! Они хотят вывести Тони на чистую воду и, при этом, посадить его в лужу. Какой замечательный складывается, с позволения сказать, оксюморон.

Я представил себе толстого голого Тони, вымытого в чистой воде и затем посаженного в лужу, и картинка в моей голове получилась вполне достойная участия в выставке Дегенеративного искусства в Мюнхене 1937 года.

– Ну, что же. Черт с вами. Я поговорю с Тони.

– Вот, он идет! Он подходит сюда. Тихо! Сделайте умные лица.

Как будто возможно такое лицедейство!

– Привет, Тони! Как твои дела? Говорят, что ты понимаешь русский, – заинтересованно говорю я, привстав и пожав Тони руку.

– Бородайский берег! – отвечает Тони непринужденно. – Пушка!

Стол замирает в ожидании чуда.

– Ну, пушка, так пушка, Тони, – говорю я. – Честно тебе скажу: где-то в глубине души я надеялся, что ты знаешь русский. Мы могли бы с тобой травить анекдоты, промывать косточки начальству, обсуждать местных девчонок. Жалко, что это не так. Бородайский берег, конечно, сильно сказано, но русский ты ни фига не знаешь.

– Ухтарский привет! Я и не стараяна другажа бума!

– Другажа бума. Совсем другажа, Тони. И не говори. Я и сам так иногда думаю.

– Истрица старкин. Бородайский берег!

– Истрица-сестрица, а тебе не спится? Что там про Бородайский берег, Тони? Не боись, чувак. Я этим олухам тебя не выдам. Будешь ты с сегодняшнего дня официальным полиглотом.

И я перехожу на английский и говорю им, что да, как вы тут все видели, Тони говорит на хорошем русском. Небольшой акцент, конечно, есть, но, в общем и целом, – хороший литературный русский.

– Сейчас на таком литературном русском не все и в России говорить умеют, – добавляю я. – С таким русским Тони запросто мог бы быть, например, выбран в русскую Думу или вести какую-нибудь развлекательную передачу на русском телевидении.

Все немного смущены неожиданным поворотом событий, но показательное выступление Тони и моя на него реакция вполне убедительны и сомнения не вызывают.

Деньги отсчитываются на стол, и Тони засовывает в карман двадцать долларов.

Люди все еще возбужденно машут руками, но медленно расходятся.

В самом конце рабочего дня Тони навестил меня в моем закутке.

Для тех, кто не знает, скажу, что на стенках у меня висят фотографии каменных лошадей Клодта, колонна Монферрана, всадник Фальконе – все эти шедевры великих моих земляков, которыми я по праву горжусь.

Тони опасливо и недружелюбно косится на всадника работы Фальконе, потом на лошадей Клодта.

– Кони, это Тони, – говорю я про себя, а вслух вежливо улыбаюсь и предлагаю Тони сесть.

Он тяжело садится в пустое кресло для посетителей – я держу его здесь на случай гостей прямо под фотографией зеленоватого здания, выстроенного на берегу Невы еще одним моим знаменитым земляком – Франческо Бартоломео Растрелли.

– Спасибо тебе, – говорит Тони. – Если честно, я не ожидал, что ты мне поможешь. Вчера мы были в баре, и пили русскую водку. Не знаю почему, но я сказал им, что понимаю русский.

– Да нормально, Тони! Нет проблем. Всегда готовы помочь. Тони поерзал в кресле и достал две мятые пятерки.

– Это тебе. Твоя часть. Бери, бери! Все честно: тебе половина и мне половина.

Он тяжело встает, виновато улыбается и, слегка хлопнув меня по плечу, уходит.

Я разглаживаю мятые купюры и задумываюсь над случившимся.

Я знаю, где-то есть Бородайский берег: там живут счастливые люди-бородайцы, говорящие на странном языке, в котором любые звуки сами становятся осмысленными словами, складываются в строчки, рифмуются между собой. Там, на Бородайском берегу не бывает песен без слов и без названия.

Когда-нибудь мы все там встретимся.

МАСТЕР

Яша открыл мне дверь и с недоверием осмотрел меня с ног до головы. Он был старым парикмахером: сутуловатым, невысокого роста, с обиженной нижней губой. Над фалангами его цепких пальцев росли густые волосы, как будто они, спадая с головы какого-то постоянного клиента, припали к пальцам Яши и вот решили остаться навсегда.

Он работал на «кеш», то есть за наличные, и боялся, что кто-нибудь из завистливых русских соседей заложит его и, тогда придут люди в черных пальто и заберут его туда, откуда он уже не вернется.

Он усадил меня на стул, некогда бывший частью добротного гордого гарнитура, состоявшего из двенадцати стульев и одного, как написал бы Достоевский, круглого стола овальной формы. Но эта дружная гарнитурная семья растерялась по свету, и стул, став одиноким, каким-то образом прибил к Яше и остался жить у него.

Стул терпеливо скрипнул, жалуясь на свое очевидное одиночество в этой невзрачной квартирке на юго-западной окраине Бостона, и замолчал.

– Что мы будем делать с вашей головой, молодой человек? – Яша ошарашил меня анекдотичным местечковым акцентом, которому так легко подражать, забывая о том, что, подцепив его в детстве, как оспочку от ветрянки, человек уже несет его с собою через всю жизнь до самого конца.

Он погрузил свои пальцы в мою лохматую шевелюру, и вдруг изменился лицом: я сразу увидел это изменение лица в белесом пространстве зеркала напротив. Он как бы принюхивался к чему-то, приподняв голову вверх, сощурил глаза, сморщив седые брови, еще сильнее оттопырив обиженную нижнюю губу.

– А ведь я стриг вас раньше, молодой человек. Я таки не могу в этом даже сомневаться! – сказал он и отошел в сторону, чтобы внимательно посмотреть мне в глаза.

– Я не знаю, – честно признался я. – Здесь я у вас первый раз, это точно.

– Нет, не здесь! Там. Дома. Я точно работал с вашей головой, и вы даже можете со мной не затевать бессмысленный спор!

Я пожал плечами.

– Вы когда-нибудь были в Гомеле? – не унимался старик. – В Гомеле нет никого, кто бы не помнил Яшу, молодой человек! Я имел свой салон прямо на вокзале, и даже приезжие чиновники из Минска стриглись только у Яши! А почему? А потому, что Яков Соломонович Кацнельсон – это почти, как Яша Хейфец! Только тот пиликал своими пальцами на скрипочке, а Яша, которого вы сейчас видите в этом засранном мухами зеркале – делал такие прически, что люди спе-ци-ально приезжали к нему из Минска! Из Минска, молодой человек!

Я не знал, что сказать бесноватому старику. Я один раз действительно был в Гомеле, но вряд ли я стригся там. Я был в Гомеле два дня, чтобы познакомиться со своими родственниками, которых я не видел ни до, ни после. Станным образом, мне стало вдруг стыдно, что я так плохо относился к своим гомельским родственникам, что провел у них всего два дня, с трудом перенося их суетливую заботу. Они все были очень старые люди

и точно уж умерли. Я даже никогда не поинтересовался, живы ли они еще. Странно: меня никто не обвинял, но вдруг захотелось оправдываться.

– Нет. Я думаю, что вы ошиблись. Я никогда у вас не стригся.

– Он мне будет говорить! Это совершенно исключено! Я могу вам поклониться на что угодно. Вы просто не помните, что делали у меня прическу, но Яша не может ошибаться, потому что Яша мастер, – он показал мне свои руки. – Вы можете себе думать, что хотите, но эти руки помнят голову, которую они стригли! Чтобы вы, конечно, были здоровы, но если вы имеете такую память в таком возрасте, как у вас, какой же будет тогда цорес, когда вы станете старым и больным, как Яша? Хотя, конечно, кто же помнит на свою голову какого-то парикмахера? Азохен вей, Яков! Что ты о себе думаешь? Что ты – барон Ротшильд?

Яша явно во мне разочаровался, быстро сделал свою работу и с какой-то осторожной брезгливостью принял от меня деньги.

Я вышел в осенний Бостон. Тяжелые желтые листья покрывали трамвайное полотно. Озябшие студентки перетапывались в своих одинаковых замшевых сапожках и шмыгали красными носами. Они были похожи на маленьких птичек, которые жмутся друг к другу на проводах, явно уже сожалея о своем решении не лететь на юг.

Я шел вдоль трамвайной линии и вспомнил железнодорожное полотно. Утренний вокзал в Гомеле, бессонную ночь в плацкартном вагоне, запахи чужого города. Я вспомнил, как отразилось мое лицо в зеркальной витрине парикмахерской. Мои свалывшиеся растрепанные волосы, которые вряд ли вызовут одобрение моих престарелых местечковых родственников. Да! Я вспомнил! Все вдруг закружилось в моей голове, как при быстрой обратной перемотке фильма. Именно так! Утро, вокзал в Гомеле, мое серое лицо и свалывшиеся волосы: волосы человека, который провел бессонную ночь в плацкартном вагоне медленного пассажирского поезда!

Я вспомнил, я вспомнил, как неохотно повернулась в моей голове эта ленивая мысль о том, что нужно бы подстричься; что

нужно бы выглядеть аккуратно для этих стариков, которые провели детство с моим дедом! Я вспомнил, как открыл дверь со звоночком, и сутуловатый, невысокого роста мастер, повернувшись ко мне лицом, спросил: «Что мы будем делать с вашей головой, молодой человек?»

ИРИНА КАДИН

ГДЕ СТАРУШКИ ГОНЯЮТ НА МОТОРОЛЛЕРАХ

Я стояла возле здания банка в окружении десятка полицейских и никак не могла вспомнить, какого цвета была наша машина. И какой марки. И как выглядел мафиозо, похитивший моего мужа, тоже не помнила. Кажется, он был одет в полицейскую форму. А на муже была зеленая кепка... Или красная. Вспомнила! «Мерседес»! В фирме проката я расписалась на бланке, а там было слово: «Мерседес»...

Поначалу все гладко шло. Рейс без задержки, до центра добрались без единой пробки. Правда, когда цены за парковку увидели, настроение испортилось. Но решили, что за час обернемся. Мы действительно за час все пробежали. Чего там смотреть? Милан как Милан. Типовые голуби на площади, галерея с эксклюзивными бутиками... Муж сказал, на ГУМ похожа. Собор, как и положено, – в лесах. В майках внутрь не пускают, но нам и не надо: быстрее будет. Рванули назад – и никак не можем свой гараж найти. Их там десятки. Целый час прокрутились, хотя точно знали, что в минутах ходьбы от «Банка Коммерциале Итальяна». Тут полицейский подъехал. То есть, мы тогда думали, что он полицейский. Сказал, на машине мигом все гаражи объедет. Усадил мужа на переднее сиденье – и с концами. Похитил. Три часа назад. Я уже реветь начала. Хорошо, что группа полицейских мимо проходила. Полицейские, все женщины, внимательно слушали, сочувственно кивая. Потом спросили, не страшно ли жить в Израиле. До второй ли-

ванской войны оставался еще месяц, и я убежденно ответила, что совсем не страшно. Пусть приезжают и сами убедятся, какая замечательная страна наш Израиль. Вдохновленная приливом патриотизма, я даже на секунду забыла, что уже четвертый час стою в центре Милана без паспорта и мужа. Полицейские погладили меня по плечу и ушли, посоветовав обратиться в полицию. Я осталась ждать. Потом прибежал потный муж. Подвывая от радости, я припала к его плечу, а родимый припал к бутылке с водой, рассказывая в паузах, что «похититель» предложил разбить Милан на квадраты и прочесать все гаражи, начиная с северной окраины города. Муж с планом согласился: он всегда испытывал уважение к людям в форме. Первый гараж был совсем не похож на наш, но муж покорно пошел осматривать. Только показал «рэггу». Любой израильтянин с пеленок знает этот жест. Три пальца, сложенные щепоткой: подожди, мол, секундочку. А этот итальянец радостно помахал рукой и уехал. Наверное, как «ура, я нашел» перевел. С северной окраины муж добирался несколько часов. Шел, осторожно обходя полицейские заслоны, опасаясь, что отловят и опять куда-нибудь завезут. Заслонов было много: в Милане проходила демонстрация панков. По пути муж вспомнил название улицы, на которой мы оставили машину. Действительно, в трех минутах ходьбы от «Банка Итальяна».

Мне очень не хотелось оставлять только что найденного супруга, но и на итальянских панков было интересно посмотреть. И я снова побежала в центр. Панки оказались скучными: одеты в обычные майки и джинсы, вполне пристойные прически, даже без гребешков... Спокойно шли за грузовиком, неся черные и белые флаги. Многие обмахивались веерами. В кузове грузовика возле пары скелетов, скованных цепями, девушка подпиливала ногти. Скелеты раскачивались и постоянно выпадали из кузова, и девушке приходилось затягивать их обратно. В конце концов, я все-таки нашла панка с гребешком, но он был какой-то вялый: сидел на ступеньках перехода, тянул пиво и в демонстрации не участвовал. Мы решили, что осмотрели Милан достаточно, чтобы двигаться дальше.

Все дома на улице Диаз, что в провинции д'Иссео, были розового цвета, а наш – желтого. С хозяйкой дома мы долго переписывались по Интернету. «Дорогая Ла Мимоза... Я много лет страдаю от нарушения сна и аллергии на пыль и домашних животных. Поэтому меня сразу заинтересовало Ваше объявление “незабываемый отпуск... только здесь вы сможете обрести мир и покой... пасторальная атмосфера... вдали от шума... идеальная чистота... абсолютная тишина...” Скорее сообщите, куда перевести деньги». Плата за недельное пребывание была намного выше обычной, но я не торговалась: мне очень хотелось обрести, наконец, мир и покой. Позже я узнала, что хозяйку зовут Анжела, а «Ла Мимоза» – название апартаментов.

Квартира, которую мы сняли, и впрямь тянула на «апартаменты». Кухня, две спальни и три кошки. Живая Анжела, в отличие от Анжелы виртуальной, по-английски не говорила совсем. Но и так было видно, что мы ей доверия не внушаем, особенно муж, весь в грязных разводах после миланского похода. Все же она выдала нам связку ключей и ушла, взяв для успокоения дополнительный залог в двести евро. Мы выгребли из-под дивана мусор и кошек и принялись изучать развешанные на стенах инструкции. Тут в спальне зазвонил колокол.

Мы ринулись в комнату, закрыли окно. Тише не стало. Напротив нашего дома была церковь. С колокольной. Муж сказал, что бить в колокол – утомительная работа, и звонарь скоро устанет. Может, нам попался необыкновенно выносливый звонарь или итальянцы уже автоматизировали этот процесс, но через два часа, одурев от непрерывных бомов, мы отправились к соседям. Нас встретили очень приветливо, только не могли понять, чего от них хотят. Но с удовольствием пошли с нами к другим соседям.

От двора к двору наш эскорт постепенно увеличивался: к дому школьной учительницы английского языка мы подошли, окруженные целой группой диссидентов. Все спрашивали друг у друга: «Ду ю спик инглиш?» – и очень веселились. Правда, когда учительница перевела вопрос «Когда в Италии перестают бить в колокола?», смеяться перестали. И задумались. Кто-то

предположил, что в восемь вечера, кто-то дал девять тридцать, но поскольку уже была полночь, мы пожелали всем спокойной ночи и побежали звонить хозяйке: «Анжела! бом-бом... проблема!»

Анжела примчалась за считанные секунды и сразу стала искать, где горит. Я разъяренно замахала руками: «...каждые пятнадцать минут! Это, по-твоему, называется идеальное место для релаксации?» Анжела с ненавистью посмотрела на наши чемоданы и сказала: «Отель. Сейчас...» – «Нет, – сказала я. – Завтра. Мы съедем завтра, когда найдем новую квартиру – без звона».

Квартиру без звона мы решили искать в одном из самых туристических районов Италии – вокруг озера Гарда. На карте озеро было похоже на растекшуюся кляксу с хвостиком. Берега «кляксы» сплошь заставлены отелями и пансионатами. Через несколько часов поисков стало казаться, что мы попали в магазин итальянской мебели – приторно-красивой, громоздкой и вычурной... Дома, перевязанные гирляндами роз, разбухли от туристов и их вопивших на англо-немецко-французском детей. Мы посмотрели на скучную поверхность озера Гарда, чуть расшитую белыми корабликами, вспомнили виноградные поля провинции д'Исseo, наш желтый дом – и я вытащила мобильник. «Ладно, Анжела, мы остаемся. В конце концов, можно навалить на голову подушки... и купить затычки для ушей... Я даже согласна принять снотворное... хоть это и вредно. Но ты должна сделать нам скидку». Анжела выслушала мою тираду и холодно ответила: «но каписко». Невозможно? Почему «но каписко»? Каписко-каписко... А залог кто взял? Черт с ней, со скидкой. Но из дома я не тронусь.

Трубка снова выплюнула «но каписко» – и я от расстройства совсем потеряла голову. «Извини, я погорячилась... Но не можешь же ты выставить нас на улицу. В конце концов, мы компенсируем...» Анжела в третий раз произнесла «но каписко» и добавила: «хаус – о'кей?» Я вспомнила, что «но каписко» значит «не понимаю», и завопила: «хаус – о'кей, хаус – бэсэдэр гамур». И повесила трубку. Теперь можно было начать отдыхать.

Отдыхать мы начали в Вероне. По городу – группами и в одиночку – бродили гладиаторы в поисках клиентов. Туристов было много, но фотографироваться никто не желал. Я навела камеру на троицу в красных туниках, дремавшую на ступеньках «Макдональдса». Гладиаторы встрепенулись и потребовали два евро. Я помотала головой: меня интересует только здание. «Пинноккио, – сказал один из них. – У тебя нос уже стал длиннее моего». Евро гладиатор все же получил. За то, что вытащил из пыльного закутка моей памяти книжку в широкой картонной обложке с нарисованным на ней деревянным мальчиком и не-возможно красивой феей с голубыми волосами.

Если бы Ромео увидел, что туристы сделали со статуей его возлюбленной, он второй раз принял бы яд. Бронза на правой груди Джульетты полностью стерлась. И кто придумал, что для исполнения желаний надо погладить девушку по правой груди! Ужасная глупость, но и я (прости, друг Шекспир), отстояв длинную очередь из японских туристов, провела рукой по горячему от солнца металлу. Всего за несколько евро можно было почувствовать себя юной и желанной, выйдя на балкон Джульетты, но балкон пустовал. Зато к стене во дворике были приколоты тысячи записок с объяснениями в любви на всяческих языках. Везет же Натусику, которую так любит Олежик! И «Кусеньке» – вздоху чьей-то души. Я с надеждой покрутила в руках карандаш, но мой спутник по жизни не среагировал. Видимо я еще не дотягивала до вздоха его души. К тому же, он устал и хотел домой к кошкам.

Выехать из провинции д'Исseo оказалось намного проще, чем заехать. Мы долго блуждали по проселочным дорогам, и, когда, наконец, увидели заветную табличку, стало совсем темно. Оставалось найти нашу улицу. С картой, выданной нам Анжелой, это должно быть элементарно. Первый светофор направо, второй – налево, дальше все время прямо... Прямо стоял знак «проезд запрещен». Выбора у нас не было, и мы свернули налево. Улица все время сужалась и уходила круто вниз. Не улица, а винтовая лестница. Мы тихонечко поползли вниз, оставляя на стенах домов краску с боков нашего «мерседеса», – и очутились

в чем-то дворе. Из дома тут же выскочил хозяин в трусах и кепке, ужасно похожий на Фрунзика Мкртчяна. Я протянула ему карту и спросила, где мы, и где улица Диаз. Мкртчян отшвырнул карту и сердито ответил, что в д'Исseo нет улицы Диаз. И никогда не было. И никогда не будет.

Постеснявшись развернуться в чужом дворе, мы, продвигаясь по сантиметру, стали подниматься задним ходом. Взмокший муж глотал мат. Выбравшись, вернулись к въезду в город, свернулись с картой. Первый светофор направо, второй налево, «кирпич»... – и знакомый уже двор. Стараясь не впасть в панику от криков хозяина, мы, пятясь, снова выбрались на главную дорогу. Теперь мы будем умнее: от въезда первый поворот направо, второй – не налево, а прямо... Поначалу широкая «дорога прямо» коварно сузилась – и привела к дому противника улицы Диаз. Пробуя различные комбинации, мы совершили еще несколько попыток. Кажется, хозяин начал привыкать к тому, что среди ночи в его двор периодически въезжает красный «мерседес» с водителем, орущим «бляха муха».

Выкарабкавшись в очередной раз, мы провели совещание. Муж предложил заночевать во дворе у Мкртчяна. Я напомнила про голодных кошек и предложила вызвать полицию – пусть вывозят нас отсюда. Муж, вспомнив свой миланский опыт, от полиции категорически отказался. Оставался один выход – поехать «под кирпич». И через несколько сотен метров мы увидели Анжелин желтый дом.

На следующий день мы решили вернуться засветло, чтобы не будить Фрунзика Мкртчяна. К нашему удивлению, свой дом мы нашли очень быстро: первый светофор направо, второй – налево, дальше все время прямо. И никакого знака «проезд запрещен». Не было его и все последующие дни. Наверное, хозяин того двора выкопал.

Главным козырем поездки должна была стать Венеция. Даже муж, не терпевший длительных перемещений, согласился погнать наш «мерседес» за триста километров. Все-таки столько писателей и поэтов воспели этот прекрасный город! Ремарк, например, и ... Ремарк.

Венеция навалилась на нас пышным жарким телом, и сразу стало трудно дышать. Всего было «слишком». Раздувшиеся купола, картинно красивые башни, веера, карнавальные маски, еще карнавальные маски, шляпы с перьями... Длинные очереди перед входом в соборы, так что площадь Сан-Марко больше походила на луна-парк.

Сколько раз еще в Израиле я перекраивала этот день, стараясь всунуть в него побольше Венеции. Дворец Дожей и башня Кампаниэле – обязательно. Конечно же, мост Риальто, острова, как их там – Бурано-Мурано. И гондолы. Ах, эти гондолы, скользящие как мягкие тапочки – бесшумно, почти не тревожа воду. А сами гондольеры одеты в тельняшки и даже поют. «За такие деньги я сам тебе спою, – сказал муж, еще не оправившийся от платы за парковку в Милане. – Сто десять евро за полчаса! Кончай с этой ерундой...»

Но я не могла «кончать» и все переходила от гондолы к гондоле в надежде на чудо. И чудо произошло. «Девять евро! Саша, всего девять евро! Прыгай скорее, пока его не перехватили!»

Какой замечательный бескорыстный гондольер! И какое мягкое сиденье! Понятно, почему все знаменитые куртизанки только на гондолах и передвигались. С воды Венеция совсем иначе смотрелась. Мостики – выгнутые дугой, либо изломанные «домиком» – словно удивленно поднятые брови, дома, поросшие снизу зеленым мхом, как грибы. Вот почему гондольеры все время поют! Я бы тоже сейчас запела. Полчаса абсолютного счастья! За них и сто двадцать евро отдать не жалко...

Наш гид-гондольер прервал свой рассказ: «Мы сейчас плывем по малому кругу. Но если вот здесь повернуть направо – выйдет на пятнадцать минут дольше, не пожалеете. И недорого. Доплатите только тридцать евро. Всего – сто двадцать». Я несколько раз попробовала вычесть тридцать из ста двадцати. Девять не получалось никак.

«Какие сто двадцать? Ты же сказал – девять».

«Я сказал сто тридцать, – обиделся гондольер. – Но для вас я сделал скидку – до девяноста. А за девять евро даже чашку кофе не выпьешь».

Я посмотрела на лицо мужа и завопила: «Шеф, останови машину! Нам здесь выходить».

Кажется, наш гид остался недоволен. А, по-моему, неплохо: девять евро за три минуты.

Венеция в месте нашей высадки напоминала обычный итальянский город. Узкие улицы. Белье между домами. Как отсюда вернуться на площадь Сан-Марко? Впрочем, у меня появилась идея. Дойти, нет, лучше добежать, до остановки речного трамвайчика и поплыть на остров стеклодувов, он же входит в обязательную программу. А после острова – Дворец Дожей. Только надо быстрее, вон трамвайчик возле таблички «Мурано» вот-вот отчалил.

Бежать самой и подгонять мужа, волокущего сумки – не самое простое занятие. Но я справилась, и мы успели.

Первые полчаса я плыла спокойно. Потом заволновалась, не пропустили ли мы свою остановку. Я прошлась по кораблику, дергая за рукав то одного, то другого пассажира. «Мурано? Мурано?»

Пассажиры невнятно мычали и пожимали плечами. Может, я произношу это как-то не так. Ни на «Мурено», ни на «Мурёно» никто также не откликнулся. Черт побери, говорит здесь кто-нибудь по-английски? По-английски здесь не говорил никто, зато по-русски – сразу несколько человек. И мне объяснили, что кораблик идет в Лидо, где пляжи, и уже через сорок минут мы туда приплывем. А Мурано – совсем в другой стороне, туда идет номер 44, а это 43. До Лидо остановок больше не будет, только одна – по требованию. Я тут же бурно потребовала – и нас высадили.

Нас высадили на абсолютно пустынный берег – ни домов, ни лодок. Причал, сколоченный из пары досок, и навес. На доске – расписание. Ближайший рейс... в восемь часов вечера. Я заметалась по берегу: игра в Робинзона не входила в обязательную программу. Венеция, неосмотренная Венеция, до которой мы добирались три часа на машине, осталась там! А я здесь!

Муж моего отчаяния не разделял. Скорее выглядел обрадованным. Пристроился на скамейке, сбросил кроссовки и вытя-

нул ноги, постанывая от счастья. Но ему тут же пришлось подняться: к пристани подошел «внеплановый» трамвайчик.

Трамвайчик увозил нас в нужном направлении – к площади Сан-Марко. Муж дремал, привалившись к окну. Я скорбела вслух о таком дорогом потерянном времени. Скорбела, пока не обнаружила, что потеряно не только время. Все еще не веря в реальность, дрожащими руками перерыла кульки и кулечки. Куртки, сувениры... Не может этого быть. Заглянула под сиденье, обшарила мужа – и в третий раз за два часа взревела: «остановите машину». Корабль остановили. Капитан решил, что кто-то свалился в воду, и бросился доставать спасательный круг. Пассажиры, свесившись с борта, пытались понять, где утопающий. А я голосила так, как голоса только русские бабы из какой-нибудь рязанской области: «Сумка! Моя сумка!»

В сумке было все, без чего не может обойтись ни один нормальный человек: деньги-помада-паспорта-духи, водительские права, пудра и французская беличья кисточка для подводки глаз, из Еревана, теперь таких не делают. Я подскочила к капитану: «Умоляю... на том корабле... моя сумка... вы его еще сможете догнать... и по радиации тоже передайте... хотя бы документы – и кисточку...» Капитан никого догонять не стал. Но посоветовал поплыть в Лидо. В Лидо все корабли чистят, и есть шанс, что мою сумку найдут. Конечно, найдут. Только вернут ли? Этим итальянцам совершенно нельзя доверять. Кто у меня в Риме фотоаппарат прямо с шеи сорвал? Но мы все-таки поплыли в Лидо.

В Венеции билеты на речной трамвай стоят дорого. И контролеры постоянно шастают. К нам несколько раз подходили, но мы говорили, что едем за потерянной сумкой. Контролеры глядели на мое зареванное лицо – и охотно верили.

В Лидо нас уже ждал служащий пристани. С моей сумкой на плече. Я расцеловала спасителя и всех пассажиров в радиусе несколько метров. Пассажиры уклонились, а служащий – нет. Даже ответно чмокнул меня в щеку и спросил, откуда мы приехали, и не страшно ли жить в Израиле. До второй ливанской войны оставалось еще три недели, и я уверенно ответила, что

нет, совсем не страшно. Замечательная страна... пусть... в гости... и сам убедится...

И снова плыли мы к площади Сан-Марко. К нам подходили контролеры, но мы говорили, что возвращаемся с найденной сумкой. Контролеры глядели на мое счастливое лицо – и охотно верили.

Венеция уже закончила свой рабочий день. Ушли домой стеклодувы, закрылись для посетителей Дворец дождей и башня Кампаниэле, но волна туристов еще не схлынула, и оркестры на площади только настраивались ласкать слух посетителей кафе сладкой итальянской музыкой. Настроение у мужа портилось с каждой минутой. «Поедем домой, а? – запросился он, стараясь нарисовать перспективу порадужнее. – Вернемся пораньше, яичницу пожарим, поеди-и-м». Выторговав себе двадцать минут, я сказала «цыц» нывшему от перегрузки колену и ушла радоваться жизни, оставив мрачного мужа на паперти собора Святого Марка.

Возвращалась я несколько с опаской. Все-таки полтора часа – не двадцать минут. Но как можно было отойти от витрин с венецианским стеклом? Люстры, кичившиеся своими подвесками, удивленные кувшины, подмигивавшие витражи, лошади, конкурировавшие с рыбами по яркости красок... Каждое изделие кричало, притягивая взгляды и пытаясь отвлечь внимание от соседа. К моему удивлению, муж даже не заметил опоздания. Со счастливым видом он наблюдал, как голубь, волоча по земле хвост, словно плащ, нашептывает голубке нечто вроде: «Натусенька, твой Олежек тебя очень любит».

«Целый час он ее убалтывает, – сказал муж, гордясь мужской силой представителя своего пола, – я засекал».

Я не стала говорить мужу, что птичка напрасно старается. По распоряжению здешнего муниципалитета голубей на площади можно кормить только специальным кормом, в которое подмешивают вещество, лишаящее потомства.

Словно прочитав мои мысли, голубка шикнула на своего кавалера и засеменила прочь. «Олежек», впрочем, совсем не расстроился, а тут же принялся выковыривать из трещины в

асфальте застрявшее зерно. «И правильно, вот это по-нашему, по-мужски», – муж обрадовался еще больше. Венеция ему уже нравилась.

Утром последнего дня муж обнаружил в холодильнике нетронутые колбасу и два десятка яиц, купленных им в надежде на спокойные ужины перед телевизором, и поднял бунт. Хорошо, что я была готова к такому развитию событий и использовала отходной вариант: «Совсем недалеко, всего в пятнадцати километрах от нас (слышишь, Саша, всего в пят-над-ца-ти) – озеро Исseo. Посредине – ма-а-аленький островок с романтическим названием Монте Изола. А на нем – монастырь. Мы быстренько сплываем, пройдемся по острову, забежим в монастырь, а весь оставшийся день будем жарить яичницу с колбасой, что и положено делать людям, когда они попадают на неделю в Италию».

Услышав про любимое блюдо, муж утихомирился и дал погрузить себя в машину.

В отличие от озера Гарда, на нашем почти не было туристов. Туристам просто не хватило бы места: все заняли люди с длинными удочками и в кепках со встроенными вентиляторами на солнечных батарейках. Видимо, в озере водилась особо нервная рыба, ибо ловцы ежесекундно резко дергали удочки. Издали казалось, что все рыбаки страдают болезнью Паркинсона. Наш катер, долго фыркал у берега, распугивая рыболовам добычу, а потом, словно спохватившись, что опаздывает, помчался к острову, и уже через десять минут мы ступили на Монте Изола.

И тут же отскочили назад. Прямо на нас на мотороллере неслась женщина «золотого возраста». Лихо затормозив, старушка пристроила своего «коня» у тротуара и заковыляла к минимаркету. Мы сделали вторую попытку и опять отскочили, едва не сбитые уже целым отрядом старушек на ревущих мотороллерах.

Припарковавшись, отряд разделился. Часть бабушек направилась в минимаркет, часть – в расположенный рядом бакалейный магазин. Очевидно, на Монте Изола наступил час закупок. Остров оказался совсем не плоским, как я себе его предста-

вляла, а наоборот, многоэтажным. Скорее даже – небоскребным. Монастырь, который мы собирались осмотреть, занял последний «пентхаузный» этаж. Вместо улиц - очень крутые и высокие ступеньки. Преодолев три этажа, мы сдались и пошли искать остановку автобуса.

На острове был всего один автобус, следовавший по одному-единственному маршруту. Но, помня неудачный венецианский опыт, я решила не рисковать и спросила одну из пассажирок: «Довэ (где)?» – и указала пальцем в небо. Безмотороллерная старушка охотно отозвалась на мой вопрос, поименно перечислив все двадцать восемь остановок, на которых нам не надо выходить. Монастырь находился на конечной – «Курэ». Я понимающе кивнула, но моя собеседница не могла бросить дело на полпути. И потребовала, чтобы я повторяла за ней: «Сензано – но, Олзано – но, Сарзано – но, Сивиано – но, Порто – но, Парадисо – но... Курэ – баста! Си!»

Пока мы добрались до конца списка, автобус проехал одну остановку. Мой гид не могла этого не отметить. Пропустив оставшееся позади Сензано, старушка скороговоркой перечислила уже двадцать семь остановок и снова потребовала повторить. Старенький, с отдышкой автобус объезжал остров, то карабкаясь вверх, то бесстрашно устремляясь вниз. За окном мелькали красивые виды, тут бы достать кинокамеру, но времени на съемку у меня не было: «Массэ – но, Мензано – но... Курэ – баста. Си!»

На шестнадцатой остановке бабуля вышла, и я, облегченно вздохнув, потянулась за камерой. Но почувствовала, что меня трясут за плечо. Сидевший напротив нас старичок, приняв полномочия, пересел на место гида – и продолжил: «Песчиера – но...» Нужная нам Курэ, как и обещала старушка, была конечной, и мы ее не пропустили.

Монастырь – небольшое скромное строение на величественном постаменте зеленых деревьев. Тихо. Даже птицы чирикают только в случае крайней необходимости. Вот где можно обрести мир и покой! Но до мира и покоя еще надо было дойти. Полтора часа подъема по лесной дороге, иногда настолько кру-

той, что в ней вырубали ступеньки. Зато когда дойдешь... Хочешь, любуйся Альпами, а хочешь – крошечным, просто игрушечным островком посередине озера: десяток деревьев, цепляющихся друг за друга, чтобы не свалиться в воду, и большой дом. Или маленький дворец. Частный остров, никого туда не пускают.

Тишину разбили чьи-то вопли, и мы удивились, с чего монахи так разбушевались. Но оказалось, что это школьников привезли на экскурсию. Вокруг нас запрыгали молодые итальянцы, выкрикивая «парле ву франсэ». Судя по интонации деток, французы здесь особую симпатию не вызывали. Подошедшая учительница чуть умерила детский пыл, но интереса они к нам не потеряли. Я покачала головой: нет, мы не из Франции. Откуда? Поколебавшись (мне уже наскучило это «совсем не страшно... замечательная страна...»), я решила для разнообразия побыть испанкой. Выкрикнула «хабло эспаньол» и помчалась по тропинке вниз, пока не разоблачили.

Муж напомнил про обещанную яичницу. Непременно, яичницу, но не можем мы покинуть Монте Изола, не объехав его на велосипеде. Написано же в брошюре – «незабываемые впечатления». Хозяин бакалейной лавочки, он же владелец прокатного пункта, спросил, на сколько минут нам нужны велосипеды. Я прикинула: говорят, что этот остров – самый большой в Европе. Значит, трех часов хватит. Хозяин недоуменно поднял брови, но велосипеды выдал.

Почему все дороги в Италии такие коварные? Вот и эта – до поворота прямая и гладкая, а после совершенно распоясалась. Скачет вверх-вниз, словно угорелая. И в буграх, как в прыщах. Я себе все, что можно, отбила. Да, это вам не гондола. Куда на гору полезла? Муж сказал, что уже получил свою порцию незабываемых впечатлений, и подождет меня здесь, на травке. Я не могла отступить: раз в брошюре сказано – можно объехать, значит, можно. Наверно, за поворотом должен быть спуск. Какое-то время я еще крутила педали, потом пошла пешком, волоча за собой велосипед. Велосипед подниматься не хотел и больно лягался педалями.

Мимо проехал автобус со школьниками. Меня узнали и осви- стали. Ничего, спишем на Испанию. Вскоре я поняла, что еще немного – и я окажусь в положении отца Федора. Если уже не оказалась. Отцу Федору было легче: у него не было велосипеда. Спускалась я боком, как лыжник. Свои три часа я все-таки до- катала – по улице перед пунктом проката.

Анжела попрощалась с нами крайне сухо. Ее не смягчили даже оставленные в холодильнике два десятка яиц. Кошки, ко- торым досталась колбаса, выказывали большее радушие: тер- лись о ноги и наперебой приглашали приезжать еще.

Прошло полтора года. Я по-прежнему плохо сплю, часто во- рочаюсь с боку на бок, проклиная шум за окном. Когда исче- зает надежда на сон, прохожу в гостиную, ставлю в видеокассету с отснятым нами фильмом об Италии. Смотрю я всегда один и тот же эпизод: напротив желтого дома – церковь с колокольной, вызывающей что-то вроде «тарам-та-та-та, тарам-тарам...» Этот звон заглушает мои ноющие по ночам тре- воги, и я успокаиваюсь. А когда выключаю видео, понимаю, как у нас в Израиле тихо. Но если я засыпала под колокольный пе- резвон, то неужели не засну под крики «Ици-ик, Ици-ик, как дела-а»?

И я действительно засыпаю, задавая себе только один во- прос: когда в Италии перестают звонить колокола?

ЖИЛ-БЫЛ У БАБУШКИ...

Перед сном няня рассказывала Саше Тушкину сказки и пела пе- сенку про козлика:

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик...

Иногда в спальню заходил папа – пожелать Саше спокойной ночи – и, если попадал на «козлика», очень сердился: «Забиваете моему сыну мозги всякой ерундой. Ну кем может вырасти ребенок, если ему все время петь про неудачника!»

«Почему козлик – не-у-дач-ник?» – спрашивал Саша.

«Потому что его съели», – еще больше сердился папа и вручал няне книгу с «развивающими текстами». Няня послушно читала тексты, но Саше все равно больше нравилось про козлика...

Саша Тушкин не мог не писать. То есть сначала мог, а когда узнал, что настоящие писатели не могут не писать, почувствовал, что тоже не может. Правда, с фамилией ему не повезло. Он уже и палочку влево сдвигал, и правый хвостик от перекладины тянул вниз, насколько можно было, все равно учителя сразу проносили: «Тушкин». А одноклассники кричали: «Туша». Что было совсем несправедливым: Саша не был толстым. Ну, может быть, немного широкий и плоский. Но не «туша». И не «тушканчик». «Тушканчик» – это на уроках физкультуры: «Тушканчик, ты хорошо бегаешь, только у тебя уши тормозят!» Уши действительно были огромные и круглые, торчали перпендикулярно голове и еще постоянно горели, словно в них кто-то вставил красные лампочки. Как гирлянда. Уши мешали прославить фамилию, но Саша старался: каждую неделю отсылал рассказ в «Пионерскую Правду». Ответы приходили тоже регулярно, на красивых бланках: «Дорогой Саша, – весь текст был напечатан, а Сашино имя вписано прописью. – Дорогой Саша, нам очень понравился твой рассказ. К сожалению, у нас пока нет возможности его напечатать... но ты продолжай... советуем больше присматриваться к окружающим, к природе...» И Саша присматривался, несмотря на опасности. Учительница биологии один раз даже хлопнула его книжкой по голове, когда он присматривался, как она возле его парты поправляет чулки. С тех пор биологичка все время ставила ему тройки, а чулки поправляла возле парты Семенова. Мальчишки, почувствовав его взгляд, показывали дули, а девочки отворачивались. Единственная, кто позволяла к себе присматриваться, была тихая, прыщавая Соня. Соня не отворачивалась, только очень сильно краснела. Тушкин смотрел на Сонины пылающие щеки и чувствовал, что у нее с ним много общего.

После школы Саша окончил экономический институт, подшил уши и женился на Соне. Вместе с Соней в его квартиру переехала ее мама, Октябрина Ивановна. Теща, в прошлом учитель геометрии, выглядела составленной из половинок – из-за прямого пробора, раздвоенного подбородка и неизменного халата на молнии. Октябрина Ивановна строго следовала совету английской пословицы «яблоко по утрам, забудешь дорогу к докторам». Каждый плод перед съеданием рассекался на две равные части, и Тушкин потихоньку привык просыпаться от глухого удара ножа по кухонной доске: утро у Октябрины Ивановны начиналось в пять тридцать. Теща называла Сашу «Алик». Имя Октябрина тоже делила на две части, так что казалось, будто она икает. Присматриваться к теще было легко, но неприятно. Октябрина Ивановна была неряшливой и всюду оставляла свои волосы и зубочистки.

Саша продолжал отсылать рассказы в редакции. Соня бережно подшивала ответы в толстые папки: «Уважаемый товарищ Тушкин, нам очень понравился Ваш рассказ... к сожалению... нет возможности...» Первые двадцать лет Саша не переживал: многих известных литераторов тоже не сразу печатали... Еще двадцать лет прошли в терзаниях... Потом Саша не выдержал – и пошел к соседу, Борьке Пейтсу.

Больше всего на свете Борька любил лежать на диване, щелкать семечки и смотреть телевизор, все подряд. Когда у Борькиной жены кончались деньги, он садился к компьютеру и писал вирус. Вирус запускался в сеть, и уже через несколько часов Всемирная Паутина была парализована. Затем Борька писал антивирус, толкал его какой-нибудь солидной компьютерной фирме – и снова ложился на диван. ФБР, КГБ и Шабак безуспешно пытались найти преступника, но Борька не оставлял следов, а его вирусы были непотопляемы.

Залитый слезами Борька открыл Саше дверь.

– Проходи.

Саша слезам не удивился, но из вежливости спросил:

– Случилось чего?

Борька затрясся в рыданиях, указывая рукой на экран.

– Ты понимаешь, он ей говорит... а она ему... так трогательно-о-о...

Саша посмотрел на экран. Шла кулинарная передача, как делать ravioli. Тушкин встал между Борькой и экраном и закричал:

– Ты меня на компьютерные курсы посылал? Сайт свой сделать посоветовал? Две штуки баксов угрохал, а они все равно меня не читают!»

Борька, поднявшись на цыпочки, чтобы углядеть хоть часть экрана (Саша по-прежнему был широкий и плоский), спросил:

– Кто не читает?

– Да никто меня не читает, ни-кто понимаешь!

Борька попытался протиснуться между Тушкиным и телевизором.

– А как же на сайте «Огуречная муть», я сам читал отзывы, вот этот, как его, Задунайский конь писал: «...потрясающая проза, проникает глубоко внутрь и обволакивает, как овсяная каша». Потом еще Вася Пупкин тебя хвалил, и Сексуальная чертовка...

– Задунайский конь и Вася Пупкин – это Сонины ники, а Сексуальная чертовка – Октябрина Ивановна. А больше никто, никто... – У Саши на глазах тоже выступили слезы. – Конечно, была бы у меня фамилия Пушкин, тогда бы читали... Потому что бабы забили Интернет... Марья Монцова, Меллер, Ларисина тоже... Сидят на детективах! Ларисиной легко убивать, она мент. А если вокруг человека всю жизнь одни отчеты бух... бух... бухгалтерские-е-е... на чем ему интригу постро-о-о-ить?!

Борька обнял Сашу, положил его голову к себе на плечо. Теперь экран стал намного доступнее. Ravioli сменились программой «Суд идет», какая-то девушка убежденно говорила: «Все знали, что она ему изменяла, все!» Видно было, что свидетельница только что побывала в парикмахерской. Борька снова разволновался, и несколько минут соседи стояли, всхлипывая друг в друга. Потом Тушкин сказал глухо:

– Убери их!

– Убрать всех? – Борька испуганно покосился на присяжных заседателей на экране.

– Всех! Ларисину тоже... – Саша подвел Пейтса к компьютеру. – Действуй! Тебе вирус написать – как семечки. Пусть исчезнут. Все их тексты. И Ларисины тоже.

– А-а-а, – Борька облегченно вздохнул. – Это мы мигом, сейчас алгоритмик забахаем.

Борька сдул шелуху с клавиатуры и забарабанил по клавишам, не отрывая взгляда от телевизора.

– Тут надо обобщение правильное сделать. Где твои рассказы? Вот это? Птирилиц, икая, шел по лесу, жуя яблоко и роняя зубочистки... За его спиной горбился рюкзак... Так, понятненько...

Саша, сопя от волнения, следил за Борькиными руками, как больной следит за действиями хирурга. Судья на экране стукнул молотком по столу: «Судебное заседание окончено». Борька взял последний аккорд на клавиатуре.

– Готово! Ищи теперь свою Ларисину.

В ту же минуту из соседней комнаты донеслось:

«Папа-а-ааа, у меня Пушкин пропал!» Прибежала дочь Борьки Настя.

– Нам по внеклассному нужно куплет из «Евгения Онегина» прочитывать, любой, по выбору... А он вдруг исчез. И не находится...

– Во, видишь, дети пошли, ничего сами не могут, – Пейтс набрал в поисковике «Пушкин Евгений Онегин». Компьютер непривычно долго молчал, потом загудел, как испорченный пылесос, но все-таки выдал несколько строк: «Ресторан “Онегин”. Теперь Пушкина можно не только читать, но и есть! Для тех, кто понимает тонкость чувств – отбивная “Ленский”, незабываемый вкус!» Борька небожно ударил себя кулаком по лбу.

– Елки... это я Пушкина похерил? Как-то я про него не подумал...

Саша удивился:

– А Пушкина ты за что? Пушкин мне как раз не мешал.

Борька, прищурился, просмотрел текст написанной программы.

– Понимаешь, я там такую логику заложил... удалить все, что выше уровня Туш... ну неважно... Доча, что вам в прошлый раз задавали? «Анна на шее»? Как ты это пишешь? Чехав или Чехов?» Чеховых поисковик не нашел, а на запрос «Анна на шее» выдал:

Красивую шею, животик, и ниже...
Светланам и Аням оформят в «Престиже»!

– А от Достоевского что-нибудь осталось?

Саша потянул к себе клавиатуру, набрал: «Достоевский Федор Михалыч Идиот».

– Достоевский уцелел! Не, это песня какая-то, группы «Звери из будущего»:

Я как Федор Михалыч со своим Идиотом,
Я тебя разгадаю по первым трем нотам...

Но Борька уже снова уставился в экран телевизора. Саша потряс его за плечо.

– Пушкина ты, пожалуй, верни.

– Потом, потом, у меня сейчас «Давай поженимся»... Да верну я всех, за две недели никто твоего Пушкина искать не кинется... Так чувствительно... он ей сказал... а она ему...»

Через три месяца Тушкин снова постучался в Борькину квартиру.

– Не заперто, – прорыдали за дверью.

Когда Борька отсморкался, Тушкин бросил на журнальный столик пакет с чем-то прямоугольным.

– Вот, полюбуйся!

Борька с любопытством заглянул в пакет:

– Ух, книга! Сто лет не видел! Это что, снова начали выпускать?

– Ну да, ты же антивирус так и не выбрался сделать.

– И кого печатают?

Саша заволновался:

– Твой вирус не жрет, скотина, а я обязан оставить царапину на этой земле, понимаешь, обязан!

– Может лучше сына или дерево? Шучу-шучу, объясни толком...

– Чего ж тут непонятного. Твой вирус, его уже Идеальным Редактором обозвали. Издательства все, что им присылают, в сеть вываливают. И сутки ждут. Если вирус твою, скажем, повесть, уничтожил – значит, будут печатать. Причем, чем быстрее повесть исчезнет, тем она талантливее. Даже конкурсы на этом стали строить. И жюри не нужно. Время засекают... Вчера «Золотой Графоман» закончился: первое место – Ларисина, пятнадцать минут сорок секунд. Говорят, у твоего вируса безупречный литературный вкус.

Борька довольно усмехнулся

– Классный я алгоритм забахал, да? Все, что выше уровня Туш... в общем, неважно.

Саша вздохнул и сказал как-то тоскливо:

– Сегодня моя «Пупырчатая выпь» выходит. В семнадцать ноль-ноль. Соня сказала, лучший мой роман. И Октябрина Ивановна...

Борька участливо посмотрел на друга.

– Помочь?

Саша замотал головой

– Сам справлюсь... «Выпь» просто обязана исчезнуть... Разве что если уж совсем туго пойдет... Подтолкнешь... Ты приготовься... набросай там пока... «Пупырчатая выпь», запомнил? Только ее удалить, остальных не трогай. Там еще Хермонтов будет, с романом «Когда кошки чешут затылки», не перепутай, его тоже в семнадцать ноль-ноль вываливают...

Борька кивнул.

– Не бойсь, у меня ошибок не бывает.

Весь вечер Тушкин просидел, сжав руки и не отрываясь от компьютерного экрана, на котором зависло его произведение. У него даже голова разболелась от волнения. Соня принесла чай с бутербродами и шепотом сказала:

– Кажется, уже начинает исчезать... Видишь, тут «а» расплылось. И тут...

– Это я на экран плюнул, – обиженно сказал Тушкин. С отчаяньем откусил бутерброд, набрал Борькин номер, скомандовал: – Запускай!

Потом принял две таблетки снотворного и рухнул на кровать.

Спал Тушкин плохо, несмотря на снотворное. К тому же в середине ночи зазвонил телефон, и Борькин голос в трубке сказал что-то непонятное:

– Понимаешь, у меня там рекурсия вышла... И циклик лишний... Ну «Развод по-киевски» как раз шел... Он говорит... а она ему... Так трогательно-о-о... Промахнулся я чуть-чуть... Но пошину... Ты просил «равно», а получилось «меньше или равно» уровню Туш... ну неважно.

Утром Саша бросился к экрану. «Выпь» исчезла. Саша обрадовался – но тут же расстроился. Хермонтовские «Кошки» тоже пропали. Просил ведь не трогать! Теперь этого бездаря Хермонтова тоже напечатают. Потом Тушкин вспомнил ночной звонок... Проверил догадку... Точно! Исчезло все.

Исчезло постоянно всплывающее объявление «Кладбище “Правильный отдых“ приглашает всех желающих на день открытых дверей».

Исчезла реклама трусиков с надписью «Шеф, подними зарплату»...

Пропал призыв «Увеличим радиус своего обаяния: скажем НЕТ преждевременному семьяизвержению».

И программа передач «Диск-жокей Биг Пиг будет вас колбасить с 12.00»...

На сайте его друга поэта Усенина от стихов:

Поголяю с тобой до зари,
Развали ты меня, развали!

остался только восклицательный знак.

Интернет был пуст, как бывает пуст шумный и гомонящий восточный базар после закрытия. Кое-где оставались цифры, но какие бы ключевые слова Тушкин не набирал, поисковик выда-

вал только: «не найдено, проверьте написание...» И вместе с текстами исчезла Сашина мечта прославиться... Тушкин подумал о своем соседе: «Козел компьютерный! Козел! Коз-зел!» И от злости набрал слово «козел» на клавиатуре. На экране тотчас высветилось:

Детская песенка
Слова и музыка народные.

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик,
Вот как, вот как, серенький козлик,
Вот как, вот как, серенький козлик.

Уцелела песенка! Выстояла перед обоими Борькиными вирусами! Саша в волнении забегал по комнате, потом подпрыгнул, схватил инструменты и полез на крышу. Вернулся довольный и стал ждать.

Борька прибежал очень быстро.

– Да почию я тебе Пушкина, поставь на место спутниковую тарелку, я знаю, ты снял!

– Никого не надо возвращать, – Тушкин никогда в жизни не чувствовал себя так уверенно, – запустишь третий вирус. Но смотри, ошибешься...

Весь вечер Саша, счастливо улыбаясь, просидел за компьютером, придумывал все новые фразы. Борькин вирус работал безотказно. Какие бы ключевые слова не набирались, поисковик высвечивал на экране одно и то же:

Детская песенка
Слова Александра Тушкина.
Музыка народная.

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик.
Вот как, вот как, серенький козлик,
Вот как, вот как, серенький козлик.

Правда, перед народом было немного неудобно, но народ всегда поддерживал своих поэтов. Простит. К тому же Саша – тоже часть народа. Пусть даже широкая и плоская.

ЛЕОНИД ШИФМАН

КАНОНЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Шутки с салатом
До сеппуку доводят.
Так сказал сэнсэй.

Сейчас много рассуждают об эпохе истинных самураев. В этих разглагольствованиах явственно проглядывает ностальгия по тем, давно покинувшим нас временам, когда истинный дух самураев руководил поступками настоящих мужчин. Приключения, о котором я собираюсь вам поведать, как раз относится к тем прекрасным годам японской истории.

В часе ходьбы от Киото, в деревне Идзимо, проживал самурай Такеши Танида. Когда-то еще в годы ученичества Такеши его сэнсэй поведал, что путь к просветлению становится короче, если отказаться от употребления в пищу мяса. Такеши, всегда и во всем стремившийся быть лучшим, немедленно принял решение и дал обет никогда не есть мяса. Став вегетарианцем, он убедился в правоте сэнсэя и не жалел о данной клятве.

Прошло много лет. Такеши-сан давно утратил прежний лоск, борода наполовину поседела и почти отпала надобность в бритье головы. Много ратных подвигов совершил Такеши и пользовался неизменным уважением всей дружины. Но это никак не мешало другим самураям подшучивать над его вегетарианством. Надо ли говорить, что Такеши-сан твердо держался единожды выбранного пути?..

Как-то по случаю праздника они пировали в Киото. Саке удался на славу. Стол был завален яствами, чего там только не было, а Такеши принесли специально для него приготовленный салат. В разгар пира к тому времени уже состарившийся сэнсэй, сидевший за главным столом, захотел поговорить со своим любимым учеником и жестом подозвал Такеши.

Пока Такеши отсутствовал за столом, Сакагучи, главный заводила, подбил друзей на шутку, которую те под влиянием обильных возлияний (я уже говорил, что саке был хорош как никогда) тут же одобрили.

Спустя какое-то время Такеши вернулся на свое место и продолжил истребление салата, не забывая и о черном саке. Через пару минут он наконец обратил внимание, что пятнадцать пар пьяных глаз устремлены в его миску.

– В чем дело?

– Нет, нет, все в порядке, продолжай, – успокоил сидевший напротив Сакагучи.

Такеши пожал плечами, в полной тишине опустошил миску и сложил в нее палочки.

– И как тебе салат, Такеши-сан? – Сакагучи подмигнул остальным.

– Салат превосходен, только морская капуста немного горчит. Главное, что саке удался, – и он потянулся к кружке.

– Это не морская капуста горчит... Просто ты забыл вкус мяса. Пока ты беседовал с сэнсэем, мы тебе покрошили немного.

Когда до Такеши дошел смысл сказанного, он вскочил, схватившись за рукоятку меча, тщетно пытаясь вытащить его из ножен. То ли саке ударил ему в голову, то ли каноны просветления удержали его, но он бессильно рухнул на свое место. Несколько минут он просидел, молча уставившись в свою миску, а затем поднялся и, не сказав ни слова, нетвердой походкой покинул пиршество.

– Кажется, мы немного перебрали, – заявил Сакагучи, икая после каждого произнесенного слова. Теперь трудно судить к чему относилась эта фраза – то ли к шутке, то ли к саке.

Кое-как добравшись до дома, Такеши достал пергамент, перо и склянку чернил. Зажег свечу и при ее мерцающем свете принялся выводить иероглифы, то и дело норовившие залезть один на другого. Каллиграфия никогда не была его сильной стороной, к тому же выпитый sake все больше и больше давал о себе знать.

Записка получилась короткой и завершалась словами: «... и я поступлю, как должен поступить самурай, нарушивший клятву». Не иначе как под воздействием sake Такеши решил завершить записку красиво. Он вынул из ножен меч и, зажмурившись, провел мизинцем левой руки по его острому краю. Нужна-то была всего одна капля крови, чтобы изобразить два иероглифа его имени. То ли рука предательски дрогнула, то ли меч оказался чересчур острым, но пролилась кровь. Да так неудачно, что забрызгала пергамент. Кровавые подтеки украсили записку. Такеши взглянул на нее, но сил на переписывание у него не осталось. Он махнул рукой. Поставив подпись, Такеши подул на пораненный палец, а затем на записку. Когда она просохла, он сложил ее вчетверо и велел слуге отнести Сакагучи.

Еще минут десять он безуспешно пытался найти белое кимоно, пока не оставил это занятие, окончательно выбившись из сил.

Sake всегда славился способностью добывать из пьяных голов вполне трезвые мысли.

Такеши решил, что в таком состоянии он вряд ли сможет исполнить древний обряд как подобает. Надеюсь, вам ясно, что даже пустяковое отступление от правил в этом искусстве недопустимо для истинного самурая. И он не раздевшись рухнул на циновку.

Утром его растолкал Цукуда, ближайший друг Сакагучи, также присутствовавший на пиру. Такеши непонимающе смотрел на него.

– Сакагучи-сан сделал харакири.

– Сакагучи... сделал... харакири... – с трудом повторил Такеши, но смысл слов явно не доходил до него.

– Я как раз был у него, когда твой слуга принес записку. Увидев пятна крови, Сакагучи все понял, еще до того как прочитал ее. Но... Я вижу, что ты в полном здравии.

Только сейчас Такеши начал соображать и вспомнил все перипетии минувшего вечера. Вспомнил он и о своем намерении.

– Да, я еще жив. Вот только приду в себя и сделаю то, что должен сделать.

– Послушай, Такеши-сан, мне надо тебе кое-что сказать. Мы ведь вчера пошутили.

– И это была не самая удачная ваша шутка, но дело сделано. Я никого более не виню. Сакагучи поступил как истинный самурай.

– Нет, Такеши. Шутка состояла в другом. Мы не прикасались к твоему салату. Мы просто сговорились сказать, что подложили в него мясо, но мы не делали этого!

– Так значит я не нарушил обет... – лицо Такеши скривилось в подобии улыбки, но каноны просветления быстро исправили его.

ИСТОРИИ БРУКЛИНСКОГО МОСТА

Мое имя... Бернард Бишоп... Бернард Джеймс Бишоп. Шестьдесят восемь. Да, в Нью-Йорке, 3-я стрит. Что вы говорите? Я каждый вечер бываю там. Это мой бизнес. Вас это удивляет? А вам известна статистика, господин комиссар, мистер инспектор? Семь лет назад... Хорошо, не буду отвлекаться, господин комиссар, мистер инспектор. Я единственный свидетель. Да, он сиганул вниз по собственной воле. Рядом никого не было. Знаком. Патрик Уильямс. Мы познакомились неделю назад на Бруклинском мосту. Я же говорил, что бываю там каждый вечер... Это мой бизнес. Хорошо, потом. Да, он собирался броситься с моста. У меня уже большой опыт, господин комиссар, мистер инспектор. Я за милую душу их. Стоят у перил с закрытыми глазами и шевелят губами: то ли молитвы читают, то ли отсчитывают, сколько им жить осталось. У каждого свое. Но вот глаза закрывают почти все. Я читал... Что вы говорите? Хорошо. Спа-

сибо, я не курю. Никогда не курил. Когда Анни была... Простите, господин комиссар, мистер инспектор.

Да. Так на чем я остановился? Как? Да. Я незаметно подошел к нему. В тот вечер дул сильный пронизывающий ветер, конец октября все-таки. Так что это не составило большого труда. Я положил руку ему на плечо. Он вздрогнул и открыл глаза.

– Я хочу предложить вам нечто иное, молодой человек, – сказал я. Ему было чуть за сорок.

– Оставьте меня! Я вас не знаю и ни о чем не просил! – с раздражением ответил он и стряхнул мою руку.

Но, знаете, господин комиссар, мистер инспектор, все они поначалу хорохорятся. Но раз он начал говорить, пошел на контакт – считай, дело сделано. Я уже говорил, опыт у меня большой, семь лет как этим занимаюсь. Главное, в этот момент не отговаривать. Иначе точно сиганет вниз, мне же силой не удержать. Тут подход нужен. Я ему сказал:

– Это ваше решение. Считайте, что вы уже прыгнули вниз. Вас уже нет. Но... видите ли... мне нужна ваша помощь. Это займет всего несколько часов, а затем вы вернетесь сюда.

Я-то знаю, что за семь лет никто не вернулся.

Говорю все это тихим спокойным голосом. Никакого интереса к его персоне. Моя задача заинтриговать. Пробудить хоть каплю любопытства.

– У меня есть проблемы, и я уверен, что вы сможете мне помочь. Мне нужен ваш совет. Мне нужно поговорить с вами, только вы сможете меня понять.

И тому подобное.

Отказать в столь малом старику? Еще никто не осмелился. Живу я недалеко от моста. Небольшая пешая прогулка, и мы у меня дома. По дороге вру с три короба, вставить слово ему не даю. Мне принадлежит трехэтажный особняк, четырнадцать комнат. Когда-то там жили родители Анни... Что вы говорите? Нет. Я вместо привидений. Да. Нет, на ночь кофе не пью. Чай. Очень признателен, господин комиссар, мистер инспектор. Одну. Спасибо, не надо. Благодарю вас. Вы смотрите на часы? Простите, я продолжаю.

Итак, я привел его домой и сразу в бар. Это моя гордость. От французского коньяка еще никто не отказывался... Выпили, расслабились немного. Он ждет, что же будет дальше. А я не тороплюсь, мне ведь надо любопытство пробудить. Про это я, кажется, уже рассказывал? Представляюсь писателем. У меня творческий тупик. Исписался, в тираж вышел. Нет свежих идей.

– Ну а при чем тут я? – все как один задают этот вопрос. Уж не знаю почему.

– Понимаете, не бывает так, чтобы человек ни с того ни с сего отправился на Бруклинский мост. Наверняка, он находится на крутом вираже судьбы. Есть что-то, что довело его до отчаяния. Сюжет. Я ищу сюжет, хватающий за душу, леденящий кровь. Не отпускающий...

И так далее.

– Все, что я прошу – изложить свою историю. Письменно. Не умеете складно писать? Не страшно, вместе отредактируем. А потом свободны. Длинная история, говорите? Я никуда не спешу, вы, как я понимаю, тоже. Уютная комната, хорошая еда, французский коньяк. Все к вашим услугам.

Коньяк действует безотказно. Вот и Патрик Уильямс... Что вы говорите? С его слов, я документов не видел. Меня не волнует подлинность имен. Какая мне разница? Хорошо. Что? Бизнес? Можно еще чашечку? Спасибо, господин комиссар, мистер инспектор.

Да. Ну вы мужчина... Женские романы не читаете и слава богу! Но может, слышали об Элизабет Грипс? Или Шейле Гриншоу? Не важно... Это самые известные имена... А есть еще добрая сотня только в Америке. Представляете, обо всем уже написано, все сюжеты выдуманы. Остался лишь один пока не иссякший источник. Жизнь. Я не имею права называть имена моих клиентов, точнее клиенток (ведь все они женщины), но у меня их несколько десятков. Они покупают у меня сюжеты. Я не запрашиваю больших денег, предпочитаю иметь свой процент с продажи книг, и должен вам сказать, дела идут неплохо. Это бизнес. Да... На самом деле я одинок и не нуждаюсь в деньгах. Мне просто доставляет удовольствие, что мой бизнес работает!

Но у медали есть еще одна сторона. Вы снова смотрите на часы? Хорошо. Спасибо. Я постараюсь. Да.

Семь лет назад я наткнулся на статистику самоубийств в Нью-Йорке. Впечатляющая цифра. Но, представьте себе, больше половины самоубийц приходили за этим на Бруклинский мост. Причем каждый третий из них не был ньюйоркцем! Слава Бруклинского моста охватывала всю Америку! Даже нашлась пара норвежцев... А сейчас? Доля этого места составляет около пятнадцати процентов. Да. Я же не могу дежурить на мосту всю ночь? Есть часы «пик» – где-то с начала сумерек и часов до одиннадцати. Как? Хорошо.

Практически я усаживаю потенциальных самоубийц за письменный стол и заставляю немного поработать. Они мысленно переживают вновь и вновь свою жизнь, взвешивают, анализируют. Как умеют записывают на бумаге. Потом мы вместе редактируем. Но редактируем скорее не текст, а их жизнь. Как вы говорите? Да. Психология чистой воды. Психоанализ. Нет. Я бывший банковский служащий. Но всегда интересовался психологией. Знаете, в банке... Да-да, извините. Вот такой психоанализ.

Пару лет назад я обзавелся сайтом в Интернете. Сайт для самоубийц. Как лучше, как быстрее, что написать в предсмертной записке... И так далее. Ну что вы, господин комиссар, мистер инспектор. Если человек уже решил, то лучше облегчить его задачу. Опять-таки нельзя прямолинейно отговаривать. Я там раздел открыл, «Истории Бруклинского моста» называется. Я размещаю в нем лучшие истории из того, что пишут мои постояльцы, а их у меня иногда собирается несколько человек одновременно... Патрик Уильямс? Ах да. Патрик Уильямс... Странный тип. Я его раскусил на третий день, когда он показал мне свои записи. Вы читали Дороти Кэмпбелл «Фиолетовая любовь»? И не читайте! Совершенно серая вещь никому не известного автора. Этот ушлый малый своими словами пересказал историю главного героя этого, с позволения сказать, романа. Но со мной это не могло пройти. Нет такого романа, повести или рассказа о любви, которого бы я не прочитал, не систематизи-

ровал и не внес в свою картотеку. Я не подал виду, но стал соображать, зачем ему понадобилась эта ложь. Да. Мы уже у цели. Еще полчаса. Нет? Хорошо, господин комиссар, мистер инспектор. Пятнадцать минут. Десять.

У меня возникли три, простите, версии. Либо это шпион, посланный конкурентами, либо журналист, собирающий материал для очерка, либо бедняга, решивший немного пожить за мой счет.

Шпионов я не боюсь, ведь делаю благое дело. Если кто-нибудь хочет перенять мой опыт, я с удовольствием поделюсь им. Версия журналиста тоже выглядит неубедительно. Никто из этой братии никогда мною не интересовался. Я от них не скрываюсь. Оставалось третье. Не могу себе простить. Я должен был это предвидеть. Я неделю кормил и поил его, а потом поблагодарил и выставил за дверь. Обычно я предлагаю двести долларов в качестве гонорара за литературную работу. В этот момент о самоубийстве уже никто не помышляет, так что деньги принимают с радостью. Но Уильямс их не заслужил, и я не стал предлагать их ему. Старый осел, решил сэкономить... Что? Да, сегодня днем. А вечером... Как только он меня увидел – сразу и сиганул... Я ничего не успел сделать...

Да. Я закончил. Что? Но... Почему наручники, мистер комиссар, господин инспектор? Вы не верите мне... Что? Вы прочитали всю Дороти Кэмпбелл? Нет такого романа? Боже мой... Как все глупо.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

От составителя	5
Евгений Якубович ПРЕЗИДЕНТ И БАБОЧКА	6
Евгений Якубович ВОСКРЕСНЫЙ ПАПА	26
Юрий Лопотецкий РАСЩЕПЛЕНИЕ ГОРИЗОНТА	38
Юрий Лопотецкий ПРОФЕССИОНАЛ	60
Наталья Егорова КАК ТАПАЮТ МАНУ	77
Наталья Егорова УМНЫЙ ДОМ	91
Леонид Шустерман БОЛЬШИЕ ЧИСЛА	122
Юрий Нестеренко ШАБЛОН	136
Юрий Нестеренко ИСКУШЕНИЕ	157
Мара Будовская БАБУШКА И САМОРОДОК	184
Мара Будовская ШОКОЛАДНАЯ ГРУДЬ И ФИГУРА КОЗЛА	193
Изя Шлосберг ДВУХГОЛОВАЯ УЛИТКА	201
Эдуард Золоторевский ВАСИЛИСА, XXI ВЕК	234
Владимир Венгловский ДОРОГА К МОРЮ	251
Владимир Венгловский РЫЦАРИ ПЯТОГО КОРОЛЕВСТВА	269
Даниэль Васильев ОРУЖЕНОСЕЦ	286
Юлия Гофри ПОСТРОЕНИЕ	323
Юлия Гофри БЕЛАЯ КОШКА В ЧЕРНУЮ КЛЕТКУ	326
Семен Каминский ЧИСТАЯ ДУША	340
Семен Каминский ПИЦЦА-ГЕРЛ	343
Игорь Джерри Курас БОРОДАЙСКИЙ БЕРЕГ	365
Ирина Кадин ГДЕ СТАРУШКИ ГОНЯЮТ НА МОТОРОЛЛЕРАХ	381
Ирина Кадин ЖИЛ-БЫЛ У БАБУШКИ...	394
Леонид Шифман КАНОНЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ	404
Леонид Шифман ИСТОРИИ БРУКЛИНСКОГО МОСТА	407